

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
θ. М. Достоевскаго.
ТОМЪ ШЕСТОЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Идіотъ.

Романъ въ четырехъ частяхъ.

Бесплатное приложение къ журналу „НИВА“ на 1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКА.
1894.

Дозволено цензурою. СПБ. 16 сентября 1894 г.

109279

ИДІОТЪ*).

РОМАНЪ
ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТИХЪ.

Часть первая.

I.

Въ концѣ ноября, въ оттепель, часовъ въ девять утра, поѣздъ Петербургско-Варшавской желѣзной дороги на всѣхъ парахъ подходилъ къ Петербургу. Было такъ сыро и туманно, что насили разсвѣто; въ десяти шагахъ, вправо и влѣво отъ дороги, трудно было разглядѣть хоть что-нибудь изъ оконъ вагона. Изъ пассажировъ были и возвращавшіеся изъ-за границы; но болѣе были наполнены отдѣленія для третьяго класса, и все людомъ мелкимъ и дѣловымъ, не изъ очень далека. Всѣ, какъ водится, устали, у всѣхъ отяжелѣли за почь глаза, всѣ назяблились, всѣ лица были блѣдпо-желтые, подъ цвѣтъ тумана.

Въ одномъ изъ вагоновъ третьяго класса, съ разсвѣта, очутились другъ противъ друга, у самаго окна, два пассажира: оба люди молодые, оба почти налегкѣ, оба не щегольски одѣтые, оба съ довольно замѣчательными физиономіями, и оба пожелавши, наконецъ, войти другъ съ другомъ въ разговоръ. Если-бъ они оба знали одинъ про другого, чѣмъ они особенно въ эту минуту замѣчательны, то, конечно, подивились бы, что случай такъ странно по-

*) Въ первый разъ напечатанъ въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“ 1868 г.

садиль ихъ другъ противъ друга въ третьеклассномъ вагонѣ петербургско-варшавскаго поѣзда. Одинъ изъ нихъ былъ небольшого роста, лѣтъ двадцати семи, курчавый и почти черноволосый, съ сѣрыми маленькими, но огненными глазами. Носъ его былъ широкъ и сплюснутъ, лицо скучистое; тонкія губы безпрерывно складывались въ какую-то наглуя, насмѣшилую и даже злую улыбку; но лобъ его былъ высокъ и хорошо сформированъ и скривлялся неблагородно развитую нижнюю часть лица. Особенno примѣтна была въ этомъ лицѣ его мертвая блѣдность, придававшая всей физіономіи молодого человѣка изможденный видъ, несмотря на довольно крѣпкое сложеніе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то страстное, до страданія, не гармонировавшее съ пахалью и грубою улыбкой и съ рѣзкимъ, самодовольнымъ его взглядомъ. Онъ былъ тепло одѣтъ, въ широкій, мерлушечий, черный, крытый тулуpъ, и за ночь не зябъ, тогда какъ сосѣдъ его принужденъ былъ вынести на своей издрогшой спинѣ всю сладость сырой, ноябрьской русской ночи, къ которой, очевидно, былъ не приготовленъ. На немъ былъ довольно широкій и толстый плащъ безъ рукавовъ и съ огромнымъ капюшономъ, точь-въ-точь какъ употребляютъ часто дорожные, по зимамъ, гдѣ-нибудь далеко за границей, въ Швейцаріи или, напримѣръ, въ Сѣверной Италии, не разсчитывая, конечно, при этомъ и на такие концы по дорогѣ, какъ отъ Эйдкунена до Петербурга. Но, что годилось и вполнѣ удовлетворяло въ Италии, то оказалось не совсѣмъ пригоднымъ въ Россіи. Обладатель плаща съ капюшономъ былъ молодой человѣкъ, тоже лѣтъ двадцати шести или двадцати семи, роста немного выше средняго, очень блокуръ, густоволосъ, со впалыми щеками и съ легонькою, востренкою, почти совершенно блѣлою бородкой. Глаза его были больше, голубые и пристальные; во взглядѣ ихъ было что-то тихое, но тяжелое, что-то полное того странного выраженія, по которому некоторые угадываютъ съ первого взгляда въ субъектѣ падучую болѣзнь. Лицо молодого человѣка было, впрочемъ, пріятное, тонкое и сухое, по безцвѣтное, а теперь даже до-синя иззявшее. Въ рукахъ его болтался тощий узелокъ изъ старого, полинялого фуляра, заключавшій, кажется, все его дорожное достояніе. На ногахъ его были толстоподошвенные башмаки съ штиблетами,—все не по-русски. Черноволосый сосѣдъ въ крытомъ тулуpѣ все это разглядѣлъ, частью

отъ нечего дѣлать, и, наконецъ, спросилъ съ тою неделикатною усмѣшкой, въ которой такъ безцеремонио и небрежно выражается иногда людское удовольствіе при неудачахъ близняго:

— Зябко?

И повелъ плечами.

— Очень, отвѣтилъ сосѣдъ съ чрезвычайною готовностью, — и, замѣтите, это еще оттепель. Чтѣ-жъ, если бы морозъ? Я даже не думалъ, что у насъ такъ холодно. Отвыкъ.

— Изъ-за границы, что-ль?

— Да, изъ Швейцаріи.

— Фю! Экъ вѣдь васъ!..

Черноволосый просвистнулъ и захохоталъ.

Завязался разговоръ. Готовность блокураго молодого человѣка въ швейцарскомъ плащѣ отвѣтить на всѣ вопросы своего черномазаго сосѣда была удивительная и безъ всякаго подозрѣнія совершенной небрежности, неумѣстности и праздности иныхъ вопросовъ. Отвѣчая, онъ объявилъ, между прочимъ, что дѣйствительно долго не былъ въ Россіи, слишкомъ четыре года, что отправленъ былъ за границу по болѣзни, по какой-то странной первоначальной болѣзни, въ родѣ надуечей или Виттовой пляски, какихъ-то дрожаний и судорогъ. Слушая его, черномазый несколько разъ усмѣхался; особенно засмѣялся онъ, когда на вопросъ: „что же, вылѣчили?“ — блокурый отвѣчалъ, что „нѣть, не вылѣчили“.

— Хе! Денегъ что, должно-быть, даромъ переплатили, а мы-то имъ здѣсь вѣримъ, язвительно замѣтилъ черномазый.

— Истинная правда! ввязался въ разговоръ одинъ сидѣвшій рядомъ и дурно одѣтый господинъ, нечто въ родѣ закорузлаго въ подъячествѣ чиновника, лѣтъ сорока, сильнаго сложенія, съ краснымъ посомъ и угреватымъ лицомъ. — Истинная правда-сь, только всѣ русскія силы даромъ къ себѣ переводятъ!

— О, какъ вы въ моемъ случаѣ ошибаетесь! подхватилъ швейцарскій пациентъ, тихимъ и примиряющимъ голосомъ. — Конечно, я спорить не могу, потому что всего не знаю, но мой докторъ мнѣ изъ своихъ послѣднихъ еще на дорогу сюда далъ, да два почти года тамъ на свой счетъ содержалъ.

— Чтѣ-жъ, некому платить, что-ли, было? спросилъ черномазый.

— Да, господинъ Павлищевъ, который меня тамъ содержалъ, два года назадъ померъ; я писалъ потомъ сюда генеральшъ Епанчиной, моей дальней родственницѣ, но отвѣта не получиль. Такъ съ тѣмъ и пріѣхалъ.

— Куда же пріѣхали-то?

— То-есть, гдѣ остановлюсь?.. Да не знаю еще, право... такъ...

— Не рѣшились еще?

И оба слушателя снова захохотали.

— И небось въ этомъ узелкѣ вся ваша суть заключается? спросилъ черномазый.

— Объ закладъ готовъ биться, что такъ, подхватиль съ чрезвычайно довольнымъ видомъ красноносый чиновникъ, — и что дальнѣйшей поклажи въ багажныхъ вагонахъ не имѣется, хотя бѣдность и не порокъ, чего опять-таки нельзя не замѣтить.

Оказалось, что и это было такъ: бѣлокурый молодой человѣкъ тотчасъ же и съ необыкновенною поспѣшностью въ этомъ признался.

— Узелокъ вашъ все-таки имѣеть нѣкоторое значеніе, продолжалъ чиновникъ, когда нахохотались дѣ-сыта (замѣчательно, что и самъ обладатель узелка началъ, наконецъ, смыться, глядя на нихъ, что увеличивало ихъ веселость), — и хотя можно побиться, что въ немъ не заключается золотыхъ, заграничныхъ свертковъ съ наполеондорами и фридрихсдорами, ниже съ голландскими арабчиками, о чёмъ можно еще заключить, хотя бы только по штиблетамъ, облекающимъ иностранные башмаки ваши, но... если къ вашему узелку прибавить въ придачу такую будто бы родственницу, какъ, примѣрно, генеральша Епанчина, то и узелокъ приметъ нѣкоторое иное значеніе, разумѣется, въ томъ только случаѣ, если генеральша Епанчина вамъ дѣйствительно родственница, и вы не ошибаетесь, по разсѣянности... что очень и очень свойственно человѣку, ну хоть... отъ излишка воображенія.

— О, вы угадали опять, подхватиль бѣлокурый молодой человѣкъ, — вѣдь дѣйствительно почти ошибаюсь, то есть почти что не родственница; до того даже, что я, право, никакъ и не удивился тогда, что мнѣ туда не отвѣтили. Я такъ и ждалъ.

— Даромъ деньги на франкировку письма истратили. Гм!.. по крайней мѣрѣ, простодушны и искренни, а сіе похвально! Гм!.. генерала же Епанчина знаемъ-съ, соб-

— 7 —

ствено потому, что человѣкъ общеизвѣстный; да и по-
койнаго господина Павлищева, который васъ въ Швей-
царіи содержалъ, тоже знавали-съ, если только это былъ
Николай Андреевичъ Павлищевъ, потому что ихъ два
двоюродные брата. Другой доселѣ въ Крыму, а Николай
Андреевичъ, покойникъ, былъ человѣкъ почтенный и при-
связахъ, и четыре тысячи душъ въ свое время имѣли-съ...

— Точно такъ, его звали Николай Андреевичъ Па-
влищевъ.

И отвѣтивъ, молодой человѣкъ пристально и пытливо
оглядѣлъ господина всезнайку.

Эти господа всезнайки встрѣчаются иногда, даже до-
вольно часто, въ извѣстномъ общественномъ слоѣ. Они
все знаютъ, вся беспокойная пытливость ихъ ума и спо-
собности устремляются неудержимо въ одну сторону, ко-
нечно, за отсутствиемъ болѣе важныхъ жизненныхъ инте-
ресовъ и взглядовъ, какъ сказалъ бы современный мысли-
тель. Подъ словомъ „все знаютъ“ нужно разумѣть, впро-
чемъ, область довольно ограниченную: гдѣ служить та-
кой-то, съ кѣмъ онъ знакомъ, сколько у него состоянія,
гдѣ былъ губернаторомъ, на комъ женатъ, сколько взялъ
за женой, кто ему двоюроднымъ братомъ приходится, кто
троюроднымъ и т. д., и т. д., и все въ этомъ родѣ.
Большую частью эти всезнайки ходятъ съ ободранными
локтями и получаютъ по семнадцати рублей въ мѣсяцъ
жалованья. Люди, о которыхъ они знаютъ всю подногот-
ную, конечно, не придумали бы, какіе интересы руковод-
ствуютъ ими, а между тѣмъ многіе изъ нихъ этимъ зна-
ніемъ, равняющимся цѣлой наукѣ, положительно утѣшены,
достигаютъ самоуваженія и даже высшаго духовнаго до-
вольства. Да и наука соблазнительна. Я видаль ученыхъ,
литераторовъ, поэтовъ, политическихъ дѣятелей, обрѣтав-
шихъ и обрѣтшихъ въ этой же наукѣ свои высшія при-
миренія и цѣли, даже положительно только этимъ сдѣ-
лавшихъ карьеру.

Въ продолженіе всего этого разговора черномазый мо-
лодой человѣкъ зѣвалъ, смотрѣлъ безъ цѣли въ окно и
съ нетерпѣнiemъ ждалъ конца путешествія. Онъ былъ
какъ-то разсѣянъ, что-то очень разсѣянъ, чуть-ли не
встревоженъ, даже становился какъ-то страненъ: иной
разъ слушалъ и не слушалъ, глядѣлъ и не глядѣлъ,
смѣялся и подчасъ самъ не зналъ и не помнилъ, чemu
смѣялся.

— А позвольте, съ кѣиъ имью честь... обратился вдругъ угреватый господинъ къ Бѣлокурому молодому человѣку съ узелкомъ.

— Князь Левъ Николаевичъ Мыскинъ, отвѣчалъ тотъ съ полною и немедленною готовностью.

— Князь Мыскинъ? Левъ Николаевичъ? Не знаю-съ. Такъ что даже и не слыхиваль-съ, отвѣчать въ раздумыи чиновникъ.—То-есть я не обѣ имени, имя историческое, въ Карамзина исторіи найти можно и должно, я обѣ лицѣ-съ, да и князей Мыскиныхъ ужъ что-то нигдѣ не встрѣчается, даже и слухъ затихъ-съ.

— О, еще бы! тотчасъ же отвѣтилъ князь, — князей Мыскиныхъ теперь и совсѣмъ нѣтъ, кромѣ меня; мнѣ кажется, я послѣдний. А что касается до отцовъ и дѣдовъ, то они у пасъ и однодворцами бывали. Отецъ мой былъ, впрочемъ, арміи подпоручикъ, изъ юнкеровъ. Да вотъ не знаю, какимъ образомъ и генеральша Еланчина очутилась тоже изъ княженъ Мыскиныхъ, тоже послѣдняя въ своемъ родѣ...

— Хе-хе-хе! Послѣдняя въ своемъ родѣ! Хе-хе! Какъ это вы оборотили, захихикаль чиновникъ.

Усмѣхнулся тоже и черномазый. Бѣлокурый нѣсколько удивился, что ему удалось сказать, довольно впрочемъ плохой, каламбуръ.

— А представьте, я совсѣмъ не думая сказать, пояснилъ онъ, наконецъ, въ удивленіи.

— Да ужъ понятно-съ, понятно-съ, весело поддакнулъ чиновникъ.

— А что вы, князь, и наукамъ тамъ обучались, у профессора-то? спросилъ вдругъ черномазый.

— Да... учился...

— А я вотъ ничему никогда не обучался.

— Да вѣдь и я такъ кой-чему только, прибавилъ князь, чуть не въ извиненіе.—Меня по болѣзни не находили возможнымъ систематически учить.

— Рогожинихъ знаете? быстро спросилъ черномазый.

— Нѣтъ, не знаю, совсѣмъ. Я вѣдь въ Россіи очень мало кого зналъ. Это вы-то Рогожинъ?

— Да, я Рогожинъ, Пароенъ.

— Пароенъ? Да ужъ это не тѣхъ-ли самыхъ Рогожинихъ... началъ было съ усиленною важностью чиновникъ.

— Да, тѣхъ, тѣхъ самыхъ, быстро и съ невѣжливымъ нетерпѣніемъ перебилъ его черномазый, который вовсе,

вирочемъ, и не обращался ни разу къ угреватому чиновнику, а съ самаго начала говорилъ только одному князю.

— Да... какъ же это? удивился до столбняка и чуть не выпучилъ глаза чиновникъ, у котораго все лицо тотчасъ же стало складываться во чѣ-то благоговѣйное и нѣдобрѣстное, даже испуганное.—Это того самаго Семена Пареновича Рогожина, потомственнаго почетнаго гражданина, что съ мѣсяцъ назадъ тому помре и два съ половиной миллиона капиталу оставилъ?

— А ты откуда узналъ, что опять два съ половиной миллиона чистаго капиталу оставилъ? перебилъ черномазый, не удостоивъ и въ этотъ разъ взглянуть на чиновника.—Ишь вѣдь! (мигнулъ онъ на него князю) и что только имъ отъ этого толку, что они прихвостнями тотчасъ же лѣзутъ? А это правда, что вотъ родитель мой померъ, а я изъ Пскова черезъ мѣсяцъ чуть не безъ сапогъ домой ѿду. Ни братъ подлецъ, ни мать, ни денегъ, ни увѣдомленія,—ничего не прислали! Какъ собакъ! Въ горячкѣ въ Псковѣ весь мѣсяцъ пролежалъ!

— А теперь миллиончикъ слишкомъ разомъ получить приходится, и это по крайней мѣрѣ, о, Господи! всплеснуль руками чиновникъ.

— Ну, чего ему, скажите пожалуйста! раздражительно и злобно кивнуль на него опять Рогожинъ.—Вѣдь я тебѣ ни копейки не дамъ, хоть ты тутъ вверхъ ногами передо мной ходи.

— И буду, и буду ходить.

— Вишь! Да вѣдь не дамъ, не дамъ, хошь цѣлую недѣлю пляши!

— И не давай! Такъ мнѣ и надо; не давай! А я буду плясать. Жену, дѣтей малыхъ брошу, а передъ тобой буду плясать. Польсти, польсти!

— Тыфу тебя! сплюнуль черномазый.—Пять недѣль назадъ я вотъ какъ и вы, обратился онъ къ князю, — съ однимъ узелкомъ отъ родителя во Псковѣ убѣгъ, къ теткѣ; да въ горячкѣ тамъ и слегъ, а онъ безъ меня и помре. Кондрашка пришибъ. Вѣчная память покойнику, а чуть меевъ тогда до смерти не убилъ! Вѣрите-ли, князь, вотъ ей-Богу! Не увѣги я тогда, какъ разъ бы убилъ.

— Вы его чѣмъ-нибудь разсердили? отозвался князь, съ иѣкоторымъ особеннымъ любопытствомъ разматривая миллионера въ тулузѣ.

Но хотя и могло быть нѣчто достопримѣчательное соб-

ствено въ миллионъ и въ полученіи наслѣдства, князя удивило и заинтересовало и еще что-то другое; да и Рогожинъ самъ почему-то охотно взялъ князя въ свои собесѣдники, хотя въ собесѣдничествѣ нуждался, казалось, болѣе механически, чѣмъ нравственно; какъ-то болѣе отъ разсѣянности, чѣмъ отъ простосердечія; отъ тревоги, отъ волненія, чтобы только глядѣть на кого-нибудь и о чѣмъ-нибудь языкомъ колотить. Казалось, что онъ до сихъ поръ въ горячкѣ, и ужъ, по крайней мѣрѣ, въ лихорадкѣ. Что же касается до чиновника, такъ тотъ такъ и повисъ надъ Рогожинымъ, дыхнуть не смѣлъ, ловилъ и взвѣшивалъ каждое слово, точно брильянта искалъ.

— Разсердился-то онъ разсердился, да, можетъ, и стоило, отвѣчалъ Рогожинъ,—но меня пуще всего братъ доѣхалъ. Про матушку нечего сказать, женщина старая, Четып-Минеи читаетъ, со старухами сидитъ, и что Сенька-братья порѣшили, такъ тому и быть. А онъ чѣмъ же мнѣ знать-то въ свое время не даль? Понимаешь-сь! Оно правда, я тогда безъ памяти былъ. Тоже, говорятъ, телеграмма была пущена. Да телеграмма-то къ теткѣ и приди. А она тамъ тридцатый годъ вдовствуетъ и все съ юродивыми сидитъ съ утра до ночи. Монашенка не монашенка, а еще пуще того. Телеграммы-то она испужалась, да, не распечатывая, въ часть и представила, такъ она тамъ и залегла до сихъ поръ. Только Коневъ, Василій Васильичъ, выручилъ, все отписалъ. Съ покрова парчевого на гробъ родителя, ночью, братъ кисти литыя, золотыя, обрѣзаль: „онъ, дескать, эвона какихъ денегъ стоятъ“. Да вѣдь онъ за это одно въ Сибирь пойти можетъ, если я захочу, потому оно есть святотатство. Эй, ты, пугало гороховое! обратился онъ къ чиновнику. — Какъ по закону: святотатство?

— Святотатство! Святотатство! тотчасъ же поддакнулъ чиновникъ.

— За это въ Сибирь?

— Въ Сибирь, въ Сибирь! Тотчасъ въ Сибирь!

— Они все думаютъ, что я еще боленъ, продолжалъ Рогожинъ князю,— а я, ни слова не говоря, потихоньку, еще больной, сѣлъ въ вагонъ, да и Ёду; отворяй ворота, братецъ Семенъ Семенычъ! Онъ родителю покойному на меня наговаривалъ, я знаю. А что я дѣйствительно чрезъ Настасью Филипповну тогда родителя раздражилъ, такъ это правда. Тутъ ужъ я одинъ. Пошуталъ грѣхъ.

— Чрезъ Настасью Филипповну? подобострастно промолвилъ чиновникъ, какъ бы что-то соображая.

— Да вѣдь не знаешь! крикнулъ на него въ нетерпѣніи Рогожинъ.

— Ань и знаю! побѣдоносно отвѣчалъ чиновникъ.

— Эвона! Да мало-ли Настасій Филипповы! И какая ты наглая, я тебѣ скажу, тварь! Ну, вотъ такъ и зналъ, что какая-нибудь вотъ этакая тварь такъ тотчасъ же и повиснетъ! продолжалъ онъ князю.

— Ань, можетъ, и знаю-съ! тормозился чиновникъ.—Лебедевъ знаетъ! Вы, ваша свѣтлость, меня укорять изволите, а что коли я докажу? Ань, та самая Настасія Филипповна есть, чрезъ которую вашъ родитель вамъ внушилъ пожелалъ калиновымъ посохомъ, а Настасія Филипповна есть Барашкова, такъ сказать, даже знатная барыня, и тоже въ своемъ родѣ княжна, а знается съ нѣкоимъ Тоцкимъ, съ Аѳанасіемъ Ивановичемъ, съ однимъ исключительно, помѣщикомъ и раскапиталистомъ, членомъ компанії и обществъ, и большую дружбу на этотъ счетъ съ генераломъ Епанчинымъ ведущіе...

— Эгѣ, да ты вотъ что! дѣйствительно удивился, наконецъ, Рогожинъ,—тьфу, чортъ, да вѣдь онъ и впрямь знаетъ.

— Все знаетъ! Лебедевъ все знаетъ! Я, ваша свѣтлость, и съ Лихачевымъ Алексашкой два мѣсяца єздилъ, и тоже послѣ смерти родителя, и всѣ, то-есть, всѣ углы и проруки знаю, и безъ Лебедева, дошло до того, что ни шагу. Нынѣ онъ въ долговомъ отдѣлѣніи присутствуетъ, а тогда и Армансь, и Коралію, и княгиню Пацкую, и Настасію Филипповну имѣть случай узнать, да и много чего имѣть случай узнать.

— Настасію Филипповну? А развѣ она съ Лихачевымъ... злобно посмотрѣль на него Рогожинъ, даже губы его поблѣднѣли и задрожали.

— Н-ничего! Н-н-ничего! Какъ есть ничего! спохватался и заторопился поскорѣе чиновникъ, — н-никакими, то-есть, деньгами Лихачевъ доѣхать не могъ! Нѣтъ, это не то что Армансь. Тутъ одинъ Тоцкій. Да вечеромъ въ Большомъ али во французскомъ театрѣ въ своей собственной ложѣ сидить. Офицеры тамъ мало-ли что промежъ себя говорятъ, а и тѣ ничего не могутъ доказать: „вотъ, дескать, это есть та самая Настасія Филипповна“, да и только; а насчетъ дальнѣйшаго — ничего! Потому что и нѣтъ ничего.

— Это вотъ все такъ и есть, мрачно и насущившись подтвердилъ Рогожинъ.—Тоже мнѣ и Залёжевъ тогда говорилъ. Я тогда, князь, въ третьегодняшней отцовской бекешѣ черезъ Невскій перебѣгалъ, а она изъ магазина выходить, въ карету садится. Такъ меня тутъ и прожгло. Встрѣчаю Залёжева, тотъ не мнѣ чета, ходить какъ приказчикъ отъ парикмахера, и лорнетъ въ глазу, а мы у родителя въ смазныхъ сапогахъ, да на постныхъ щахъ отличались. Это, говорить, не тебѣ чета, это, говорить, княгиня, а зовутъ ее Настасіей Филипповной, фамиліей Барашкова, и живеть съ Тоцкимъ, а Тоцкій отъ нея какъ отвязаться теперь не знаетъ, потому совсѣмъ, то — есть, лѣтъ достигъ настоящихъ, пятидесяти пяти, и жениться на первѣйшей раскрасавицѣ во всемъ Петербургѣ хочетъ. Тутъ онъ мнѣ и внушилъ, что сегодня же можешь Настасію Филипповну въ Большомъ театрѣ видѣть, въ балетѣ, въ ложѣ своей, въ бенуарѣ, будешь сидѣть. У насъ, у родителя, попробуй-ка въ балетѣ сходить — одна расправа — убѣсть! Я однакоже на часть втихомолку сѣгалъ и Настасію Филипповну опять видѣть; всю ту ночь не спалъ. На утро шокойникъ даетъ мнѣ два пятипроцентные билеты, по пяти тысячъ каждый, сходи, дескать, да продай, да семь тысячъ пятьсотъ къ Андреевымъ на контору снеси, уплати, а остальную сдачу съ десяти тысячъ, не заходя никуда, мнѣ представь; буду тебѣ дожидаться. Билеты-то я продалъ, деньги взялъ, а къ Андреевымъ въ контору не заходилъ, а пошелъ, никуда не глядя, въ англійскій магазинъ, да на всѣ пару подвѣсокъ и выбралъ, по одному брильянтику въ каждой, этакъ почти какъ по орѣху будутъ, четыреста рублей долженъ остался, имя сказалъ, повѣрили. Съ подвѣсками я къ Залёжеву: такъ и такъ, идемъ, братъ, къ Настасіѣ Филипповнѣ. Отправились. Чѣмъ у меня тогда подъ ногами, чѣмъ передо мною, чѣмъ по бокамъ — ничего я этого не знаю и не помню. Прямо къ ней въ залу вошли, сама вышла къ намъ. И, то-есть, тогда не сказался, что это я самый и есть; а „отъ Парѳена, дескать, Рогожина“, говорить Залёжевъ, „вамъ въ память встрѣчи вчерашняго дня, соблаговолите принять“. Раскрыла, взглянула, усмѣхнулась: „благодарите, говорить, вашего друга господиша Рогожина за его любезное вниманіе“, откланялась и ушла. Ну, вотъ зачѣмъ я тутъ не померъ тогда же! Да если и пошелъ, такъ потому, что думалъ: „все равно, живой не вернусь!“ А обидище всего

мнѣ то показалось, что этотъ бестія Залѣжевъ все на себя присвоилъ. Я и ростомъ малъ, и одѣть какъ холуй, и стою, молчу, на нее глаза пялю, потому стыдно, а онъ по всей модѣ, въ помадѣ и завитой, румяный, галстукъ кѣтчатый,—такъ и разсыпается, такъ и расшаркивается, и ужъ навѣрно она его тутъ вмѣсто меня приняла! „Ну, говорю, какъ мы вышли,—ты у меня теперь тутъ не смѣй и подумать, понимаешь!“ Смѣется: „а вотъ какъ-то ты теперь Семену Пароенычу отчетъ отдавать будешь?“ Я, правда, хотѣлъ было тогда же въ воду, домой не заходя, да думаю: „вѣдь ужъ все равно“, и какъ окаймленный воротился домой.

— Эхъ! Ухъ! кривился чиновникъ, и даже дрожь его пробирала.—А вѣдь покойникъ не то что за десять тысячъ, а за десять пѣкновыхъ па тотъ свѣтъ сживывалъ, кивнулъ онъ князю.

Князь съ любопытствомъ разматривалъ Рогожина; казалось, тотъ былъ еще блѣднѣе въ эту минуту.

— Сживывалъ! переговорилъ Рогожинъ. — Ты что знаешь? Тотчасъ, продолжалъ онъ князю,—про все узналъ, да и Залѣжевъ каждому встрѣчному пошелъ болтать. Взялъ меня родитель, и наверку занеръ, и цѣлый часъ поучалъ. „Это я только, говорить, предуготовляю тебя, а вотъ я съ тобой еще на ночь попрощаться зайду“. Что-жъ ты думаешь? Поехалъ сѣдой къ Настасіѣ Филипповнѣ, земно ей кланялся, умолялъ и плакалъ; вынесла она ему наконецъ коробку, шваркнула: „Вотъ, говорить, тебѣ, старая борода, твои серги, и онѣ мнѣ теперь въ десять разъ дороже цѣнной, коли изъ-подъ такой грозы ихъ Пароенъ добывалъ. Клаялся, говорить, и благодари Пароена Семеныча“. Ну, а я этой порой, по матушкину благословленію, у Сережки Протушина двадцать рублей досталь, да во Исковъ по машинѣ и отправился, да пріѣхалъ-то въ лихорадкѣ; меня тамъ святцами зачитывать старухи принялись, а я пьянъ сижу, да пошелъ потомъ по кабакамъ на послѣднія, да въ безчувствіи всю ночь на улицѣ и провалился, анъ къ утру горичка, а тѣмъ временемъ за ночь еще собаки обгрызли. Насилу очнулся.

— Ну-съ, ну-съ, теперь запостъ у настѣ Настасіѧ Филипповна! потирая руки, хихикаль чиновникъ.—Теперь, сударь, что подвѣски! Теперь мы такія подвѣски вознаградимъ...

— А то, что если ты хоть разъ про Настасію Филипп-

повну какое слово молвишь, то вотъ тебѣ Богъ, тебѣ выську, даромъ что ты съ Лихачевымъ ѿздила! вскрикнулъ Рогожинъ, крѣпко схвативъ его за руку.

— А коли высѣчешь, значить и не отвергнешь! Сѣки! Тѣмъ самыи пріобрѣтешь! Высѣкъ, и тѣмъ самыи запечатлѣтъ... А вотъ и пріѣхали!

Дѣйствительно, вѣзжали въ вокзалъ. Хотя Рогожинъ и говорилъ, что уѣхалъ тихонъко, но его уже поджидали нѣсколько человѣкъ. Они кричали и махали ему шапками.

— Ишь, и Залѣживъ тутъ! пробормоталъ Рогожинъ, смотря на нихъ съ торжествующею и даже какъ бы злобною улыбкой, и вдругъ оборотился къ князю.—Князь, неизвѣстно мнѣ, за что я тебя полюбилъ. Можетъ оттого, что въ такую минуту встрѣтилъ, да вотъ вѣдь и его встрѣтилъ (онъ указалъ на Лебедева), а вѣдь не полюбилъ же его. Приходи ко мнѣ, князь. Мы эти шиблетинки-то съ тебя поснимаемъ, одѣну тебя въ кунью шубу въ первѣйшую; фракъ тебѣ сошью первѣйшій, жилетку бѣлую, али какую хошь, денегъ полны карманы набью и... пойдемъ къ Настасії Филипповнѣ! Придешь, али нѣтъ?

— Внимайте, князь Левъ Николаевичъ! внушительно и торжественно подхватилъ Лебедевъ. — Ой, не упускате! Ой, не упускате!..

Князь Мышкинъ привсталъ, вѣжливо протянулъ Рогожину руку и любезно сказалъ ему:

— Съ величайшимъ удовольствиемъ приду и очень васъ благодарю за то, что вы меня полюбили. Даже, можетъ-быть, сегодня же приду, если успѣю. Потому, я вамъ скажу откровенно, вы мнѣ сами очень понравились и особенно, когда про подвѣски брильянтовыя разсказывали. Даже и прежде подвѣсокъ понравились, хотя у васъ и сумрачное лицо. Благодарю васъ тоже за обѣщанныя мнѣ платья и за шубу, потому мнѣ дѣйствительно платье и шуба скоро понадобятся. Денегъ же у меня въ настоящую минуту почти ни копейки нѣтъ.

— Деньги будуть, къ вечеру будутъ, приходи!

— Будутъ, будутъ, подхватилъ чиновникъ,—къ вечеру до зари еще будутъ!

— А до женскаго пола вы, князь, охотникъ большой? Сказывайте раньше!

— Я, н-н-нѣтъ! Я вѣдь... Вы, можетъ-быть, не знаете,

я вѣдь, по прирожденной болѣзни моей, даже совсѣмъ женщина не знаю.

— Ну, коли такъ, воскликнулъ Рогожинъ,— совсѣмъ ты, князь, выходишь юродивый, и такихъ, какъ ты, Богъ любить.

— И такихъ Господь Богъ любить, подхватилъ чиновникъ.

— А ты ступай за мной, строка, сказалъ Рогожинъ Лебедеву.

И всѣ вышли изъ вагона.

Лебедевъ кончилъ тѣмъ, что достигъ своего. Скоро шумная ватага удалилась по направлению къ Вознесенскому проспекту. Князю надо было повернуть къ Литейной. Было сыро и мокро; князь разспросилъ прохожихъ, — до конца предстоявшаго ему пути выходило версты три, и онъ рѣшился взять извозчика.

II.

Генералъ Епанчинъ жилъ въ собственномъ своемъ домѣ, нѣсколько въ сторонѣ отъ Литейной, къ Спасу Преображенія. Кроме этого (превосходнаго) дома, пять шестыхъ котораго отдавались въ наемъ, генералъ Епанчинъ имѣлъ еще огромный домъ на Садовой, приносившій тоже чрезвычайный доходъ. Кроме этихъ двухъ домовъ, у него было подъ самыми Петербургомъ весьма выгодное и значительное помѣстье; была еще въ Петербургскомъ уѣздѣ какая - то фабрика. Въ старину генералъ Епанчинъ, какъ всѣмъ известно было, участвовалъ въ откупахъ. Нынѣ онъ участвовалъ и имѣлъ весьма значительный голосъ въ нѣкоторыхъ солидныхъ акціонерныхъ компаніяхъ. Сыль онъ человѣкомъ съ большими деньгами, съ большими занятіями и съ большими связями. Въ иныхъ мѣстахъ онъ сумѣлъ сдѣлаться совершенно необходимымъ, между прочимъ и на своей службѣ. А между тѣмъ известно тоже было, что Иванъ Федоровичъ Епанчинъ — человѣкъ безъ образования и происходит изъ солдатскихъ дѣтей; послѣднее, безъ сомнѣнія, только къ чести его могло относиться, но генералъ, хоть и умный былъ человѣкъ, былъ тоже не безъ маленькихъ, весьма простительныхъ, слабостей, и не любилъ иныхъ памековъ. Но умный и ловкий человѣкъ онъ былъ безспорно. Онъ, напримѣръ, имѣлъ систему не выставляться, гдѣ надо ступевываться, и его многіе цѣнили именно за его простоту, именно за то, что

онъ зналъ всегда свое мѣсто. А между тѣмъ, если бы только вѣдали эти суды, что происходило иногда на душѣ у Ивана Федоровича, такъ хорошо знавшаго свое мѣсто! Хоть и действительно онъ имѣлъ и практику, и опытъ въ житейскихъ дѣлахъ, и нѣкоторыя, очень замѣчательныя способности, но онъ любилъ выставлять себя болѣе исполнителемъ чужой идеи, чѣмъ съ своимъ царемъ въ головѣ, человѣкомъ „безъ лести преданнымъ“, и—куда нѣдѣть вѣкъ? даже русскимъ и сердечнымъ. Въ послѣднемъ отношеніи съ нимъ приключилось даже нѣсколько забавныхъ анекдотовъ; по генераль никогда не унывалъ, даже и при самыхъ забавныхъ анекдотахъ; къ тому же и везло ему, даже въ картахъ, а овѣтъ игралъ по чрезвычайно большой и даже съ намѣреніемъ не только не хотѣлъ скрывать эту свою маленькую будто бы слабость къ картишкамъ, такъ существенно и во многихъ случаяхъ ему пригожд鋐ннно, по и выставлялъ ее. Общества онъ былъ смѣшанного, разумѣется, во всякомъ случаѣ, „тузоваго“. Но все было впереди, время терпѣло, время все терпѣло, и все должно было прийти современемъ и своимъ чередомъ. Да и лѣтами генераль Еланчинъ былъ еще, какъ говорится, въ самомъ соку, то-есть пятидесяти шести лѣтъ и никакъ не болѣе, что во всякомъ случаѣ составляетъ возрастъ цвѣтущи, возрастъ, съ котораго, по-настоящему, начинается истинная жизнь. Здоровые, цвѣть лица, крѣпкие, хотя черные зубы, корепастое, плотное сложеніе, озабоченное выраженіе физіономіи поутру на службѣ, веселое къ вечеру за картами или у его сіятельства,—все способствовало настоящимъ и грядущимъ успѣхамъ и устипало жизнь его превосходительства розами.

Генераль обладалъ цвѣтующимъ семействомъ. Правда, тутъ уже не все были розы, но было зато и много такого, на чмъ давно уже начали серьезно и сердечно сосредоточиваться главнѣйшия надежды и цѣли его превосходительства. Да и что, какая цѣль въ жизни важнѣе и святѣе цѣлей родительскихъ? Къ чмъ прикрѣпиться, какъ не къ семейству? Семейство генерала состояло изъ супруги и трехъ взрослыхъ дочерей. Женился генераль еще очень давно, еще будучи въ чинѣ поручика, на дѣвицѣ почти одного съ нимъ возраста, не обладавшей ни красотой, ни образованіемъ, за которую онъ взялъ всего только пятьдесятъ душъ,—правда и послужившихъ къ основанію его дальнѣйшей фортуны. Но генераль никогда

не ропталь впослѣдствіи на свой ранній бракъ, никогда не третировалъ его какъ увлеченіе несчастной юности, и супругу свою до того уважалъ, и до того иногда боялся ея, что даже любилъ. Генеральша была изъ княжескаго рода Мышкиныхъ, рода хотя и не блестящаго, по весьма древніго, и за свое происхожденіе весьма уважала себя. Нѣкто изъ тогдашнихъ вліятельныхъ лицъ, одинъ изъ тѣхъ покровителей, которымъ покровительство, впрочемъ, ничего не стоитъ, согласился заинтересоваться бракомъ молодой княжны. Онъ отворилъ калитку молодому офицеру и толкнулъ его въ ходъ; а тому даже и не толчка, а только развѣ одного взгляда надо было—не пропалъ бы даромъ! За немногими исключеніями, супруги прожили все время своего долгаго юбилея согласно. Еще въ очень молодыхъ лѣтахъ своихъ генеральша умѣла найти себѣ, какъ урожденная княжна и послѣдняя въ родѣ, а, можетъ-быть, и по личнымъ качествамъ, нѣкоторыхъ очень высокихъ покровительницъ. Впослѣдствіи, при богатствѣ и служебномъ значеніи своего супруга, она начала въ этомъ высшемъ кругу даже нѣсколько и освоиваться.

Въ эти послѣдніе годы подросли и созрѣли всѣ три генеральскія дочери---Александра, Аделаїда и Аглай. Правда, всѣ три были только Епанчины, но по матери роду княжескаго, съ приданымъ не малымъ, съ родителемъ, претендующимъ впослѣдствіи, можетъ-быть, и на очень высокое мѣсто, и, что тоже довольно важно, всѣ три были замѣчательно хороши собой, не исключая и старшей, Александры, которой уже минуло двадцать пять лѣтъ. Средней было двадцать три года, а младшей, Аглай, только что исполнилось двадцать. Эта младшая была даже совсѣмъ красавица и начинала въ свѣтѣ обращать на себя большое вниманіе. Но и это было еще не все: всѣ три отличались образованіемъ, умомъ и талантами. Извѣстно было, что опѣ замѣчательно любили другъ друга и одна другую поддерживали. Упоминалось даже о какихъ-то будто бы пожертвованіяхъ двухъ старшихъ въ пользу общаго домашняго идола—младшей. Въ обществѣ они не только не любили выставляться, но даже были слишкомъ скромны. Никто не могъ ихъ упрекнуть въ высокомѣрии и заносчивости, а между тѣмъ знали, что они горды и цѣну себѣ понимаютъ. Старшая была музикантша, средняя была замѣчательный живописецъ; по объ этомъ почти никто не зналъ многіе годы, и обнаружи-

лось это только въ самое послѣднее время, да и то нечаянно. Однимъ словомъ, про нихъ говорилось чрезвычайно много похвального. Но были и недоброжелатели. Съ ужасомъ говорилось о томъ, сколько книгъ онъ прочитали. Замужъ онъ не торопились; извѣстнымъ кругомъ общества хотя и дорожили, но все же не очень. Это тѣмъ болѣе было замѣчательно, что всѣ знали направление, характеръ, цѣли и желанія ихъ родителя.

Было уже около одиннадцати часовъ, когда князь позвонилъ въ квартиру генерала. Генералъ жилъ во второмъ этажѣ и занималъ помѣщеніе по возможности скромное, хотя и пропорциональное своему значенію. Князю отворилъ ливрейный слуга, и ему долго нужно было объясняться съ этимъ человѣкомъ, съ самаго начала посмотрѣвшимъ на него и на его узелокъ подозрительно. Наконецъ, на неоднократное и точное заявленіе, что опять действительно князь Мышкинъ, и что ему непремѣнно надо видѣть генерала по дѣлу необходимому, недоумѣвающій человѣкъ препроводилъ его рядомъ, въ маленькую переднюю, передъ самою приемной, у кабинета, и сдалъ его съ рукъ на руки другому человѣку, дежурившему по утрамъ въ этой передней и докладывавшему генералу о посѣтителяхъ. Этотъ другой человѣкъ былъ во фракѣ, имѣлъ за сорокъ лѣтъ и озабоченную физіономію, и быть специальный кабинетный прислужникъ и докладчикъ его превосходительства, вслѣдствіе чего и зналъ себѣ цѣну.

— Подождите въ приемной, а узелокъ здѣсь оставьте, проговорилъ онъ, неторопливо и важно усаживаясь въ свое кресло и съ строгимъ удивленіемъ посматривая на князя, расположившагося тутъ же рядомъ подлѣ него на стулѣ, со своимъ узелкомъ въ рукахъ.

— Если позовите, сказалъ князь,— я бы полождалъ лучше здѣсь съ вами, а тамъ что-жъ мнѣ одному?

— Въ передней вамъ не стать, потому вы посѣтитель, иначе гость. Вамъ къ самому генералу?

Лакей, видимо, не могъ примириться съ мыслью впустить такого посѣтителя, и еще разъ рѣшился спросить его.

— Да, у меня дѣло... началь было князь.

— Я васъ не спрашиваю, какое именно дѣло, — мое дѣло только объ васъ доложить. А безъ секретаря, я сказалъ, докладывать о васъ не пойду.

Подозрительность этого человѣка, казалось, все болѣе и болѣе увеличивалась: слишкомъ ужъ князь не подходилъ подъ разрядъ вседневныхъ посѣтителей, и хотя генералу довольно часто, чуть не ежедневно, въ извѣстный часъ, приходилось принимать, особенно по дѣламъ, иногда даже очень разнообразныхъ гостей, но, несмотря на привычку и инструкцію, довольно широкую, камердинеръ былъ въ большомъ сомнѣніи; посредничество секретаря для доклада было необходимо.

— Да вы точно... изъ-за границы? какъ-то невольно спросилъ онъ, наконецъ, и сбился.

Онъ хотѣлъ, можетъ-быть, спросить: „Да вы точно князь Мышкинъ?“

— Да, сейчасъ только изъ вагона. Минѣ кажется, вы хотѣли спросить: точно-ли я князь Мышкинъ, да не спросили изъ вѣжливости.

— Гм!.. промычалъ удивленный лакей.

— Увѣряю васъ, что я не солгалъ вамъ, и вы отвѣтить за меня не будете. А что я въ такомъ видѣ и съ узелкомъ, то тутъ удивляться нечего; въ настоящее время мои обстоятельства не казисты.

— Гм! Я опасаюсь не того, видите-ли. Доложить я обязанъ, и къ вамъ выйдетъ секретарь, окромя если вы... Вотъ то-то вотъ и есть, что окромя... Вы не по бѣдности просить къ генералу, осмѣлюсь, если можно, узнать?

— О, нѣтъ, въ этомъ будьте совершенно удостовѣрены. У меня другое дѣло.

— Вы меня извините, а я на васъ глядя спросилъ. Подождите секретаря; самъ теперь занять съ полковникомъ, а затѣмъ придетъ и секретарь... компанейской.

— Стало-быть, если долго ждать, то я бы васъ попросилъ: нельзя-ли здѣсь гдѣ-нибудь покурить? У меня трубка и табакъ съ собой.

— По-ку-риТЬ? съ презрительнымъ недоумѣніемъ вскинуль на него глаза камердинеръ, какъ бы все еще не вѣря ушамъ.—Покурить? Нѣтъ, здѣсь вамъ нельзя покурить, а къ тому же вамъ стыдно и въ мысляхъ это содержать. Хе... чудно-съ!

— О, я вѣдь не въ этой комнатѣ просилъ, я вѣдь знаю, а я бы вышелъ куда-нибудь, гдѣ бы вы указали, потому я привыкъ, а вотъ ужъ три часа не курилъ. Впрочемъ, какъ вамъ угодно и, знаете, есть пословица: въ чужой монастырь...

— Ну, какъ я обѣ васъ обѣ такомъ доложу? пробор-
мotalъ почти невольно камердинеръ. — Первое то, что
вамъ здѣсь и находиться не слѣдуетъ, а въ приемной
сидѣть, потому вы сами на линіи посѣтителя, иначе гость,
и съ меня спросится... Да вы что же, у насъ жить что-ли
намѣрены? прибавилъ онъ, еще разъ накосившись на узе-
локъ князя, очевидно не дававшій ему покоя.

— Нѣтъ, не думаю. Даже если-бѣ и пригласили, такъ
не останусь. Я просто познакомиться только прїхалъ и
больше ничего.

— Какъ? Познакомиться? съ удивленіемъ и съ утроен-
ною подозрительностью спросилъ камердинеръ. — Какъ же
вы сказали сперва, что по дѣлу?

— О, почти не по дѣлу! То-есть, если хотите, и есть
одно дѣло, такъ только совѣта спросить, но я, главное,
чтобъ отрекомендоваться, потому я князь Мышкинъ и
генеральша Еланчика тоже послѣдняя изъ княженія Мыш-
киныхъ, и кромѣ меня съ нею Мышкиныхъ больше и нѣтъ.

— Такъ вы еще и родственникъ? встрепенулся уже
почти совсѣмъ испуганный лакей.

— И это почти что нѣтъ. Впрочемъ, если натягивать,
конечно, родственники, по до того отдаленные, что, по-
настоящему, и считаться даже нельзѧ. Я разъ обращался
къ генеральшѣ изъ-за границы письмомъ, но она мнѣ не
отвѣтила. Я все-таки почель нужнымъ завязать сношенія
по возвращенію. Вамъ же все это теперь объясняю, чтобы
вы не сомнѣвались, потому вижу, вы все еще беспокои-
тесь: доложите, что князь Мышкинъ, и ужъ въ самомъ
докладѣ причина моего посѣщенія видна будетъ. При-
мутъ — хорошо, не примутъ — тоже, можетъ-быть, очень
хорошо. Только не могутъ, кажется, не принять: гене-
ральша ужъ конечно захочетъ видѣть старшаго и един-
ственнаго представителя своего рода, а она породу свою
очень цѣнитъ, какъ я о ней въ точности слышалъ.

Казалось бы, разговоръ князя былъ самый простой; но
тѣмъ онъ былъ проще, тѣмъ и становился въ настоящемъ
случаѣ нелѣпѣ, и опытный камердинеръ не могъ не по-
чувствовать что-то, чтѣ совершенно прилично человѣку
съ человѣкомъ и совершенно неприлично гостю съ че-
ловѣкомъ. А такъ какъ люди гораздо умнѣе, чѣмъ обыкно-
венно думаютъ про нихъ ихъ господа, то и камердинеру
зашло въ голову, что тутъ два дѣла: или князь такъ ка-
кой-нибудь потаскунъ и непремѣнно пришелъ на бѣдность

просить, или князь просто дурачокъ и амбиціи не имѣть, потому что умный князь и съ амбиціей не сталъ бы въ передней сидѣть и съ лакеемъ про свои дѣла говорить, а, стало-быть, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ не пришлось бы за него отвѣтить?

— А все-таки вамъ въ пріемную бы пожаловать, замѣтилъ онъ по возможности настойчивѣе.

— Да вотъ сидѣлъ бы тамъ, такъ вамъ бы всего и не объяснилъ, весело засмѣялся князь, — а, стало-быть, вы все еще беспокоились бы, глядя на мой плащъ и узелокъ. А теперь вамъ, можетъ, и секретаря ждать нечего, а пойти бы и доложить самимъ.

— Я посѣтителя такого какъ вы безъ секретаря доложить не могу, а къ тому же и сами, особливо давеча, заказали ихъ не тревожить ни для кого, пока тамъ полковникъ, а Гаврила Ардаліонычъ безъ доклада идетъ.

— Чиновникъ-то?

— Гаврила-то Ардаліонычъ? Нѣтъ. Онъ въ Компаниѣ отъ себя служить. Узелокъ-то поставьте хоть вонъ сюда.

— Я ужъ обѣ этомъ думалъ; если позволите. И знаете, сниму я и плащъ?

— Конечно, не въ плащѣ же входить къ нему.

Князь всталъ, поспѣшилъ снять съ себя плащъ и остался въ довольно приличномъ и ловко спущтомъ, хотя и поноженномъ уже пиджакѣ. По жилету шла стальная цѣпочка. На цѣпочкѣ оказались женевскіе серебряные часы.

Хотя князь былъ и дурачокъ, — лакей ужъ это рѣшилъ, — но все-таки генеральскому камердинеру показалось, наконецъ, неприличнымъ продолжать долѣ разговоръ отъ себя съ посѣтителемъ, несмотря на то, что князь ему почему-то нравился, въ своемъ родѣ, конечно. Но съ другой точки зрѣнія онъ возбудилъ въ немъ рѣшительное и грубое негодованіе.

— А генеральша когда принимаетъ? спросилъ князь, усаживаясь опять на прежнее мѣсто.

— Это ужъ не мое дѣло-съ. Принимаютъ розно, судя по лицу. Модистку и въ одиннадцать допустить. Гаврилу Ардаліоныча тоже раньше другихъ допускаютъ, даже къ раннему завтраку допускаютъ.

— Здѣсь у васъ въ компатахъ теплѣе чѣмъ за границей зимой, замѣтилъ князь, — а вотъ тамъ зато на улицахъ теплѣе нашего, а въ домахъ зимой — такъ русскому человѣку и жить съ непривычки нельзя.

— Не топять?

— Да, да и дома устроены иначе, то-есть печи и окна.

— Гм! А долго вы изволили ъздить?

— Да четыре года. Впрочемъ, я все на одномъ почти мѣстѣ сидѣлъ, въ деревнѣ.

— Отвыкли отъ нашего-то?

— И это правда. Вѣрите-ли, дивлюсь на себя какъ говорить по-русски не забылъ. Вотъ съ вами говорю теперь, а самъ думаю: „а вѣдь я хорошо говорю“. Я, можетъ, потому такъ много и говорю. Право, со вчерашняго дня все говорить по-русски хочется.

— Гм! Хе! Въ Петербургѣ-то прежде живали? (Какъ ни крѣпился лакей, а невозможно было не поддержать такой учтивый и вѣжливый разговоръ).

— Въ Петербургѣ? Совсѣмъ почти нѣтъ, такъ только проѣздомъ. И прежде ничего здѣсь не зналъ, а теперь столько, слышно, новаго, что, говорятъ, кто и зналъ-то, такъ сызнова узнавать переучивается. Здѣсь про суды теперь много говорятъ.

— Гм!.. Суды. Суды-то оно правда, что суды. А что, какъ тамъ, справедливѣе въ судѣ или нѣтъ?

— Не знаю. Я про наши много хорошаго слышалъ. Вотъ опять у насъ смертной казни нѣтъ.

— А тамъ казнятъ?

— Да. Я во Франціи видѣлъ, въ Ліонѣ. Меня туда Шнейдеръ съ собою бралъ.

— Вѣшаютъ?

— Нѣтъ, во Франціи все головы рубятъ.

— Что же, кричатъ?

— Куды! Въ одно мгновеніе. Человѣка кладутъ, и падаетъ этакій широкій ножъ, по машинѣ, гильотиной называется, тяжело, сильно... Голова отскочить такъ, что и глазомъ не успѣшь мигнуть. Приготовленія тяжелы. Вотъ когда объявляютъ приговоръ, снаряжаютъ, вяжутъ, на эшафотъ взводятъ, вотъ тутъ ужасно! Народъ сбѣгается, даже женщины, хоть тамъ и не любятъ, чтобы женщины глядѣли.

— Не ихъ дѣло.

— Конечно! Конечно! Этакую муку!.. Преступникъ былъ человѣкъ умный, безстрашный, сильный, въ лѣтахъ, Легро по фамиліи. Ну, вотъ, я вамъ говорю, вѣрьте не вѣрьте, на эшафотъ всходилъ — плакаль, блѣлый какъ бумага. Развѣ это возможно? Развѣ не ужасъ? Ну, кто же со

страху плачеть? Я и не думалъ, чтобъ отъ страха можно было заплакать не ребенку, человѣку, который никогда не плакалъ, человѣку въ сорокъ пять лѣтъ. Что же съ душой въ эту минуту дѣлается, до какихъ судорогъ ее доводятъ? Надругательство надъ душой, больше ничего! Сказано: „не убий“, такъ за то, что онъ убилъ, и его убивать? Нѣтъ, это нельзя. Вотъ я ужъ мѣсяцъ назадъ это видѣлъ, а до сихъ поръ у меня какъ передъ глазами. Разъ пять снислось.

Князь даже одушевился, говоря, легкая краска простирила въ его блѣдное лицо, хотя рѣчь его попрежнему была тихая. Камердинеръ съ сочувствующимъ интересомъ слѣдилъ за нимъ, такъ что оторваться, кажется, не хотѣлось; можетъ-быть, тоже былъ человѣкъ съ воображеніемъ и попыткой на мысль.

— Хорошо еще вотъ, что муки немнога, замѣтилъ онъ, — когда голова отлетаетъ.

— Знаете-ли что? горячо подхватилъ князь,—вотъ вы это замѣтили, и это всѣ точно такъ же замѣчаютъ, какъ вы, и машина для того выдумана, гильотина. А мнѣ тогда же пришла въ голову одна мысль: а что, если это даже и хуже? Вамъ это смѣшино, вамъ это дико кажется, а при нѣкоторомъ воображеніи даже и такая мысль въ голову вскочить. Подумайте: если, напримѣръ, пытка; при этомъ страданія и раны, мука тѣлесная, и, стало-быть, все это отъ душевнаго страданія отвлекаетъ, такъ что однѣми только ранами и мучаешься, вплоть пока умрешь. А вѣдь главная, самая сильная боль, можетъ, не въ ранахъ, а вотъ, что вотъ знаешь навѣрно, что вотъ черезъ часъ, потомъ черезъ десять минутъ, потомъ черезъ полминуты, потомъ теперь, вотъ сейчасъ—душа изъ тѣла вылетитъ, и что человѣкомъ ужъ больше не будешь, и что это ужъ навѣрно; главное то, что *навѣрно*. Вотъ какъ голову кладешь подъ самый ножъ и слышишь, какъ онъ склизнетъ надъ головой, вотъ эти-то четверть секунды всего и страшнѣе. Знаете-ли, что это не моя фантазія, а что такъ многіе говорили? Я до того этому вѣрю, что прямо вамъ скажу мое мнѣніе. Убивать за убийство несопрѣимѣрно большее наказаніе, чѣмъ самое преступленіе. Убийство по приговору несопрѣимѣрно ужаснѣе, чѣмъ убийство разбойничье. Тотъ, кого убиваютъ разбойники, рѣжутъ ножомъ, въ лѣсу, или какъ-нибудь, непремѣнно еще надѣется, что спасется, до самаго послѣдняго мгновенія.

Примѣры бывали, что ужъ горло перерѣзано, а онъ еще надѣется, или бѣжитъ, или проситъ. А тутъ, всю эту послѣднюю надежду, съ которой умирать въ десять разъ легче, отнимаютъ *навѣрно*; тутъ приговоръ, и въ томъ, что навѣрно не избѣгнешь, вси ужасная-то мѣка и сидѣть, и сильнѣе этой мѣки нѣтъ на свѣтѣ. Приведите и поставьте солдата противъ самой пушки на сраженіи и стрѣляйте въ него, онъ еще все будетъ надѣяться, но прочтите этому самому солдату приговоръ *навѣрно*, и онъ съ ума сойдетъ или заплачетъ. Кто сказалъ, что человѣческая природа въ состояніи вынести это безъ сумасшествія? Зачѣмъ такое ругательство, безобразное, ненужное, парапасное? Можетъ-быть, и есть такой человѣкъ, которому прошли приговоръ, дали помучиться, а потомъ сказали: «стуй-тай, тебя прощаютъ». Вотъ этакой человѣкъ, можетъ-быть, могъ бы рассказалъ. Объ этой мѣкѣ и объ этомъ ужасѣ и Христосъ говорилъ. Нѣтъ, съ человѣкомъ такъ нельзя поступать!

Камердинеръ, хотя и не могъ бы такъ выразить все это, какъ князь, но, конечно, хотя не все, но главное понялъ, что видно было даже по умилившемуся лицу его.

— Если ужъ такъ вамъ желательно, промолвилъ онъ, — покурить, то оно, пожалуй, и можно, коли только поскорѣе. Потому вдругъ спросить, а васъ и нѣтъ. Вотъ тутъ подъ лѣсенкой, видите, дверь. Въ дверь войдете, направо каморка; тамъ можно, только форточку растворите, потому оно не порядокъ...

Но князь не успѣлъ сходить покурить. Въ переднюю вдругъ вошелъ молодой человѣкъ, съ бумагами въ рукахъ. Камердинеръ сталъ снимать съ него шубу. Молодой человѣкъ скосилъ глаза на князя.

— Это, Гаврила Ардаліонычъ, началь конфиденціально и почти фамильярно камердинеръ, — докладываются, что князь Мышикинъ и барыни родственникъ, пріѣхалъ съ поѣздомъ изъ-за границы, и узелокъ въ рукѣ, только...

Дальнѣйшаго князь не услышалъ, потому что камердинеръ началъ шептать. Гаврила Ардаліоновичъ слушалъ внимательно и поглядывалъ на князя съ болѣшимъ любопытствомъ, наконецъ, пересталъ слушать и нетерпѣливо приблизился къ нему.

— Вы князь Мышикинъ? спросилъ онъ чрезвычайно любезно и вѣжливо.

Это былъ очень красивый молодой человѣкъ, тоже лѣтъ

двадцати восьми, стройный блондинъ, средне-высокаго роста, съ маленькою, наполеоновскою бородкой, съ умнымъ и очень красивымъ лицомъ. Только улыбка его, при всей ея любезности, была что-то ужъ слишкомъ тонка; зубы выставлялись при этомъ что-то ужъ слишкомъ жемчужноровно; взглядъ, несмотря на всю веселость и видимое простодушіе его, былъ что-то ужъ слишкомъ присталенъ и испытующъ.

„Онъ, должно-быть, когда одинъ, совсѣмъ не такъ смотрѣть и, можетъ-быть, никогда не смеется“, почувствовалось какъ-то князю.

Князь объяснилъ все, что могъ, па-скоро, почти то же самое, чѣдѣ уже прежде объяснялъ камердинеру и еще прежде Рогожину. Гаврила Ардаліоновичъ межъ тѣмъ какъ будто что-то припоминалъ.

— Не вы-ли, спросилъ онъ,—изволили съ годъ назадъ, или даже ближе, прислатъ письмо, кажется, изъ Швейцаріи, къ Елизаветѣ Прокофьевнѣ?

— Точно такъ.

— Такъ васъ здѣсь знаютъ и павѣрно помнятъ. Вы къ его превосходительству? Сейчасъ я доложу... Онъ сейчасъ будетъ свободенъ. Только вы бы... вамъ бы пожаловать пока въ приемную... Зачѣмъ они здѣсь? строго обратился онъ къ камердинеру.

— Говорю, сами не захотѣли...

Въ это время вдругъ отворилась дверь изъ кабинета, и какой-то военный, съ портфелемъ въ рукѣ, громко говоря и откланиваясь, вышелъ оттуда.

— Ты здѣсь, Ганя, крикнулъ голосъ изъ кабинета, — а пожалуй-ка сюда!

Гаврила Ардаліоновичъ кивнулъ головой князю и послѣшно прошелъ въ кабинетъ.

Минуты черезъ двѣ дверь отворилась снова, и послышался звонкій и привѣтливый голосъ Гаврилы Ардаліоновича:

— Князь, пожалуйте!

III.

Генералъ Иванъ Федоровичъ Еланчинъ стоялъ посреди своего кабинета и съ чрезвычайнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на входящаго князя, даже шагнулъ къ нему два шага. Князь подошелъ и отрекомендовался.

— Такъ-съ, отвѣчалъ генералъ,—чѣмъ же могу служить?

— Дѣла неотлагательного я никакого не имѣю; цѣль моя была просто познакомиться съ вами. Не желалъ бы беспокоить, такъ какъ я не знаю ни вашего дна, ни вашихъ распоряженій... Но я только-что самъ изъ вагона... пріѣхалъ изъ Швейцаріи.

Генералъ чуть-чуть было усмѣхнулся, но подумалъ и пріостановился; потомъ еще подумалъ, прищурился, огляделъ еще разъ своего гостя съ ногъ до головы, затѣмъ быстро указалъ ему стулъ, самъ сѣлъ нѣсколько наискосъ и въ нетерпѣливомъ ожиданіи повернулся къ князю. Гана стоялъ въ углу кабинета, у бюро, и разбиралъ бумаги.

— Для знакомствъ вообще я мало времени имѣю, скажалъ генералъ,—но такъ какъ вы, конечно, имѣете свою цѣль, то...

— Я такъ и предчувствовалъ, перебилъ князь, — что вы непремѣнно увидите въ посѣщеніи моемъ какую-нибудь особенную цѣль. Но, ей-Богу, кромѣ удовольствія познакомиться, у меня нѣтъ никакой частной цѣли.

— Удовольствіе, конечно, и для меня чрезвычайное, но не все же забавы, иногда, знаете, случаются и дѣла... Притомъ же я никакъ не могу, до сихъ поръ, разглядѣть между нами общаго... такъ сказать, причины...

— Причины нѣтъ, безспорно, и общаго, конечно, мало. Потому что, если я князь Мышкинъ и ваша супруга изъ нашего рода, то это, разумѣется, не причина. Я это очень понимаю. Но однажды весь-то мой поводъ въ этомъ только и заключается. Я года четыре въ Россіи не былъ, слишкомъ; да и что я выѣхалъ: почти не въ своемъ умѣ! И тогда ничего не зналъ, а теперь еще пуще. Въ людяхъ хорошихъ нуждаюсь; даже вотъ и дѣло одно имѣю и не знаю куда сунуться. Еще въ Берлинѣ подумалъ: „это почти родственники, начну съ нихъ; можетъ-быть, мы другъ другу и пригодимся, они мнѣ, я имъ, — если они люди хорошіе“. А я слышалъ, что вы люди хорошие.

— Очень благодаренъ-сь, удивлялся генералъ. — Позвольте узнать, гдѣ остановились?

— Я еще нигдѣ не остановился.

— Значитъ, прямо изъ вагона ко мнѣ? И... съ поклажей?

— Да со мной поклажи всего одинъ маленький узелокъ съ бѣльемъ, и больше ничего; я его въ руки обыкновенно несусь. Я номеръ успѣю и вечеромъ занять.

— Такъ вы все еще имѣете намѣреніе номеръ занять?

— О, да, конечно.

— Судя по вашимъ словамъ, я было подумалъ, что вы ужъ такъ прямо ко мнѣ.

— Это могло быть, но не иначе какъ по вашему приглашенію. Я же, признаюсь, не остался бы и по приглашенію, не почему-либо, а такъ... по характеру.

— Ну, стало-быть, и кстати, что я васъ не пригласилъ и не приглашаю. Позвольте еще, князь, чтобы ужъ разомъ все разъяснили: такъ какъ вотъ мы сейчасъ договорились, что насчетъ родственности между нами и слова не можетъ быть, хотя мнѣ, разумѣется, весьма было бы лестно, то, стало-быть...

— То, стало-быть, вставать и уходить? приподнялся князь, какъ-то даже весело разсмѣявшись, несмотря на всю видимую затруднительность своихъ обстоятельствъ.— И вотъ, ей-Богу же, генералъ, хоть я ровно ничего не знаю практически ни въ здѣшнихъ обычаяхъ, ни вообще какъ здѣсь люди живутъ, но такъ я и думалъ, что у насъ непремѣнно именно это и выйдетъ, какъ теперь выпло. Что-жъ, можетъ-быть, оно такъ и надо... Да и тогда мнѣ тоже на письмо не отвѣтили... Ну, прощайте и извините, что беспокоилъ.

Взглядъ князя былъ до того ласковъ въ эту минуту, а улыбка его до того безъ всякаго оттѣнка хотя бы какого-нибудь затаенного непріязненнаго ощущенія, что генералъ вдругъ остановился и какъ-то вдругъ другимъ образомъ посмотрѣлъ на своего гостя; вся перемѣна взгляда совершилась въ одно мгновеніе.

— А знаете, князь, сказалъ онъ совсѣмъ почти другимъ голосомъ,—вѣдь я васъ все-таки не знаю, да и Елизавета Прокофьевна, можетъ-быть, захочетъ посмотреть на однофамильца... Подождите, если хотите, коли у васъ время терпить.

— О, у меня время терпить; у меня время совершенно мое (и князь тотчасъ же поставилъ свою мягкую, круглополую шляпу на столъ). Я, признаюсь, такъ и разсчитывалъ, что, можетъ-быть, Елизавета Прокофьевна вспомнитъ, что я ей писалъ. Давеча вашъ слуга, когда я у васъ тамъ дожидался, подозрѣвалъ, что я на бѣдность пришелъ къ вамъ просить; я это замѣтилъ, а у васъ, должно-быть, на этотъ счетъ строгія инструкціи; но я, право, не за этимъ, а, право, для того только, чтобы съ людьми сойтись. Вотъ только думаю немногого, что я вамъ помѣшалъ, и это меня беспокоитъ.

— Вотъ что, князь, сказалъ генераль съ веселою улыбкой,— если вы въ самомъ дѣлѣ такой, какимъ кажется, то съ вами, пожалуй, и пріятно будетъ познакомиться; только видите, я человѣкъ занятой, и вотъ тотчасъ же опять сяду кой-что просмотрѣть и подписать, а потомъ отправлюсь къ его сіятельству, а потомъ па службу, такъ и выходить, что я хоть и радъ людямъ... хорошимъ, то-есть... но... Впрочемъ, я такъ убѣжденъ, что вы превосходно воспитаны, что... А сколько вамъ лѣтъ, князь?

— Двадцать шесть.

— Ухъ! А я думалъ гораздо меньшее.

— Да, говорить, у меня лицо моложавое. А не мѣшать вамъ я научусь и скоро пойму, потому что самъ очень не люблю мѣшать... И, наконецъ, мнѣ кажется, мы такие розные люди на видъ... по многимъ обстоятельствамъ, что у насъ, пожалуй, и не можетъ быть много точекъ общихъ, но, знаете, я въ эту послѣднюю идею самъ не вѣрю, потому очень часто только такъ кажется, что нѣть точекъ общихъ, а онѣ очень есть... это отъ лѣнности людской происходитъ, что люди такъ промежъ собой на глазъ сортируются и ничего не могутъ найти... А, впрочемъ, я, можетъ-быть, скучно началь? Вы, какъ будто...

— Два слова-съ: имѣете вы хотя бы нѣкоторое состояніе? Или, можетъ-быть, какія-нибудь занятія намѣрены предпринять? Извините, что я такъ...

— Помилуйте, я вашъ вопросъ очень цѣню и понимаю. Никакого состоянія покамѣстъ я не имѣю и никакихъ занятій тоже покамѣстъ, а надо бы-съ. А деньги теперь у меня были чужія, мнѣ далъ Шнейдеръ, мой профессоръ, у которого я лѣчился и учился въ Швейцаріи, на дорогу, и далъ ровно вплоть, такъ что теперь, напримѣръ, у меня всего денегъ нѣсколько копеекъ осталось. Дѣло у меня, правда, есть одно, и я нуждаюсь въ совѣтѣ, но...

— Скажите, чѣмъ же вы намѣреваетесь покамѣстъ прожить, и какія были ваши намѣренія? перебилъ генераль.

— Трудиться какъ-нибудь хотѣль.

— О, да вы философъ; а, впрочемъ... знаете за собой таланты, способности, хотя бы нѣкоторыя, то-есть, изъ тѣхъ, которыхъ насущный хлѣбъ даютъ? Извините опять...

— О, не извиняйтесь. Нѣть-съ, я думаю, что не имѣю ни талантовъ, ни особыхъ способностей; даже, напротивъ, потому что я большой человѣкъ и правильно не учился. Что же касается до хлѣба, то мнѣ кажется...

Генералъ опять перебилъ и опять сталъ разспрашивать. Князь снова рассказалъ все, что было уже рассказано. Оказалось, что генералъ слышалъ о покойномъ Павлищевѣ и даже зналъ лично. Почему Павлищевъ интересовался его воспитаниемъ, князь и самъ не могъ объяснить; впрочемъ, просто, можетъ-быть, по старой дружбѣ съ покойнымъ отцомъ его. Остался князь послѣ родителей еще малымъ ребенкомъ, всю жизнь проживалъ и росъ по деревнямъ, такъ какъ и здоровье его требовало сельскаго воздуха. Павлищевъ довѣрилъ его какимъ-то старымъ помѣщицамъ, своимъ родственницамъ; для него панималась сначала губернантка, потомъ гувернеръ; онъ объявилъ, впрочемъ, что хотя и все помпить, но мало можетъ удовлетворительно объяснить, потому что во многомъ не давалъ себѣ отчета. Частые припадки его болѣзни сдѣлали изъ него совсѣмъ почти идиота (князь такъ и сказалъ: идиота). Онъ рассказалъ, наконецъ, что Павлищевъ встрѣтился однажды въ Берлинѣ съ профессоромъ Шнейдеромъ, швейцарцемъ, который занимается именно этими болѣзнями, имѣетъ заведеніе въ Швейцаріи, въ кантонѣ Валлійскомъ, лѣчить по своей методѣ холодною водой, гимнастикой, лѣчить и отъ идиотизма, и отъ сумасшествія, при этомъ обучаетъ и берется вообще за духовное развитіе; что Павлищевъ отправилъ его къ нему въ Швейцарію, лѣтъ назадъ около пяти, а самъ два года тому назадъ умеръ, внезапно, не сдѣлавъ распоряженій; что Шнейдеръ держалъ и долѣчивалъ его еще года два; что онъ его не вылѣчилъ, но очень много помогъ; и что, наконецъ, по его собственному желанію и по одному встрѣтившемуся обстоятельству, отправилъ его теперь въ Россію.

Генералъ очень удивился.

— И у васъ въ Россіи никого, рѣшительно никого? спросилъ онъ.

— Теперь никого... но я надѣюсь... притомъ я получилъ письмо...

— По крайней мѣрѣ, перебилъ генералъ, не разслышавъ о письмѣ,— вы чему-нибудь обучались, и ваша болѣзнь не помѣшаетъ вамъ занять какое-нибудь, напримѣръ, не трудное мѣсто, въ какой-нибудь службѣ?

— О, навѣрно не помѣшаетъ. И насчетъ мѣста я бы очень даже желалъ, потому что самому хочется посмотреть, къ чему я способенъ. Учился же я все четыре года постоянно, хотя и не совсѣмъ правильно, а такъ, по осо-

бой его системъ, и при этомъ очень много русскихъ книгъ удалось прочесть.

— Русскихъ книгъ? Стало-быть, грамоту знаете и писать безъ ошибокъ можете?

— О, очень могу.

— Прекрасно-сь; а почеркъ?

— А почеркъ превосходный. Вотъ въ этомъ у меня, пожалуй, и талантъ; въ этомъ я просто каллиграфъ. Дайте мнѣ, я вамъ сейчасъ напишу что-нибудь для пробы, съ жаромъ сказалъ князь.

— Сдѣлайте одолженіе. И это даже надо... И люблю я эту вашу готовность, князь, вы очень, право, милы.

— У васъ же такія славныя письменныя принадлежности, и сколько у васъ карандашей, сколько перьевъ, какая плотная, славная бумага... И какой славный у васъ кабинетъ! Вотъ этотъ пейзажъ я знаю: это видъ швейцарскій. Яувѣренъ, что живописецъ съ натуры писалъ, и я увѣренъ, что это мѣсто я видѣлъ: это въ кантонѣ Ури...

— Очень можетъ быть, хотя это и здѣсь куплено. Ганя, дайте князю бумагу; вотъ перья и бумага, вотъ на этотъ столикъ пожалуйте. Чѣмъ это? обратился генераль къ Ганѣ, который тѣмъ временемъ вынулъ изъ своего портфеля и подалъ ему фотографическій портретъ большого формата.— Ба, Настасья Филипповна! Это сама, сама тебѣ прислала, сама? оживленно и съ большимъ любопытствомъ спрашивалъ онъ Ганю.

— Сейчасъ, когда я былъ съ поздравленіемъ, дала. Я давно уже просилъ. Не знаю, ужъ не намекъ-ли это съ ея стороны, что я самъ пріѣхалъ съ пустыми руками, безъ подарка, въ такой день, прибавилъ Ганя, непріятно улыбаясь.

— Ну, нѣтъ, съ убѣжденiemъ перебилъ генераль, — и какой, право, у тебя складъ мыслей! Станеть она намекать... да и не интересанка совсѣмъ. И притомъ, чѣмъ ты станешь дарить: вѣдь тутъ надо тысячи! Развѣ портретомъ? А чтѣ, кстати, не просила еще она у тебя портрета?

— Нѣтъ, еще не просила; да, можетъ-быть, и никогда не попросить. Вы, Иванъ Федоровичъ, помните, конечно, про сегодняшній вечеръ? Вы вѣдь изъ нарочито приглашенныхъ.

— Помню, помню, конечно, и буду. Еще бы, день

рожденія, двадцать пять лѣтъ! Гм!.. А знаешь, Ганя, я ужъ, такъ и быть, тебѣ открою. Приготовься. Аѳанасію Ивановичу и мнѣ она обѣщала, что сегодня у себя вечеромъ скажетъ послѣднее слово: быть или не быть. Такъ смотри же, знай.

Ганя вдругъ смущился до того, что даже поблѣднѣлъ немножко.

— Она это навѣрно сказала? спросилъ онъ, и голосъ его какъ бы дрогнулъ.

— Третьаго дня слово дала. Мы такъ приставали оба, что вынудили. Только тебѣ просила до времени не передавать.

Генералъ пристально разсмотривалъ Ганю; смущеніе Гани ему видимо не нравилось.

— Вспомните, Иванъ Федоровичъ, сказалъ тревожливо и колеблясь Ганя,—что вѣдь она дала мнѣ полную свободу рѣшенья до тѣхъ самыхъ поръ, пока не рѣшить сама дѣла, да и тогда все еще мое слово за мной...

— Такъ развѣ ты... такъ развѣ ты... испугался вдругъ генералъ.

— Я ничего.

— Помилуй, чѣмъ же ты съ нами-то хочешь дѣлать?

— Я вѣдь не отказываюсь. Я, можетъ-быть, не такъ выразился...

— Еще бы ты-то отказывался! съ досадой проговорилъ генералъ, не желая даже и сдерживать досады.—Тутъ, братъ, дѣло ужъ не въ томъ, что ты *не* отказываешься, а дѣло въ твоей готовности, въ удовольствіи, въ радости, съ которою примѣшь ея слова... Чѣмъ у тебя дома дѣлается?

— Да чѣмъ дома? Дома все состоять въ моей волѣ, только отецъ, по обыкновенію, дурачится, по вѣдь это совершенный безобразникъ сдѣлался; я съ нимъ ужъ и не говорю, но, однажды, въ тискахъ держу, и, право, если-бъ не мать, такъ указалъ бы дверь. Мать все, конечно, плачетъ; сестра злится, а я имъ прямо сказалъ, наконецъ, что я господинъ своей судьбы, и въ домѣ, желаю, чтобы меня... слушались. Сестрѣ, по крайней мѣрѣ, все это отчеканилъ при матери.

— А я, братъ, продолжаю не постигать, задумчиво замѣтилъ генералъ, пѣсколько вскинувъ плечами и пемного разставивъ руки.—Нина Александровна тоже намедни, вотъ когда приходила-то, помнишь? стонѣть и охаетъ:

„чего вы?“ спрашиваю. Выходитъ, что имъ будто бы тутъ *безчестье*. Какое же тутъ безчестье, позвольте спросить? Кто въ чёмъ можетъ Настасью Филипповну укорить или что-нибудь про нее указать? Неужели то, что она съ Тоцкимъ была? Но вѣдь это такой уже вздоръ, при известныхъ обстоятельствахъ особенно! „Вы, говорить, не пустите ее къ вашимъ дочерямъ?“ Ну! Эвона! Аи да Нина Александровна! То есть, какъ это не понимать, какъ это не понимать...

— Своего положенія? подсказалъ Ганя затруднившемуся генералу.—Она понимаетъ; вы на нее не сердитесь. И, впрочемъ, тогда же намылилъ голову, чтобы въ чужія дѣла не совались. И, однако, до сихъ поръ все тѣмъ только у насть въ домѣ и держится, что послѣднаго слова еще не сказано, а гроза грянетъ. Если сегодня скажется послѣднее слово, стало-быть, и все скажется.

Князь слышалъ весь этотъ разговоръ, сидя въ уголкѣ за своею каллиграфскою пробой. Опѣ кончили, подошелъ къ столу и подалъ свой листокъ.

— Такъ это Настасья Филипповна? промолвилъ онъ, внимательно и любопытно поглядѣвъ на портретъ.—Удивительно хороша! прибавилъ онъ тотчасъ же съ жаромъ.

На портретѣ была изображена действительно необыкновенной красоты женщина. Она была сфотографирована въ черномъ шелковомъ платьѣ, чрезвычайно простого и изящного фасона; волосы, повидимому, темнорусые, были убранны просто, по-домашнему; глаза темные, глубокіе, лобъ задумчивый; выраженіе лица страстное и какъ бы высокомѣрное. Она была нѣсколько худа лицомъ, можетъ-быть, и блѣдна... Ганя и генераль съ изумленіемъ посмотрѣли на князя...

— Какъ, Настасья Филипповна! Развѣ вы ужъ знаете и Настасью Филипповну? спросилъ генераль.

— Да, всего только сутки въ Россіи, а ужъ такую раскрасавицу знаю, отвѣтилъ князь.

И тутъ же рассказалъ про свою встречу съ Рогожинскимъ и передалъ весь разсказъ его.

— Вотъ еще новости! опять затревожился генераль, чрезвычайно внимательно выслушавшій разсказъ, и пытливо поглядѣлъ на Ганю.

— Вѣроятно, одно только безобразіе, пробормоталъ тоже нѣсколько замѣшавшійся Ганя,—купеческій сынокъ гуляетъ. Я про него что-то уже слышалъ.

— Да и я, братъ, слышалъ, подхватилъ генераль.— Тогда же, послѣ серегъ, Настасья Филипповна весь анекдотъ пересказывала. Да вѣдь дѣло-то теперь уже другое. Тутъ, можетъ-быть, дѣйствительно миллионъ сидитъ и... страсть. Безобразная страсть, положимъ, но все-таки страстью пахнетъ, а вѣдь известно, на что эти господа способны во всемъ хмелю!.. Гм!.. Не вышло бы анекдота какого-нибудь! заключилъ генераль задумчиво.

— Вы миллиона опасаетесь? осклабился Ганя.

— А ты нѣтъ, конечно?

— Какъ вамъ показалось, князь, обратился вдругъ къ нему Ганя,—что это, серьезный какой-нибудь человѣкъ, или только такъ, безобразникъ? Собственно ваше мнѣніе?

Въ Ганѣ что-то происходило особенное, когда онъ задавалъ этотъ вопросъ. Точно новая и особенная какая-то идея загорѣлась у него въ мозгу и нетерпѣливо засверкала въ глазахъ его. Генераль же, который искренно и простосердечно беспокоился, тоже покосился на князя, но какъ бы не ожидал много отъ его отвѣта.

— Не знаю, какъ вамъ сказать, отвѣтилъ князь,—только мнѣ показалось, что въ немъ много страсти и даже какой-то больной страсти. Да онъ и самъ еще совсѣмъ какъ будто больной. Очень можетъ быть, что съ первыхъ же дней въ Петербургѣ и опять сляжетъ, особенно если закутить.

— Такъ? Вамъ такъ показалось? уцѣпился генераль за эту идею.

— Да, показалось.

— И однажды этого рода анекдоты могутъ происходить и не въ нѣсколько дней, а еще до вечера, сегодня же, можетъ, что-нибудь обернется, усмѣхнулся генералу Ганя.

— Гм!.. Конечно... Пожалуй, а ужъ тогда все дѣло въ томъ, какъ у ней въ головѣ мелькнетъ, сказалъ генераль.

— А вѣдь вы знаете какова она иногда?

— То-есть какова же? вскинулся опять генераль, достигшій чрезвычайшаго разстройства.—Послушай, Ганя, ты пожалуйста сегодня ей много не противорѣчь и пострайся этакъ, знаешь, быть... однимъ словомъ, быть по душѣ... Гм!.. Чѣмъ ты такъ ротъ-то кривишь? Слушай, Гаврила Ардаліонычъ, кстати, очень даже кстати будетъ теперь сказать: изъ-за чего мы хлопочемъ? Понимаешь, что я относительно моей собственной выгоды, которая

тутъ сидить, уже давно обезпеченъ; я, такъ или иначе, а въ свою пользу дѣло рѣшу. Тоцкій рѣшеніе свое принялъ непоколебимо, стало-быть, и я совершенно увѣренъ. И потому, если я теперь желаю чего, такъ это единственно твоей пользы. Самъ посуди: не довѣряешь ты что-ли мнѣ? Притомъ же ты человѣкъ... человѣкъ... однимъ словомъ, человѣкъ умный, и я на тебя понадѣялся... а это, въ настоящемъ случаѣ... это... это...

— Это главное, договорилъ Ганя, опять помогая затруднившемуся генералу и скрививъ свои губы въ ядовитѣйшую улыбку, которую уже не хотѣлъ скрывать.

Онъ глядѣлъ своимъ воспаленнымъ взглядомъ прямо въ глаза генералу, какъ бы даже желая, чтобы тотъ прочелъ въ его взглядѣ всю его мысль. Генералъ побагровѣлъ и вспыхнулъ.

— Ну, да, умъ главное! поддакнулъ онъ, рѣзко смотря на Ганю.—И смѣшной же ты человѣкъ, Гаврила Ардаліонычъ! Ты вѣдь точно радъ, я замѣчаю, этому кунчику, какъ выходу для себѣ. Да тутъ именно черезъ умъ надо бы съ самаго начала дойти; тутъ именно надо понять и... и поступить съ обѣихъ сторонъ честно и прямо, не то... предувѣдомить заранѣе, чтобы не компрометтировать другихъ, тѣмъ паче, что и времени къ тому было довольно, и даже еще и теперь остается довольно (генералъ значительно поднялъ брови), несмотря на то, что остается всего только нѣсколько часовъ... Ты понялъ? Понялъ? Хочешь ты или не хочешь, въ самомъ дѣлѣ? Если не хочешь, скажи, и—милости просимъ. Никто васъ, Гаврила Ардаліонычъ, не удерживаетъ, никто насильно въ канканъ не тащитъ, если вы только видите тутъ канканъ.

— Я хочу, вполногоса, но твердо проговорилъ Ганя, потупилъ глаза и мрачно замолкъ.

Генералъ былъ удовлетворенъ. Генералъ погорячился, но ужъ видимо раскаивался, что далеко зашелъ. Онъ вдругъ оборотился къ князю, и, казалось, по лицу его вдругъ прошла безнокойная мысль, что вѣдь князь былъ тутъ и все-таки слышалъ. Но онъ мгновенно успокоился: при одномъ взглядѣ на князя можно было вполнѣ успокоиться.

— Ого! вскричалъ генералъ, смотря на образчикъ каллиграфіи, представленный княземъ.—Да вѣдь это пропись! Да и пропись-то рѣдкая! Посмотри-ка, Ганя, каковъ талантъ!

На толстомъ веленевомъ листѣ князь написалъ средневѣковымъ русскимъ шрифтомъ фразу:

„Смиренный игуменъ Пафнутий руку приложилъ“.

— Вотъ это, разъяснялъ князь съ чрезвычайнымъ удовольствиемъ и одушевленiemъ, — это собственная подпись игумена Пафнутия, со снимка четырнадцатаго столѣтія. Они превосходно подписывались, всѣ эти наши старые игумены и митрополиты, и съ какимъ иногда вкусомъ, съ какимъ стараніемъ! Неужели у васъ нѣтъ хоть Погодинскаго изданія, генералъ? Потомъ я вотъ тутъ написалъ другимъ шрифтомъ: это круглый, крупный французскій шрифтъ прошлаго столѣтія, иныя буквы даже иначе писались, шрифтъ площадной, шрифтъ публичныхъ писцовъ, заимствованный съ ихъ образчиковъ (у меня былъ одинъ), — согласитесь сами, что онъ не безъ достоинствъ. Взгляните на эти круглые *o*, *a*. Я перевелъ французскій характеръ въ русскія буквы, что очень трудно, а вышло удачно. Вотъ и еще прекрасный и оригинальный шрифтъ, вотъ эта фраза: „усердіе все превозмогаетъ“. Это шрифтъ русскій, писарскій или, если хотите, военно-писарскій. Такъ пишется казенная бумага къ важному лицу, тоже круглый шрифтъ, славный, черный шрифтъ, черно написано, но съ замѣчательнымъ вкусомъ. Каллиграфъ не допустилъ бы этихъ росчерковъ или, лучше сказать, этихъ попытокъ росчеркнуться, вотъ этихъ недоконченныхъ полуухвостиковъ, — замѣчаете, — а въ цѣломъ, посмотрите, оно составляетъ вѣдь характеръ, и, право, вся тутъ военно-писарская душа проглянула: разгуляться бы и хотѣлось, и талантъ просится, да воротникъ военный туго на крючокъ стянутъ, дисциплина и въ почеркѣ вышла, прелесты! Это недавно меня одинъ образчикъ такой поразилъ, случайно нашелъ, да еще гдѣ? — въ Швейцаріи! Ну, вотъ это простой, обыкновенный и чистѣйшій англійскій шрифтъ: дальше ужъ изящество не можетъ идти, тутъ все прелесты, бисеръ, жемчугъ; это закончено; но вотъ и варіація, и опять французская, я ее у одного французского путешествующаго коми заимствовалъ: тотъ же англійскій шрифтъ, но черная линія капельку почернѣе и потолще, чѣмъ въ англійскомъ, анъ — пропорція свѣта и нарушенна; и замѣтьте тоже: овалъ измѣненъ, капельку круглѣе и вдобавокъ позволенъ росчеркъ, а росчеркъ это наипаснейшая вещь! Росчеркъ требуетъ необыкновенного вкуса; но если только онъ удался, если найдена пропорція, то эта-

кой шрифть ни съ чѣмъ не сравнимъ, такъ даже, что можно влюбиться въ него.

— Ого! да въ какія вы тонкости заходите, смѣялсѧ генераль,—да вы, батюшка, не просто каллиграфъ, вы артистъ, а, Ганя?

— Удивительно, сказалъ Ганя,—и даже съ сознаніемъ своего назначенія, прибавилъ онъ, смѣясь насыщливо.

— Смѣйся, смѣйся, а вѣдь тутъ карьера, сказалъ генераль.—Вы знаете, князь, къ какому лицу мы теперь вамъ бумаги писать дадимъ? Да вамъ прямо можно тридцать пять рублей въ мѣсяцъ положить, съ первого шагу. Однако, ужъ половина первого, заключилъ онъ, взглянувъ на часы.—Къ дѣлу, князь, потому мнѣ надо поспѣшить, а сегодня, можетъ, мы съ вами не встрѣтимся! Присядьте-ка на минутку; я вамъ уже изяснилъ, что принимать васъ очень часто не въ состояніи, но помочь вамъ капельку искренно желаю, капельку, разумѣется, то-есть въ видѣ необходимѣйшаго, а тамъ какъ ужъ вамъ самимъ будетъ угодно. Мѣстечко въ канцеляріи я вамъ прищу, не тугое, но потребуетъ аккуратности. Теперь—съ настѣньемъ дальнѣйшаго: въ домѣ, то-есть въ семействѣ Гаврилы Ардаліоныча Иволгина, вотъ этого самаго молодого моего друга, съ которымъ прошу познакомиться, маменька его и сестрица очистили въ своей квартирѣ двѣ-три меблированныя комнаты и отдаютъ ихъ отлично рекомендованымъ жильцамъ, со столомъ и прислугой. Мою рекомендацио, яувѣренъ, Нина Александровна приметъ. Для васъ же, князь, это даже больше чѣмъ кладъ, во-первыхъ, потому, что вы будете не одинъ, а, такъ сказать, въ нѣдрахъ семейства, а по моему взгляду, вамъ нельзя съ перваго шагу очутиться однимъ въ такой столицѣ, какъ Петербургъ. Нина Александровна—маменька и Варвара Ардаліоновна—сестрица Гаврилы Ардаліоныча,—дамы, которыхъ я уважаю чрезмѣрно. Нина Александровна, супруга Ардаліона Александровича, отставленнаго генерала, моего бывшаго товарищ по первоначальной службѣ, но съ которыми я, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, прекратилъ сношенія, чтѣ, впрочемъ, не мѣшаетъ мнѣ въ своемъ родѣ уважать его. Все это я вамъ изясняю, князь, съ тѣмъ, чтобы вы поняли, что я васъ, такъ сказать, лично рекомендую, слѣдственно за васъ какъ бы тѣмъ ручаюсь. Плата самая умѣренная, и я надѣюсь, жалованье ваше въ скорости будетъ совершенно къ тому достаточно. Правда, че-

ловъку необходимы и карманныя деньги, хоть бы нѣкоторыя, но вы не разсердитесь, князь, если я вамъ замѣчу, что вамъ лучше бы избѣгать карманныхъ денегъ, да и вообще денегъ въ карманѣ. Такъ по взгляду моему на васъ говорю. Но такъ какъ теперь у васъ кошелекъ совсѣмъ пустъ, то, для первоначалу, позвольте вамъ предложить вотъ эти двадцать пять рублей. Мы, конечно, сочтемся, и если вы такой искренній и задушевный человѣкъ, какимъ кажется на словахъ, то затрудненій и тутъ между нами выйти не можетъ. Если же я вами такъ интересуюсь, то у меня, на вашъ счетъ, есть даже нѣкоторая цѣль; впослѣдствии вы ее узнаете. Видите, я съ вами совершенно просто; надѣюсь, Ганя, ты ничего не имѣешь противъ помѣщенія князя въ вашей квартирѣ?

— О, напротивъ! И мамаша будетъ очень рада... вѣжливо и предупредительно подтвердила Ганя.

— У васъ вѣдь, кажется, только одна комната и занята. Этотъ, какъ его, Ферд... Фер...

— Фердыщенко.

— Ну, да; не нравится мнѣ этотъ вашъ Фердыщенко. сальный шутъ какой-то. И не понимаю, почему его такъ поощряетъ Настасья Филипповна? Да онъ взаправду что-ли ей родственникъ?

— О, нѣтъ, все это шутка! И не пахнетъ родственникомъ.

— Ну, чортъ съ нимъ! Ну, такъ какъ же вы, князь, довольны или пѣтъ?

— Благодарю васъ, генераль, вы поступили со мной какъ чрезвычайно добрый человѣкъ, тѣмъ болѣе, что я даже и не просилъ; я не изъ гордости это говорю; я и дѣйствительно не зналъ, куда голову приклонить. Меня, правда, давеча позвалъ Рогожинъ.

— Рогожинъ? Ну, вѣтъ; я бы вамъ посовѣтовалъ отечески, или, если больше любите, дружески, и забыть о господинѣ Рогожинѣ. Да и вообще совѣтовалъ бы вамъ придерживаться семейства, въ которое вы поступите.

— Если ужъ вы такъ добры, началь было князь,—то вотъ у меня одно дѣло. Я получилъ увѣдомленіе...

— Ну, извините, перебилъ генераль,—теперь ни минуты болѣе не имѣю. Сейчастъ я скажу о васъ Лизаветѣ Прокофьевнѣ: если она пожелаетъ припять васъ теперь же (я ужъ въ такомъ видѣ постараюсь васъ отрекомендовать), то совѣтую воспользоваться случаемъ и понравиться,

потому Лизавета Прокофьевна очень можетъ вамъ пригодиться; вы же однофамилецъ. Если не пожелаетъ, то не взыщите, когда-нибудь въ другое время. А ты, Ганя, взгляни-ка покамѣстъ на эти счеты, мы давеча съ Федосѣевымъ бились. Ихъ надо бы не забыть включить...

Генераль вышелъ, и князь такъ и не успѣлъ разскать о своемъ дѣлѣ, о которомъ начиналъ было чуть-ли не въ четвертый разъ. Ганя закурилъ папиросу и предложилъ другую князю; князь принялъ, но не заговоривъ, не желая помышлять, и сталъ разсматривать кабинетъ, но Ганя едва взглянула на листъ бумаги, исписанный цифрами, указанный ему генераломъ. Онъ былъ разсѣянъ; улыбка, взглядъ, задумчивость Гани стали еще болѣе тяжелы на взглядъ князя, когда они оба остались наединѣ. Вдругъ онъ подошелъ къ князю; тотъ въ эту минуту стоялъ опять надъ портретомъ Настасии Филипповны и разсматривалъ его.

— Такъ вамъ нравится такая женщина, князь? спросилъ онъ вдругъ, произительно смотря на него, и точно будто бы у него было такое чрезвычайное намѣреніе.

— Удивительное лицо! отвѣтилъ князь,—и я увѣренъ, что судьба ея не изъ обыкновенныхъ. Лицо веселое, а она вѣдь ужасно страдала, а? Объ этомъ глаза говорятъ, вотъ эти двѣ косточки, двѣ точки подъ глазами въ началѣ щекъ. Это гордое лицо, ужасно гордое, и вотъ не знаю, добрали она? Ахъ, кабы добра! Все было бы спасено!

— А женились бы вы на такой женщинѣ? продолжалъ Ганя, не спуская съ него воспаленного взгляда.

— Я не могу жениться ни на комъ, я нездоровъ, сказалъ князь.

— А Рогожинъ женился бы? Какъ вы думаете?

— Да что же, жениться, я думаю, и завтра же можно; женился бы, а черезъ недѣлю, пожалуй, и зарѣзалъ бы ее.

Только что выговорилъ это князь, Ганя вдругъ такъ вздрогнула, что князь чуть не вскрикнулъ.

— Что съ вами? проговорилъ онъ, хватая его за руку.

— Ваше сіятельство! Его превосходительство просить васъ пожаловать къ ея превосходительству, возвѣстилъ лакей, появляясь въ дверяхъ.

Князь отправился вслѣдъ за лакеемъ.

IV.

Всѣ три дѣвицы Еланчины были барышни здоровыя, цвѣтущія, рослыя, съ удивительными плечами, съ мощною грудью, съ сильными, почти какъ у мужчинъ, руками, и, конечно, вслѣдствіе своей силы и здоровья, любили иногда хорошо покушать, чего вовсе и не желали скрывать. Маменька ихъ, генеральша Лизавета Прокофьевна, иногда косилась на откровенность ихъ аппетита, но такъ какъ иная мнѣнія ея, несмотря на всю наружную почтительность, съ которой принимались дочерьми, въ сущности давно уже потеряли первоначальный и безспорный авторитетъ между ними, и до такой даже степени, что установившійся согласный конклавъ трехъ дѣвилъ сплошь да рядомъ начиналъ пересиливать, то и генеральша, въ видахъ собственного достоинства, нашла удобнѣе не спорить и уступать. Правда, характеръ весьма часто не слушался и не подчинялся рѣшеніямъ благоразумія; Лизавета Прокофьевна становилась съ каждымъ годомъ все капризнѣе и нетерпѣливѣе, стала даже какая-то чудачка, но такъ какъ подъ рукой все-таки оставался весьма покорный и пріученный мужъ, то излишнее и накопившееся изливалось обыкновенно на его голову, а затѣмъ гармонія въ семействѣ возстановлялась опять, и все шло какъ не надо лучше.

Генеральша, впрочемъ, и сама не теряла аппетита, и обыкновенно, въ половинѣ первого, принимала участіе въ обильномъ завтракѣ, похожемъ почти на обѣдъ, вмѣстѣ съ дочерьми. По чашкѣ кофе выпивалось барышнями еще раньше, ровно въ десять часовъ, въ постеляхъ, въ минуту пробужденія. Такъ имъ полюбилось и установилось разъ навсегда. Въ половинѣ же первого накрывался столъ въ маленькой столовой, близъ мамашиныхъ комнатъ, и къ этому семейному и интимному завтраку являлся иногда и самъ генералъ, если позволяло время. Кромѣ чаю, кофе, сыру, меду, масла, особыхъ оладій, излюбленныхъ самою генеральшей, котлетъ и пр., подавался даже крѣпкій, горячій бульонъ. Въ то утро, въ которое начался нашъ разсказъ, все семейство собралось въ столовой въ ожиданіи генерала, обѣщавшаго явиться къ половинѣ первого. Если-бы онъ опоздалъ хоть минуту, за нимъ тотчасъ же послали бы; но онъ явился аккуратно. Подойдя поздороваться съ супругой и подѣловать у ней ручку, онъ замѣ-

тиль въ лицѣ ея на этотъ разъ что-то слишкомъ особенное. И хотя онъ еще наканунѣ предчувствовалъ, что такъ именно и будетъ сегодня по одному „анекдоту“ (какъ онъ самъ по привычкѣ своей выражался) и, уже засыпая вчера, объ этомъ беспокоился, но все-таки теперь опять струсилъ. Дочери подошли съ нимъ подѣловариться; тутъ хотя и не сердились на него, но все-таки и тутъ было тоже какъ бы что-то особенное. Правда, генераль, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, сталъ излишне подозрителенъ; но такъ какъ онъ былъ отецъ и супругъ опытный и ловкий, то totчасъ же и взялъ свои мѣры.

Можетъ-быть, мы не очень повредимъ выпуклости нашего разсказа, если остановимся здѣсь и прибѣгнемъ къ помощи нѣкоторыхъ пояснений для прямой и точнѣйшей постановки тѣхъ отношеній и обстоятельствъ, въ которыхъ мы находимъ семейство генерала Епанчина въ началѣ нашей повѣсти. Мы уже сказали сейчасъ, что самъ генераль, хотя былъ человѣкъ и не очень образованный, а, напротивъ, какъ онъ самъ выражался о себѣ, „человѣкъ самоучный“, но былъ однакоже опытнымъ супругомъ и ловкимъ отцомъ. Между прочимъ, онъ принялъ систему не торопить дочерей своихъ замужъ, то-есть не „висѣть у нихъ надъ душой“ и не беспокоить ихъ слишкомъ томлениемъ своей родительской любви объ ихъ счастій, какъ невольно и естественно происходитъ сплошь да рядомъ даже въ самыхъ умныхъ семействахъ, въ которыхъ накапляются взрослые дочери. Онъ даже достигъ того, что склонилъ и Лизавету Прокофьевну къ своей системѣ, хотя дѣло и вообще было трудное,—трудное потому, что и неестественное; но аргументы генерала были чрезвычайно значительны, основывались на осозаемыхъ фактахъ. Да и предоставленные вполнѣ своей волѣ и своимъ рѣшеніямъ, невѣсты натурально принуждены же будутъ, наконецъ, взяться сами за умъ, и тогда дѣло загорится, потому что возьмутся за дѣло охотой, отложивъ капризы и излишнюю разборчивость; родителямъ оставалось бы только неусыпнѣе и какъ можно непримѣтнѣе наблюдать, чтобы не произошло какого-нибудь страннаго выбора или неестественного уклоненія, а затѣмъ, улучивъ надлежащей монентъ, разомъ помочь всѣми силами и направить дѣло всѣми вліяніями. Наконецъ, ужъ одно то, что съ каждымъ годомъ, напримѣръ, росло въ геометрической прогрессіи ихъ состояніе и общественное значеніе: слѣдственно, чѣмъ

болье уходило время, тѣмъ болѣе выигрывали и дочери, даже какъ невѣсты. Но среди всѣхъ этихъ неотразимыхъ фактовъ, наступилъ и еще одинъ фактъ: старшей дочери, Александрѣ, вдругъ, и совсѣмъ почти неожиданно (какъ и всегда это такъ бываетъ), минуло двадцать пять лѣтъ. Почти въ то же самое время и Афанасій Ивановичъ Тоцкій, человѣкъ высшаго свѣта, съ высшими связями и необыкновенаго богатства, опять обнаружилъ свое стаинное желаніе жениться. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти пяти, изящнаго характера, съ необыкновенною утонченностью вкуса. Ему хотѣлось жениться хорошо; пѣнитель красоты онъ былъ чрезвычайный. Такъ какъ съ нѣкотораго времени онъ съ генераломъ Епанчинымъ состоялъ въ необыкновенной дружбѣ, особенно усиленной взаимнымъ участіемъ въ нѣкоторыхъ финансовыхъ предпріятіяхъ, то и сообщилъ ему, такъ сказать, прося дружескаго совѣта и руководства: возможно или нѣтъ предположеніе объ его бракѣ съ одною изъ его дочерей? Въ тихомъ и прекрасномъ теченіи семейной жизни генерала Епанчина наступалъ очевидный переворотъ.

Безспорною красавицей въ семействѣ, какъ уже сказано было, была младшая, Аглай. Но даже самъ Тоцкій, человѣкъ чрезвычайнаго эгоизма, понялъ, что не тутъ ему надо искать, и что Аглай не ему предназначена. Можетъ быть, нѣсколько слѣпая любовь и слишкомъ горячая дружба сестеръ и преувеличивали дѣло, но судьба Аглаи предназначалась между ними, самымъ искреннимъ образомъ, быть не просто судьбой, а возможнымъ идеаломъ земного рая. Будущій мужъ Аглаи долженъ быть обладателемъ всѣхъ совершенствъ и успѣховъ, не говоря уже о богатствѣ. Сестры даже положили между собой, и какъ-то безъ особыхъ лишнихъ словъ, о возможности, если надо, пожертвованія съ ихъ стороны въ пользу Аглаи; приданое для Аглаи предназначалось колоссальное и изъ ряду вонъ. Родители знали объ этомъ соглашеніи двухъ старшихъ сестеръ, и потому, когда Тоцкій попросилъ совѣта, между ними почти и сомнѣній не было, что одна изъ старшихъ сестеръ навѣрно не откажется увѣнчать ихъ желанія, тѣмъ болѣе, что Афанасій Ивановичъ не могъ затрудниться насчетъ приданаго. Предложеніе же Тоцкаго самъ генералъ оцѣнилъ тотчасъ же, съ свойственнымъ ему знаніемъ жизни, чрезвычайно высоко. Такъ какъ и самъ Тоцкій наблюдалъ покамѣстъ, по нѣкото-

рымъ особымъ обстоятельствамъ, чрезвычайную осторожность въ своихъ шагахъ, и только еще зондировалъ дѣло, то и родители предложили дочеримъ на видъ только еще самыя отдаленные предположенія. Въ отвѣтъ на это было получено отъ нихъ, тоже хоть не совсѣмъ определенное, но, по крайней мѣрѣ, успокоительное заявленіе, что старшая, Александра, пожалуй и не откажется. Это была дѣвушка хотя и съ твердымъ характеромъ, но добрая, разумная и чрезвычайно уживчивая; могла выйти за Тоцкаго даже охотно, и если бы дала слово, то исполнила бы его честно. Блеска она не любила, не только не грозила хлопотами и крутымъ переворотомъ, но могла даже уладить и успокоить жизнь. Собой она была очень хороша, хотя и не такъ эффектна. Чѣмъ могло быть лучше для Тоцкаго?

И однажды дѣло продолжало идти все еще ощупью. Взаимно и дружески, между Тоцкимъ и генераломъ, положено было до времени избѣгать всякаго формального и безвозвратного шага. Даже родители все еще не начинали говорить съ дочерьми совершенно открыто; начинался какъ будто и диссонансъ: генеральша Епанчина, мать семейства, становилась почему-то недовольною, а это было очень важно. Тутъ было одно мѣшавшее всему обстоятельство, одинъ мудрѣй и хлопотливый случай, изъ-за котораго все дѣло могло разстроиться безвозвратно.

Этотъ мудрѣй и хлопотливый „случай“ (какъ выражался самъ Тоцкій) начался еще очень давно, лѣтъ восемнадцать этакъ назадъ. Рядомъ съ однимъ изъ богатѣйшихъ помѣстій Аѳанасія Ивановича, въ одной изъ срединныхъ губерній, бѣдствовалъ одинъ мелкопомѣстный и бѣднѣйший помѣщикъ. Это былъ человѣкъ замѣчательный по своимъ безпрерывнымъ и анекдотическимъ неудачамъ,— одинъ отставной офицеръ, хороший дворянской фамиліи, и даже въ этомъ отношеніи почище Тоцкаго, нѣкто Филиппъ Александровичъ Барашковъ. Весь задолжавшийся и заложившійся, онъ успѣлъ уже, наконецъ, послѣ каторжныхъ, почти мужицкихъ трудовъ, устроить кое-какъ свое маленькоѣ хозяйство удовлетворительно. При малѣйшей удачѣ онъ необыкновенно ободрялся. Ободренный и прославившій надеждами, онъ отлучился на нѣсколько дней въ свой уѣздный городокъ, чтобы повидаться и, буде возможно, столкнуться окончательно съ однимъ изъ главнѣйшихъ своихъ кредиторовъ. На третій день по прибы-

тіі его въ городъ, явился къ нему изъ его деревеньки его староста, верхомъ, съ обожженою щекой и обгорѣвшою бородой, и возвѣстилъ ему, что „вотчина сгорѣла“, вчера, въ самый полдень, при чёмъ „изволили сгорѣть и супруга, а дѣточки цѣлы остались“. Этого сюрприза даже и Барашковъ, пріученный къ „сиякамъ фортуны“, не могъ вынести; онъ сошелъ съ ума и черезъ мѣсяцъ померъ въ горячкѣ. Сгорѣвшее имѣніе, съ разбредшимися по-міру мужиками, было продано за долги; двухъ же маленькихъ дѣвочекъ, шести и семи лѣтъ, дѣтей Барашкова, по великодушію своему, принялъ на свое иждивеніе и воспитаніе Аѳанасій Ивановичъ Тоцкій. Онъ стали воспитываться вмѣстѣ съ дѣтьми управляющаго Аѳанасія Ивановича, одного отставного и многосемейнаго чиновника и притомъ нѣмца. Вскорѣ осталась одна только дѣвочка, Настя, а младшая умерла отъ коклюша; Тоцкій же вскорѣ совсѣмъ и забылъ о нихъ обѣихъ, проживая за границей. Лѣтъ пять спустя, однажды, Аѳанасій Ивановичъ, проѣздомъ, вздумалъ заглянуть въ свое помѣстье и вдругъ замѣтилъ въ деревенскомъ своемъ домѣ, въ семействѣ своего нѣмца, прелестнаго ребенка, дѣвочку лѣтъ двѣнадцати, рѣзвую, милую, умнѣньюю и обѣщавшую необыкновенную красоту; въ этомъ отношеніи Аѳанасій Ивановичъ былъ знатокъ безошибочный. Въ этотъ разъ онъ пробылъ въ помѣстии всего нѣсколько дней, но успѣлъ распорядиться; въ воспитаніи дѣвочки произошла значительная перемѣна: приглашена была почтенная и пожилая гувернантка, опытная въ высшемъ воспитаніи дѣвицъ, швейцарка, образованная и преподававшая, кроме французскаго языка, и разныя науки. Она поселилась въ деревенскомъ домѣ, и воспитаніе маленькой Настасіи приняло чрезвычайные размѣры. Ровно чрезъ четыре года это воспитаніе кончилось; гувернантка уѣхала, а за Настей прѣѣхала одна барыня, тоже какая-то помѣщица и тоже совсѣмъ г-на Тоцкаго по имѣнію, но уже въ другой, далекой губерніи, и взяла Настю съ собой, всѣдѣствіе инструкціи и полномочія отъ Аѳанасія Ивановича. Въ этомъ небольшомъ помѣстии оказался тоже, хотя и небольшой, только что отстроенный деревянный домъ; уранѣ онъ былъ особенно изящно, да и деревенька, какъ нарочно, называлось сельцо „Отрадное“. Помѣщица привезла Настю прямо въ этотъ тихій домикъ, и такъ какъ сама она, бездѣтная вдова, жила всего въ одной verstѣ, то и сама

поселилась вмѣстѣ съ Настей. Около Нasti явилась старуха-ключница и молодая, опытная горничная. Въ домѣ нашлись музыкальные инструменты, изящная дѣвичья библиотека, картины, эстампы, карандаши, кисти, краски, удивительная левретка, а чрезъ двѣ недѣли пожаловалъ и самъ Аѳанасій Ивановичъ... Съ тѣхъ порь онъ какъ-то особенно полюбиль эту глухую, степную свою деревеньку, заѣзжалъ каждое лѣто, гостила по два, даже по три мѣсяца, и такъ прошло довольно долгое время, года четыре, спокойно и счастливо, со вкусомъ и изящно.

Однажды случилось, что какъ-то въ началѣ зимы, мѣсяца четыре спустя послѣ одного изъ лѣтнихъ прїездовъ Аѳанасія Ивановича въ „Отрадное“, заѣзжавшаго на этотъ разъ всего только на двѣ недѣли, пронесся слухъ, или, лучше сказать, дошелъ какъ-то слухъ до Настасии Филипповны, что Аѳанасій Ивановичъ въ Петербургѣ жениится на красавицѣ, на богатой, на знатной, — однимъ словомъ, дѣлаетъ солидную и блестящую партію. Слухъ этотъ оказался потомъ не во всѣхъ подробностяхъ вѣрнымъ: свадьба и тогда была еще только въ проектѣ, и все еще было очень неопределенно, но въ судьбѣ Настасии Филипповны все-таки произошелъ съ этого времени чрезвычайный переворотъ. Она вдругъ выказала необыкновенную рѣшимость и обнаружила самый неожиданный характеръ. Долго не думая, она бросила свой деревенскій домикъ и вдругъ явилась въ Петербургѣ, прямо къ Тоцкому, одна-одинѣхонька. Тотъ изумился, началъ было говорить; но вдругъ оказалось, почти съ первого слова, что надобно совершено измѣнить слогъ, диапазонъ голоса, прежнія темы пріятныхъ и изящныхъ разговоровъ, употреблявшіяся доселѣ съ такимъ успѣхомъ, логику, — все, все, все! Предъ нимъ сидѣла совершенно другая женщина, нисколько не похожая на ту, которую онъ зналъ доселѣ и оставилъ всего только въ юлѣ мѣсяцѣ въ сельцѣ „Отрадномъ“.

Эта новая женщина, оказалось, во-первыхъ, необыкновенно много знала и понимала, — такъ много, что надо было глубоко удивляться, откуда она могла пріобрѣсти такія свѣдѣнія, выработать въ себѣ такія точныя понятія. (Неужели изъ своей дѣвичьей библиотеки?). Мало того, она даже юридически чрезвычайно много понимала и имѣла положительное знаніе, если не свѣга, то о томъ, по крайней мѣрѣ, какъ нѣкоторыя дѣла текутъ на свѣтѣ;

во-вторыхъ, это былъ совершенно не тотъ характеръ, какъ прежде, то-есть не что-то робкое, пансіонски неопределеннное, иногда очаровательное по своей оригинальной рѣзвости и наивности, иногда грустное и задумчивое, удивленное, недовѣрчивое, плачущее и беспокойное.

Нѣтъ: тутъ хотело передъ нимъ и кололо его ядовитѣйшими сарказмами необыкновенное и неожиданное существо, прямо заявившее ему, что никогда оно не имѣло къ нему въ своемъ сердцѣ ничего, кроме глубочайшаго презрѣнія, презрѣнія до тошноты, наступившаго тотчасъ же послѣ первого удивленія. Эта новая женщина объявляла, что ей въ полномъ смыслѣ все равно будетъ, если онъ сейчасъ же и на комъ угодно женится, но что она прѣѣхала не позволить ему этотъ бракъ, и не позволить по злости, единственно потому, что ей такъ хочется, и что слѣдствѣнно такъ и быть должно,— „ну, хоть для того, чтобы мнѣ только посмѣяться надъ тобой въ волю, потому что теперь и я, наконецъ, смѣяться хочу“.

Такъ, по крайней мѣрѣ, она выражалась; всего, что было у ней на умѣ, она, можетъ-быть, и не высказала. Но покамѣсть новая Настасья Филипповна хотела и все это излагала, Аѳанасій Ивановичъ обдумывалъ про себя это дѣло и, по возможности, приводилъ въ порядокъ нѣсколько разбитыя свои мысли. Это обдумываніе продолжалось не мало времени; онъ вникалъ и рѣшался окончательно почти двѣ недѣли; но черезъ двѣ недѣли его рѣшеніе было принято. Дѣло въ томъ, что Аѳанасію Ивановичу въ то время было уже около пятидесяти лѣтъ, и человѣкъ онъ былъ въ высшей степени солидный и установившійся. Постановка его въ свѣтѣ и въ обществѣ давнымъ-давно совершилась на самыхъ прочныхъ основаніяхъ. Себя, свой покой и комфортъ онъ любилъ и цѣнилъ болѣе всего на свѣтѣ, какъ и слѣдовало въ высшей степени порядочному человѣку. Ни малѣйшаго нарушенія, ни малѣйшаго колебанія не могло быть допущено въ томъ, что всею жизнью устанавливалось и приняло такую прекрасную форму. Съ другой стороны, опытность и глубокий взглядъ на вещи подсказали Толкому очень скоро и необыкновенно вѣрно, что онъ имѣеть теперь дѣло съ существомъ совершенно изъ ряда вонь, что это именно такое существо, которое не только грозитъ, по и неизрѣмѣнно сдѣлаетъ, и, главное, ни предъ чѣмъ рѣшительно не остановится, тѣмъ болѣе, что рѣшительноничѣмъ въ

свѣтъ не дорожить, такъ что даже и соблазнить его невозможно. Тутъ, очевидно, было что-то другое, подразумѣвалась какая-то душевная и сердечная бурда,— что-то въ родѣ какого-то романическаго негодованія Богъ знаетъ на кого и за что, какого-то ненасытимаго чувства презрѣнія, совершенно выскочившаго изъ мѣрки, — однимъ словомъ, что-то въ высшей степени смѣшное и недозволенное въ порядочномъ обществѣ и съ чѣмъ встрѣтиться для всякаго порядочнаго человѣка составляетъ чистѣйшее Божіе наказаніе. Разумѣется, съ богатствомъ и со связями Тоцкаго можно было тотчасъ же сдѣлать какое-нибудь маленькое и совершенно невинное злодѣйство, чтобы избавиться отъ непрѣятности. Съ другой стороны, было очевидно, что и сама Настасья Филипповна почти ничего не въ состояніи сдѣлать вреднаго, въ смыслѣ, напримѣръ, хоть юридическомъ; даже и скандала не могла бы сдѣлать значительнаго, потому что такъ легко ее можно было всегда ограничить. Но все это въ такомъ только случаѣ, если бы Настасья Филипповна рѣшилась дѣйствовать какъ всѣ, и какъ вообще въ подобныхъ случаяхъ дѣйствуютъ, не выскакивая слишкомъ эксцентрично изъ мѣрки. Но тутъ-то и пригодилась Тоцкому его вѣрность взгляда: онъ сумѣлъ разгадать, что Настасья Филипповна и сама отлично понимаетъ, какъ безвредна она въ смыслѣ юридическомъ, но что у неї совсѣмъ другое на умѣ и... въ сверкавшихъ глазахъ ея. Ничѣмъ не дорожа, а пуще всего собой (нужно было очень много ума и проникновенія, чтобы догадаться въ эту минуту, что она давно уже перестала дорожить собой, и чтобы ему, скептику и свѣтскому цинику, повѣрить серьезности этого чувства), Настасья Филипповна въ состояніи была самое себя погубить, безвозвратно и безобразно, Сибирью и каторгой, лишь бы надругаться надъ человѣкомъ, къ которому она питала такое безчеловѣчное отвращеніе. Аѳанасій Иванович никогда не скрывалъ, что онъ былъ нѣсколько трусоватъ или, лучше сказать, въ высшей степени консервативенъ. Если бъ онъ зналъ, напримѣръ, что его убютъ подъ вѣнцомъ, или произойдетъ что-нибудь въ этомъ родѣ чрезвычайно неприличное, смѣшное и непринятое въ обществѣ, то онъ, конечно бы, испугался, но при этомъ не столько того, что его убютъ и ранятъ до крови, или плюнуть всенародно въ лицо и пр., и пр., а того, что это произойдетъ съ нимъ въ такой неестественной и не-

принятой формѣ. А вѣдь Настасья Филипповна именно это и пророчила, хотя еще и молчала обѣ этомъ; онъ зналъ, что она въ высшей степени его понимала и изучила, а слѣдственно знала, чѣмъ въ него и ударить. А такъ какъ свадьба дѣйствительно была еще только въ памѣреніи, то Аѳанасій Ивановичъ смирился и уступилъ Настасью Филипповнѣ.

Рѣшенію его помогло и еще одно обстоятельство: трудно было вообразить себѣ, до какой степени не походила эта новая Настасья Филипповна на прежнюю лицомъ. Прежде это была только очень хорошенѣкая дѣвочка, а теперь... Тоцкій долго не могъ простить себѣ, что онъ четыре года глядѣлъ и не разглядѣлъ. Правда, много значить и то, когда съ обѣихъ сторонъ, внутренно и внезапно, происходитъ переворотъ. Онъ припоминалъ, впрочемъ, и прежде мгновенія, когда иногда странныя мысли приходили ему при взглядѣ, напримѣръ, на эти глаза: какъ бы предчувствовался въ нихъ какой-то глубокій и таинственный мракъ. Этотъ взглядъ глядѣлъ — точно задавалъ загадку. Въ послѣдніе два года онъ часто удивлялся измѣненію цвѣта лица Настасии Филипповны; она становилась ужасно блѣдна и — странно — даже хороша отъ этого. Тоцкій, который, какъ всѣ погулявшіе на своемъ вѣку джентльмены, съ презрѣніемъ смотрѣлъ вначалѣ, какъ дешево досталась ему эта не жившая душа, въ послѣднее время нѣсколько усомнился въ своемъ взглядѣ. Во всякомъ случаѣ, у него положено было еще прошлую весной, въ скромъ времени, отлично и съ достаткомъ выдать Настасью Филипповну замужъ за какого-нибудь благородѣума и порядочнаго господина, служащаго въ другой губерніи. (О, какъ ужасно и какъ зло смыялась надъ этимъ теперь Настасья Филипповна!). Но теперь Аѳанасій Ивановичъ, прельщеній новизной, подумалъ даже, что онъ могъ бы вновь эксплуатировать эту женщину. Онъ рѣшился поселить Настасью Филипповну въ Петербургѣ и окружить роскошнымъ комфортомъ. Если не то, такъ другое: Настасіей Филипповной можно было щегольнуть и даже похвастаться въ извѣстномъ кружкѣ. Аѳанасій же Ивановичъ такъ дорожилъ своею славой по этой части.

Прошло уже пять лѣтъ петербургской жизни и, разумѣется, въ такой срокъ многое опредѣлилось. Положеніе Аѳанасія Ивановича было неутѣшительное; всего хуже было то, что онъ, струсивъ разъ, уже никакъ потомъ не

могъ успокоиться. Онъ боялся, — и даже самъ не зналъ чего, — просто боялся Настаси Филипповны. Нѣкоторое время, въ первые два года, онъ сталъ было подозрѣвать, что Настасія Филипповна сама желаетъ вступить съ нимъ въ бракъ, но молчать изъ необыкновенного тщеславія и ждеть настойчиво его предложенія. Претензія была бы странная, но Аѳанасій Ивановичъ сталъ подозритель: онъ морщился и тяжело задумывался. Къ большому и (таково сердце человѣка!) къ нѣсколько непріятному своему изумленію, онъ вдругъ, по одному слухаю, убѣдился, что если бы даже онъ и сдѣлалъ предложеніе, то его бы не приняли. Долгое время онъ не понималъ этого. Ему показалось возможнымъ только одно объясненіе, что гордость „оскорблennой и фантастической женщины“ доходитъ уже до такого изступленія, что ей скорѣе пріятнѣе выказать разъ свое презрѣніе въ отказѣ, чѣмъ навсегда опредѣлить свое положеніе и достигнуть недосягаемаго величія. Хуже всего было то, что Настасія Филипповна ужасно много взала верху. На интересъ тоже не поддавалась, даже на очень крупный, и хотя приняла предложенный ей комфортъ, но жила очень скромно и почти ничего въ эти пять лѣтъ не скопила. Аѳанасій Ивановичъ рискнулъ было на очень хитрое средство, чтобы разбить свои цѣли: непримѣтно и искусно онъ сталъ соблазнять ее, черезъ ловкую помощь, разными идеальнѣшими соблазнами; но олицетворенные идеалы: князья, гусары, секретари посольствъ, поэты, романисты, соціалисты даже,—ничто не произвело никакого впечатлѣнія на Настасію Филипповну, какъ будто у ней вместо сердца былъ камень, а чувства изсохли и вымерли разъ навсегда. Жила она больше уединенно, читала, даже училась, любила музыку. Знакомствъ имѣла мало: она все зналась съ какими-тѣ бѣдными и смѣшными чиновницами, знала двухъ какихъ-тѣ актрисъ, какихъ-то старухъ, очень любила многочисленное семейство одного почтенаго учителя, и въ селѣствій этомъ и ее очень любили и съ удовольствіемъ принимали. Довольно часто по вечерамъ ходились къ ней пять-шесть человѣкъ знакомыхъ, не болѣе. Тоцкій являлся очень часто и аккуратно. Въ послѣднее время не безъ труда познакомился съ Настасіей Филипповной генераль Епанчинъ. Въ то же время совершенно легко и безъ всякаго труда познакомился съ ней и одинъ молодой чиновникъ, по фамиліи Фердыщенко, очень не-

приличный и сальний шутъ, съ претензіями на веселость и выпивающій. Былъ знакомъ одинъ молодой и странный человѣкъ, по фамиліи Птицынъ, скромный, аккуратный и вылощенный, проишедшій изъ нищеты и сдѣлавшійся ростовщикомъ. Познакомился, наконецъ, и Гаврила Арданюновичъ... Кончилось тѣмъ, что про Настасью Филипповну установилась странная слава: о красотѣ ея знали всѣ, но и только; никто не могъничѣмъ похвалиться, никто не могъ ничего разсказать. Такая репутація, ея образованіе, изящная манера, остроуміе, все это утвердило Аѳанасія Ивановича окончательно на извѣстномъ планѣ. Тутъ-то и начинается тотъ моментъ, съ котораго принялъ въ этой исторіи такое дѣятельное и чрезвычайное участіе самъ генералъ Епанчинъ.

Когда Топкій такъ любезно обратился къ нему за дружескимъ совѣтомъ насчетъ одной изъ его дочерей, то тутъ же, самымъ благороднѣйшимъ образомъ, сдѣлалъ полвѣйшія и откровенныя признанія. Онъ открылъ, что рѣшился уже не останавливаться ни предъ какими средствами, чтобы получить свою свободу; что онъ не успокоился бы, если бы Настасья Филипповна даже сама объявила ему, что впередь оставить его въ полномъ покой; что ему мало словъ, что ему нужны самыя полныя гаранціи. Столковались и рѣшились дѣйствовать сообща. Первоначально положено было испытать средства самыя мягкия и затронуть, такъ сказать, однѣ „благородныя струны сердца“. Оба приѣхали къ Настасье Филипповнѣ, и Топкій пріемехонько началъ съ того, что объявилъ ей о певыносимомъ ужасѣ своего положенія; обвинилъ онъ себя во всемъ; откровенно сказалъ, что не можетъ раскаяться въ первоначальномъ поступкѣ съ нею, потому что онъ сладолюбецъ закоренѣлый и въ себѣ не властенъ, но что теперь онъ хочетъ жениться, и что вся судьба этого въ высшей степени приличного и свѣтскаго брака въ ея рукахъ; однимъ словомъ, что онъ ждетъ всего отъ ея благороднаго сердца. Затѣмъ сталъ говорить генералъ Епанчинъ, въ своемъ качествѣ отца, и говорилъ резонно, избѣгнулъ трогательнаго, упомянутъ только, что вполнѣ признаетъ ея право на рѣшеніе судьбы Аѳанасія Ивановича, ловко щегольнулъ собственнымъ смиренiemъ, представивъ на видъ, что судьба его дочери, а, можетъ-быть, и двухъ другихъ дочерей, зависитъ теперь отъ ея же рѣшенія. На вопросъ Настасии Филипповны: „чего именно

отъ нея хотятъ?" Токий съ прежнею, совершенно обнаженою прямотой, признался ей, что онъ такъ напуганъ еще пять лѣтъ назадъ, что не можетъ даже и теперь совсѣмъ успокоиться, до тѣхъ поръ, пока Настасья Филипповна сама не выйдетъ за кого-нибудь замужъ. Онъ тотчасъ же прибавилъ, что просьба эта была бы, конечно, съ его стороны нелѣпа, если-бъ онъ не имѣлъ насчетъ ея нѣкоторыхъ оснований. Онъ очень хорошо замѣтилъ и положительно узналъ, что молодой человѣкъ, очень хорошей фамиліи, живущій въ самомъ достойномъ семействѣ, а именно Гаврила Ардаліоновичъ Иволгинъ, котораго она знаетъ и у себя принимаетъ, давно уже любить ее всею силой страсти, и, конечно, отдалъ бы половину жизни за одну надежду пріобрѣсть ея симпатію. Признанія эти Гаврила Ардаліоновичъ сдѣлалъ ему, Аѳанасію Ивановичу, самъ, и давно уже, по-дружески и отъ чистаго молодого сердца, и что объ этомъ давно уже знаетъ и Иванъ Федоровичъ, благодѣтельствующій молодому человѣку. Наконецъ, если только онъ, Аѳанасій Ивановичъ, не ошибается, любовь молодого человѣка давно уже извѣстна самой Настасье Филипповнѣ, и ему показалось даже, что она смотритъ на эту любовь снисходительно. Конечно, ему всѣхъ труднѣе говорить объ этомъ. Но если Настасья Филипповна захотѣла бы допустить въ немъ, въ Токкомъ, кромѣ эгоизма и желанія устроить свою собственную участъ, хотя нѣсколько желанія добра и ей, то поняла бы, что ему давно странно и даже тяжело смотрѣть на ся одиночество: что тутъ одинъ только неопределенный мракъ, полное невѣріе въ обновленіе жизни, которая такъ прекрасно могла бы воскреснуть въ любви и въ семействѣ и принять такимъ образомъ новую цѣль; что тутъ гибель способностей, можетъ-быть, блестящихъ, добровольное любованіе своею тоской, однимъ словомъ, даже нѣкоторый романтизмъ, недостойный ни здраваго ума, ни благороднаго сердца Настасы Филипповны. Повторивъ еще разъ, что ему труднѣе другихъ говорить, онъ заключилъ, что не можетъ отказаться отъ надежды, что Настасья Филипповна не отвѣтитъ ему презрѣніемъ, если онъ выразить свое искреннее желаніе обезпечить ея участъ въ будущемъ и предложить ей сумму въ семьдесятъ пять тысячъ рублей. Онъ прибавилъ въ поясненіе, что эта сумма, все равно, назначена уже ей въ его завѣщаніи; однимъ словомъ, что тутъ вовсе не вознагражденіе какое-нибудь... и что, на-

конецъ, почему же не допустить и не извинить въ немъ человѣческаго желанія хоть чѣмъ-нибудь облегчить свою совѣсть и т. д., и т. д., все, что говорится въ подобныхъ случаяхъ на эту тему. Аѳанасій Ивановичъ говорилъ долго и краснорѣчиво, присовокупивъ, такъ сказать, мимоходомъ, очень любопытное свѣдѣніе, что объ этихъ семидесяти пяти тысячахъ онъ заикнулся теперь въ первый разъ, и что о нихъ не зналъ даже и самъ Иванъ Федоровичъ, который вотъ тутъ сидитъ; однимъ словомъ, не знаетъ *никто*.

Отвѣтъ Настасіи Филипповны изумилъ обоихъ друзей.

Не только не было замѣтно въ ней хотя бы малѣйшаго проявленія прежней насмѣшки, прежней вражды и ненависти, прежняго хохоту, отъ котораго, при одномъ воспоминаніи, до сихъ поръ проходилъ холодъ по спинѣ Тодкаго, но, напротивъ, она какъ будто обрадовалась тому, что можетъ, наконецъ, поговорить съ чѣмъ-нибудь откровенно и по-дружески. Она призналась, что сама давно желала спросить дружескаго совѣта, что мѣшала только гордость, но что теперь, когда ледъ разбитъ, ничего и не могло быть лучше. Сначала съ грустною улыбкой, а потомъ весело и рѣзво разсмѣявшись, она призналась, что прежней бури во всякомъ случаѣ и быть не могло; что она давно уже измѣнила отчасти свой взглядъ на вещи, и что хотя и не измѣнилась въ сердцѣ, но все-таки принуждена была очень многое допустить въ видѣ совершившихся фактовъ; что сдѣлано, то сдѣлано, что прошло, то прошло, такъ что ей даже странно, что Аѳанасій Ивановичъ все еще продолжаетъ быть такъ напуганнымъ. Тутъ она обратилась къ Ивану Федоровичу и съ видомъ глубочайшагоуваженія объявила, что она давно уже слышала очень многое объ его дочеряхъ, и давно уже привыкла глубоко и искренно уважать ихъ. Одна мысль о томъ, что она могла бы быть для нихъ хоть чѣмъ-нибудь полезною, была бы, кажется, для нея счастьемъ и гордостью. Это правда, что ей теперь тяжело и скучно, очень скучно; Аѳанасій Ивановичъ угадалъ мечты ея; она желала бы воскреснуть, хоть не въ любви, такъ въ семействѣ, сознавъ новую цѣль; но что о Гаврилѣ Ардаліоновичѣ она почти ничего не можетъ сказать. Кажется, правда, что онъ ее любить; она чувствуетъ, что могла бы и сама его полюбить, если бы могла повѣрить въ твердость его привязанности; но онъ очень молодъ, если даже

и искрененъ; тутъ рѣшеніе трудно. Ей, впрочемъ, нравится больше всего то, что онъ работаетъ, трудится и одинъ поддерживаетъ все семейство. Она слышала, что онъ человѣкъ съ энергией, съ гордостью, хочетъ карьеры, хочетъ пробиться. Слышала тоже, что Нина Александровна Иволгина, мать Гаврилы Ардаліоновича, превосходная и въ высшей степени уважаемая женщина; что сестра его, Варвара Ардаліоновна, очень замѣчательная и энергичная девушка; она много слышала о ней отъ Птицына. Она слышала, что онъ бодро переносятъ свои несчастія; она очень бы желала съ ними познакомиться, но еще вопросъ, радушно-ли онъ примутъ ее въ ихъ семью? Вообще она ничего не говорить противъ возможности этого брака, но обѣ этомъ еще слишкомъ надо подумать; она желала бы, чтобы ее не торопили. Насчетъ же семидесяти пяти тысячъ—напрасно Аѳанасій Ивановичъ такъ затруднялся говорить о нихъ. Она понимаетъ сама цѣну деньгамъ и, конечно, ихъ возьметъ. Она благодарить Аѳанасія Ивановича за его деликатность, за то, что онъ даже и генералу обѣ этомъ не говорилъ, не только Гаврилѣ Ардаліоновичу, но, однажды, почему же и ему не знать обѣ этомъ заранѣе? Ей нечего стыдиться за эти деньги, входя въ ихъ семью. Во всякомъ случаѣ, она ни у кого не намѣрена просить прощенія ни въ чёмъ и желаетъ, чтобы это знали. Она не выйдетъ за Гаврилу Ардаліоновича, пока не убѣдится, что ни въ немъ, ни въ семействѣ его, нѣтъ какой-нибудь затаенной мысли на ея счетъ. Во всякомъ случаѣ, она ни въ чёмъ не считаетъ себя виновною, и пусть бы лучше Гаврила Ардаліоновичъ узналъ, на какихъ основаніяхъ она прожила всѣ эти пять лѣтъ въ Петербургѣ, въ какихъ отношеніяхъ къ Аѳанасію Ивановичу, и много-ли скопила состоянія. Наконецъ, если она и принимаетъ теперь капиталъ, то все не какъ плату за свой девичій позоръ, въ которомъ она не виновата, а просто какъ вознагражденіе за исковерканную судьбу.

Она даже такъ разгорячилась и раздражилась, излагая все это (что, впрочемъ, было такъ естественно), что генералъ Епанчинъ былъ очень доволенъ и считалъ дѣло оконченнымъ; но разъ напуганный Тоцкій и теперь не совсѣмъ новѣрилъ, и долго боялся, нѣтъ-ли и тутъ змѣи подъ цветами. Переговоры однако начались; пунктъ, на которомъ былъ основанъ весь маневръ обоихъ друзей, а именно, возможность увлечения Настасіи Филипповны къ Ганѣ,

началь мало-по-малу выясняться и оправдываться, такъ что даже Тоцкій начиналъ иногда вѣрить въ возможность усыпъха. Тѣмъ временемъ Настасья Филипповна объяснилась съ Ганей: словъ было сказано очень мало, точно ей цѣломудріе страдало при этомъ. Она допускала однаждъ и дозволяла ему любовь его, но настойчиво объявила, чтоничѣмъ не хочетъ стѣснять себя; что она до самой свадьбы (если свадьба состоится) оставляетъ за собой право сказать „пѣтъ“, хотя бы въ самый послѣдній часъ; совершенно такое же право предоставляетъ и Ганѣ. Вскорѣ Ганя узналъ положительно, чрезъ услугливый случай, что недоброжелательство всей его семьи къ этому браку и къ Настасье Филипповнѣ лично, обнаруживавшееся домашними сценами, уже извѣстно Настасье Филипповнѣ въ большой подробности; сама она съ нимъ обѣ этомъ не заговоривала, хотя онъ и ждалъ ежедневно. Впрочемъ, можно было бы еще много разсказать изъ всѣхъ исторій и обстоятельствъ, обнаружившихся по поводу этого сватовства и переговоровъ; но мы и такъ забѣжали впередъ, тѣмъ болѣе, что иныя изъ обстоятельствъ являлись еще въ видѣ слишкомъ неопределенныхъ слуховъ. Напримѣръ, будто бы Тоцкій откуда-то узналъ, что Настасья Филипповна вошла въ какія-то неопределенные и секретныя отъ всѣхъ сношенія съ дѣвицами Епанчиными,—слухъ совершенно невѣроятный. Зато другому слуху онъ невольно вѣрилъ и боялся его до комара: онъ слышалъ за вѣрное, что Настасья Филипповна будто бы въ высшей степени знаетъ, что Ганя женится только на деньгахъ, что у Гани душа черная, алчна, нетерпѣливая, завистливая и необъятно, непропорционально ни съ чѣмъ самолюбивая; что Ганя хотя и действительно страстью добивался побѣды надъ Настасьей Филипповной прежде, но когда оба друга рѣшились эксплуатировать эту страсть, начинавшуюся съ обѣихъ сторонъ, въ свою пользу, и купить Ганю продажей ему Настасии Филипповны въ законныя жѣны, то онъ возненавидѣлъ ее какъ свой кошмаръ. Въ его душѣ будто бы странно сошлись страсть и ненависть, и онъ хотя и далъ, наконецъ, послѣ мучительныхъ колебаній, согласіе жениться на „скверной женщинѣ“, но самъ поклялся въ душѣ горько отмстить ей за это и „доѣхать“ ее потомъ, какъ онъ будто бы самъ выразился. Все это Настасья Филипповна будто бы знала и что-то втайне готовила. Тоцкій до того было уже струсилъ, что даже и Епанчину

пересталъ сообщать о своихъ безпокойствахъ; но бывали мгновенія, что онъ, какъ слабый человѣкъ, рѣшительно вновь ободрялся и быстро воскресаль духомъ; онъ ободрился, напримѣръ, чрезвычайно, когда Настасья Филипповна дала, наконецъ, слово обоимъ друзьямъ, что вечеромъ, въ день своего рожденія, скажетъ послѣднее слово. Зато самый странный и самый невѣроятный слухъ, касавшійся самого уважаемаго Ивана Федоровича, увы! все болѣе и болѣе оказывался вѣрнымъ.

Тутъ съ первого взгляда все казалось чистѣйшою дичью. Трудно было поверить, что будто бы Иванъ Федоровичъ, на старости своихъ поченныхъ лѣтъ, при своемъ превосходномъ умѣ и положительномъ знаніи жизни и пр., и пр., соблазнился самъ Настасіей Филипповной,—но такъ будто бы, до такой будто бы степени, что этотъ капризъ почти походилъ на страсть. На что онъ надѣялся въ этомъ случаѣ—трудно себѣ представить; можетъ-быть, даже на содѣйствіе资料本身的 Gani. Тодкому подозрѣвалось, по крайней мѣрѣ, что-то въ этомъ родѣ, подозрѣвалось существованіе какого-то почти безмолвнаго договора, основаннаго на взаимномъ пропиленіи, между генераломъ и Ганей. Впрочемъ, извѣстно, что человѣкъ, слишкомъ увлекшійся страстью, особенно если онъ въ лѣтахъ, совершенно слѣпнетъ и готовъ подозрѣвать надежду тамъ, где вовсе ея и нѣтъ; мало того, теряетъ разсудокъ и дѣйствуетъ какъ глупый ребенокъ, хотя бы и былъ семи пядей во лбу. Извѣстно было, что генераль приготовилъ ко дню рожденія Настасіи Филипповны отъ себя въ подарокъ удивительный жемчугъ, стоявшій огромной суммы, и подаркомъ этимъ очень интересовался, хотя и зналъ, что Настасія Филипповна женщина безкорыстная. Наканунѣ днѧ рожденія Настасіи Филипповны онъ былъ какъ въ лихорадкѣ, хотя и ловко скрывалъ себя. Объ этомъ-то именно жемчугъ и прослышила генеральша Епанчина. Правда Елизавета Прокофьевна уже съ давнихъ поръ начала испытывать вѣтрность своего супруга, даже отчасти привыкла къ ней; но вѣдь невозможно же было пропустить такой случай: слухъ о жемчугѣ чрезвычайно интересовалъ ее. Генераль выслѣдилъ это заблаговременно: еще наканунѣ были сказаны иные словечки; онъ предчувствовалъ объясненіе капитальное и боялся его. Вотъ почему ему ужасно не хотѣлось въ то утро, съ котораго мы начали разсказъ, идти завтра-катъ въ нѣдра семейства. Еще до князя онъ положилъ

отговориться дѣлами и избѣжать. Избѣжать у генерала иногда значило просто-за-просто убѣжать. Ему хоть одинъ этотъ день и, главное, сегодняшній вечеръ хотѣлось выиграть безъ непріятностей. И вдругъ такъ кстати пришелся князь. „Точно Богъ послалъ!“ подумалъ генераль про себя, входя къ своей супругѣ.

V.

Генеральша была ревнива къ своему происхожденію. Каково же ей было, прямо и безъ приготовленія, услышать, что этотъ послѣдній въ родѣ князь Мыскинъ, о которомъ она уже что-то слышала, не больши какъ жалкій идіотъ и почти-что нищий, и принимаетъ подаяніе на бѣдность. Генераль именно билъ на эффектъ, чтобы разомъ заинтересовать, отвлечь все какъ-нибудь въ другую сторону и подъ шумокъ избѣжать вопроса о жемчугѣ.

Въ крайнихъ случаяхъ генеральша обыкновенно чрезвычайно выкатывала глаза, и, нѣсколько откинувшись назадъ корпусомъ, неопределено смотрѣла передъ собой, не говоря ни слова. Это была рослая женщина, однихъ лѣтъ со своимъ мужемъ, съ темными, съ большою просѣдью, но еще густыми волосами, съ нѣсколько горбатымъ носомъ, сухощавая, съ желтыми, ввалившимися щеками и тонкими впалыми губами. Лобъ ея былъ высокъ, но узокъ; сѣрые, довольно большие глаза имѣли самое неожиданное иногда выраженіе. Когда-то у ней была слабость повѣрить, что взглядъ ея необыкновенно эффектенъ: это убѣженіе осталось въ ней неизгладимо.

— Принять? Вы говорите его принять, теперь, сейчасъ?

И генеральша изо всѣхъ силъ выкатила свои глаза на суетившагося предъ ней Ивана Федоровича.

— О, на этотъ счетъ можно безъ всякой церемоніи, если только тебѣ, мой другъ, угодно его видѣть, спѣшилъ разъяснить генераль. — Совершенный ребенокъ и даже такой жалкій; припадки у него какіе-то болѣзненные; онъ сейчасъ изъ Швейцаріи, только что изъ вагона, одѣться странно, какъ-то по-нѣмецкому, и вдобавокъ ни копейки, буквально; чуть не плачетъ. И ему двадцать пять рублей подарили и хочу ему въ канцеляріи писарское мѣстечко какое-нибудь у насъ добыть. А васъ, mesdames, прошу его попотчивать, потому что онъ, кажется, и голоденъ...

— Вы меня удивляете, продолжала попрежнему генеральша,—голоденъ и припадки! Какіе припадки?

— О, они не повторяются такъ часто, и притомъ онъ почти какъ ребенокъ, вирочемъ, образованный. Я было васъ, mesdames, обратился онъ опять къ дочерямъ,—хотѣлъ попросить проѣзжеменовать его, все-таки хорошо бы узнать, къ чemu онъ способенъ.

— Про-эк-за-ме-но-вать? протянула генеральша, и въ глубочайшемъ изумлениѣ стала опять перекатывать глаза съ дочерей на мужа и обратно.

— Ахъ, другъ мой, не придавай такого смыслу... вирочемъ, вѣдь какъ тебѣ угодно; я имѣль въ виду обласкать его и ввести къ намъ, потому что это почти доброе дѣло.

— Ввести къ намъ? Изъ Швейцаріи?

— Швейцарія тутъ не помѣшаетъ; а, вирочемъ, повторяю, какъ хочешь. Я вѣдь потому, что, во-первыхъ, однофамилецъ и, можетъ-быть, даже родственникъ, а во-вторыхъ, не знаешь, гдѣ голову приклонить. Я даже подумалъ, что тебѣ вѣсколько интересно будетъ, такъ какъ все-таки изъ нашей фамиліи.

— Разумѣется, маман, если съ нимъ можно безъ церемоніи; къ тому же опь съ дороги Ѣсть хочетъ, почему не напомнить, если онъ не знаетъ куда дѣваться? сказала старшая Александра.

— И вдобавокъ дитя совершенное, съ нимъ можно еще въ жмурки играть.

— Въ жмурки играть? Какимъ образомъ?

— Ахъ, маман, перестаньте представляться, пожалуйста, съ досадой перебила Аглай.

Средняя, Аделаида, смѣшила, не выдержала и разсмѣялась.

— Позовите его, рапа, маман позволяетъ, рѣшила Аглай.

Генераль позвонилъ и велѣлъ звать князя.

— Но съ тѣмъ, чтобы непремѣнно завязать ему салфетку на шею, когда онъ сядетъ за столъ, рѣшила генеральша.—Позвать Федора, или пусть Мавра... чтобы стоять за нимъ и смотрѣть за нимъ, когда онъ будетъ Ѣсть. Споконъ-ли онъ, по крайней мѣрѣ, въ припадкахъ? Не дѣлаетъ-ли жестовъ?

— Напротивъ, даже очень мило воспитанъ и съ прекрасными манерами. Немного слишкомъ простоватъ иногда... Да вотъ онъ и самъ! Вотъ-съ, рекомендую, послѣдній въ родѣ князь Мышкинъ, однофамилецъ, и, можетъ-быть, даже родственникъ, примите, обласкайте. Сейчасъ

пойдутъ завтракать, князь, такъ сдѣлайте честь... А я ужъ, извините, опоздалъ, спѣшу...

— Извѣстно, куда вы спѣшите, важно проговорила генеральша.

— Спѣшу, спѣшу, мой другъ, опоздалъ! Да дайте ему ваши альбомы, mesdames, пусть онъ вамъ тамъ напишетъ; какой онъ каллиграфъ, такъ на рѣдкость! Талантъ! Тамъ онъ такъ у меня расчеркнулся стариннымъ почеркомъ: „Игуменъ Пафнютій руку приложилъ“... Ну, до свиданія.

— Пафнютій? Игуменъ? Да постойте, постойте, куда вы, и какой тамъ Пафнютій? съ настойчивою досадой и чуть не въ тревогѣ прокричала генеральша убѣгавшему супругу.

— Да, да, другъ мой, это такой въ старину былъ игуменъ... а я къ графу, ждетъ, давно, и, главное, самъ назначилъ... Князь, до свиданія!

Генеральша быстрыми шагами удалился.

— Знаю я, къ какому онъ графу! рѣзко проговорила Елизавета Прокофьевна и раздражительно перевела глаза на князя.—Чтѣ, бишь! начала она, брюзгливо и досадливо припоминая.—Ну что тамъ! ..хъ, да.. ну, какой тамъ игуменъ?

— Maman, начало было Александра, а Аглая даже топнула ножкой.

— Не мѣшайте мнѣ, Александра Ивановна, отчеканила ей генеральша,—я тоже хочу знать. Садитесь вотъ тутъ, князь, вотъ на этомъ креслѣ, напротивъ, нѣть, сюда, къ солнцу, къ свѣту ближе подвишьтесь, чтобы я могла видѣть. Ну, какой тамъ игуменъ?

— Игуменъ Пафнютій, отвѣчалъ князь внимательно и серьезно.

— Пафнютій? Это интересно; ну, что же онъ?

Генеральша спрашивала нетерпѣливо, быстро, рѣзко, не сводя глазъ съ князя, а когда князь отвѣчалъ, она кивала головой вслѣдъ за каждымъ его словомъ.

— Игуменъ Пафнютій, четырнадцатого столѣтія, началъ князь,—онъ правилъ пустынью на Волгѣ, въ нынѣшней нашей Костромской губерніи. Извѣстенъ былъ святою жизнью,ѣздилъ въ Орду, помогалъ устраивать тогдашнія дѣла и подписался подъ одною грамотой, а снимокъ съ этой подписи я видѣлъ. Мнеъ понравиля почеркъ, и я его заучилъ. Когда давеча генеральша захотѣла посмотреть,

какъ я пишу, чтоъ опредѣлить меня къ мѣсту, то я написалъ нѣсколько фразъ разными шрифтами, и между прочимъ „Игуменъ Пафнютій руку приложилъ“ собственнымъ почеркомъ игумена Пафнютія. Генералу очень понравилось, вотъ онъ теперь и вспомнилъ.

— Аглая, сказала генеральша,—запомни: Пафнютій, или лучше запиши, а то я всегда забываю. Впрочемъ, я думала будеть интереснѣе. Гдѣ-жъ эта подпись?

— Осталась, кажется, въ кабинетѣ у генерала, на столѣ.

— Сейчасъ же послать и принести.

— Да я вамъ лучше другой разъ напишу, если вамъ угодно.

— Конечно, шаман, сказала Александра, — а теперь лучше бы завтракать; мы Ѵсть хотимъ.

— И то, рѣшила генеральша. — Пойдемте, князь; вы очень хотите кушать?

— Да, теперь захотѣль очень, и очень вамъ благодаренъ.

— Это очень хорошо, что вы вѣжливы, и я замѣчаю, что вы вовсе не такой... чудакъ, какимъ васъ изволили отрекомендовать. Пойдемте. Садитесь вотъ здѣсь, напротивъ меня, хлопотала она, усаживая князя, когда пришли въ столовую, — я хочу на васъ смотрѣть. Александра, Аделаїда, потчуйте князя. Не правда-ли, что онъ вовсе не такой... больной? Можетъ, и салфетку не надо... Вамъ, князь, подвязывали салфетку за кушанье?

— Прежде, когда я лѣтъ семи былъ, кажется, подвязывали, а теперь я обыкновенно къ себѣ на колѣни салфетку кладу, когда Ѵмъ.

— Такъ и надо. А припадки?

— Припадки? удивился немногого князь.—Припадки теперь у меня довольно рѣдко бываютъ. Впрочемъ, не знаю; говорять, здѣшній климатъ мий будетъ вреденъ.

— Онъ хорошо говоритъ, замѣтила генеральша, обращаясь къ дочерямъ и продолжая кивать головой за каждымъ словомъ князя,—я даже не ожидала. Стало-быть, все пустяки и неправда, по обыкновенію. Кушайте, князь, и рассказывайте, гдѣ вы родились, гдѣ воспитывались? Я хочу все знать; вы чрезвычайно меня интересуете.

Князь поблагодарилъ и, кушая съ большими аппетитомъ, сталъ снова передавать все то, о чёмъ ему уже неоднократно приходилось говорить въ это утро. Генеральша становилась все довольнѣе и довольнѣе. Дѣвицы тоже довольно внимательно слушали. Сочлисъ роднѣй;

оказалось, что князь зналъ свою родословную довольно хорошо; но какъ ни подводили, а между нимъ и генеральшѣй не оказалось почти никакого родства. Между дѣдами и бабками можно бы было еще счастья отдаленными родствомъ. Эта сухая матерія особенно понравилась генеральшѣй, которой почти никогда не удавалось говорить о своей родословной, при всемъ желаніи, такъ что она встала изъ-за стола въ возбужденномъ состояніи духа.

— Пойдемте всѣ въ нашу сборную, сказала она, — и кофей туда принесутъ. У насъ такая общая комната есть, обратилась она къ князю, уводя его,—попросту, моя маленькая гостиная, гдѣ мы, когда однѣ сидимъ, собираемся, и каждая своимъ дѣломъ занимается: Александра, вотъ эта, моя старшая дочь, на фортепіано играетъ, или читаетъ, или шьетъ; Аделаїда—пейзажи и портреты пишеть (и ничего кончить не можетъ), а Аглай сидѣть, ничего не дѣлаетъ. У меня тоже дѣло изъ рукъ валится: ничего не выходитъ. Ну, вотъ и пришли; садитесь, князь, сюда, къ камину, и рассказывайте. Я хочу знать, какъ вы рассказываете что-нибудь. Я хочу вполнѣ убѣдиться, и когда съ княгиней Бѣлоконской увижуясь, со старухой, ей про васъ все разскажу. Я хочу, чтобы вы ихъ всѣхъ тоже заинтересовали. Ну, говорите же.

— Машан, да вѣдь этакъ очень странно рассказывать, замѣтила Аделаїда, которая тѣмъ временемъ поправила свой мольбертъ, взяла кисти, палитру и принялась было копировать давно уже начатый пейзажъ съ эстампа.

Александра и Аглай сѣли вмѣстѣ на маленькому диванѣ, и, сложа руки, приготовились слушать разговоръ. Князь замѣтилъ, что на него со всѣхъ сторонъ устремлено особое вниманіе.

— Я бы ничего не разсказала, если бы мнѣ такъ велѣли, замѣтила Аглай.

— Почему? Чѣмъ тутъ страннаго? Отчего ему не рассказывать? Языкъ есть. Я хочу знать, какъ онъ умѣеть говорить. Ну, о чемъ-нибудь. Разскажите, какъ вамъ понравилась Швейцарія, первое впечатлѣніе. Вотъ вы увидите, вотъ онъ сейчасъ начнетъ, и прекрасно начнетъ.

— Впечатлѣніе было сильное... началъ было князь.

— Вотъ-вотъ, подхватила нетерпѣливая Елизавета Прокофьевна, обращаясь къ дочерямъ,—началъ же.

— Дайте же ему, по крайней мѣрѣ, матан, говорить,

остановила ее Александра.—Этот князь, можетъ быть, большой плутъ, а вовсе не идіотъ, шепнула она Аглай.

— Навѣрно такъ, я давно это вижу, отвѣтила Аглай.—И подло съ его стороны роль разыгрывать. Что онъ, выиграть что-ли этимъ хочетъ?

— Первое впечатліе было очень сильное, повторилъ князь.—Когда меня везли изъ Россіи, чрезъ разные немецкіе города, я только молча смотрѣлъ и, помню, даже ни о чемъ не разспрашивалъ. Это было послѣ ряда сильныхъ и мучительныхъ припадковъ моей болѣзни, а я всегда, если болѣзнь усиливалась и припадки повторялись нѣсколько разъ сряду, впадалъ въ полное отупленіе, терялъ совершенно память, а умъ хотя и работалъ, но логическое теченіе мысли какъ бы обрывалось. Больше двухъ или трехъ идей послѣдовательно я не могъ связать сряду. Такъ мнѣ кажется. Когда же припадки утихали, я опять становился и здоровъ, и силенъ, вотъ какъ теперь. Помню: грусть во мнѣ была нестерпимая; мнѣ даже хотѣлось плакать; я все удивлялся и беспокоился: ужасно на меня подействовало, что все это чужое, это я понялъ. Чужое меня убивало. Совершенно пробудился я отъ этого мрака, помню я, вечеромъ, въ Базель, при вѣзде въ Швейцарію, и меня разбудилъ крикъ осла на городскомъ рынке. Осель ужасно поразилъ меня и необыкновенно почему-то мнѣ поправился, а съ тѣмъ вдругъ въ моей головѣ какъ бы все прояснило.

— Осель? Это странно, замѣтила генеральша. — А, впрочемъ, ничего нѣть страннаго, иная изъ насъ въ осла еще влюонтся, замѣтила она, гнѣвливо посмотрѣвъ на смѣявшихся дѣвицъ.—Это еще въ миѳологии было. Продолжайте, князь.

— Съ тѣхъ поръ я ужасно люблю ословъ. Это даже какая-то во мнѣ симпатія. Я сталъ о нихъ разспрашивать, потому что прежде я ихъ не видывалъ, и тотчасъ же самъ убѣдился, что это преволезнейшее животное; рабочее, сильное, терпѣливо, дешевое, переносливое, и чрезъ этого осла мнѣ вдругъ вся Швейцарія стала правиться, такъ что совершенно прошла прежняя грусть.

— Все это очень странно, но объ осль можно и пропустить, перейдемте на другую тему. Чего ты все смѣешься, Аглай? И ты, Аделаида? Князь прекрасно рассказалъ объ осль. Онъ самъ его видѣлъ, а ты что видѣла? Ты не была за границей?

— Я осла видѣла, татан, сказала Аделанда.

— А я и слышала, подхватила Аглай.

Всѣ три опять засмѣялись. Князь засмѣялся вмѣстѣ съ ними.

— Это очень дурно съ вашей стороны, замѣтила генеральша.—Вы ихъ извините, князь, а онъ добрая. Я съ ними вѣчно бранюсь, но я ихъ люблю. Онъ вѣтры, легкомыслены, сумасшедшая.

— Почему же? смѣялся князь. — И я бы не упустилъ на ихъ мѣстѣ случай. А я все-таки стою за осла: осель добрый и полезный человѣкъ.

— А вы добрый, князь? Я изъ любопытства спрашиваю, спросила генеральша.

Всѣ опять засмѣялись.

— Опять этотъ проклятый осель подвернулся: я о немъ и не думала! вскрикнула генеральша.—Повѣрьте мнѣ, пожалуйста, князь, я безъ всякаго...

— Намека? О, вѣрю, безъ сомнѣнія!

И князь смѣялся не переставая.

— Это очень хорошо, что вы смѣетесь. Я вижу, что вы добрѣйший молодой человѣкъ, сказала генеральша.

— Иногда недобрый, отвѣчать князь.

— А я добрая, неожиданно вставила генеральша,—и если хотите, я всегда добрая, и это мой единственнѣй недостатокъ, потому что не надо быть всегда доброю. Я злюсь очень часто, вотъ на нихъ, на Ивана Федоровича особенно, но скверно то, что я всего добрѣе, когда злюсь. Я давеча, предъ вашимъ приходомъ, разсердилась и представилась, что ничего не понимаю и понять не могу. Это со мной бываетъ; точно ребенокъ. Аглай мнѣ урокъ дала; спасибо тебѣ, Аглай. Впрочемъ, все вздоръ. Я еще не такъ глупа, какъ кажусь, и какъ меня дочки представить хотятъ. Я съ характеромъ и не очень стыдлива. Я, впрочемъ, это безъ злобы говорю. Поди сюда, Аглай, поцѣловай меня, ну... и довольно нѣжностей, замѣтила она, когда Аглай съ чувствомъ поцѣловала ее въ губы и въ руку.—Продолжайте, князь. Можетъ-быть, что-нибудь и поинтереснѣе осла вспомните.

— Я опять-таки не понимаю, какъ это можно такъ прямо рассказывать, замѣтила опять Аделанда,—я бы никакъ не нашлась.

— А князь найдется, потому что князь чрезвычайно уменъ и умнѣе тебя по крайней мѣрѣ въ десять разъ, а,

можеть, и въ двѣнадцать. Надѣюсь, ты почувствуешь послѣ этого. Докажите имъ это, князь; продолжайте. Осла и въ самомъ дѣлѣ можно, наконецъ, мимо. Ну, что вы, кромѣ осла, за границей видѣли?

— Да и обѣ осль было умно, замѣтила Александра. — Князь рассказалъ очень интересно свой болѣзниеній случай и какъ все ему понравилось чрезъ одинъ виѣшній толчокъ. мнѣ всегда было интересно, какъ люди сходять съ ума и потомъ опять выздоравливаютъ. Особенно, если это вдругъ сдѣлается.

— Не правда-ли? Не правда-ли? вскинулась генеральша. — Я вижу, что и ты иногда бываешь умна; ну, довольно смѣяться! Вы остановились, кажется, на швейцарской природѣ, князь, ну!

— Мы пріѣхали въ Люцернъ, и меня повезли по озеру. Я чувствовалъ, какъ оно хорошо, но мнѣ ужасно было тяжело при этомъ, сказала князь.

— Почему? спросила Александра.

— Не понимаю. мнѣ всегда тяжело и беспокойно смотрѣть на такую природу въ первый разъ; и хорошо, и беспокойно; впрочемъ, все это еще въ болѣзни было.

— Ну, нѣтъ, я бы очень хотѣла посмотретьть, сказала Аделаида. — И не понимаю, когда мы за границу соберемся. Я, вотъ, сюжета для картины два года найти не могу:

„Востокъ и Югъ давно описанъ“...

Найдите мнѣ, князь, сюжетъ для картины.

— Я въ этомъ ничего не понимаю. мнѣ кажется: взглянуть и писать.

— Взглянуть не умѣю.

— Да что вы загадки-то говорите? Ничего не понимаю! перебила генеральша.—Какъ это взглянуть не умѣю? Есть глаза, и гляди. Не умѣешь здѣсь взглянуть, такъ и за границей не выучишься. Лучше расскажите-ка, какъ вы сами-то глядѣли, князь.

— Вотъ это лучше будетъ, прибавила Аделаида.—Князь вѣдь за границей выучился глядѣть.

— Не знаю; я тамъ только здоровье поправилъ; не знаю, научился-ли я глядѣть. Я, впрочемъ, почти все время былъ очень счастливъ.

— Счастливъ! Вы умѣете быть счастливыми? вскричала Аглая. — Такъ какъ же вы говорите, что не научились глядѣть. Еще настѣльте.

— Научите пожалуйста, смеялась Аделаида.

— Ничему не могу научить, смеялся и князь, — я все почти время за границей прожил въ этой швейцарской деревнѣ; рѣдко выѣзжалъ куда-нибудь не далеко; чему же я васъ научу? Сначала мнѣ было только не скучно; я сталъ скоро выздоравливать; потомъ мнѣ каждый день становился дорогъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ дороже, такъ что я сталъ это замѣтать. Ложился спать я очень довольный, а вставалъ еще счастливѣе. А почему это все — довольно трудно разсказать.

— Такъ что вамъ ужъ никуда и не хотѣлось, никуда васъ не позывало? спросила Александра.

— Сначала, съ самаго начала, да, позывало, и я впадалъ въ большое беспокойство. Все думалъ, какъ я буду жить; свою судьбу хотѣлъ испытать, особенно въ иных минуты бывалъ беспокоенъ. Вы знаете, такія минуты есть, особенно въ уединеніи. У насъ тамъ водопадъ былъ, небольшой, высоко съ горы падалъ и такою тонкою ниткой, почти перпендикулярно, — блѣдный, шумливый, пѣнистый; падалъ wysoko, а казалось довольно низко, былъ въ полверстѣ, а казалось, что до него пятьдесятъ шаговъ. Я по ночамъ любилъ слушать его шумъ; вотъ въ эти минуты доходилъ иногда до большого беспокойства. Тоже иногда въ полдень, когда зайдешь куда-нибудь въ горы, станешь одинъ посрединѣ горы, кругомъ сосны, старыя, большія, смолистыя; вверху на скалѣ старый замокъ среднѣвѣковой, развалины; наша деревенька далеко внизу, чуть видна; солнце яркое, небо голубое, тишина страшная. Вотъ тутъ-то, бывало, и зоветъ все куда-то, и мнѣ все казалось, что если пойти все прямо, идти долго-долго, и зайти вотъ за эту линію, за ту самую, гдѣ небо съ землей встрѣчается, то тамъ вся и разгадка, и тотчасъ же новую жизнь увидишь, въ тысячу разъ сильнѣй и шумнѣй, чѣмъ у насъ; такой большой городъ мнѣ все мечтался, какъ Неаполь, въ немъ все дворцы, шумъ, громъ, жизнь... Да, мало-ли что мечталось! А потомъ мнѣ показалось, что и въ тюрьмѣ можно огромную жизнь найти.

— Послѣднюю похвальную мысль я еще въ моей *Хрестоматии*, когда мнѣ двѣнадцать лѣтъ было, читала, сказала Аглай.

— Это все философія, замѣтила Аделаида, — вы философъ и настѣ приѣхали изучать.

— Вы, можетъ, и правы, улыбнулся князь, — я дѣйстви-

тельно, пожалуй, философъ, и кто знаетъ, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ мысль имѣю поучать... Это можетъ быть; право, можетъ быть.

— И философиа ваша точно такая же, какъ у Евлампіи Николаевны, подхватила опять Аглай,—такая чиновница, вдова, къ намъ ходить, въ родѣ приживалки. У ней вся задача въ жизни—дешевизна; только чтобъ было дешевле прожить, только о копейкахъ и говорить, и, замѣтьте, у ней деньги есть, она плутовка. Такъ точно и ваша огромная жизнь въ тюрьмѣ, а, можетъ-быть, и ваше четырехлѣтнее счастье въ деревнѣ, за которое вы вашъ городъ Неаполь продали, и, кажется, съ барышомъ, несмотря на то, что на копейки.

— Насчетъ жизни въ тюрьмѣ можно еще и не согласиться, сказалъ князь.—Я слышалъ однъ разъ сказать человѣка, который просидѣлъ въ тюрьмѣ лѣтъ двѣнадцать; это былъ одинъ изъ больныхъ у моего профессора и лѣчился. У него были ирипадки, онъ былъ иногда беспокоенъ, плакаль и даже пытался разъ убить себя. Жизнь его въ тюрьмѣ была очень грустная,увѣрю васъ, по ужъ конечно не копеечная. А все знакомство-то у него было съ наукомъ, да съ деревцомъ, что подъ окномъ выросло... Но я вамъ лучше расскажу про другую мою встречу прошлаго года съ однимъ человѣкомъ. Тутъ одно обстоятельство очень странное было,—странные тѣмъ собственно, что случай такой очень рѣдко бываетъ. Этотъ человѣкъ былъ разъ введенъ, вмѣстѣ съ другими, на эшафотъ, и ему прочитанъ былъ приговоръ смертной казни разстрѣлиемъ, за политическое преступление. Минуть черезъ двадцать прочтено было и помилованіе, и назначена другая степень наказанія; но однакоже, въ промежуткѣ между двумя приговорами, двадцать минутъ, или по крайней мѣрѣ четверть часа, онъ просилъ подъ несомнѣннымъ убѣждениемъ, что черезъ нѣсколько минутъ онъ вдругъ умретъ. Мнѣ ужасно хотѣлось слушать, когда онъ иногда припоминалъ свои тогдашнія впечатлѣнія, и я нѣсколько разъ начинай его вновь разспрашивать. Онъ помнилъ все съ необыкновенною ясностью и говорилъ, что никогда ничего изъ этихъ минутъ не забудетъ. Шагахъ въ двадцати отъ эшафота, около котораго стоялъ народъ и солдаты, были врыты три столба, такъ какъ преступниковъ было нѣсколько человѣкъ. Троихъ первыхъ повели къ столbamъ, привязали, надѣли на нихъ

смертный костюмъ (блѣлые длинные балахоны), а на глаза надвинули имъ блѣлые колпаки, чтобы не видно было ружей; затѣмъ противъ каждого столба выстроилась команда изъ нѣсколькихъ человѣкъ солдатъ. Мой знакомый стоялъ восьмымъ по очереди, стало-быть, ему приходилось идти къ столбамъ въ третью очередь. Священникъ обошелъ всѣхъ съ крестомъ. Выходило, что остается жить минутъ пять, не больше. Онъ говорилъ, что эти пять минутъ казались ему безконечнымъ срокомъ, огромнымъ богатствомъ; ему казалось, что въ эти пять минутъ онъ проживетъ столько жизней, что еще сейчасъ нечего и думать о послѣднемъ мгновеніи, такъ что онъ еще распоряженія разныя сдѣлалъ: расчиталъ время, чтобы проститься съ товарищами, на это положилъ минуты двѣ, потомъ двѣ минуты еще положилъ, чтобы подумать въ послѣдній разъ про себя, а потомъ, чтобы въ послѣдній разъ кругомъ поглядѣть. Онъ очень хорошо помнилъ, что сдѣлалъ именно эти три распоряженія и именно такъ разсчиталъ. Онъ умиралъ двадцати семи лѣтъ, здоровый и сильный; прощаюсь съ товарищами, онъ помнилъ, что одному изъ нихъ задалъ довольно посторонній вопросъ и даже очень заинтересовался отвѣтомъ. Потомъ, когда онъ простился съ товарищами, настали тѣ **двѣ** минуты, которыхъ онъ отсчиталъ, чтобы думать про себя; онъ зналъ заранѣе, о чёмъ онъ будетъ думать: ему все хотѣлось представить себѣ, какъ можно скорѣе и ярче, что вотъ какъ же это такъ: онъ теперь есть и живеть, а черезъ три минуты будеть уже *ничто*, кто-то или что-то,—такъ кто же? Гдѣ же? Все это онъ думалъ въ эти двѣ минуты рѣшить! Невдалекѣ была церковь, и вершина собора съ позолоченою крышей сверкала на яркомъ солнцѣ. Онъ помнилъ, что ужасно упорно смотрѣлъ на эту крышу и на лучи, отъ нея сверкавшіе; оторваться не могъ отъ лучей: ему казалось, что эти лучи его новая природа, что онъ чрезъ три минуты какъ-нибудь сольется съ ними... Неизвѣстность и отвращеніе отъ этого нового, которое будеть и сейчасъ наступитъ, были ужасны; но онъ говорить, что ничего не было для него въ это время тяжеле, какъ безпрерывная мысль: „Что если бы не умирать! Что если бы воротить жизнь,—какая безконечность! И все это было бы мое! Я бы тогда каждую минуту въ цѣлый вѣкъ обратилъ, ничего бы не потерялъ, каждую бы минуту счетомъ отсчитывалъ, ужь ничего бы даромъ не истратилъ!“ Онъ говорилъ, что эта

мысль у него, наконецъ, въ такую злобу переродилась, что ему ужъ хотѣлось, чтобы его поскорѣй застрѣлили.

Князь вдругъ замолчалъ; всѣ ждали, что онъ будетъ продолжать и выведеть заключеніе.

— Вы кончили? спросила Аглай.

— Чѣм? Кончилъ, сказалъ князь, выходя изъ минутной задумчивости.

— Да для чего же вы про это рассказали?

— Такъ... мнѣ припомнилось... я къ разговору...

— Вы очень обрывисты, замѣтила Александра, — вы, князь, вѣрно хотѣли вывести, что ни одного мгновенія на копейки цѣнить нельзя, и иногда пять минутъ дороже сокровища. Все это похвально, но позвольте, однакоже, какъ же этотъ пріятель, который вамъ такія страсти разсказывалъ... вѣдь ему перемѣнили же наказаніе, стало-быть, подарили же эту „безконечную жизнь“. Ну, что же онъ съ этимъ богатствомъ сдѣлалъ потомъ? Жилъ-ли каждую-то минуту „счетомъ“?

— О, нѣтъ, онъ мнѣ самъ говорилъ, — я его уже про это спрашивалъ, — вовсе не такъ жилъ и много-много минутъ потерялъ.

— Ну, стало-быть, вотъ вамъ и опытъ, стало-быть, и нельзя жить взаправду „отсчитывая счетомъ“. Почему-нибудь да нельзя же.

— Да, почему-нибудь да нельзя же, повторилъ князь, — мнѣ самому это казалось... А, все-таки, какъ-то не вѣрится...

— То-есть вы думаете, что умнѣе всѣхъ проживете? сказала Аглай.

— Да, мнѣ и это иногда думалось.

— И думается?

— И... думается, отвѣчалъ князь, попрежнему съ тихою и даже робкою улыбкой смотря на Аглай; но тотчасъ же разсмѣялся опять и весело посмотрѣлъ на нее.

— Скромно! сказала Аглай, почти раздражаясь.

— А какія однакоже вы храбрыя, вотъ вы смѣетесь, а меня такъ все это поразило въ его разсказѣ, что я потомъ во снѣ видѣлъ, именно эти пять минутъ видѣлъ...

Онъ пытливо и серьезно еще разъ обвелъ глазами своихъ слушательницъ.

— Вы не сердитесь на меня за что-нибудь? спросилъ онъ вдругъ, какъ бы въ замѣшательствѣ, но однакоже прямо смотря всѣмъ въ глаза.

— За что? вскричали все три дѣвицы въ удивлении.

— Да вотъ, что я все какъ будто учу...

Всѣ засмѣялись.

— Если сѣрдитесь, то не сердитесь, сказалъ онъ, — я вѣдь самъ знаю, что меныше другихъ жиль и меныше всѣхъ понимаю въ жизни. Я, можетъ-быть, иногда очень странно говорю...

И онъ рѣшительно сконфузился.

— Коли говорите, что были счастливы, стало-быть, жили не меныше, а больше; зачѣмъ же вы кривите и извиняетесь? строго и привязчиво начала Аглай. — И не беспокойтесь пожалуйста, что вы нась поучаете, тутъ никакого нѣтъ торжества съ вашей стороны. Съ вашимъ квѣтизмомъ можно и сто лѣтъ жизни счастьемъ наполнить. Вамъ покажи смертную казнь и покажи вамъ пальчикъ, вы изъ того и изъ другого одинаково похвальнюю мысль выведете, да еще довольны останетесь. Этакъ можно прожить.

— За что ты все злишься, не понимаю, подхватила генеральша, давно наблюдавшая лица говорившихъ, — и о чмъ вы говорите, тоже не могу понять. Какой пальчикъ и что за вздоръ? Князь прекрасно говоритъ, только немного грустно. Зачѣмъ ты его обезкураживаешь! Онъ когда началъ, то смѣялся, а теперь совсѣмъ осовѣлъ.

— Ничего, шашан. А жаль, князь, что вы смертной казни не видѣли, я бы васъ обѣ одномъ спросила.

— Я видѣлъ смертную казнь, отвѣчалъ князь.

— Видѣли? вскричала Аглай. — Я бы должна была догадаться! Это вѣнчаетъ все дѣло. Если видѣли, какъ же вы говорите, что все время счастливо прожили? Ну, не правду-ли вамъ я сказала?

— А развѣ въ вашей деревнѣ казнятъ? спросила Аделаида.

— Я въ Ліонѣ видѣлъ, я туда съ Шнейдеромъ ѿздила, онъ меня бралъ. Какъ прїѣхалъ, такъ и попалъ.

— Что же, вамъ очень понравилось? Много назидательного, полезнаго? спрашивала Аглай.

— Миѣ это вовсе не понравилось, и я послѣ того немного боленъ была, но, признаюсь, что смотрѣль какъ прикованный, глазъ оторвать не могъ.

— Я бы тоже глазъ оторвать не могла, сказала Аглай.

— Тамъ очень не любятъ, когда женщины ходятъ смо-

трѣть, даже въ газетахъ потомъ пишутъ объ этихъ женщинахъ.

— Значить, коль находять, что это не женское дѣло, такъ тѣмъ самыи хотятъ сказать (а, стало-быть, оправдаться), что это дѣло мужское. Поздравляю за логику. И вы такъ же, конечно, думаете.

— Разскажите про смертную казнь, перебила Аделаида.

— Мнѣ бы очень не хотѣлось теперь... смѣшался и какъ бы нахмурился князь.

— Вамъ точно жалко намъ разсказывать, кольнула Аглай.

— Нѣтъ, я потому, что я уже про эту самую смертную казнь давеча разсказывалъ.

— Кому разсказывали?

— Вашему камердинеру, когда дожидался...

— Какому камердинеру? раздалось со всѣхъ сторонъ.

— А вотъ, что въ передней сидѣть, такой съ просѣдью, красноватое лицо; я въ передней сидѣль, чтобы къ Ивану Федоровичу войти.

— Это странно, замѣтила генеральша.

— Князь—демократъ, отрѣзала Аглай.—Ну, если Алексѣю разсказывали, намъ ужъ не можете отказать.

— Я непремѣнио хочу слышать, повторила Аделаида.

— Давеча, дѣйствительно, обратился къ ней князь, нѣсколько опять одушевляясь (онъ, казалось, очень скоро и довѣрчиво одушевлялся),—дѣйствительно у меня мысль была, когда вы у меня сюжетъ для картины спрашивали, дать вамъ сюжетъ: нарисовать лицо приговоренного за минуту до удара гильотины, когда еще онъ на эшафотѣ стоять, передъ тѣмъ какъ ложиться на эту доску.

— Какъ лицо? Одно лицо? спросила Аделаида.—Странный будетъ сюжетъ, и кака же тутъ картина?

— Не знаю, почему же? съ жаромъ настаивалъ князь.—Я въ Базель недавно одну такую картину видѣлъ. Мнѣ очень хочется вамъ разсказать... Я когда-нибудь разскажу... очень меня поразила.

— О базельской картинѣ вы непремѣнио разскажете послѣ, сказала Аделаида,—а теперь растолкуйте мнѣ картину изъ этой казни. Можете передать такъ, какъ вы это себѣ представляете? Какъ же это лицо нарисовать? Такъ, одно лицо? Какое же это лицо?

— Это ровно за минуту до смерти, съ полною готовностью началъ князь, увлекаясь воспоминаніемъ и, пови-

димому, тотчасъ же забывъ о всемъ остальномъ, — тотъ самый моментъ, когда онъ поднялся на лѣсенку и только что ступилъ на эшафотъ. Тутъ онъ взглянулъ въ мою сторону; я поглядѣлъ на его лицо и все понялъ... Впрочемъ, вѣдь какъ это разсказать! Мнѣ ужасно бы, ужасно бы хотѣлось, чтобы вы или кто-нибудь это нарисовалъ! Лучше бы, если бы вы! Я тогда же подумалъ, что картина будетъ полезна. Знаете, тутъ нужно все представить, что было заранѣе, все, все. Онъ жилъ въ тюрьмѣ и ждалъ казни, по крайней мѣрѣ, еще черезъ недѣлю: онъ какъ-то разсчитывалъ на обыкновенную формалистику, что бумага еще должна куда-то пойти и только черезъ недѣлю выйдетъ. А тутъ вдругъ по какому-то случаю дѣло было сокращено. Въ пять часовъ утра онъ спалъ. Это было въ концѣ октября; въ пять часовъ еще холодно и темно. Вошелъ тюремный приставъ, тихонько, со страшней, и осторожно тронулъ его за плечо; тотъ приподнялся, облокотился, — видѣть свѣтъ: „Что такое?“ — „Въ десятомъ часу смертная казнь“. Онъ со сна не повѣрилъ, началъ было спорить, что бумага выйдетъ чрезъ недѣлю, но когда совсѣмъ очнулся, пересталъ спорить и замолчалъ, — такъ рассказывали, — потомъ сказалъ: „Все-таки тяжело такъ вдругъ... и опять замолкъ, и уже ничего не хотѣлъ говорить. Тутъ часа три-четыре проходятъ на известныя вещи: на священника, на завтракъ, къ которому ему вино, кофей и говядину даютъ (ну, не насмѣшка-ли это? Вѣдь, подумаешь, какъ это жестоко, а съ другой стороны, ей-Богу, эти невинные люди отъ чистаго сердца дѣлаютъ и уверены, что это человѣколюбіе), потомъ туалетъ (вы знаете, что такое туалетъ преступника?), наконецъ везутъ по городу до эшафота... Я думаю, что вотъ тутъ тоже кажется, что еще безконечно жить остается, пока везутъ. Мнѣ кажется, онъ навѣрно думалъ дорогой: „Еще долго, еще жить три улицы остается; вотъ эту проѣду, потомъ еще та останется, потомъ еще та, гдѣ булочникъ направо... еще когда-то дойдемъ до булочника!“ Кругомъ пародъ, крикъ, шумъ, десять тысячъ лицъ, десять тысячъ глазъ, — все это надо перенести, а, главное, мысль: „вотъ ихъ десять тысячъ, а ихъ никого не казнить, а меня-то казнить!“ Ну, вотъ это все предварительно. На эшафотъ ведетъ лѣсенка; тутъ онъ предъ лѣсенкой вдругъ заплакалъ. а это былъ сильный и мужественный человѣкъ, большой злодѣй, говорить, быть. Съ нимъ все время неотлучно

быль священникъ, и въ телѣжкѣ съ нимъ ѿхалъ и все говорилъ, — врядъ-ли тотъ слышаль: и начнетъ слушать, а съ третьаго слова ужъ не понимаетъ. Такъ должно быть. Наконецъ, сталь всходить на лѣсенку; тутъ ноги перевязаны и потому движутся шагами мелкими. Священникъ, должно-быть, человѣкъ умный, пересталъ говорить, а все ему крестъ давалъ цѣловать. Внизу лѣсенки онъ былъ очень блѣденъ, а какъ поднялся и сталь на эшафотъ, сталь вдругъ бѣлыи, какъ бумага, совершенно какъ бѣлая, писчая бумага. Навѣрно у него ноги слабѣли и деревенѣли, и тошнота была,—какъ будто что его давить въ горлѣ, и отъ этого точно щекотно,—чувствовали вы это когда-нибудь въ испугѣ или въ очень страшныя минуты, когда и весь разсудокъ остается, но никакой уже власти не имѣеть? мнѣ кажется, если, напримѣръ, неминуемая гибель, домъ на васъ валится, то тутъ вдругъ ужасно захочется сѣсть и закрыть глаза и ждать — будь что будетъ!.. Вотъ тутъ-то, когда начиналась эта слабость, священникъ поскорѣй, скорымъ такимъ жестомъ и молча, ему крестъ къ самыи губамъ вдругъ подставлялъ, маленький такой крестъ, серебряный, четырехконечный, — часто подставлялъ, поминутно. И какъ только крестъ касался губъ, онъ глаза открывалъ, и опять на нѣсколько секундъ какъ бы оживлялся, и ноги шли. Крестъ онъ съ жадностю цѣловалъ, спѣшилъ цѣловать, точно спѣшилъ не забыть захватить что-то про запасъ, на всякий случай, но врядъ-ли въ эту минуту что-нибудь религіозное сознавалъ. И такъ было до самой доски... Странно, что рѣдко въ эти самыи послѣднія секунды въ обморокъ падаютъ! Напротивъ, голова ужасно живетъ и работаетъ, должно-быть, сильно, сильно, сильно, какъ машина въ ходу; я воображаю, такъ и стучать разныя мысли, все неконченныя и, можетъ-быть, и смѣшныя, постороннія такія мысли: „вотъ этотъ глядитъ — у него бородавка на лбу, вотъ у палача одна нижняя пуговица заржалѣла“... а между тѣмъ все знаешь и все помнишь; одна такая точка есть, которой никакъ нельзя забыть, и въ обморокъ упасть нельзя, и все около нея, около этой точки, ходить и вертится. И подумать, что это такъ до самой послѣдней четверти секунды, когда уже голова на плахѣ лежитъ, и ждетъ, и... знаетъ, и вдругъ услышить надъ собой какъ желѣзо склизнуло! Это непремѣнно услышишь! Я бы, если бы лежалъ, я бы нарочно слушалъ и услышалъ! Тутъ, можетъ-

быть, только одна десятая доля мгновенія, но непремѣнно услышишь! И представьте же, до сихъ поръ еще спорять, что, можетъ-быть, голова когда и отлетитъ, то еще съ секунду, можетъ-быть, знаетъ, что она отлетѣла,—какого понятіе! А что если пять секундъ!.. Нарисуйте эшафотъ, такъ, чтобы видна была ясно и близко одна только послѣдняя ступень; преступникъ ступилъ на нее: голова, лицо блѣдное какъ бумага, священникъ протягиваетъ крестъ, тотъ съ жадностю протягиваетъ свои синія губы и глядитъ, и — все знаетъ. Крестъ и голова — вотъ картина, лицо священника, палача, его двухъ служителей и нѣсколько головъ и глазъ снизу,—все это можно нарисовать какъ бы на третьемъ планѣ; въ туманѣ, для аксессуара... Вотъ какая картина.

Князь замолкъ и поглядѣлъ па всѣхъ.

— Это, конечно, не похоже на квѣтизмъ, проговорила про себя Александра.

— Ну, теперь разскажите, какъ вы были влюблены, сказала Аделаида.

Князь съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Слушайте, какъ бы торопилась Аделаида,—за вами разскажъ о базельской картинѣ, но теперь я хочу слышать о томъ, какъ вы были влюблены; не отпирайтесь, вы были. Къ тому же, вы сейчасъ, какъ начнете разсказывать, перестаете быть философомъ.

— Вы какъ кончите разсказывать, тотчасъ же и застыдитесь того, что разсказали, замѣтила вдругъ Аглая.— Отчего это?

— Какъ это, наконецъ, глупо, отрѣзала генеральша, съ негодованіемъ смотря на Аглаю.

— Не умно, подтвердила Александра.

— Не вѣрьте ей, князь, обратилась къ нему генеральша,—она это нарочно съ какой-то злости дѣлаетъ; она вовсе не такъ глупо воспитана; не подумайте чего-нибудь, что онѣ вѣсть такъ тормошатъ. Онѣ, вѣрно, что-нибудь затѣяли, но онѣ уже вѣсть любятъ. Я ихъ лица знаю.

— И я ихъ лица знаю, сказалъ князь, особенно удрученный на свои слова.

— Это какъ? спросила Аделаида съ любопытствомъ.

— Чѣмъ вы знаете про наши лица? залюбопытствовали и двѣ другія.

Но князь молчалъ и былъ серьезенъ; всѣ ждали его отвѣта.

— Я вамъ посыпъ скажу, сказали онъ тихо и серьезно.

— Вы рѣшительно хотите заинтересовать насъ, вскричала Аглай.— И какая торжественность!

— Ну, хорошо, заторопилась опять Аделаида,—но если ужъ вы такой знатокъ лицъ, то навѣрно были и влюблены; я, стало-быть, угадала. Рассказывайте же.

— Я не былъ влюбленъ, отвѣчалъ князь такъ же тихо и серьезно, — я... быть счастливъ иначе.

— Какъ же, чѣмъ же?

— Хорошо, я вамъ разскажу, проговорилъ князь какъ бы въ глубокомъ раздумье.

VI.

— Вотъ вы все теперь, началь князь, — смотрите на меня съ такимъ любопытствомъ, что не удовлетвори ~~я~~ его, вы на меня, пожалуй, и разсердитесь. Нѣтъ, я шучу, прибавилъ онъ поскорѣе съ улыбкой.— Тамъ... тамъ были все дѣти, и я все время былъ тамъ съ дѣтьми, съ одними дѣтьми. Это были дѣти той деревни, вся ватага, которая въ школѣ училась. Я не то чтобъ училъ ихъ; о, нѣтъ, тамъ для этого былъ школьній учитель, Жюль Тибо; я, пожалуй, и училъ ихъ, но я больше такъ былъ съ ними, и все мои четыре года такъ и прошли. Мнѣ ничего другого и не надобно было. Я имъ все говорилъ, ничего отъ нихъ не утаивалъ. Ихъ отцы и родственники на меня разсердились все, потому что дѣти, наконецъ, безъ меня обойтись не могли и все вокругъ меня толпились, а школьній учитель даже сталъ мнѣ, наконецъ, первымъ врагомъ. У меня много стало тамъ враговъ, и все изъ-за дѣтей. Даже Шнейдеръ стыдилъ меня. И чего они такъ боялись? Ребенку можно все говорить, — все; меня всегда поражала мысль, какъ плохо знаютъ большие дѣти, отцы и матери даже своихъ дѣтей. Отъ дѣтей ничего не надо утаивать, подъ предлогомъ, что они маленькия и что имъ рано знать. Какая грустная и несчастная мысль! И какъ хорошо сами дѣти подмѣчаютъ, что отцы считаютъ ихъ слишкомъ маленькими и ничего не понимающими, тогда какъ они все понимаютъ. Большие не знаютъ, что ребеноекъ даже въ самомъ трудномъ дѣлѣ можетъ дать чрезвычайно важный совѣтъ. О, Боже! когда на вѣсъ глядѣтъ эта хорошенъкая птичка, довѣрчиво и счастливо, вамъ вѣдь стыдно ее обмануть! Я потому ихъ птичками зову, что лучше птички нѣтъ ничего на свѣтѣ. Впрочемъ, на

меня въ деревнѣ разсердились большие по одному слушаю... а Тибо просто мнѣ завидовалъ; онъ сначала все качалъ головой и дивился, какъ это дѣти у меня все понимаютъ, а у него почти ничего, а потомъ сталъ надо мной смѣяться, когда я ему сказалъ, что мы оба ихъ ничему не научимъ, а они еще наасъ научатъ. И какъ онъ могъ мнѣ завидовать и клеветать на меня, когда самъ жиль съ дѣтьми! Черезъ дѣтей душа лѣчится... Тамъ былъ одинъ больной въ заведеніи Шнейдера, одинъ очень несчастный человѣкъ. Это было такое ужасное несчастіе, что подобное врядъ-ли и можетъ быть. Онъ былъ отданъ на излѣченіе отъ помѣшательства; по-моему, онъ былъ не помѣшанный, онъ только ужасно страдалъ, — вотъ и вся его болѣзнь была. И если бы вы знали, чѣмъ стали подъ конецъ для него наши дѣти... Но я вамъ про этого больного потомъ лучше расскажу; я расскажу теперь, какъ это все началось. Дѣти сначала меня не полюбили. Я былъ такой большой, я всегда такой мѣшковатый; я знаю, что я и собой дуренъ... наконецъ, и то, что я былъ иностранецъ. Дѣти надо мной сначала смѣялись, а потомъ даже камнями въ меня стали кидать, когда подглядѣли, что я поцѣловалъ Мари. А я всего одинъ разъ поцѣловалъ ее... Нѣтъ, не смѣйтесь, поспѣшилъ остановить князь усмѣшку своихъ слушательницъ, — тутъ вовсе не было любви. Если бы вы знали, какое это было несчастное созданіе, то вамъ бы самимъ стало ее очень жаль, какъ и мнѣ. Она была изъ нашей деревни. Мать ея была старая старуха, и у ней, въ ихъ маленькомъ, совсѣмъ ветхомъ домишкѣ, въ два окна, было отгорожено одно окно, по дозволенію деревенского начальства; изъ этого окна ей позволяли торговаться шнурками, нитками, табакомъ, мыломъ, все на самые мелкие гроши, тѣмъ она и пропитывалась. Она была большая, и у ней все ноги пухли, такъ что все сидѣла на мѣстѣ. Мари была ея дочь, лѣтъ двадцати, слабая и худенькая; у ней давно начиналась чахотка, но она все ходила по домамъ въ тяжелую работу ианиматься поденно, — полы мыла, бѣлье, дворы обметала, скотъ убирала. Одинъ проѣзжій французскій коммі соблазнилъ ее и увезъ, а черезъ недѣлю на дорогѣ бросилъ одну и тихонько уѣхалъ. Она пришла домой, побираясь, вся испачканная, вся въ лохмотьяхъ, съ ободранными башмаками; шла она пѣшкомъ всю недѣлю, почевала въ полѣ и очень простудилась; ноги были въ ранахъ. руки опухли и растрескались.

Она, впрочемъ, и прежде была собой не хороша; глаза только были тихie, добрые, невинные. Молчалива была ужасно. Разъ, прежде еще, она за работой вдругъ запѣла, и я помню, что всѣ удивились и стали смеяться: „Мари запѣла! Какъ, Мари запѣла?“ и она ужасно законфузилась, и ужъ навѣкъ потомъ замолчала. Тогда еще ее ласкали, но когда она воротилась, больная и истерзанная, никакого-то къ ней состраданія не было ни въ комъ! Какие они на это жестоки! Какія у нихъ тяжелыя на это понятія! Мать, первая, приняла ее со злобой и съ презрѣніемъ: „ты меня теперь обезчестила“. Она первая ее и выдала на позоръ: когда въ деревнѣ услышали, что Мари воротилась, то всѣ побѣжалі смотрѣть Мари, и чуть не вся деревня сбѣжалась въ избу къ старухѣ: старики, дѣти, женщины, дѣвушки, всѣ, такою торопливою, жадною толпой. Мари лежала на полу, у ногъ старухи, голодная, оборванная, и плакала. Когда всѣ набѣжалі, она закрылась своими разбившимися волосами и такъ и при никла ничкомъ къ полу. Всѣ кругомъ смотрѣли на нее какъ на гадину; старики осуждали и брали, молодые даже смеялись, женщины брали ее, осуждали, смотрѣли съ презрѣніемъ такимъ, какъ на наука какого. Мать все это позволила, сама тутъ сидѣла, кивала головой и одобряла. Мать въ то время ужъ очень больна была и почти умирала; черезъ два мѣсяца она и въ самомъ дѣлѣ по мерла; она знала, что она умираетъ, но все-таки съ дочерью помириться не подумала до самой смерти, даже не говорила съ ней ни слова, гнала спать въ сѣни, даже почти не кормила. Ей нужно было часто ставить свои больныя ноги въ теплую воду; Мари каждый день обмы валась ей ноги и ходила за ней; она принимала всѣ ея услуги молча и ни одного слова не сказала ей ласково. Мари все переносила, и я потомъ, когда познакомился съ нею, замѣтилъ, что она и сама все это одобряла, и сама считала себя за какую-то самую послѣднюю тварь. Когда старуха слегла совсѣмъ, то за ней пришли ухаживать деревенскія старухи, по очереди, такъ тамъ устроено. Тогда Мари совсѣмъ уже перестали кормить, а въ деревнѣ всѣ ее гнали и никто даже ей работы не хотѣлъ дать, какъ прежде. Всѣ точно плевали на нее, а мужчины даже за женщину перестали ее считать, все такія сквер ности ей говорили. Иногда, очень рѣдко, когда пьяные напивались въ воскресенье, для смѣху бросали ей гроши,

такъ, прямо на землю; Мари молча поднимала. Она уже тогда начала кашлять кровью. Наконецъ, ея отрепья стали ужъ совсѣмъ лохмотьями, такъ что стыдно было показаться въ деревнѣ; ходила же она съ самаго возвращенія босая. Вотъ тутъ-то, особенно дѣти, всею ватагой,—ихъ было человѣкъ сорокъ слишкомъ школьниковъ,—стали дразнить ее и даже грязью въ нее кидали. Она попросилась къ пастуху, чтобы пустилъ ее коровъ стеречь, но пастухъ прогналъ. Тогда она сама, безъ позволенія, стала со стадомъ уходить на цѣлый день изъ дома. Такъ какъ она очень много пользы приносila пастуху, и онъ замѣтилъ это, то ужъ и не прогонялъ ея, и иногда даже ей остатки отъ своего обѣда давалъ, сыру и хлѣба. Онъ это за великую милость съ своей стороны почиталъ. Когда же мать померла, то пасторъ въ церкви не постыдился всенародно опозорить Мари. Мари стояла за гробомъ, какъ была, въ своихъ лохмотьяхъ, и плакала. Сошлось много народа смотрѣть, какъ она будетъ плакать и за гробомъ идти; тогда пасторъ,—онъ еще былъ молодой человѣкъ, и вся его амбиція была сдѣлаться большимъ проповѣдникомъ,—обратился ко всѣмъ и указалъ на Мари. „Вотъ кто была причиной смерти этой почтенной женщины“ (и неправда, потому что та уже два года была больна), „вотъ она стоить передъ вами и не смѣеть взглянуть, потому что она отмѣчена перстомъ Божіимъ; вотъ она босая и въ лохмотьяхъ,—примѣръ тѣмъ, которыя теряютъ добродѣтель! Кто же она? Это дочь ея!“, и все въ этомъ родѣ. И представьте, эта низость почти всѣмъ имъ понравилась, но... тутъ вышла особенная исторія; тутъ вступились дѣти, потому что въ это время дѣти были всеѣ уже на моей сторонѣ и стали любить Мари. Это вотъ какъ вышло. Мнѣ захотѣлось что-нибудь сдѣлать Мари; ей очень надо было денегъ дать, но денегъ тамъ у меня никогда не было ни копейки. У меня была маленькая брильянтовая булавка, и я ее продалъ одному перекупщику; онъ по деревнѣмъѣздили и старымъ платьемъ торговалъ. Онъ мнѣ даль восемь франковъ, а она стоила вѣрныхъ сорокъ. Я долго старался встрѣтить Мари одну; наконецъ, мы встрѣтились за деревней, у изгороди, на боковой тропинкѣ въ гору, за деревомъ. Тутъ я ей даль восемь франковъ и сказалъ ей, чтобы она берегла, потому что у меня больше ужъ не будетъ, а потомъ поцѣловалъ ее и сказалъ, чтобы она не думала, что у меня какое-нибудь нехорошее намѣреніе, и

что цѣлую я ее не потому, что влюбленъ въ нее, а потому, что мнѣ ее очень жаль и что я съ самаго начала ее нисколько за виноватую не почиталъ, а только за несчастную. Мнѣ очень хотѣлось тутъ же и утѣшить, и увѣрить ее, что она не должна себя такою низкою считать передъ всѣми, но она, кажется, не поняла. Я это сейчасъ замѣтилъ, хотя она все время почти молчала и стояла передо мной, потупивъ глаза и ужасно стыдясь. Когда я кончилъ, она мнѣ руку поцѣловала, и я тотчасъ же взялъ ея руку и хотѣль поцѣловать, но она поскорѣй отдернула. Вдругъ въ это время настѣ подглядѣли дѣти, цѣлая толпа; я потомъ узналъ, что они давно за мной подсматривали. Они начали свистать, хлопать въ ладошки и смеяться, а Мари бросилась бѣжать. Я хотѣль было говорить, но они въ меня стали камнями кидать. Въ тотъ же день всѣ узнали, вся деревня, все обрушилось опять на Мари: ее еще пуще стали нелюбить. Я слыхалъ даже, что ее хотѣли присудить къ наказанію, но, слава Богу, прошло такъ; зато ужъ дѣти ей проходу не стали давать, дразнили пуще прежняго, грязью кидались; гонять ее, она бѣжитъ отъ нихъ съ своею слабою грудью, задыхнется, они за ней, кричатъ, бранятся. Однѣ разъ я даже бросился съ ними драться. Потомъ имъ я сталъ говорить, говорилъ каждый день, когда только могъ. Они иногда останавливались и слушали, хотя все еще бралились. Я имъ разсказалъ, какая Мари несчастная; скоро они перестали браниться и стали отходить молча. Мало-по-малу, мы стали разговаривать, я отъ нихъ ничего не таиль; я имъ все рассказалъ. Они очень любопытно слушали и скоро стали жалѣть Мари. Иные, встрѣчаясь съ пею, стали ласково съ нею здороваться: тамъ въ обычай, встрѣчая другъ друга,—знакомые или нѣть,—кланяться и говорить: „здравствуйте“. Воображаю, какъ Мари удивлялась. Однажды двѣ девочки достали кушанья и снесли къ ней, отдали, пришли и мнѣ сказали. Они говорили, что Мари расплакалась и что онѣ теперь ее очень любятъ. Скоро и всѣ стали любить ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и меня вдругъ стали любить. Они стали часто приходить ко мнѣ и все просили, чтобы я имъ разсказывалъ; мнѣ кажется, что я хорошо рассказывалъ, потому что они очень любили меня слушать. А впослѣдствіи я и учился и читалъ все только для того, чтобы имъ потомъ разсказать и всѣ три года потомъ я имъ разсказывалъ. Когда по-

тотъ всѣ меня обвиняли,—Шнейдеръ тоже,—зачѣмъ я съ ними говорю, какъ съ большими, и ничего отъ нихъ не скрываю, то я имъ отвѣчалъ, что лгать имъ стыдно, что они и безъ того все знаютъ, какъ ни тай отъ нихъ, и узнаютъ, пожалуй, скверно, а отъ меня не скверно узнаютъ. Стоило только всякому вспомнить, какъ самъ былъ ребенкомъ. Они не согласны были... Я поцѣловалъ Мари еще за"двѣ недѣли до того, какъ ея мать умерла; когда же пасторъ проповѣдь говорилъ, то всѣ дѣти были уже на моей сторонѣ. Я имъ тотчасъ же рассказалъ и растолковалъ поступокъ пастора; всѣ на него разсердились, а нѣкоторые до того, что ему камнями стебла въ окнахъ разбили. Я ихъ остановилъ, потому что ужъ это было дурно, но тотчасъ же въ деревнѣ всѣ все узнали, и вотъ тутъ и начали обвинять меня, что я испортилъ дѣтей. Потомъ всѣ узнали, что дѣти любятъ Мари, и ужасно перепугались; но Мари уже была счастлива. Дѣтямъ запретили даже и встрѣчаться съ нею, но они бѣгали по тихоньку къ ней въ стадо, довольно далеко, почти въ полверстѣ отъ деревни; они носили ей гостинцевъ, а иные просто прибѣгали для того, чтобы обнять ее, поцѣловать, сказать: „*Je vous aime, Marie!*“ и потомъ стремглавъ бѣжать назадъ. Мари чуть съ ума не сошла отъ такого внезапнаго счастія; ей это даже и не грезилось; она стыдилась и радовалась, а, главное, дѣтямъ хотѣлось, особенно дѣвочкамъ, бѣгать къ ней, чтобы передавать ей, что я ее люблю и очень многого о ней имъ говорю. Они ей рассказали, что это я имъ все пересказалъ, и что они теперь ее любятъ и жалѣютъ, и всегда такъ будутъ. Потомъ забѣгали и ко мнѣ, и съ такими радостными, хлопотливыми лициками передавали, что они сейчасъ видѣли Мари, что Мари мнѣ кланяется. По вечерамъ я ходилъ къ водопаду; тамъ было одно совсѣмъ закрытое со стороны деревни мѣсто, и кругомъ росли тополи; туда-то они ко мнѣ по вечерамъ и сбѣгались, иные даже украдкой. Мнѣ кажется, для нихъ была ужаснымъ наслажденiemъ моя любовь къ Мари, и вотъ въ этомъ одномъ, во всю тамошнюю жизнь мою, я и обманулъ ихъ. Я не разувѣряль ихъ, что я вовсе не люблю Мари, то-есть не влюбленъ въ нее, что мнѣ ее только очень жаль было; я по всему видѣлъ, что имъ такъ больше хотѣлось, какъ они сами вообразили и положили промежъ себя, и потому молчалъ и показывалъ видъ, что они угадали. И до такой степени

были деликатны и нѣжны эти маленькия сердца: имъ между прочимъ показалось невозможнымъ, что ихъ ло-
брый Léon такъ любить Мари, а Мари такъ дурно
одѣта и безъ башмаковъ. Представьте себѣ, они до-
стали ей и башмаки, и чулки, и бѣлье, и даже ка-
кое-то платье; какъ это они ухитрились—не понимаю;
всю ватагой работали. Когда я ихъ разспрашивалъ, они
только весело смеялись, а дѣвочки были въ ладоши и цѣ-
ловали меня. Я иногда ходилъ тоже потихоньку пови-
ваться съ Мари. Она ужъ становилась очень больна и
едва ходила; наконецъ, перестала совсѣмъ служить па-
стуху, но все-таки каждое утро уходила со стадомъ. Она
садилась въ сторонѣ; тамъ у одной, почти прямой, отвес-
ной скалы, былъ выступъ; она садилась въ самый уголь,
отъ всѣхъ закрытый, на камень и сидѣла почти безъ дви-
женія весь день, съ самаго утра до того часа, когда стадо
уходило. Она уже была такъ слаба отъ чахотки, что все
больше сидѣла съ закрытыми глазами, прислонивъ голову
къ скалѣ, и дремала, тяжело дыша; лицо ея похудѣло
какъ у скелета, и потъ проступалъ на лбу и на вискахъ.
Такъ я всегда заставалъ ее. Я приходилъ на минуту, и
мнѣ тоже не хотѣлось, чтобы меня видѣли. Какъ я только
показывался, Мари тотчасъ же взрагивала, открывала
глаза и бросалась цѣловать мнѣ руки. Я уже не отни-
малъ, потому что для нея это было счастьемъ; она все
время, какъ я сидѣлъ, дрожала и плакала; правда, нѣ-
сколько разъ она принималась было говорить, но ее трудно
было и понять. Она бывала какъ безумная, въ ужасномъ
волненіи и восторгѣ. Иногда дѣти приходили со мной. Въ
такомъ случаѣ они обыкновенно становились неподалеку
и начинали настѣ стеречь отъ чего-то и отъ кого-то, и
это было для нихъ необыкновенно пріятно. Когда мы
уходили, Мари опять оставалась одна, попрежнему безъ
движенія, закрывъ глаза и прислонясь головой къ скалѣ;
она, можетъ-быть, о чѣмъ-нибудь грезила. Однажды, по-
утру, она уже не могла выйти къ стаду и осталась у
себя въ пустомъ своемъ домѣ. Дѣти тотчасъ же узнали и
почти всѣ перебывали у ней въ этотъ день навѣстить ее;
она лежала въ своей постели одна-одинехонька. Два дня
ухаживали за ней одни дѣти, забѣгая по очереди, но по-
томъ, когда въ деревнѣ прослышали, что Мари уже въ
самомъ дѣлѣ умираетъ, то къ ней стали ходить изъ дере-
вни старухи, сидѣть и дежурить. Въ деревнѣ, кажется,

стали жалѣть Мари, по крайней мѣрѣ дѣтей уже не останавливали и не брали, какъ прежде. Мари все время была въ дремотѣ, сонъ у ней былъ беспокойный: она ужасно кашляла. Старухи отгоняли дѣтей, но тѣ подбѣгали подъ окно, иногда только на одну минуту, чтобы только сказать: „Bonjour, notre bonne Marie“. А та, только завидѣть или заслышать ихъ, вся оживлялась и тотчасъ же, не слушая старухъ, силилась приподняться на локоть, кивала имъ головой, благодарила. Они, попрежнему, приносили ей гостинцевъ, но она почти ничего неѣла. Чезрѣзъ нихъ, увѣряю васъ, она умерла почти счастливая. Чезрѣзъ нихъ она забыла свою черную бѣду, какъ бы прощеніе отъ нихъ принялѣа, потому что до самаго конца считала себя великою преступницей. Они, какъ птички, бились крылышками въ ея окна и кричали ей каждое утро: „Nous t'aimons, Marie“. Она очень скоро умерла. Я думалъ, она гораздо дольше проживетъ. Наканунѣ ея смерти, предъ закатомъ солнца, я къ ней заходилъ; кажется, она меня узнала, и я въ послѣдній разъ пожаль ея руку; какъ изсохла у ней рука! А тутъ вдругъ на утро приходять и говорятъ мнѣ, что Мари умерла. Тутъ дѣтей и удержать нельзя было: они убрали ей весь гробъ цвѣтами и надѣли ей вѣночъ на голову. Пасторъ въ церкви уже не срамилъ мертвую, да и на похоронахъ очень мало было, такъ только изъ любопытства зашли нѣкоторые; но когда надо было нести гробъ, то дѣти бросились всѣ разомъ, чтобы самимъ нести. Такъ какъ они не могли снести, то помогали, всѣ бѣжали за гробомъ и всѣ плакали. Съ тѣхъ поръ могилка Мари постоянно почиталась дѣтьми: они убираютъ ее каждый годъ цвѣтами, обсадили кругомъ розами. Но съ этихъ похоронъ и началось на меня главное гоненіе всей деревни изъ-за дѣтей. Главные зачинщики были пасторъ и школьній учитель. Дѣтямъ рѣшиительно запретили даже встрѣчаться со мной, а Шнейдеръ обязался даже смотрѣть за этимъ. Но мы все-таки видались, издалека объяснялись знаками. Они присыпали мнѣ свои маленькия записочки. Впослѣдствіи все это уладилось, но тогда было очень хорошо: я даже еще ближе сошелся съ дѣтьми черезъ это гоненіе. Въ послѣдній годъ я даже почти помирился съ Тибо и съ пасторомъ. А Шнейдеръ много мнѣ говорилъ и спорилъ со мной о моей вредной „системѣ“ съ дѣтьми. Какая у меня система! Наконецъ, Шнейдеръ мнѣ высказалъ одну очень

странную свою мысль,—это ужъ было передъ самимъ моимъ отъездомъ,—онъ сказалъ мнѣ, что онъ вполнѣ убѣдился, что я самъ совершенный ребенокъ, то-есть вполнѣ ребенокъ, что я только ростомъ и лицомъ похожъ на взрослаго, но что развитиемъ, душой, характеромъ и, можетъ-быть, даже умомъ, я не взрослый, и такъ я остановусь, хотя бы я до шестидесяти лѣтъ прожилъ. Я очень смѣялся: онъ, конечно, не правъ, потому что какой же я маленький? Но одно только правда, я и въ самомъ дѣлѣ не люблю быть со взрослыми, съ людьми, съ большими,—и это я давно замѣтилъ,—не люблю, потому что не умѣю. Чѣмъ бы они ни говорили со мной, какъ бы добры ко мнѣ ни были, все-таки съ ними мнѣ всегда тяжело почему-то, и я ужасно радъ, когда могу уйти поскорѣе къ товарищамъ, а товарищи мои всегда были лѣти, но не потому, что я самъ былъ ребенокъ, а потому, что меня, просто, тянуло къ дѣтямъ. Когда я, еще въ началѣ моего житья въ деревнѣ,—вотъ когда я уходилъ тосковать одинъ въ горы, —когда я, бродя одинъ, сталъ встрѣчать иногда, особенно въ полдень, когда выпускали изъ школы всю эту ватагу, шумную, бѣгущую съ ихъ мѣшочками и грифельными досками, съ крикомъ, со смѣхомъ, съ играми,—то вся душа моя начинала вдругъ стремиться къ нимъ. Не знаю, но я сталъ опущать какое-то чрезвычайно сильное и счастливое ощущеніе при каждой встрѣчѣ съ ними. Я останавливался и смѣялся отъ счастья, глядя на ихъ маленькия, мелькающія и вѣчно бѣгущія ножки, на мальчиковъ и дѣвочекъ, бѣгущихъ вмѣстѣ, на смѣхъ и слезы (потому что многие уже успѣвали подраться, расплакаться, опять помириться и поиграть, покамѣстъ изъ школы дому добѣгали), и я забывалъ тогда всю мою тоску. Потомъ же, во всѣ эти три года, я и понять не могъ, какъ тоскуютъ и зачѣмъ тоскуютъ люди? Вся судьба моя пошла на нихъ. И никогда и не разсчитывалъ покидать деревню, и на умъ мнѣ не приходило, что я пойду когда-нибудь сюда, въ Россію. Мнѣ казалось, что я все буду тамъ, но я увидалъ, наконецъ, что Шнейдеру нельзя же было содержать меня, а тутъ подвернулось дѣло до того, кажется, важное, что Шнейдеръ самъ заторопилъ меняѣхать и за меня отѣчать сюда. И вотъ посмотрю, что это такое, и съ кѣмъ-нибудь посовѣтуюсь. Можетъ, моя участъ совсѣмъ перемѣнится, но это все не то и не главное. Главное въ томъ, что уже перезѣнилась вся моя

жизнь. Я тамъ много оставилъ, слишкомъ много. Все исчезло. Я сидѣлъ въ вагонѣ и думалъ: „Теперь я къ людямъ иду; я, можетъ-быть, ничего не знаю, но наступила новая жизнь“. Я положилъ исполнить свое дѣло честно и твердо. Съ людьми мнѣ будетъ, можетъ-быть, скучно и тяжело. На первый случай я положилъ быть со всѣми вѣжливымъ и откровеннымъ; большие отъ меня вѣдь никто не потребуетъ. Можетъ-быть, и здѣсь меня сочтутъ за ребенка, — такъ пусть! Меня тоже за идиота считаютъ всѣ почему-то, я дѣйствительно былъ такъ боленъ когда-то, что тогда и похожъ былъ на идиота; но какой же я идиотъ теперь, когда я самъ понимаю, что меня считаютъ за идиота? Я вхожу и думаю: „Вотъ меня считаютъ за идиота, а я все-таки умный, а они и не догадываются“... У меня часто эта мысль. Когда я въ Берлинѣ получилъ оттуда нѣсколько маленькихъ писемъ, которыя они уже успѣли мнѣ написать, то тутъ только я и понялъ, какъ ихъ любилъ. Очень тяжело получить первое письмо! Какъ они тосковали, провожая меня! Еще за мѣсяцъ начали провожать: „Léon s'en va, Léon s'en va pour toujours!“ Мы каждый вечеръ сбирались попрежнему у водопада и все говорили о томъ, какъ мы разстанемся. Иногда бывало такъ же весело, какъ и прежде; только, расходясь на ночь, они стали крѣпко и горячо обнимать меня, чего не было прежде. Иные забѣгали ко мнѣ потихоньку отъ всѣхъ, по одному, для того только, чтобы обнять и поцѣловать меня наединѣ, не при всѣхъ. Когда я уже отправлялся на дорогу, всѣ, всею гурью, провожали меня до станціи. Станція желѣзной дороги была, примѣрио, отъ нашей деревни въ верстѣ. Они удерживались, чтобы не плакать, но многие не могли и плакали въ голосъ, особенно дѣвочки. Мы спѣшили, чтобы не опоздать, но иной вдругъ изъ толпы бросался ко мнѣ среди дороги, обнималъ меня своими маленькими ручонками и цѣловалъ, только для того и останавливалъ всю толпу; а мы хоть и спѣшили, но всѣ останавливались и ждали, пока онъ простится. Когда я сѣлъ въ вагонъ, и вагонъ тронулъся, они всѣ мнѣ прокричали „ура!“ и долго стояли на мѣстѣ, пока совсѣмъ не ушелъ вагонъ. И я тоже смотрѣлъ... Послушайте, когда я давеча вошелъ сюда и посмотрѣлъ на ваши милые лица, — я теперь очень всматриваюсь въ лица, — и услышалъ ваши первыя слова, то у меня, въ первый разъ съ того времени, стало на душѣ легко. Я давеча уже поду-

малъ, что, можетъ-быть, я и виryмъ изъ счастливыхъ: я вѣдь знаю, что ~~такихъ~~, которыхъ тотчасъ полюбишь, не скоро встрѣтишь, а я васъ, только что изъ вагона вышелъ, тотчасъ встрѣтилъ. Я очень хорошо знаю, что про свои чувства говорить всѣмъ стыдно, а вотъ вамъ я говорю, и съ вами мнѣ не стыдно. Я нелюдимъ и, можетъ-быть, долго къ вамъ не приду. Не примите только этого задурную мысль: я не изъ того сказалъ, что вами не дорожу, и не подумайте тоже, что я чѣмъ-нибудь обидѣлся. Вы спрашивали меня про ваши лица и что я замѣтилъ въ нихъ. Я вамъ съ большимъ удовольствиемъ это скажу. У васъ, Аделаида Ивановна, счастливое лицо, изъ всѣхъ трехъ лицъ самое симпатичное. Кромѣ того, что вы очень хороши собой, на васъ смотришь и говоришь: „У ней лицо, какъ у доброй сестры“. Вы подходите спроста и весело, но и сердце умѣете скоро узиать. Вотъ такъ мнѣ кажется про ваше лицо. У васъ, Александра Ивановна, лицо тоже прекрасное и очень милое, но, можетъ-быть, у васъ есть какал-нибудь тайная грусть; душа у васъ, безъ сомнѣнія, добрѣйшая, но вы не веселы. У васъ какой-то особенный оттѣнокъ въ лицѣ, похоже какъ у Гольбейновой Мадонны въ Дрезденѣ. Ну, вотъ и про ваше лицо: хорошъ я угадчикъ? Сами же вы меня за угадчика считаете. Но про ваше лицо, Лизавета Прокофьевна, обратился онъ вдругъ къ генеральшѣ, — про ваше лицо ужъ мнѣ не только кажется, а я просто увѣренъ, что вы совершенный ребенокъ, во всемъ, во всемъ, во всемъ хорошемъ и во всемъ дурномъ, несмотря на то, что вы въ ~~такихъ лѣтахъ~~. Вы вѣдь на меня не сердитесь, что я это такъ говорю? Вѣдь вы знаете, за кого я дѣтейчитываю? И не подумайте, что я съ простоты такъ откровенно все это говорилъ сейчасъ вамъ про ваши лица: о, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Можетъ-быть, и я свою мысль имѣль.

VII.

Когда князь замолчалъ, всѣ на него смотрѣли весело, даже и Аглая, но особенно Лизавета Прокофьевна.

— Вотъ и проѣзжеменовали! вскричала она.—Что, милостивыя государыни, вы думали, что вы же его будете протежировать, какъ бѣдненькаго, а онъ васъ самъ едва избрать удостоилъ, да еще съ оговоркой, что приходить будетъ только изрѣдка. Вотъ мы и въ дурахъ, и я рада;

а пуще всего Иванъ Федоровичъ. Браво, князь, васъ да вѣча проэкзаменовать велѣли. А то, что вы про мое лицо сказали, то все совершенная правда: я ребенокъ, и знаю это. Я еще прежде вашего знала про это; вы именно выразили мою мысль въ одномъ словѣ. Вашъ характеръ я считаю совершенно сходнымъ съ моимъ, и очень рада; какъ двѣ капли воды. Только вы мужчина, а я женщина и въ Швейцаріи не была; вотъ и вся разница.

— Не торопитесь, матан, вскричала Аглай, — князь говоритъ, что онъ во всѣхъ своихъ признаніяхъ особую мысль имѣлъ и не спроста говорилъ.

— Да, да, смеялись другія.

— Не труните, миляя, еще онъ, можетъ-быть, похитрѣе всѣхъ васъ трехъ вмѣстѣ. Увидите. Но только что-жъ вы, князь, про Аглаю ничего не сказали? Аглай ждеть и я жду.

— Я ничего не могу сейчасъ сказать; я скажу потомъ.

— Почему? Кажется, замѣтна?

— О, да, замѣтна; вы чрезвычайная красавица, Аглай Ивановна. Вы такъ хороши, что на васъ боишься смотрѣть.

— И только? А свойства? настаивала генеральша.

— Красоту трудно судить; я еще не приготовился. Красота—загадка.

— Это значитъ, что вы Аглай загадали загадку, сказала Аделаида.—Разгадай-ка, Аглай. А хороша она, князь, хороша?

— Чрезвычайно! съ жаромъ отвѣтилъ князь, съ увлечениемъ взглянувъ на Аглаю.—Почти какъ Настасья Филипповна, хотя лицо совсѣмъ другое!..

Всѣ переглянулись въ удивленіи.

— Какъ кто-о-о? протянула генеральша. — Какъ Настасья Филипповна? Гдѣ вы видѣли Настасью Филипповну? Какая Настасья Филипповна?

— Давеча Гаврила Ардаліоновичъ Ивану Федоровичу портретъ показывалъ.

— Какъ, Ивану Федоровичу портретъ принесъ?

— Показать. Настасья Филипповна подарила сегодня Гаврилѣ Ардаліоновичу свой портретъ, а тотъ принесъ показать.

— Я хочу видѣть! вскинулась генеральша.—Гдѣ этотъ портретъ? Если ему подарила, такъ и долженъ быть у него, а онъ, конечно, еще въ кабинетѣ. По средамъ онъ всегда приходитъ работать и никогда раньше четырехъ

не уходитъ. Позвать сейчасъ Гаврилу Ардаліоновича! Нѣтъ, я не слишкомъ-то умираю отъ желанія его видѣть. Сдѣлайте одолженіе, князь, голубчикъ, сходите въ кабинетъ, возьмите у него портретъ и принесите сюда. Скажите, что посмотрѣть. Пожалуйста.

— Хорошъ, да ужъ простовать слишкомъ, сказала Аделаида, когда вышелъ князь.

— Да, ужъ что-то слишкомъ, подтвердила Александра, — такъ что даже и смѣшонъ немножко.

И та, и другая какъ будто не выговаривали всю свою мысль.

— Онъ, впрочемъ, хорошо съ нашими лицами вывернулся, сказала Аглая, — всѣмъ польстиль, даже и маман.

— Не остри, пожалуйста! вскричала генеральша. — Не онъ польстиль, а я польщена.

— Ты думаешь, онъ вывертывался? спросила Аделаида.

— Мне кажется, онъ не такъ простовать.

— Ну, пошла! разсердилась генеральша. — А по-моему, вы еще его смѣшили. Простовать, да себѣ на умъ, въ самомъ благородномъ отношеніи, разумѣется. Совершенно какъ я.

„Конечно скверно, что я про портретъ проговорился, соображалъ князь про себя, проходя въ кабинетъ и чувствуя нѣкоторое угрызеніе. — Но... можетъ-быть, я и хорошо сдѣлалъ, что проговорился...“

У него начинала мелькать одна странная идея, впрочемъ, еще не совсѣмъ ясная.

Гаврила Ардаліоновичъ еще сидѣлъ въ кабинетѣ и былъ погруженъ въ свои бумаги. Должно-быть, онъ дѣйствительно не даромъ бралъ жалованье изъ акціонернаго общества. Онъ страшно смущился, когда князь спросилъ портретъ и рассказалъ, какимъ образомъ про портретъ тамъ узнали.

— Э-э-эхъ! И зачѣмъ вамъ было болтать! вскричалъ онъ въ злобной досадѣ. — Не знаете вы ничего... Идіотъ! пробормоталъ онъ про себя.

— Виноватъ, я совершенно не думавши; къ слову пришлося. Я сказалъ, что Аглая почти такъ же хороша, какъ Настасья Филипповна.

Ганя попросилъ разскажать подробнѣе; князь рассказалъ. Ганя вновь насторожено посмотрѣлъ на него.

— Далась же вамъ Настасья Филипповна... пробормоталъ онъ, но, не докончивъ, задумался.

Онъ былъ въ видимой тревогѣ. Князь напомнилъ о портретѣ.

— Послушайте, князь, сказалъ вдругъ Ганя, какъ будто внезапная мысль осънила его,— у меня до васъ есть огромная просьба... Но я, право, не знаю...

Онъ смущился и не договорилъ; онъ на что-то рѣшался и какъ бы боролся самъ съ собой. Князь ожидалъ молчания Ганя еще разъ испытующимъ, пристальнымъ взглядомъ огляделъ его.

— Князь, началъ онъ опять,— тамъ на меня теперь... по одному совершенно странному обстоятельству... и смѣшному... и въ которомъ я не виноватъ... ну, однимъ словомъ, это лишило,— тамъ на меня, кажется, немножко сердятся, такъ что я некоторое время не хочу входить туда безъ зова. Мнѣ ужасно нужно бы поговорить теперь съ Аглаей Ивановной. Я на всякий случай написалъ нѣсколько словъ (въ рукахъ его очутилась маленькая сложенная бумажка)—и вотъ не знаю, какъ передать. Не возьметесь ли вы, князь, передать Аглаѣ Ивановнѣ, сейчасъ, но только одной Аглаѣ Ивановнѣ, такъ, то-есть, чтобы никто не увидаль, понимаете? Это не Богъ знаетъ какой секретъ, тутъ нѣть ничего такого... но... сдѣлаете?

— Мнѣ это совсѣмъ пріятно, отвѣчалъ князь.

— Ахъ, князь, мнѣ крайняя надобность! стало просить Ганя. — Она, можетъ-быть, отвѣтитъ... Повѣрьте, что я только въ крайнемъ случаѣ, въ самомъ крайнемъ случаѣ могъ обратиться... Съ кѣмъ же мнѣ послать?.. Это очень важно... Ужасно для меня важно...

Ганя ужасно робѣлъ, что князь не согласится, и съ трусливою просьбой заглядывалъ ему въ глаза.

— Пожалуй, я передамъ.

— Но только такъ, чтобы никто не замѣтилъ, умолялъ обрадованный Ганя,—и вотъ что, князь, я надѣюсь, вѣдь, на ваше честное слово, а?

— Я никому не покажу, сказалъ князь.

— Записка не запечатана, но... проговорился было слишкомъ суевившійся Ганя, и остановился въ смущеніи.

— О, я не прочту, совершенно просто отвѣчалъ князь, взялъ портретъ и пошелъ изъ кабинета.

Ганя, оставшись одинъ, схватилъ себя за голову.

— Одно ея слово, и я... и я, право, можетъ-быть, порву!..

Онъ уже не могъ снова сѣсть за бумаги отъ волненія

и ожиданія, и сталъ бродить по кабинету изъ угла въ угомъ.

Князь шелъ, задумавшись; его непріятно поразило по-
лученіе, непріятно поразила и мысль о запискѣ Гани къ
Аглай. Но не доходя двухъ комнатъ до гостиной, онъ
вдругъ остановился, какъ будто вспомнилъ о чёмъ, осмо-
трѣлся кругомъ, подошелъ къ окну, ближе къ свѣту, и
сталъ глядѣть на портретъ Настасіи Филипповны.

Ему какъ бы хотѣлось разгадать что-то, скрывавшееся
въ этомъ лицѣ и поразившее его давечка. Давешнєе впе-
чатлѣніе почти не оставляло его, и теперь онъ спѣшилъ
какъ бы что-то вновь провѣрить. Это необыкновенное по
своей красотѣ и еще по чему-то лицо еще сильнѣе пора-
зило его теперь. Какъ будто необъятная гордость и пре-
зрѣніе, почти ненависть, были въ этомъ лицѣ, и въ то же
самое время что-то довѣрчивое, что-то удивительно про-
стодушное; эти два контраста возбуждали какъ будто
даже какое-то состраданіе при взглядѣ на эти черты.
Эта ослѣпляющая красота была даже невыносима, кра-
сота блѣднаго лица, чуть не вналыхъ щекъ и горѣвшихъ
глазъ; странная красота! Князь смотрѣлъ съ минуту, по-
томъ вдругъ спохватился, оглядѣлся кругомъ, поспѣшилъ
приблизить портретъ къ губамъ и поцѣловалъ его. Когда,
черезъ минуту, онъ вошелъ въ гостиную, лицо его было
совершенно спокойно.

Но только что онъ вступилъ въ столовую (еще черезъ
одну комнату отъ гостиной), съ нимъ въ дверяхъ почти
столкнулась выходившая Аглай. Она была одна.

— Гаврила Ардаліоновичъ просилъ меня вамъ пере-
дать, сказалъ князь, подавая ей записку.

Аглай остановилась, взяла записку и какъ-то странно
поглядѣла на князя. Ни малѣйшаго смущенія не было
въ ея взглядѣ, развѣ только проглянуло нѣкоторое удив-
леніе, да и то, казалось, относившееся къ одному только
князю. Аглай своимъ взглядомъ точно требовала отъ него
отчета,—какимъ образомъ онъ очутился въ этомъ дѣлѣ
вмѣстѣ съ Ганей?—и требовала спокойно и свысока. Они
простояли два-три мгновенія другъ противъ друга; нако-
нецъ, что-то насыщливое чуть-чуть обозначилось въ лице
ея; она слегка улыбнулась и прошла мимо.

Генеральша нѣсколько времени, молча и съ нѣкото-
рымъ отѣнкомъ пренебреженія, рассматривала портретъ
Настасіи Филипповны, который она держала передъ со-

бой въ протянутой рукѣ, чрезвычайно и эффеќтно отдаливъ отъ глазъ.

— Да, хороша, проговорила она наконецъ, — очекъ даже. Я два раза ее видѣла, только издали. Такъ вы такую-то красоту щѣните? обратилась она вдругъ къ князю.

— Да... такую... отвѣчалъ князь съ нѣкоторымъ усилиемъ.

— То-есть, именно такую?

— Именно такую.

— За что?

— Въ этомъ лицѣ... страданія много... проговорилъ князь, какъ бы невольно, какъ бы самъ съ собою говоря, а не на вопросъ отвѣчая.

— Вы, впрочемъ, можетъ-быть, бредите, рѣшила генеральша и надменнымъ жестомъ откинула отъ себя портретъ на столъ.

Александра взяла его, къ ней подошла Аделаида, обѣ стали разсматривать. Въ эту минуту Аглай возвратилась опять въ гостиную.

— Этаکая сила! вскричала вдругъ Аделаида, жадно всматриваясь на портретъ изъ-за плеча сестры.

— Гдѣ? Какая сила? рѣзко спросила Лизавета Прокофьевна.

— Такая красота—сила, горячо сказала Аделаида, — съ этакою красотой можно міръ перевернуть!

Она задумчиво отошла къ своему мольберту. Аглай взглянула на портретъ только мелькомъ, прищурилась, выдвинула нижнюю губку, отошла и сѣла къ сторонѣ, сложивъ руки.

Генеральша позвонила.

— Позвать сюда Гаврилу Ардаліоновича, онъ въ кабинетѣ, приказала она вошедшему слугѣ.

— Маман! значительно воскликнула Александра.

— Я хочу ему два слова сказать — и довольно! быстро отрѣзала генеральша, останавливая возраженіе.

Она была видимо раздражена.

— У насъ, видите-ли, князь, здѣсь теперь все секреты. Все секреты! Такъ требуется, этикетъ какой-то, глупо. И это въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ требуется наиболѣе откровенности, ясности, честности. Начинаются браки, не нравятся мнѣ эти браки...

— Маман, что вы это? опять поспѣшила остановить ее Александра.

— Чего тебѣ, милая дочка? Тебѣ самой развѣ нра-

вятся? А что князь слушаетъ, такъ мы друзья. Я съ нимъ, по крайней мѣрѣ. Богъ ищетъ людей, хорошихъ, конечно, а злыхъ и капризныхъ ему не надо; капризныхъ особенно, которые сегодня рѣшаютъ одно, а завтра говорятъ другое. Понимаете, Александра Ивановна? Онѣ, князь, говорятъ, что я чудачка, а я умѣю различать. Поэтому сердце главное, а остальное вздоръ. Умъ тоже нуженъ, конечно... можетъ-быть, умъ-то и самое главное. Не усмѣхайся, Аглая, я себѣ не противорѣчу: дура съ сердцемъ и безъ ума такая же несчастная дура, какъ и дура съ умомъ безъ сердца. Старая истина. Я вотъ дура съ сердцемъ безъ ума, а ты дура съ умомъ безъ сердца; обѣ мы и несчастны, обѣ и страдаемъ.

— Чѣмъ же вы ужъ такъ несчастны, татан? не утерпѣла Аделаида, которая одна, кажется, изъ всей компаніи не утратила веселаго расположенія духа.

— Во-первыхъ, отъ ученыхъ дочекъ, отрѣзала генеральша,—а такъ какъ этого и одного довольно, то обѣ остальному нечего и распространяться. Довольно многословія было. Посмотримъ, какъ-то вы обѣ (я Аглаю не считаю) съ вашимъ умомъ и многословіемъ вывернетесь, и будете-ли вы, многоуважаемая Александра Ивановна, счастливы съ вашимъ почтеннымъ господиномъ?.. А!.. воскликнула она, увидѣвъ входящаго Ганю,—вотъ еще идетъ одинъ брачный союзъ. Здравствуйте! отвѣтила она на поклонъ Гани, не пригласивъ его садиться. — Вы вступаете въ бракъ?

— Въ бракъ?.. Какъ?.. Въ какой бракъ?.. бормоталъ опшеломленный Гаврила Ардаліоновичъ.

Онъ ужасно смѣшался.

— Вы женитесь, спрашиваю я, если вы только лучше любите такое выраженіе?

— Н-нѣтъ... я... н-нѣтъ, солгалъ Гаврила Ардаліоновичъ, и краска стыда залила ему лицо.

Онъ бѣгло взглянулъ на сидѣвшую въ сторонѣ Аглаю и быстро отвелъ глаза. Аглая холодно, пристально, спокойно глядѣла на него, не отрывая глазъ, и наблюдала его смущеніе.

— Нѣтъ? Вы сказали: нѣтъ? настойчиво допрашивала неумолимая Лизавета Прокофьевна. — Довольно, я буду помнить, что вы сегодня, въ среду утромъ, на мой вопросъ сказали мнѣ: „нѣтъ“. Что у насъ сегодня, среда?

— Кажется, среда, татан, отвѣтила Аделаида.

— Никогда дней не знаютъ. Которое число?

— Двадцать седьмое, отвѣтилъ Ганя.

— Двадцать седьмое? Это хорошо по пѣкоторому рас-
чету. Прощайте, у васъ, кажется, много занятій, а мнѣ
пора одѣваться и ѿхать; возьмите вашъ портретъ. Пере-
дайте мой поклонъ несчастной Нинѣ Александровнѣ. До
свиданія, князь, голубчики! Заходи почаще, а я къ ста-
рухѣ Бѣлоконской нарочно заѣду о тебѣ сказать. И по-
слушайте, милый: я вѣрю, что васъ именно для меня
Богъ привелъ въ Петербургъ изъ Швейцаріи. Можетъ-
быть, будутъ у васъ и другія дѣла, но главное для меня.
Богъ именно такъ разсчиталъ. До свиданія, милыя. Але-
ксандра, зайди ко мнѣ, другъ мой.

Генеральша вышла. Ганя, опрокинутый, потерявшійся,
злобный, взялъ со стола портретъ и съ искривленною
улыбкой обратился къ князю:

— Князь, я сейчасъ домой. Если вы не перемѣнили
намѣренія жить у насъ, то я васъ доведу, а то вы и
адреса не знаете.

— Постойте, князь, сказала Аглая, вдругъ подымаясь
съ своего кресла,—вы мнѣ еще въ альбомъ напишете.
Папа сказалъ, что вы каллиграфъ. Я вамъ сейчасъ принесу.

И она вышла.

— До свиданія, князь, и я ухожу, сказала Аделаида.

Она крѣпко пожала руку князю, привѣтливо и ласково
улыбнулась ему и вышла. На Ганю она не посмотрѣла.

— Это вы, заскрежеталъ Ганя, вдругъ набрасываясь
на князя, только что всѣ вышли,—это вы разболтали
имъ, что я женюсь! бормоталъ онъ скорымъ полушопотомъ,
съ блѣщеніемъ лицомъ и злобно сверкая глазами.—
Безстыдный вы болтунишка!

— Увѣряю васъ, что вы ошибаетесь, спокойно и вѣж-
ливо отвѣчалъ князь.—Я и не зналъ, что вы женитесь.

— Вы слышали давеча, какъ Иванъ Федоровичъ говорилъ,
что сегодня вечеромъ все рѣшился у Настасіи Фи-
липповны, вы это и передали! Лжете вы! Откуда онъ
могли узнать? Кто же, чортъ возьми, могъ имъ передать,
кромѣ васъ? Развѣ старуха не намекала мнѣ?

— Вамъ лучше знать, кто передалъ, если вамъ только
кажется, что вамъ намекали, я ни слова про это не
говорилъ.

— Передали записку?.. Отвѣтъ? съ горячечнымъ не-
терпѣніемъ перебилъ его Ганя.

Но въ самую эту минуту воротилась Аглай, и князь ничего не успѣлъ отвѣтить.

— Вотъ, князь, сказала Аглай, положивъ на столикъ свой альбомъ,—выберите страницу и напишите мнѣ что-нибудь. Вотъ перо, и еще новое. Ничего, что стальное? Каллиграфы, я слышала, стальными не пишутъ.

Разговаривая съ княземъ, она какъ бы и не замѣчала, что Ганя тутъ же. Но покамѣстъ князь поправлялъ перо, отыскивалъ страницу и изготавлялся, Ганя подошелъ къ камину, гдѣ стояла Аглай, сейчасъ справа подлѣ князя, и дрожащимъ, прерывающимся голосомъ проговорилъ ей чутъ не на ухо:

— Одно слово, одно только слово отъ васъ, — и я спасенъ.

Князь быстро повернулся и посмотрѣлъ на обоихъ. Въ лицѣ Гани было настоящее отчаяніе; казалось, онъ выговорилъ эти слова какъ-то не думая, сломя голову. Аглай смотрѣла на него нѣсколько секундъ совершенно съ тѣмъ же самымъ спокойнымъ удивленіемъ, какъ давеча на князя, и, казалось, это спокойное удивленіе ея, это недоумѣніе, какъ бы отъ полнаго пониманія того, что ей говорять, было въ эту минуту для Гани ужаснѣе самого сильнѣйшаго презрѣнія.

— Что же мнѣ написать? спросилъ князь.

— А я вамъ сейчасъ продиктую, сказала Аглай, новорачиваясь къ нему.—Готовы? Пишите же: „Я въ торги не вступаю“. Теперь подпишите число и мѣсяцъ. Покажите.

Князь подалъ ей альбомъ.

— Превосходно! Вы удивительно написали; у васъ чудесный почеркъ! Благодарю васъ. До свиданія, князь... Постойте, прибавила она, какъ бы что-то вдругъ припомнивъ, — пойдемте, я хочу вамъ подарить кой-что на память.

Князь подошелъ за нею; но, войдя въ столовую, Аглай остановилась.

— Прочтите это, сказала она, подавая ему записку Гани.

Князь взялъ записку и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Аглай.

— Вѣдь я знаю же, что вы ея не читали и не можете быть повѣренными этого человѣка. Читайте, я хочу, чтобы вы прочли.

Записка была очевидно написана наскоро:

„Сегодня рѣшился моя судьба, вы знаете какимъ обра-

зомъ. Сегодня я долженъ буду дать свое слово безвозвратно. Я не имѣю никакихъ правъ на ваше участіе, не смѣю имѣть никакихъ надеждъ; но когда-то вы выговарили одно слово, одно только слово, и это слово озарило всю черную ночь моей жизни и стало для меня маякомъ. Скажите теперь еще одно такое же слово — и спасете меня отъ погибели! Скажите мнѣ только разорви все, и я все порву сегодня же. О, чтѣ вамъ стоять сказать это! Въ этомъ словѣ я испрашиваю только признакъ вашего участія и сожалѣнія ко мнѣ,—и только, только! И ничего больше, ничего! Я не смѣю задумать какую-нибудь надежду, потому что я недостоинъ ея. Но послѣ вашего слова я приму вновь мою бѣдность, я съ радостью стану переносить отчаянное положеніе мое. Я встрѣчу борьбу, я радъ буду ей, я воскресну въ ней съ новыми силами!

„Пришлите же мнѣ это слово состраданія (только одного состраданія, клянусь вамъ!). Не разсердитесь на дерзость отчаяннаго, но утопающаго, за то, что онъ осмѣлился сдѣлать послѣднее усилие, чтобы счасти себя отъ погибели.

„Г. И.“

— Этотъ человѣкъ увѣряетъ, рѣзко сказала Аглай, когда князь кончилъ читать,—что слово: „разорвите все“ меня не скомпрометтируетъ и не обяжетъ ничѣмъ, и самъ даетъ мнѣ въ этомъ, какъ видите, письменную гарантію, этою самою запиской. Замѣтьте, какъ наивно поспѣшилъ онъ подчеркнуть нѣкоторыя словечки, и какъ грубо проглядываетъ его тайная мысль. Онъ, впрочемъ, знаетъ, что если бъ онъ разорвалъ все, но самъ, одинъ, не ожидая моего слова и даже не говоря мнѣ объ этомъ, безъ всякой надежды на меня, то я бы тогда перемѣнила мои чувства къ нему и, можетъ-быть, стала бы его другомъ. Онъ это знаетъ навѣрно! Но у него душа грязная: онъ знаетъ и не рѣшается; онъ знаетъ и все-таки гарантіи проситъ. Онъ на вѣру рѣшился не въ состояніи. Онъ хочетъ, чтобъ я ему, взамѣнъ ста тысячъ, на себя надежду дала. Насчетъ же прежняго слова, про которое онъ говорить въ запискѣ и которое будто бы озарило его жизнь, то онъ нагло лжетъ. Я просто разъ пожалѣла его. Но онъ дерзокъ и безстыденъ: у него тотчасъ же мелькнула тогда мысль о возможности надежды; я это тотчасъ же поняла. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ меня улавливать; ловить и теперь. Но довольно; возьмите и отдайте ему записку назадъ, сейчасъ же, какъ вы выйдете изъ нашего дома, разумѣется, не раньше.

— А что сказать ему въ отвѣтъ?

— Ничего, разумѣется. Это самый лучшій отвѣтъ. Да вы, стало-быть, хотите жить въ его домѣ?

— Мнѣ давече самъ Иванъ Федоровичъ отрекомендовалъ, сказалъ князь.

— Такъ берегитесь его, я вѣдь предупреждаю; онъ теперь вамъ не проститъ, что вы ему возвратите назадъ записку.

Аглай слегка пожала руку князю и вышла. Лицо ея было серьезно и нахмурено, она даже не улыбнулась, когда кивнула князю головой на прощаніе.

— Я сейчасъ, только мой узелокъ возьму, сказалъ князь Ганѣ,—и мы выйдемъ.

Ганя топнула ногой отъ нетерпѣнья. Лицо его даже почернѣло отъ бѣшенства. Наконецъ, оба вышли на улицу, князь со своимъ узелкомъ въ рукахъ.

— Отвѣтъ? Отвѣтъ? накинулся на него Ганя.—Чтобъ она вамъ сказала? Вы передали письмо?

Князь молча подалъ ему его записку. Ганя осталбенѣлъ.

— Какъ! Моя записка! вскричалъ онъ.—Онъ и не передавалъ ея! О, я долженъ быть догадаться! О, пр-р-р-клят... Понятно, что она ничего не поняла давеча! Да какъ же, какъ же, какъ же вы не передали, о пр-р-р-клят...

— Извините меня, напротивъ, мнѣ тотчасъ же удалось передать вашу записку, въ ту же минуту, какъ вы дали, и точно такъ, какъ вы просили. Она очутилась у меня опять потому, что Аглай Ивановна сейчасъ передала мнѣ ее обратно.

— Когда? Когда?

— Только что я кончилъ писать въ альбомѣ, и когда она пригласила меня съ собой. (Вы слышали?). Мы вошли въ столовую, она подала мнѣ записку, велѣла прочесть и велѣла передать вамъ обратно.

— Про-че-е-сть! закричалъ Ганя чуть не во все горло.—Прочесть! Вы читали?

И онъ снова сталъ въ оципенѣнїи среди тротуара, но до того изумленный, что даже разинулъ ротъ.

— Да, читалъ, сейчасъ.

— И она сама, сама вамъ дала прочесть? Сама?

— Сама, и, повѣрьте, что я бы не сталъ читать безъ ея приглашенія.

Ганя съ минуту молчала и съ мучительными усилиями что-то соображала, но вдругъ воскликнула:

— Быть не можетъ! Она не могла вамъ велѣть прощать. Вы лжете! Вы сами прочли!

— Я говорю правду, отвѣчалъ князь прежнимъ, совершенно невозмутимымъ тономъ,—и повѣрьте: мнѣ очень жаль, что это производить на васъ такое непріятное впечатлѣніе.

— Но, несчастный, по крайней мѣрѣ, она вамъ сказала же что-нибудь при этомъ? Что-нибудь отвѣтила же?

— Да, конечно.

— Да говорите же, говорите, о, чортъ!..

И Ганя два раза топнула правою ногой, обутою въ калошу, о тротуаръ.

— Какъ только я прочелъ, она сказала мнѣ, что вы ее ловите; что вы желали бы ее компрометтировать такъ, чтобы получить отъ нея надежду, для того, чтобы, опираясь на эту надежду, разорвать безъ убытку съ другою надеждой на сто тысячъ. Что если бы вы сдѣлали это, не торгуясь съ нею, разорвали бы все сами, не прося у нея впередъ гарантіи, то она, можетъ-быть, и стала бы вашимъ другомъ. Вотъ и все, кажется. Да, еще: когда я спросилъ, уже взявъ записку, какой же отвѣтъ, тогда она сказала, что безъ отвѣта будетъ самый лучшій отвѣтъ,—кажется, такъ; извините, если я забылъ ея точное выраженіе, а передаю какъ самъ понялъ.

Неизмѣримая злоба овладѣла Ганей и бѣшенство его прорвалось безъ всякаго удержу.

— А! Такъ вотъ какъ! скрежеталъ онъ.—Такъ мои записи въ окно швырять! А! Она въ торги не вступаетъ,—такъ я вступлю! И увидимъ! За мной еще много... увидимъ!.. Въ бараний рогъ сверну!..

Онъ кривился, блѣднѣлъ, пѣнился; онъ грозилъ кулакомъ. Такъ или они пѣсколько шаговъ. Князя онъ не переменился никако, точно быть одинъ въ своей комнатѣ, потому что въ высшей степени считалъ его за ничто. Но вдругъ онъ что-то сообразилъ и опомнился.

— Да какимъ же образомъ, вдругъ обратился онъ къ князю,—какимъ же образомъ вы (идиотъ! прибавилъ онъ про себя), вы вдругъ въ такой довѣренности, два часа, послѣ первого знакомства? Какъ такъ?

Ко всемъ мученіямъ его недоставало зависти. Она вдругъ укусила его въ самое сердце.

— Этого ужъ я вамъ не сумѣю объяснить, отвѣтилъ князь.

Ганя злобно посмотрѣлъ на него.

— Это ужъ не довѣренность-ли свою подарить вамъ позвала она васъ въ столовую? Вѣдь она вамъ что-то подарить собиралась?

— Иначе я и не понимаю, какъ именно такъ.

— Да за что же, чортъ возьми! Чѣмъ вы тамъ такое сдѣлали? Чѣмъ понравились? Послушайте, суетился онъ изо всѣхъ силъ (все въ немъ въ эту минуту было какъ-то разбросано и кипѣло въ безпорядкѣ, такъ что онъ и съ мыслями собраться не могъ),—послушайте, не можете-ли вы хоть какъ-нибудь припомнить и сообразить въ порядкѣ, о чѣмъ вы именно тамъ говорили, всѣ слова, съ самаго начала? Не замѣтили-ли вы чего, не упомните-ли?

— О, очень могу, отвѣчалъ князь.—Съ самаго начала, когда я вошелъ и познакомился, мы стали говорить о Швейцаріи.

— Ну, къ чорту Швейцарію.

— Потомъ о смертной казни...

— О смертной казни?

— Да; по одному поводу... потомъ я имъ разсказывалъ о томъ, какъ прожилъ тамъ три года, и одну исторію съ одною бѣдною поселянкой...

— Ну, къ чорту бѣдную поселянку! Дальше! рвался въ нетерпѣніи Ганя.

— Потомъ, какъ Шнейдеръ высказалъ мнѣ свое мнѣніе о моемъ характерѣ и понудилъ меня...

— Провалиться Шнейдеру и наплевать на его мнѣнія! Дальше!

— Дальше, по одному поводу, я сталъ говорить о лицахъ, то-есть о выраженіяхъ лицъ, и сказалъ, что Аглай Ивановна почти такъ же хороша, какъ Настасья Филипповна. Вотъ тутъ-то я и проговорился про портретъ...

— Но вы не пересказали, вы вѣдь не пересказали того, чѣмъ слышали давеча въ кабинетѣ? Нѣть? Нѣть?

— Повторяю же вамъ, что нѣть.

— Да откуда же, чортъ... Ба! Не показала-ли Аглай записку старухѣ?

— Въ этомъ я могу васъ вполнѣ гарантировать, что не показала. Я все время тутъ былъ; да и времени она не имѣла.

— Да, можетъ-быть, вы сами не замѣтили чего-нибудь... О, идіотъ пр-ро-клятый, воскликнулъ онъ уже совершенно впѣ съ себя,—и разсказать ничего не умѣеть!

Ганя, разъ начавъ ругаться и не встрѣчая отпора, мало-по-малу потерялъ всякую сдержанность, какъ это всегда водится съ иными людьми. Еще немнога, и онъ, можетъ быть, сталъ бы плеваться, до того ужъ онъ былъ взбѣшенъ. Но именно чрезъ это бѣшенство онъ и ослѣпъ; иначе онъ давно бы обратилъ внимание на то, что этотъ „идіотъ“, котораго онъ такъ третируетъ, что-то ужъ слишкомъ скоро и тонко умѣеть иногда все понять и чрезвычайно удовлетворительно передать. Но вдругъ произошло нѣчто неожиданное.

— Я долженъ вамъ замѣтить, Гаврила Ардаліоновичъ, сказалъ вдругъ князь,—что я прежде дѣйствительно былъ такъ нездоровъ, что и въ самомъ дѣлѣ былъ почти идіотъ; но теперь я давно уже выздоровѣлъ, и потому мнѣ нѣсколько непріятно, когда меня называютъ идіотомъ въ глаза. Хоть вѣсъ и можно извинить, взявъ во вниманіе ваши неудачи, но вы, въ досадѣ вашей, даже раза два меня выбрали. Мнѣ это очень не хочется, особенно такъ, вдругъ, какъ вы, съ первого раза; и такъ какъ мы теперь стоимъ на перекресткѣ, то не лучше-ли намъ разойтись: вы пойдете направо къ себѣ, а я налево. У менѣ есть двадцать пять рублей, и я навѣрно найду какой-нибудь отель-гарни.

Ганя ужасно смущился и даже покраснѣлъ отъ стыда, что его такъ неожиданно поимали.

— Извините, князь, горячо вскричалъ онъ, вдругъ пемѣнялъ свой ругательный тонъ на чрезвычайную вѣжливость,—ради Бога, извините! Вы видите, въ какой я бѣдѣ! Вы еще почти ничего не знаете, но если бы вы знали все, то навѣрно бы хоть немнога извинили меня; хотя, разумѣется, я не извинимъ...

— О, мнѣ и не нужно такихъ большихъ извиненій, поспѣшилъ отвѣтить князь. — Я вѣдь понимаю, что вамъ очень непріятно, и потому-то вы и бранитесь. Ну, пойдемте къ вамъ. Я съ удовольствиемъ...

„Нѣть, его теперь такъ отпустить невозможно, думаль про себя Ганя, злобно посматривая дорогой на князя.— Этотъ илутъ выныталъ изъ меня все, а потомъ вдругъ снялъ маску... Это что-то значитъ. А вотъ мы увидимъ! Все разрѣшится, все, все! Сегодня же!“

Они уже стояли у самаго дома.

VIII.

Ганечкина квартира находилась въ третьемъ этажѣ, по весьма чистой, свѣтлой и просторной лѣстницѣ, и состояла изъ шести или семи комнатъ и комнатокъ, самыхъ, впрочемъ, обыкновенныхъ, но во всякомъ случаѣ не совсѣмъ по карману семейному чиновнику, получающему даже и ~~дѣй~~ тысячи рублей жалованья. Но она предназначалась для содержанія жильцовъ со столомъ и прислугой и занята была Ганей и его семействомъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ тому назадъ, къ величайшей непріятности самого Гани, по настоянію и просьбамъ Нины Александровны и Варвары Ардаліоновны, пожелавшихъ въ свою очередь быть полезными и хоть нѣсколько увеличить доходы семейства. Ганя хмурился и называлъ содержаніе жильцовъ безобразiemъ; ему стало какъ будто стыдно послѣ этого въ обществѣ, ~~гдѣ~~ онъ привыкъ являться, какъ молодой человѣкъ, съ нѣкоторымъ блескомъ и будущностью. Всѣ эти уступки судьбы и вся эта досадная тѣснота,—все это были глубокія душевныя раны его. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ раздражаться всякою мелочью безмѣрно и нецропорционально, и если еще соглашался на время уступать и терпѣть, то потому только, что ужъ имъ решено было все это измѣнить и передѣлать въ самомъ непродолжительномъ времени. А между тѣмъ самое это измѣненіе, самый выходъ, на которомъ онъ остановился, составляли задачу не малую,—такую задачу, предстоявшее разрѣшеніе которой грозило быть хлопотливѣе и мучительнѣе всего предыдущаго.

Квартиру раздѣлялъ коридоръ, начинавшійся прямо изъ прихожей. По одной сторонѣ коридора находились тѣ три комнаты, которыхъ назначались въ наемъ, для „особенно рекомендованныхъ“ жильцовъ; промѣтъ того, по той же сторонѣ коридора, въ самомъ концѣ его, у кухни, находилась четвертая комнатка, потѣснѣе всѣхъ прочихъ, въ которой помѣщался самъ отставной генералъ Иволгинъ, отецъ семейства, и спалъ на широкомъ диванѣ, а ходить и выходить изъ квартиры обязанъ былъ черезъ кухню и по черной лѣстницѣ. Въ этой же комнатѣ помѣщался и тринацатилѣтній братъ Гаврилы Ардаліоновича, гимназистъ Коля; ему тоже предназначалось здѣсь тѣсниться, учиться, спать на другомъ, весьма старомъ, узкомъ и короткомъ диванчикѣ, на дырявой простынѣ и, главное, ходить и

смотрѣть за отцомъ, который все болѣе и болѣе не могъ безъ этого обойтись. Князю назначили среднюю изъ трехъ комнатъ; въ первой направо помѣщался Фердыщенко, а третья налево стояла еще пустая. Но Ганя прежде всего свѣль князя на семейную половину. Эта семейная половина состояла изъ залы, обращавшейся, когда надо, въ столовую, изъ гостиной, которая была, впрочемъ, гостиной только поутру, а вечеромъ обращалась въ кабинетъ Гани и въ его спальню, и, наконецъ, изъ третьей комнаты, тѣсной и всегда затворенной: это была спальня Нины Александровны и Варвары Ардаліоновны. Однимъ словомъ, все въ этой квартирѣ тѣснилось и жалось; Ганя только скрипѣлъ про себя зубами; онъ хотя былъ и желалъ быть почтительнымъ къ матери, но съ первого шагу у нихъ можно было замѣтить, что это большой деспотъ въ семействѣ.

Нина Александровна была въ гостиной не одна, съ нею сидѣла Варвара Ардаліоновна; обѣ онѣ занимались какимъ-то вязаньемъ и разговаривали съ гостемъ, Иваномъ Петровичемъ Птицынымъ. Нина Александровна казалась лѣтъ пятидесяти, съ худымъ, осунувшимся лицомъ и съ сильною чернотой подъ глазами. Видъ ея былъ болѣзненный и нѣсколько скорбный, но лицо и взглядъ ея были довольно пріятны; съ первыхъ словъ заявлялся характеръ серьезный и полный истиннаго достоинства. Несмотря на прискорбный видъ, въ ней предчувствовалась твердость и даже рѣшимость. Одѣта она была чрезвычайно скромно, въ чемъ-то темномъ, и совсѣмъ по-старушечьи, но приемы ея, разговоръ, вся манера, изобличали женщину, видавшую и лучшее общество.

Варвара Ардаліоновна была дѣвица лѣтъ двадцати трехъ, средняго роста, довольно худощавая, съ лицомъ, не то чтобы очень красивымъ, но заключавшимъ въ себѣ тайну нравиться безъ красоты и до страсти привлекать къ себѣ. Она была очень похожа на мать, даже одѣта была почти такъ же какъ мать, отъ полнаго нежеланія парижаться. Взглядъ ея сѣрыхъ глазъ подчасъ могъ быть очень весель и ласковъ, если бы не бывалъ всего чаще серьезенъ и задумчивъ, иногда слишкомъ даже, особенно въ послѣднее время. Твердость и рѣшимость виднѣлись и въ ея лицѣ, но предчувствовалось, что твердость эта даже могла быть энергичнѣе и предпримчивѣе, чѣмъ у матери. Варвара Ардаліоновна была довольно вспыльчива, и братецъ иногда

даже побаивался этой вспыльчивости. Побаивался ея и сидѣвшій у нихъ теперь гость, Иванъ Петровичъ Птицынъ. Это былъ еще довольно молодой человѣкъ, лѣтъ подъ тридцать, скромно, но изящно одѣтый, съ пріятными, но какъ-то слишкомъ ужъ солидными манерами. Темнорусая бородка обозначала въ немъ человѣка не съ служебными занятіями. Онъ умѣлъ разговаривать умно и пріятно, но чаще бывалъ молчаливъ. Вообще онъ производилъ впечатлѣніе даже пріятное. Онъ былъ видимо неравнодушенъ къ Варварѣ Ардаліоновнѣ и не скрывалъ своихъ чувствъ. Варвара Ардаліоновна обращалась съ нимъ дружески, но на иные вопросы отвѣтить еще медлила, даже ихъ не любила; Птицынъ, впрочемъ, далеко не былъ обезкураженъ. Нина Александровна была къ нему ласкова, а въ послѣднее время стала даже много ему довѣрять. Извѣстно, впрочемъ, было, что онъ специально занимается наживаніемъ денегъ отдачей ихъ въ быстрый ростъ подъ болѣе или менѣе вѣрные залоги. Съ Ганей онъ былъ чрезвычайнымъ пріятелемъ.

На обстоятельную, по отрывистую рекомендацио Гани (который весьма сухо поздоровался съ матерью, совсѣмъ не поздоровался съ сестрой и тотчасъ куда-то увелъ изъ комнаты Птицына), Нина Александровна сказала князю нѣсколько ласковыхъ словъ и велѣла выглянувшему въ дверь Колѣ свести его въ среднюю комнату. Коля былъ мальчишъ съ веселымъ и довольно милымъ лицомъ, съ довѣрчивою и простодушною манерой.

— Гдѣ же ваша поклажа? спросилъ онъ, вволю князя въ комнату.

— У меня узелокъ; я его въ передней оставилъ.

— Я вамъ сейчасъ принесу. У насъ всей прислуги кухарка да Матрена, такъ что и я помогаю. Варя надѣль всѣмъ надсматриваетъ и сердится. Ганя говорить, вы сегодня изъ Швейцаріи?

— Да.

— А хорошо въ Швейцаріи?

— Очень.

— Горы?

— Да.

— Я вамъ сейчасъ ваши узлы притащу.

Вошла Варвара Ардаліоновна.

— Вамъ Матрена сейчасъ бѣлье постелеть. У васъ чеподанъ?

— Нѣть, узелокъ. За нимъ вашъ братъ пошелъ; онъ въ передней.

— Никакого тамъ узла нѣть, кромѣ этого узелочка; вы куда положили? спросилъ Коля, возвращаясь опять въ комнату.

— Да кромѣ этого и нѣтъ никакого, возвѣстилъ князь, принимая свой узелокъ.

— А-а! А я думалъ не утащилъ ли Фердыщенко.

— Не ври пустяковъ, строго сказала Варя, которая и съ княземъ говорила весьма суcho и только что развѣжливо.

— Chère Bebette, со мной можно обращаться и понѣжнѣе, вѣдь я не Птицынъ.

— Тебя еще сѣчь можно, Коля, до того ты еще глупъ. За всѣмъ, чтѣ потребуется, можете обращаться къ Матренѣ; обѣдаютъ въ половинѣ пятаго. Можете обѣдать вмѣстѣ съ нами, можете и у себя въ комнатѣ, какъ вамъ угодно. Пойдемъ, Коля, не мѣшай имъ.

— Пойдемте, рѣшительный характеръ!

Выходя, они столкнулись съ Ганей.

— Отецъ дома? спросилъ Ганя Коля, и на утвердительный отвѣтъ Коли, пошепталъ ему что-то на ухо.

Коля кивнулъ головой и вышелъ вѣдь за Варварой Ардаліоновной.

— Два слова, князь, я и забылъ вамъ сказать за этими... дѣлами. Нѣкоторая просьба: сдѣлайте одолженіе,— если только вамъ это не въ большую натугу будетъ,— не болтайтѣ, ни здѣсь, о томъ, что у меня съ Аглаей сейчасъ было, ни тамъ, о томъ, что вы здѣсь найдете; потому что и здѣсь тоже безобразія довольно. Къ чорту, впрочемъ... Хоть сегодня-то, по крайней мѣрѣ, удержитесь.

— Увѣрю же вѣсль, что я гораздо меныше болталъ, чѣмъ вы думаете, сказалъ князь съ нѣкоторымъ раздражениемъ на укоры Гани.

Отношенія между ними становились видимо хуже и хуже.

— Ну, да ужъ я довольно перенесъ чрезъ вѣсль сего-дня. Однимъ словомъ, я вѣсль прошу.

— Еще и то замѣтьте, Гаврила Ардаліоновичъ, чѣмъ же я былъ давеча связанъ, и почему я не могъ упомянуть о портретѣ? Вѣдь вы меня не просили.

— Фу, какая скверная комната, замѣтилъ Ганя, пре-

зрительно осматривался,—темно и окна на дворъ. Во всѣхъ отношеніяхъ вы къ намъ не вѣремя... Ну, да это не мое дѣло; не я квартиры содержу.

Заглянулъ Птицынъ и кликнулъ Ганю; тотъ торопливо бросилъ князя и вышелъ, несмотря на то, что еще что-то хотѣлъ сказать, но видимо мялся и точно стыдился начать; да и комнату обругалъ тоже какъ будто сконфузившись.

Только что князь умылся и успѣлъ сколько-нибудь исправить свой туалетъ, отворилась дверь снова, и выглазнула новая фигура.

Это былъ господинъ лѣтъ тридцати, не малаго роста, плечистый, съ огромною, курчавою, рыжеватою головой. Лицо у него было масистое и румяное, губы толстые, носъ широкий и сплюснутый, глаза маленькие, заплывшие и насмѣшилъвые, какъ будто безпрерывно подмигивающіе. Въ пѣломъ все это представлялось довольно нахально. Одѣтъ онъ былъ грязновато.

Онъ сначала отворилъ дверь ровно настолько, чтобы просунуть голову. Просунувшаяся голова секундъ пять оглядывала комнату, потомъ дверь стала медленно открываться, вся фигура обозначилась на порогѣ, но гость еще не входилъ, а съ порога продолжалъ, прищурясь, разматривать князя. Наконецъ, затворилъ за собою дверь, приблизился, сѣлъ на стуль, князя крѣпко взялъ за руку и посадилъ наискось отъ себя на диванъ.

— Фердыщенко, проговорилъ онъ, пристально и вопросительно засматривая князю въ лицо.

— Такъ что же? отвѣчалъ князь, почти разсмѣявшись.

— Жилецъ, проговорилъ опять Фердыщенко, засматривая попрежнему.

— Хотите познакомиться?

— Э-эхъ! проговорилъ гость, взъерошивъ волосы и вздохнувъ, и сталъ смотрѣть въ противоположный уголъ.— У васъ деньги есть? спросилъ онъ вдругъ, обращаясь къ князю.

— Немного.

— Сколько именно?

— Двадцать пять рублей.

— Покажите-ка.

Князь вынулъ двадцатипятирублевый билетъ изъ жилетнаго кармана и подалъ Фердыщенкѣ. Тотъ развернулъ, поглядѣлъ, потомъ повернулъ на другую сторону, затѣмъ взялъ на свѣтъ.

— Довольно странно, проговорилъ онъ какъ бы въ раздумъи,—отчего бы имъ бурѣть? Эти двадцатипятирублевыя иногда ужасно бурѣютъ, а другія, напротивъ, совсѣмъ линяютъ. Возьмите.

Князь взялъ свой билетъ обратно. Фердыщенко всталъ со стула.

— Я пришелъ васъ предупредить: во-первыхъ, мнѣ денегъ взаймы не давать, потому что я непремѣнно буду просить.

— Хорошо.

— Вы платить здѣсь намѣрены?

— Намѣренъ.

— А я не намѣренъ; спасибо. Я здѣсь отъ васъ направо первая дверь, видѣли? Ко мнѣ постараитесь не очень часто жаловать; къ вамъ я приду, не беспокойтесь. Генерала видѣли?

— Нѣтъ.

— И не слышали?

— Конечно, нѣтъ.

— Ну, такъ увидите и услышите; да къ тому же онъ даже у меня проситъ денегъ взаймы! Avis au lecteur. Прощайте. Развѣ можно жить съ фамиліей Фердыщенко? **Д?**

— Отчего же нѣтъ?

— Прощайте.

И онъ пошелъ къ дверямъ. Князь узналъ потомъ, что этотъ господинъ какъ будто по обязанности взялъ на себя задачу изумлять всѣхъ оригинальностью и веселостью, но у него какъ-то никогда не выходило. На нѣкоторыхъ онъ производилъ даже непріятное впечатлѣніе, отчего онъ искренно скорбѣлъ, но задачу свою все-таки не покидалъ. Въ дверяхъ ему удалось какъ бы поправиться, натолкнувшись на одного входившаго господина; пропустивъ этого новаго и незнакомаго князю гостя въ комнату, онъ нѣсколько разъ предупредительно подмигнулъ на него сзади и такимъ образомъ все-таки ушелъ не безъ апломба.

Новый господинъ былъ высокаго роста, лѣтъ пятидесяти пяти, или даже побольше, довольно тучный, съ багрово-краснымъ, мясистымъ и обрюзглымъ лицомъ, обрамленнымъ густыми сѣдыми бакенбардами, въ усахъ, съ большими, довольно выщученными глазами. Фигура была бы довольно осанистая, если бы не было въ ней чего-то опустившагося, износившагося, даже запачканаго. Одѣтъ онъ былъ въ старенький сюртучокъ, чуть не съ продраншившимися локтями,

бѣлье тоже было засаленное,—по-домашнему. Вблизи отъ него немножко пахло водкой; но манера была эфектная, нѣсколько изученная и съ видимымъ ревнивымъ желаніемъ поразить достоинствомъ. Господинъ приблизился къ князю, не спѣша, съ привѣтливою улыбкой, молча взялъ его руку и, сохранивъ ее въ своей, нѣсколько времени всматривался въ его лицо, какъ бы узнавая знакомыя черты.

— Онь! Онь! проговорилъ онъ тихо, но торжественно.— Какъ живой! Слышу, повторяютъ знакомое и дорогое имя, и припомнилъ безвозвратное прошлое... Князь Мышкинъ?

— Точно такъ-съ.

— Генераль Иволгинъ, отставной и несчастный. Ваше имя и отчество, смѣю спросить?

— Левъ Николаевичъ.

— Такъ, такъ! Сынъ моего друга, можно сказать, то-варища дѣтства, Николая Петровича?

— Моего отца звали Николаемъ Львовичемъ.

— Львовичъ, поправился генераль, но не спѣша, а съ совершенною увѣренностью, какъ будто онъ нисколько и не забывалъ, а только нечаянно оговорился. Онъ сѣлъ, и тоже взялъ князя за руку, посадилъ подлѣ себя.—Я васъ на рукахъ носилъ-съ.

— Неужели? спросилъ князь.—Мой отецъ ужъ двадцать лѣтъ какъ умеръ.

— Да; двадцать лѣтъ; двадцать лѣтъ и три мѣсяца. Вмѣсть учились; я прямо въ военную..

— Да и отецъ былъ въ военной, подпоручикомъ въ Васильковскомъ полку.

— Въ Бѣломірскомъ. Переводъ въ Бѣломірскій состоялся почти наканунѣ смерти. Я тутъ стоялъ и благословилъ его въ вѣчность. Ваша матушка...

Генераль пріостановился какъ бы отъ грустнаго воспоминанія.

— Да и она тоже полгода спустя потомъ умерла отъ простуды, сказалъ князь.

— Не отъ простуды. Не отъ простуды, повѣрьте старику. Я тутъ былъ, я и ее хоронилъ. Съ горя по своемъ князѣ, а не отъ простуды. Да-съ, памятна мнѣ и княгиня! Молодость! Изъ-за нея мы съ княземъ, друзья съ дѣтства, чутъ не стали взаимными убийцами.

Князь начиналъ слушать съ нѣкоторою недовѣрчивостью.

— Я страстно влюбленъ былъ въ вашу родительницу, еще когда она въ невѣстахъ была,—девѣстой друга мо-

его. Князь замѣтилъ и былъ фрапированъ. Приходитъ ко мнѣ утромъ, въ седьмомъ часу, будить. Одѣваюсь съ изумленіемъ; молчаніе съ обѣихъ сторонъ; я все понялъ. Вынимаетъ изъ кармана два пистолета. Черезъ платокъ. Безъ свидѣтелей. Къ чему свидѣтели, когда черезъ пять минутъ отсылаемъ другъ друга въ вѣчность? Зарядили, растянули платокъ, стали, приложили пистолеты взаимно къ сердцамъ и глядимъ другъ другу въ лицо. Вдругъ слезы градомъ у обоихъ изъ глазъ, дрогнули руки. У обоихъ, у обоихъ, разомъ! Ну, тутъ, натурально, объятія и взаимная борьба великодушія. Князь кричитъ: твоя! Я кричу: твоя! Однимъ словомъ... однимъ словомъ... вы къ намъ жить... жить?

— Да, на нѣкоторое время, быть-можетъ, проговорилъ князь, какъ бы нѣсколько заикаясь.

— Князь, мамаша васъ къ себѣ просить, крикнулъ заглянувший въ дверь Коля.

Князь привсталъ было идти, но генералъ положилъ правую ладонь на его плечо и дружески пригнуль опять къ дивану.

— Какъ истинный другъ отца вашего, желаю предупредить, сказалъ генералъ.—Я, вы видите сами, я пострадалъ, по трагической катастрофѣ; но безъ суда! Безъ суда! Нина Александровна—женщина рѣдкая. Варвара Ардалионовна, дочь моя—рѣдкая дочь! По обстоятельствамъ содержимъ квартиры,—паденіе неслыханное!.. мнѣ, которому оставалось быть генералъ-губернаторомъ!.. Но вамъ мы рады всегда. А между тѣмъ у меня въ домѣ трагедія!

Князь смотрѣлъ вопросительно и съ большимъ любопытствомъ

— Приготовляется бракъ, и бракъ рѣдкій. Бракъ двусмысленной женщины и молодого человѣка, который могъ бы быть камеръ-юнкеромъ. Эту женщину введутъ въ домъ, гдѣ моя дочь и гдѣ моя жена! Но покамѣсть я дышу, она не войдетъ! Я лягу на порогѣ, и пусть перешагнетъ чрезъ меня!.. Съ Ганей я теперь почти не говорю, избѣгаю встрѣчаться даже. Я васъ предупреждаю нарочно: коли будете жить у насъ, все равно, и безъ того станете свидѣтелемъ. Но вы сынъ моего друга, и я въ правѣ надѣяться...

— Князь, сдѣлайте одолженіе, зайдите ко мнѣ въ гостиную, позвала Нина Александровна, сама уже явившаяся у дверей.

— Вообрази, другъ мой, вскричалъ генераль, — оказывается, что я няньчилъ князя на рукахъ!

Нина Александровна укорительно глянула на генерала и пытливо на князя, но не сказала ни слова. Князь отправился за нею; но только что они пришли въ гостиную и сѣли, а Нина Александровна только что начала очень торопливо и вполголоса что-то сообщать князю, какъ генераль вдругъ пожаловалъ самъ въ гостиную. Нина Александровна тотчасъ замолчала и съ видимою досадой наклонилась къ своему вязанью. Генераль, можетъ-быть, и замѣтилъ эту досаду, но продолжалъ быть въ превосходнѣйшемъ настроеніи духа.

— Сынъ моего друга! вскричалъ онъ, обращаясь къ Нинѣ Александровнѣ.—И такъ неожиданно! Я давно уже и воображать пересталъ. Но, другъ мой, неужели ты не помнишь покойнаго Николая Львовича? Ты еще застала его... въ Твери?

— Я не помню Николая Львовича. Это вашъ отецъ? спросила она князя.

— Отецъ; но онъ умеръ, кажется, не въ Твери, а въ Елисаветградѣ, робко замѣтилъ князь генералу.—Я слышалъ отъ Павлищева...

— Въ Твери, подтвердилъ генераль.—Передъ самою смертью состоялся переводъ въ Тверь, и даже еще предъ развитиемъ болѣзни. Вы были еще слишкомъ малы и не могли упомянуть ни перевода, ни путешествія; Павлищевъ же могъ ошибиться, хотя и превосходнѣйшій былъ человѣкъ.

— Вы знали и Павлищева?

— Рѣдкій былъ человѣкъ, но я былъ личнымъ свидѣтелемъ. Я благословлялъ на смертномъ одрѣ...

— Отецъ мой вѣдь умеръ подъ судомъ, замѣтилъ князь снова, — хоть я никогда не могъ узнать, за что именно; онъ умеръ въ госпиталѣ.

— О, это по дѣлу о рядовомъ Колпаковѣ, и, безъ сомнѣнія, князь былъ бы оправданъ.

— Такъ? Вы навѣрно знаете? спросилъ князь съ особыннымъ любопытствомъ.

— Еще бы! вскричалъ генераль.—Судъ разошелся, ничего не рѣшивъ. Дѣло невозможное! Дѣло даже, можно сказать, таинственное: умираетъ штабсъ-капитанъ Лариновъ, ротный командиръ; князь на время назначается исправляющимъ должность; хорошо. Рядовой Колпаковъ

совершаетъ кражу, — саножный товарь у товарища, — и пропиваетъ его; хорошо. Князь, — и, замѣтите себѣ, это было въ присутствіи фельдфебеля и капрального,—распекаетъ Колпакова и грозитъ ему розгами. Очень хорошо. Колпаковъ идетъ въ казармы, ложится на нары и черезъ четверть часа умираетъ. Прекрасно, но случай неожиданный, почти невозможный. Такъ или этакъ, а Колпакова хоронятъ; князь рапортуетъ, и затѣмъ Колпакова исключаютъ изъ списковъ. Кажется, чего бы лучше? Но ровно черезъ полгода, на бригадномъ смотру, рядовой Колпаковъ, какъ ни въ чемъ не бывало, оказывается въ третьей ротѣ второго баталіона Новоземлянскаго пѣхотнаго полка, той же бригады и той же дивизіи!

— Какъ! вскричалъ князь въ себя отъ удивленія.

— Это не такъ, это ошибка! обратилась къ нему вдругъ Нина Александровна, почти съ тоской смотря на него.—*Mon mari se trompe.*

— Но, другъ мой, *se trompe*, это легко сказать, но разрѣши-ка сама подобный случай! Всѣ стали втупикъ. Я первый сказалъ бы *qu'on se trompe*. Но, къ несчастію, я былъ свидѣтелемъ и участвовалъ самъ въ комиссіи. Всѣ очные ставки показали, что это тотъ самый, совершенно тотъ же самый рядовой Колпаковъ, который полгода назадъ былъ скончанъ при обыкновенномъ парадѣ и съ барабаннымъ боемъ. Случай дѣйствительно рѣдкій, почти невозможный, я соглашаюсь, но...

— Папаша, вамъ обѣдать накрыли, возвѣстила Варвара Ардаліоновна, входя въ комнату.

— А, это прекрасно, превосходно! Я таки проголосовался... Но случай, можно сказать, даже психологический...

— Супъ опять простишеть, съ нетерпѣніемъ сказала Варя.

— Сейчасъ, сейчасъ, бормоталъ генералъ, выходя изъ комнаты,— „и несмотря ни на какія справки“, слышалось еще въ коридорѣ.

— Вы должны будете многое извинить Ардаліону Александровичу, если у насъ останетесь, сказала Нина Александровна князю.—Онъ, впрочемъ, вѣсть очень не обезпокоитъ; онъ и обѣдаетъ одинъ. Согласитесь сами, у всякаго есть свои недостатки и свои... особенные черты, у другихъ, можетъ, еще больше чѣмъ у тѣхъ, на которыхъ привыкли пальцами указывать. Объ одномъ буду очень просить: если мой мужъ какъ-нибудь обратится къ вамъ

по поводу уплаты за квартиру, то вы скажите ему, что отдали мнѣ. То-есть, отданное и Ардаліону Александровичу все равно для васъ въ счетъ бы пошло, но я единственno для аккуратности васъ прошу... Чѣдѣ это, Варя?

Варя воротилась въ комнату и молча подала матери портретъ Настасьи Филипповны. Нина Александровна вздрогнула и сначала какъ бы съ испугомъ, а потомъ съ подавляющимъ горькимъ ощущенiemъ разсматривала его нѣкоторое время. Наконецъ, вопросительно поглядѣла на Варю.

— Ему сегодня подарокъ отъ нея самой, сказала Варя,—а вечеромъ у нихъ все рѣшается.

— Сегодня вечеромъ! какъ бы въ отчаяніи повторила вполголоса Нина Александровна.—Что же? Тутъ сомнѣній ужъ болѣе нѣть никакихъ, и надеждѣ тоже не остается: портретомъ все возвѣстила... Да онъ тебѣ самъ, что-ли, показалъ? прибавила она въ удивленіи.

— Вы знаете, что мы ужъ пѣлый мѣсяцъ почти ни слова не говоримъ. Птицынъ мнѣ про все сказалъ, а портретъ тамъ у стола на полу ужъ валялся; я подняла.

— Князь, обратилась къ нему вдругъ Нина Александровна,—я хотѣла васъ спросить (для того собственно и попросила васъ сюда), давно-ли вы знаете моего сына? Онъ говорилъ, кажется, что вы только сегодня откуда-то прїѣхали?

Князь объяснилъ вкратцѣ о себѣ, пропустивъ большую половину. Нина Александровна и Варя выслушали.

— Я не выпытываю чего-нибудь о Гавриилѣ Ардаліоновичѣ, васъ разспрашивая, замѣтила Нина Александровна.—Вы не должны ошибаться на этотъ счетъ. Если есть что-нибудь, въ чемъ онъ не можетъ признаться мнѣ самъ, того я и сама не хочу разузнавать мимо него. Я къ тому собственно, что давеча Ганя про васъ, и потомъ, когда вы ушли, на вопросъ мой о васъ, отвѣчалъ мнѣ: „Онъ все знаетъ, перемониться нечего!“ Чѣдѣ это значитъ? То-есть я хотѣла бы знать въ какой мѣрѣ...

Вошли вдругъ Ганя и Птицынъ; Нина Александровна тотчасъ замолчала. Князь остался на стулѣ подлѣ нея, а Варя отошла въ сторону; портретъ Настасьи Филипповны лежалъ на самомъ видномъ мѣстѣ на рабочемъ столикѣ Нины Александровны, прямо передъ нею. Ганя, увидѣвъ его, нахмурился, съ досадой взялъ со стола и отбросилъ на свой письменный столъ, стоявшій въ другомъ концѣ комнаты.

— Сегодня, Ганя? спросила вдругъ Нина Александровна.

— Чѣ—сегодня? встрепенулся было Ганя и вдругъ на бросился на князя.— А, понимаю, вы ужъ и тутъ!.. Да чѣ у васъ, наконецъ, болѣзнь это что-ли какая? Удержаться не можете? Да вѣдь поймите же, наконецъ, ваше сіятельство...

— Тутъ я виноватъ, Ганя, а не кто другой, прерваль Птицынъ.

Ганя вопросительно поглядѣлъ на него.

— Да вѣдь это лучше же, Ганя, тѣмъ болѣе, что, съ одной стороны, дѣло покончено, пробормоталъ Птицынъ, и, отойдя въ сторону, сѣлъ у стола, вынулъ изъ кармана какую-то бумажку, исписанную карандашомъ, и сталъ ее пристально разматривать.

Ганя стоялъ пасмурный и ждалъ съ беспокойствомъ семейной сцены. Предъ княземъ и не подумалъ извиниться.

— Если все кончено, то Иванъ Петровичъ, разумѣется, правъ, сказала Нина Александровна.—Не хмурься, пожалуйста, и не раздражайся, Ганя, я ни о чёмъ не стану разспрашивать, чего самъ не хочешь сказать, и увѣрю тебя, что вполнѣ покорилась: сдѣлай одолженіе, не беспокойся.

Она проговорила это, не отрываясь отъ работы и, казалось, въ самомъ дѣлѣ спокойно. Ганя былъ удивленъ, но осторожно молчалъ и глядѣлъ на мать, выжиная, чтобы она высказалась яснѣе. Домашнія сцены ужъ слишкомъ дорого ему стоили. Нина Александровна замѣтила эту осторожность и съ горькой улыбкой прибавила:

— Ты все еще сомнѣваешься и не вѣришь мнѣ; не беспокойся, не будешь ни слезъ, ни прососьль, какъ прежде, съ моей стороны по крайней мѣрѣ. Все мое желаніе въ томъ, чтобы ты былъ счастливъ, и ты это знаешь; я судьбѣ покорилась, но мое сердце будетъ всегда съ тобою, останемся-ли мы вмѣстѣ, или разойдемся. Разумѣется, я отвѣчаю только за себя; ты не можешь того же требовать отъ сестры...

— А, опять она! вскричалъ Ганя, насмѣшилово и ненастно смотря на сестру.— Маменька! Клянусь вамъ въ томъ опять, въ чёмъ уже вамъ давалъ слово: никто и никогда не осмѣлитъся вамъ манкировать, пока я тутъ, пока я живъ. О комъ бы ни шла рѣчь, а я настою на полнѣй-

шемъ къ вамъ уваженіи, кто бы ни перешелъ чрезъ напѣ порогъ...

Ганя такъ обрадовался, что почти примирительно, по-
чти нѣжно смотрѣлъ на мать.

— Я ничего за себя и не боялась, Ганя, ты знаешь;
я не о себѣ беспокоилась и промучилась все это время.
Говорить, сегодня все у васъ кончится? Чѣмъ же кончится?

— Сегодня вечеромъ, у себя, она обѣщала объявить:
согласна или нѣтъ, отвѣтилъ Ганя.

— Мы чуть не три недѣли избѣгали говорить объ
этомъ, и это было лучше. Теперь, когда уже все кончено,
я только одно позволю себѣ спросить: какъ она могла
тебѣ дать согласіе и даже подарить свой портретъ, когда
ты ея не любишь? Неужели ты ее, такую... такую...

— Ну, опытную, что-ли?

— Я не такъ хотѣла выразиться. Неужели ты до такой
степени могъ ей отвести глаза?

Необыкновенная раздражительность послышалась вдругъ
въ этомъ вопросѣ. Ганя постоялъ, подумалъ съ минуту, и,
не скрывая насмѣшки, проговорилъ:

— Вы увлеклись, маменька, и опять не вытерпѣли, и
вотъ такъ-то у насъ всегда все начиналось и разгора-
лось. Вы сказали: не будешь ни разспросовъ, ни попре-
ковъ, а они уже начались! Оставимъ лучше; право, оста-
вимъ; по крайней мѣрѣ, у васъ намѣреніе было... Я ни-
когда и ни за что васъ не оставлю; другой отъ такой
сестры уѣжалъ бы, по крайней мѣрѣ;—вонъ какъ она
смотритъ на меня теперь! Кончимъ на этомъ! Я ужъ
такъ было обрадовался... И почемъ вы знаете, что я
обманываю Настасью Филипповну? А настѣть Вари какъ
ей угодно, и — довольно. Ну, ужъ теперь совсѣмъ до-
вольно!

Ганя разгорячился съ каждымъ словомъ и безъ цѣли
шагалъ по комнатѣ. Такіе разговоры тотчасъ же обраща-
лись въ больное мѣсто у всѣхъ членовъ семейства.

— Я сказала, что если она сюда войдетъ, то я отсюда
выйду, и тоже слово сдержу, сказала Варя.

— Изъ упрямства! вскричалъ Ганя.—Изъ упрямства и
замужъ не выходишь! Что на меня фыркаешь? мнѣ вѣдь
наплевать, Варвара Ардаліоновна; угодно—хоть сейчасъ
исполняйте ваше намѣреніе. Надоѣли вы мнѣ ужъ очень.
Какъ! Вы рѣшаетесь, наконецъ, насть оставить, князь, за-
кричалъ онъ кнізю, увидавъ, что тотъ встаетъ съ мѣста.

Въ голосѣ Гани слышалась уже та степень раздраженія, въ которой человѣкъ почти самъ радъ этому раздраженію, предается ему безо всякоудержу и чуть не съ возрастающимъ наслажденіемъ, до чего бы это ни довело. Князь обернулся было въ дверяхъ, чтобы что-то отвѣтить, но, увидѣвъ по болѣзненному выраженію лица своего обидчика, что тутъ только недоставало той капли, которая переполняетъ сосудъ, повернулся и вышелъ молча. Нѣсколько минутъ спустя онъ услышалъ по отголоску изъ гостиной, что разговоръ съ его отсутствія сталъ еще шумнѣе и откровеннѣе.

Онъ прошелъ черезъ залу въ прихожую, чтобы попасть въ коридоръ, а изъ него въ свою комнату. Проходя близко мимо выходныхъ дверей на лѣстницу, онъ услышалъ и замѣтилъ, что за дверями кто-то старается изо всѣхъ силъ позвонить въ колокольчикъ; но въ колокольчикѣ, должно-быть, что-то испортилось: онъ только чуть-чуть взрагивалъ, а звука не было. Князь снялъ запоръ, отворилъ дверь и—отступилъ въ изумленіи, весь даже вздрогнулъ: предъ нимъ стояла Настасья Филипповна. Онъ тотчасъ узналъ ее по портрету. Глаза ея сверкнули взрывомъ досады, когда она его увидала; она быстро прошла въ прихожую, столкнувъ его съ дороги плечомъ, и гнѣвливо сказала, сбрасывая съ себя шубу:

— Если лѣни колокольчикъ поправить, такъ по крайней мѣрѣ въ прихожей бы сидѣть, когда стучатся. Ну, вотъ теперь шубу уронилъ, олухъ!

Шуба дѣйствительно лежала на полу; Настасья Филипповна, не дождавшись, пока князь съ нея сниметъ, сбросила ее сама къ нему на руки, не глядя, сзади, но князь не успѣлъ принять.

— Прогнать тебя надо. Ступай, доложи.

Князь хотѣлъ было что-то сказать, но до того потерялся, что ничего не выговорилъ, и съ шубой, которую поднялъ съ полу, пошелъ въ гостиную.

— Ну, вотъ теперь съ шубой идетъ! Шубу-то зачѣмъ несешь? Ха-ха-ха! Да ты сумасшедшій, что-ли?

Князь воротился и глядѣлъ на нее какъ истуканъ; когда она засмѣялась—усмѣхнулся и онъ, но языкомъ все еще не могъ пошевелить. Въ первое мгновеніе, когда онъ отворилъ ей дверь, онъ былъ блѣденъ, теперь вдругъ краска залила его лицо.

— Да что это за идіотъ! въ негодованіи вскрикнула

толпнувшись на него ногой, Настасья Филипповна.— Ну, куда ты идешь? Ну, кого ты будешь докладывать?

— Настасью Филипповну, пробормоталъ князь.

— Почему ты меня знаешь? быстро спросила она его.— Я тебя никогда не видела! Ступай, докладывай... Что тамъ за крикъ?

— Браняется, отвѣтилъ князь, и пошелъ въ гостиную.

Онъ вошелъ въ довольно рѣшительную минуту: Нина Александровна готова была уже совершенно забыть, что она „всему покорилась“; она, впрочемъ, защищала Варю. Подлъ Вары стоялъ и Птицынъ, уже оставившій свою исписанную карандашомъ бумажку. Варя и сама не рѣбла, да и не робкаго десятка была дѣвица; но грубости брата становились, съ каждымъ словомъ, невѣжливѣе и нестерпимѣе. Въ такихъ случаяхъ она обыкновенно переставала говорить и только молча, насмѣшливо смотрѣла на брата, не сводя съ него глазъ. Этотъ маневръ, какъ и знала она, способенъ былъ выводить его изъ послѣднихъ границъ. Въ эту-то самую минуту князь шагнулъ въ комнату и провозгласилъ:

— Настасья Филипповна!

IX.

Общее молчаніе воцарилось; всѣ смотрѣли на князя, какъ бы не понимая его и—не желая понять. Ганя опѣнѣлась отъ испуга.

Пріѣздъ Настасии Филипповны, и особенно въ настоящую минуту, былъ для всѣхъ самою странною и хлопотливою неожиданностью. Ужъ одно то, что Настасья Филипповна жаловала въ первый разъ; до сихъ поръ она держала себя до того надменно, что въ разговорахъ съ Ганей даже и желанія не выражала познакомиться съ его родными, а въ самое послѣднее время даже и не упоминала о нихъ совсѣмъ, точно ихъ и не было на свѣтѣ. Ганя хоть отчасти и радъ была, что отдалася такой хлопотливой для него разговоръ, но все-таки въ сердцѣ своемъ поставилъ ей эту надменность на счетъ. Во всякомъ случаѣ, онъ ждалъ отъ нея скорѣе насмѣшекъ и колкостей надъ своимъ семействомъ, а не визита къ нему; онъ зналъ навѣрно, что ей известно все, что происходитъ у него дома по поводу его сватовства и какимъ взглядомъ смотрѣть на нее его родные. Визитъ ея, теперь, послѣ подарка портрета и въ день своего рождения, въ

день, въ который она обѣщала рѣшить его судьбу, означалъ чуть не самое это рѣшеніе.

Недоумѣніе, съ которымъ всѣ смотрѣли на князя, продолжалось не долго: Настасья Филипповна появилась въ дверяхъ гостиной сама, и опять, входя въ комнату, слегка оттолкнула князя.

— Наконецъ-то удалось войти... Зачѣмъ это вы колокольчикъ привязываете? весело проговорила она, подавая руку Ганѣ, бросившемуся къ ней со всѣхъ ногъ. — Чѣмъ это у васъ такое опрокинутое лицо? Познакомьте же меня, пожалуйста...

Совсѣмъ растерявшійся Ганя отрекомендовалъ ее сперва Варѣ, и обѣ женщины, прежде чѣмъ протянули другъ другу руки, обмѣнялись странными взглядами. Настасья Филипповна, впрочемъ, смеялась и маскировалась веселостью, но Варя не хотѣла маскироваться и смотрѣла мрачно и пристально; даже и тѣни улыбки, что уже требовалось простою вѣжливостью, не показалось въ ея лицѣ. Ганя обмеръ; упрашивать было уже нечего и некогда, и онъ бросилъ на Варю такой угрожающій взглядъ, что та поняла, по силѣ этого взгляда, что значила для ея брата эта минута. Тутъ она, кажется, рѣшилась уступить ему и чуть-чуть улыбнулась Настасьѣ Филипповнѣ. (Всѣ они въ семействѣ еще слишкомъ любили другъ друга). Нѣсколько поправила дѣло Нина Александровна, которую Ганя, сбившись окончательно, отрекомендовалъ послѣ сестры и даже подвель первую къ Настасьѣ Филипповнѣ. Но только что Нина Александровна успѣла было начать о своемъ „особенномъ удовольствіи“, какъ Настасья Филипповна, не дослушавъ ея, быстро обратилась къ Ганѣ и, садясь (безъ приглашенія еще) на маленький диванчикъ, въ углу у окна, вскричала:

— Гдѣ же вашъ кабинетъ? И... и гдѣ жильцы? Вѣдь вы жильцовъ содержите?

Ганя ужасно покраснѣлъ и заикнулся было что-то отвѣтить, но Настасья Филипповна тотчасъ прибавила:

— Гдѣ же тутъ держать жильцовъ? У васъ и кабинета нѣтъ. А выгодно это? обратилась она вдругъ къ Нинѣ Александровнѣ.

— Хлопотливо нѣсколько, отвѣчала было та.—Разумѣется, должна быть выгода. Мы, впрочемъ, только что...

Но Настасья Филипповна опять уже не слушала: она глядѣла на Ганю, смеялась и кричала ему:

— Чѣдъ у васъ за лицо? О, Боже мой, какое у васъ въ эту минуту лицо...

Прошло нѣсколько мгновеній этого смѣха, и лицо Гани дѣйствительно очень исказилось: его столбнякъ, его комическая, трусливая потеряность вдругъ сошла съ него; но онъ ужасно поблѣдѣлъ, губы закривились отъ судороги; онъ молча, пристально и дурнымъ взглядомъ, не отрываясь, смотрѣлъ въ лицо своей гостьи, продолжавшей смѣяться.

Тутъ былъ и еще наблюдатель, который тоже еще не избавился отъ своего чуть не онѣмѣнія при видѣ Настасьи Филипповны; но онъ хоть и стоялъ „столбомъ“, на прежнемъ мѣстѣ своемъ, въ дверяхъ гостиной, однако успѣлъ замѣтить блѣдность и злоказчественную перемѣну лица Гани. Этотъ наблюдатель былъ князь. Чуть не въ испугѣ, онъ вдругъ машинально ступилъ впередъ.

— Выпейте воды, прошепталъ онъ Ганѣ. — И не глядите такъ...

Видно было, что онъ проговорилъ это безъ всякаго расчета, безъ всякаго особеннаго замысла, такъ, по первому движению; но слова его произвели чрезвычайное дѣйствіе. Казалось, вся злоба Гани вдругъ опрокинулась на князя: онъ схватилъ его за плечо, и смотрѣлъ на него молча, мстительно и ненавистно, какъ бы не въ силахъ выговорить слово. Произошло всеобщее волненіе: Нина Александровна слегка даже вскрикнула. Птицынъ шагнулъ впередъ въ беспокойствѣ, Коля и Фердыщенко, явившіеся въ дверяхъ, остановились въ изумленіи, одна Варя по-прежнему смотрѣла исподлобья, по внимательно наблюдала. Она не садилась, а стояла сбоку, подлѣ матери, сложивъ руки на груди.

Но Гана спохватился тотчасъ же, почти въ первую минуту своего движения, и нервно захохоталъ. Онъ совершенно опомнился.

— Да чѣдъ вы, князь, докторъ что-ли? вскричалъ онъ, по возможности веселѣ и простодушнѣе.—Даже испугалъ меня; Настасья Филипповна, можно рекомендовать вамъ, это предрагоцѣнныи субъектъ, хоть я и самъ только съ утра знакомъ.

Настасья Филипповна въ недоумѣніи смотрѣла на князя.

— Князь? Онъ князь? Вообразите, а я давеча, въ прихожей, приняла его за лакея и сюда докладывать послала. Ха-ха-ха!

— Нѣтъ бѣды, нѣтъ бѣды! подхватилъ Фердыщенко, поспѣшио подходя и обрадовавшись, что начали смѣяться, — нѣтъ бѣды: se non e vero...

— Да чуть-ли еще не браница васъ, князь. Простите, пожалуйста. Фердыщенко, вы-то какъ здѣсь въ такой чась? Я думала, по крайней мѣрѣ, хоть васъ не застану. Кто? Какой князь? Мышина? переспросила она Ганю, который между тѣмъ, все еще держа князя за плечо, успѣлъ отре-комендовать его.

— Нашъ жилецъ, повторилъ Ганя.

Очевидно, князя представляли какъ что-то рѣдкое (и пригодившееся всѣмъ какъ выходъ изъ фальшиваго по-ложенія), чуть не совали къ Настасіѣ Филипповнѣ; князь ясно даже услышалъ слово „идотъ“, прошептанное сзади его, кажется, Фердыщенкомъ, въ поясненіе Настасії Филипповнѣ.

— Скажите, почему же вы не разувѣрили меня да-веча, когда я такъ ужасно... въ васъ ошиблась? продолжала Настасіѧ Филипповна, разматривая князя съ ногъ до головы самыми безцеремонными образомъ.

Она въ нетерпѣніи ждала отвѣта, какъ бы виолѣтъ убѣжденная, что отвѣтъ будетъ непремѣнно такъ глупъ, что нельзя будетъ не засмѣяться.

— Я удивился, увида въ васъ такъ вдругъ... пробормоталъ было князь.

— А какъ вы узнали, что это я? Гдѣ вы меня видѣли прежде? Чѣмъ это, въ самомъ дѣлѣ, я какъ будто его гдѣ-то видѣла? И позвольте въасъ спросить, почему вы давеча остолбенѣли на мѣстѣ? Чѣмъ во мнѣ такого остолбенію-щаго?

— Ну же, ну! продолжалъ гримасничать Фердыщенко.— Да ну же! О, Господи, какихъ бы я вещей на такой во-просъ насказа! Да ну же... Пентюхъ же ты, князь, послѣ этого!

— Да и я бы насказа! на вашемъ мѣстѣ, засмѣялся князь Фердыщенко.— Давеча меня вашъ портретъ поразилъ очень, продолжалъ онъ Настасіѧ Филипповнѣ,— потомъ я съ Епанчинами про васъ говорилъ... а рано утромъ, еще до вѣзда въ Петербургъ, на желѣзной дорогѣ, раз-сказывалъ мнѣ много про васъ Пароенъ Рогожинъ... И въ ту самую минуту, какъ я вамъ дверь отворилъ, я о васъ тоже думалъ, а тутъ вдругъ и вы.

— А какъ же вы меня узнали, что это я?

— По портрету и...

— И еще?

— И еще потому, что такою васъ именно и воображалъ... Я васъ тоже будто видѣлъ гдѣ-то.

— Гдѣ? Гдѣ?

— Я ваши глаза точно гдѣ-то видѣлъ... да этого быть не можетъ! Это я такъ... Я здѣсь никогда и не былъ. Можетъ-быть, во снѣ...

— Ай-да князь! закричалъ Фердыщенко. — Нѣтъ, я свое: se non e vero — беру назадъ. Впрочемъ... впрочемъ, вѣдь это онъ все отъ невинности! прибавилъ онъ съ сожалѣniемъ.

Князь проговорилъ свои нѣсколько фразъ голосомъ не спокойнымъ, прерываясь и часто переводя духъ. Все выражало въ немъ чрезвычайное волненіе. Настасья Филипповна смотрѣла на него съ любопытствомъ, но уже не смѣялась. Въ эту самую минуту вдругъ громкій, новый голосъ, послышавшійся изъ-за толпы, плотно обступившей князя и Настасью Филипповну, такъ сказать, раздвинулъ толпу и раздѣлилъ ее надвое. Передъ Настасьей Филипповной стоялъ самъ отецъ семейства, генералъ Иволгинъ. Онъ былъ во фракѣ и въ чистой манишкѣ; усы его были нафабрены.

Этого уже Ганя не могъ выпустить.

Самолюбивый и тицеславный до мнительности, до ипохондрии; искашій во всѣ эти два мѣсяца хоть какой-нибудь точки, на которую могъ бы опереться приличиѣ и выставить себя благородиѣ; чувствовавшій, что еще новичокъ на избранной дорогѣ и пожалуй не выдержитъ; съ отчаянія рѣшившійся, паконецъ, у себя дома, гдѣ былъ деспотомъ, на полную наглость, но не смѣвшій рѣшиться на это передъ Настасьей Филипповной, сбивавшей его до послѣдней минуты съ толку и безжалостно державшей надъ нимъ верхъ; „нетерпѣливый нищій“, по выражению самой Настасии Филипповны, о чѣмъ ему уже было донесено; поклявшійся всѣми клятвами больно наверстать ей все это впослѣдствіи и въ то же время ребячески мечтавшій иногда про себя свести концы и примирить всѣ противоположности, — онъ долженъ теперь испить еще эту ужасную чашу, и, главное, въ такую минуту! Еще одно цепредвидѣнное, но самое страшное истязаніе для тицеславного человѣка, — мѣка краски за своихъ родныхъ, у себя же въ домѣ, выпала ему на долю.

„Да скончай-ли, наконецъ, этого само вознагражденье!” промелькнуло въ это мгновеніе въ головѣ Гани.

Быть эту самую минуту происходило то, что снилось ему въ эти два мѣсяца только по почамъ, въ видѣ кошмара, и леденило его ужасомъ, сжигало стыдомъ: произошла, паконецъ, семейная встрѣча его родителя съ Настасіей Филипповной. Онъ иногда, дразня и раздражая себя, пробовалъ было представить себѣ генерала во время брачной церемоніи, но никогда не способенъ былъ докончить мучительную картину и поскорѣе бросалъ ее. Можетъ-быть, онъ безмѣрно преувеличивалъ бѣду; но съ тщеславными людьми всегда такъ бываетъ. Въ эти два мѣсяца онъ успѣлъ надуматься и рѣшиться и дамъ себѣ слово, во что бы то ни стало, сократить какъ-нибудь своего родителя, хоть на время, и стушевать его, если возможно, даже изъ Петербурга, согласна или не согласна будетъ на то мать. Десять минутъ пазадъ, когда входила Настасія Филипповна, онъ былъ такъ пораженъ, такъ ошеломленъ, что совершенно забылъ о возможности появленія на сценѣ Ардаліона Александровича и не сдѣлалъ никакихъ распоряженій. И вотъ генералъ тутъ, передъ всѣми, да еще торжественно приготовившись и во фракѣ, и именно въ то самое время, когда Настасія Филипповна „только случая ищетъ, чтобы осыпать его и его домашнихъ насмѣшками“. (Въ этомъ онъ былъ убѣжденъ). Да и въ самомъ дѣлѣ, что значить ся теперешній визитъ, какъ не это? Сдружиться съ его матерью и сестрой, или оскорбить ихъ у него же въ домѣ пріѣхала она? Но по тому, какъ расположились обѣ стороны, сомнѣній уже быть не могло: его мать и сестра сидѣли въ сторонѣ какъ оплеванныя, а Настасія Филипповна даже и позабыла, кажется, что онъ въ одпой съ нею комнатѣ... И если такъ ведетъ себя, то, конечно, есть своя цѣль!

Фердыщенко подхватилъ генерала и подвелъ его.

— Ардаліонъ Александровичъ Иволгинъ, съ достоинствомъ произнесъ нагнувшійся и улыбающійся генералъ,— старый несчастный солдатъ и отецъ семейства, счастливаго надеждой заключать въ себѣ такую прелестную...

Онъ не докончилъ; Фердыщенко быстро подставилъ ему сзади стулъ, и генералъ, нѣсколько слабый въ эту послѣ-обѣденную минуту на ногахъ, такъ и шлепнулся или, лучше сказать, упалъ на стулъ; по это, впрочемъ, его не сконфузило. Онъ усѣлся прямо противъ Настасіи Филипп-

повны и съ пріятною ужимкой, медленно и эффектно, поднесъ ея пальчики къ губамъ своимъ. Вообще генерала довольно трудно было сконфузить. Наружность его, кромъ нѣкотораго неряшства, все еще была довольно прилична, о чмъ самъ онъ зналъ очень хорошо. Ему случалось бытъ прежде и въ очень хорошемъ обществѣ, изъ кото-раго онъ былъ исключенъ окончательно всего только года два-три назадъ. Съ этого же срока и предался онъ слишкомъ уже безъ удержу нѣкоторымъ своимъ слабостямъ; но ловкая и пріятная манера оставалась въ немъ и до селъ. Настасья Филипповна, казалось, чрезвычайно обрадовалась появлению Ардаліона Александровича, о кото-ромъ, конечно, знала по наслышкѣ.

— Я слышалъ, что сынъ мой... началь было Ардаліонъ Александровичъ.

— Да, сынъ вашъ! Хороши и вы тоже, папенька-то! Почему васъ никогда не видать у меня? Чѣмъ, вы сами прячетесь, или сынъ васъ прячетъ? Вамъ-то ужъ можно пріѣхать ко мнѣ, никого не компрометтируя.

— Дѣти девятнадцатаго вѣка, и ихъ родители... началь было опять генералъ.

— Настасья Филипповна! Отпустите пожалуйста Ардаліона Александровича на одну минуту, его сирашаютъ, громко сказала Нина Александровна.

— Отпустить! Помилуйте, я такъ много слышала, такъ давно желала видѣть! И какія у него дѣла? Вѣдь онъ въ отставкѣ? Вы не оставите меня, генераль, не уйдете?

— Я даю вамъ слово, что онъ пріѣдетъ къ вамъ самъ, но теперь онъ нуждается въ отдыхѣ.

— Ардаліонъ Александровичъ, говорять, что вы нуждаетесь въ отдыхѣ! вскрикнула Настасья Филипповна съ недовольною и брюзгливою гримаской, точно вѣтреная дурочка, у которой отнимаютъ игрушку.

Генераль какъ разъ постарался еще болѣе одурачить свое положеніе.

— Другъ мой! Другъ мой! укорительно произнесъ онъ, торжественно обращаясь къ женѣ и положа руку на сердце.

— Вы не уйдете отсюда, маменька? громко спросила Варя.

— Нѣтъ, Варя, я досижу до конца.

Настасья Филипповна не могла не слышать вопроса и отвѣта, но веселость ея оттого какъ будто еще увеличи-

лась. Она тотчасъ же снова засыпала генерала вопросами, и черезъ пять минутъ генералъ былъ въ самомъ торжественномъ настроеніи и ораторствовалъ при громкомъ смѣхѣ присутствующихъ.

Коля дернуль князя за фалду.

— Да уведите хоть вы его какъ-нибудь! Нельзя же! Пожалуйста!—И у бѣднаго мальчика даже слезы негодованія горѣли на глазахъ.—О, проклятый Ганька! прибавилъ онъ про себя.

— Съ Иваномъ Федоровичемъ Епанчинымъ я действительно бывалъ въ большой дружбѣ, разливался генералъ на вопросы Настасіи Филипповны.—Я, онъ и покойный князь Левъ Николаевичъ Мышкинъ, сына которого я обнялъ сегодня послѣ двадцатилѣтней разлуки, мы были трое неразлучные, такъ сказать, кавалькада: Атосъ, Портосъ и Арамисъ. Но, увы, одинъ въ могилѣ, сраженный клеветой и пулей, другой передъ вами и еще борется съ клеветами и пулями...

— Съ пулями! вскричала Настасія Филипповна.

— Опѣ здѣсь, въ груди моей, а получены подъ Карсомъ, и въ дурную погоду я ихъ ощущаю. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ живу философомъ, хожу, гуляю, играю въ моемъ кафе, какъ удалившійся отъ дѣлъ буржуа, въ шашки и читаю *Indépendance*. Но съ нашимъ Портосомъ, Епанчинымъ, послѣ третьегодней исторіи на желѣзной дорогѣ по поводу болонки, покончено мною окончательно.

— Болонки! Это что же такое? съ особеннымъ любопытствомъ спросила Настасія Филипповна.—Съ болонкой? Позвольте, и на желѣзной дорогѣ!.. какъ бы припомніала она.

— О, глупая исторія, не стоитъ и повторять: изъ-за гувернантки княгини Бѣлоконской, мистрись Шмидтъ, но... не стоитъ и повторять.

— Да непремѣнно же расскажите! весело воскликнула Настасія Филипповна.

— И я еще не слыхалъ! замѣтилъ Фердыщенко.—*C'est du nouveau.*

— Ардаліонъ Александровичъ! раздался опять умоляющій голосъ Нины Александровны.

— Панинька, вѣсъ спрашиваютъ! крикнулъ Коля.

— Глупая исторія, и въ двухъ словахъ, началъ генералъ съ самодовольствомъ.—Два года назадъ, да! безъ ма-

лаго, только-что послѣдовало открытие новой — ской же лѣзной дороги, я (и уже въ штатскомъ пальто), хлопоча о чрезвычайно важныхъ для меня дѣлахъ по сдачѣ моей службы, взялъ билетъ, въ первый классъ: вониель, сижу, курю. То-есть, продолжаю курить, я закурилъ раньше. Я одинъ въ отдѣлѣніи. Курить не запрещается, но и не дозволяется; такъ, полупозволяется, по обыкновенію; ну и смотря по лицу. Окно спущено. Вдругъ, передъ самимъ свисткомъ, помѣщаются двѣ дамы съ болонкой, прямо на-супротивъ; они здѣли, одна пышнѣйшимъ образомъ разо-дѣта, въ свѣтло-голубомъ; другая скромнѣе, въ шелковомъ черномъ съ пелеринкой. Не дурны собой, смотрять над-менно, говорять по-англійски. Я, разумѣется, ничего; курю. То-есть я и подумалъ было, но однако продолжаю курить, потому окно отворено, въ окно. Болонка у свѣтло-голубой барыни на колѣнкахъ покоится, маленькая, вся въ мой кулакъ, черная, лапки бѣленыя, даже рѣдкость. Ошей-никъ серебряный съ девизомъ. Я ничего. Замѣчаю только, что дамы, кажется, сердятся, за сигару, конечно. Одна въ лорнетъ уставилась, черепаховый. Я опять-таки ничего: потому вѣдь ничего же не говорятъ! Если бы сказали, предупредили, поинтересовались, вѣдь есть же, наконецъ, языкъ человѣческій! А то молчатъ... вдругъ,—и это безъ малѣйшаго, я вамъ скажу, предупрежденія, то-есть безъ само-малѣйшаго, такъ-таки совершенно какъ бы съ ума сня-тила,—свѣтло-голубая хватъ у меня изъ руки сигарку и за окно. Вагонъ летить, гляжу какъ полуумный. Жен-щина дикая; дикая женщина, такъ-таки совершенно изъ дикаго состоянія; а, впрочемъ, дородная женщина, полная, высокая, блондинка, румяная (слишкомъ даже), глаза на меня сверкаютъ. Не говоря ни слова, я съ необыкновен-ною вѣжливостью, съ совершеннѣицою вѣжливостью, съ утонченнѣицою, такъ сказать, вѣжливостью, двумя паль-цами приближаюсь къ болонкѣ, беру деликатно за шиво-ротъ, и шваркъ ее за окошко вслѣдъ за сигаркой! Только звезды гнула! Вагонъ продолжаетъ летѣть.

— Вы извергъ! крикнула Настасья Филипповна, хохоча и хлопая въ ладоши, какъ дѣвочка.

— Браво, браво, кричалъ Фердыщенко.

Усмѣхнулся и Птицынъ, которому тоже было чрезвы-чайно непріятно появленіе генерала; даже Коля засмѣялся и тоже крикнулъ: „браво“!

— И я правъ, я правъ, трижды правъ! съ жаромъ про-

должаль торжествующій генераль,—потому что если въ вагонахъ сигары запрещены, то собаки и подавно.

— Браво, папаша! восторженно вскричалъ Коля,—великолѣпно! Я бы непремѣнно, непремѣнно то же бы самое сдѣлалъ!

— Но что же барыня? съ нетерпѣніемъ допрашивала Настасья Филипповна.

— Она? Ну, вотъ тутъ-то вся непріятность и сидить, продолжалъ, нахмурившись, генераль.—Ни слова не говоря, и безъ малѣйшаго какъ есть предупрежденія, она хватъ меня по щекѣ! Дикая женщина; совершенно изъ дикаго состоянія!

— А вы?

Генераль опустилъ глаза, поднялъ брови, поднялъ плечи, скжаль губы, раздвинулъ руки, помолчалъ и вдругъ промолвилъ:

— Увлекся!

— И больно? Больно?

— Ей-Богу, не больно! Скандалъ вышелъ, но не больно. Я только одинъ разъ отмахнулся, единствено только чтобы отмахнуться. Но тутъ самъ сатана и подвертѣль: свѣтло-голубая оказалась англичанка, гувернантка или даже какой-то тамъ другъ дома у княгини Бѣлоконской, а которая въ черномъ платьѣ, та была старшая изъ княженъ Бѣлоконскихъ, старая дѣва лѣтъ тридцати пяти. А известно, въ какихъ отношеніяхъ состоить генеральша Епанчина къ дому Бѣлоконскихъ. Всѣ княжны въ обморокѣ, слезы, трауръ по фавориткѣ-болонкѣ, визгъ шестерыхъ княженъ, визгъ англичанки,—свѣтотрестованіе! Ну, конечно, ёздила съ раскаяніемъ, просила извиненія, письмо написать, не приняли ни меня, ни письма, а съ Епанчнымъ раздоры, исключеніе, изгнаніе!

— Но позвольте, какъ же это? спросила вдругъ Настасья Филипповна,—пять или шесть дней назадъ я читала въ *Indépendance*,—а я постоянно читаю *Indépendance*,—точно такую же исторію. Но рѣшительно точно такую же! Это случилось на одной изъ прирейнскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ вагонѣ, съ однимъ французомъ и англичанкой; точно такъ же была вырвана сигара, точно такъ же была выкинута за окно болонка, наконецъ, точно такъ же и кончилось, какъ у васъ. Даже платье свѣтло-голубое!

Генераль покраснѣлъ ужасно, Коля тоже покраснѣлъ

и стиснуль себѣ руками голову; Штицынъ быстро отвернулся. Хохоталь попрежнему одинъ только Фердыщенко. Про Ганю и говорить было нечего: онъ все время стоялъ, выдерживая пѣмую и нестерпимую муку.

— Увѣряю же васть, пробормоталъ генераль,—что и со мной точно то же случилось...

— У папаши дѣйствительно была непріятность съ мистрие Шмидтъ, гувернанткой у Бѣлоконскихъ, вскричалъ Коля,—я помню.

— Какъ! Точь-въ-точь? Одна и та же исторія на двухъ концахъ Европы и точь-въ-точь такая же во всѣхъ подробностяхъ, до свѣтло-голубого платья! настаивала безжалостная Настасья Филипповна.—Я вамъ *Indépendance Belge* пришлю!

— Но замѣтьте, все еще настаивалъ генераль,—что со мной произошло два года раньше.

— А, вотъ развѣ это!

Настасья Филипповна хохотала какъ въ истерикѣ.

— Папенька, я васть прошу выйти на два слова, дрожащимъ, измученнымъ голосомъ проговорилъ Ганя, машинально схвативъ отца за плечо.

Безконечная ненависть кипѣла въ его взглядѣ.

Въ это самое мгновеніе раздался чрезвычайно громкій ударъ колокольчика изъ передней. Такимъ ударомъ можно было сорвать колокольчикъ. Предвозгѣщался визитъ необыкновенный. Коля побѣжалъ отворять.

X.

Бѣ прихожей стало вдругъ чрезвычайно шумно и людно; изъ гостиной казалось, что со двора вошло нѣсколько человѣкъ и все еще продолжаютъ входить. Нѣсколько голосовъ говорило и вскрикивало разомъ; говорили и вскрикивали и на лѣстницѣ, на которую дверь изъ прихожей, какъ слышно было, не затворялась. Визитъ оказывался чрезвычайно странный. Всѣ переглянулись; Ганя бросился въ залу, но и въ залу уже вошли нѣсколько человѣкъ.

— А, вотъ онъ Гуда! вскрикнулъ знакомый князю голосъ.—Здравствуй, Ганька, подлецъ!

— Онъ, онъ самый и есть! поддакнулъ другой голосъ.

Сомнѣваться князю было невозможно: одинъ голосъ былъ Рогожина, а другой Лебедева.

Ганя стоялъ какъ бы отступни на порогѣ гостиной

и глядѣлъ молча, не препятствуя входу въ залу одного за другимъ человѣкъ десяти или двѣнадцати вслѣдъ за Пароеномъ Рогожинымъ. Компания была чрезвычайно разнообразная и отличалась не только разнообразiemъ, но и безобразiemъ. Нѣкоторые входили такъ, какъ были на улицѣ, въ пальто и въ шубахъ. Совсѣмъ пьяныхъ, впрочемъ, не было; зато всѣ казались сильно на-веселѣ. Всѣ, казалось, нуждались другъ въ другѣ, чтобы войти; ни у одного не достало бы отдално смѣлости, но всѣ другъ друга какъ бы подталкивали. Даже и Рогожинъ ступалъ осторожно во главѣ толпы, но у него было какое-то намѣреніе, и онъ казался мрачно и раздраженно-озабоченнымъ. Остальные же составляли только хоръ, или, лучше сказать, шайку для поддержки. Кромѣ Лебедева, тутъ былъ и завитой Залѣжевъ, сбросившій свою шубу въ передней и вошедший развязно и щеголемъ, и подобные ему два-три господина, очевидно изъ купчиковъ; какой-то въ полувоенномъ пальто; какой-то маленький и чрезвычайно толстый человѣкъ, безпрестанно смѣявшійся; какой-то огромный вершковъ двѣнадцати господинъ, тоже необычайно толстый, чрезвычайно мрачный и молчаливый, и, очевидно, сильно надѣявшійся на свои кулаки. Былъ одинъ медицинскій студентъ; былъ одинъ увивавшійся полячекъ. Съ лѣстницы заглядывали въ прихожую, но не рѣшались войти, двѣ какія-то дамы; Коля захлопнулъ дверь передъ ихъ носомъ и заложилъ крючкомъ.

— Здравствуй, Ганька, подлецъ! Что, не ждалъ Пароена Рогожина? повторилъ Рогожинъ, дойдя до гостиной и останавливаясь въ дверяхъ противъ Гани.

Но въ эту минуту онъ вдругъ разглядѣлъ въ гостиной, прямо противъ себя, Настасью Филипповну. Очевидно, у него и въ помыслахъ не было встрѣтить ее здѣсь, потому что видѣлъ ея произвелъ на него необыкновенное впечатлѣніе; онъ такъ поблѣднѣлъ, что даже губы его посинѣли.

— Стало-быть, правда! проговорилъ онъ тихо и какъ бы про себя, съ совершенно потеряннымъ видомъ.— Конецъ!.. Ну... Отвѣтишь же ты мнѣ теперь! проскрежеталъ онъ вдругъ, съ неистовою злобой смотря на Ганю...— Ну... ахъ!..

Онъ даже задыхался, даже выговаривалъ съ трудомъ. Машинально подвигался онъ въ гостиную, но, перейдя за порогъ, вдругъ увидѣлъ Нину Александровну и Варю, и остановился, нѣсколько сконфузившись, несмотря на все

свое волнение. За ним прошел Лебедевъ, не отстававшій от него какъ тѣнь и уже сильно пьяный, затѣмъ студентъ, господинъ съ кулаками, Залежевъ, раскланившійся направо и налево, и, наконецъ, протискивался коротенький толстякъ. Присутствіе дамъ всѣхъ ихъ еще нѣсколько сдерживало и очевидно сильно мѣшало имъ, конечно, только до *начала*, до первого повода вскрикнуть и *начать...* Тутъ ужъ никакія дамы не помѣщали бы.

— Какъ? И ты тутъ, князь? разсѣянно проговорилъ Рогожинъ, отчасти удивленный встрѣчей съ княземъ.—Все въ штиблетишкахъ, э-эхъ! вздохнулъ онъ, уже забывъ о князѣ и переводя взглядъ опять на Настасью Филипповну, все подвигаясь и притягиваясь къ ней, какъ къ магниту.

Настасья Филипповна тоже съ беспокойнымъ любопытствомъ глядѣла на гостей.

Ганя, наконецъ, опомнился.

— Но позвольте, что же это, наконецъ, значить? громко заговорилъ онъ, строго оглядѣвъ вошедшихъ и обращаясь преимущественно къ Рогожину.—Вы не въ конюшню, кажется, вошли, господа, здѣсь моя мать и сестра.

— Видимъ, что мать и сестра, прощесть сквозь зубы Рогожинъ.

— Это и видно, что мать и сестра, поддакнуль для контенансу Лебедевъ.

Господинъ съ кулаками, вѣроятно, полагая, что пришла минута, началь что-то ворчать.

— Но однакоже! вдругъ и какъ-то не въ мѣру, взрывомъ, возвысилъ голосъ Ганя.—Во-первыхъ, прошу отсюда всѣхъ въ залу, а потомъ позвольте узнать...

— Виши, не узнаеть! злобно оскалбился Рогожинъ, не трогаясь съ мѣста.—Рогожина не узналь?

— Я, положимъ, съ вами гдѣ-то встрѣчался, но...

— Виши, гдѣ-то встрѣчался! Да я тебѣ всего только три мѣсяца двѣсти рублей отцовскихъ проигралъ, съ тѣмъ и умеръ старикъ, что не успѣлъ узнать; ты меня затащилъ, а Клифъ передергивалъ. Не узнаешь? Птицынъ-то свидѣтелемъ! Да покажи я тебѣ три цѣлковыхъ, вынь теперь изъ кармана, такъ ты на Васильевскій за ними дополнешь на каракахъ,—вотъ ты каковъ! Душа твоя та-кова! Я и теперь тебя за деньги пріѣхалъ всего купить, ты не смотри, что я въ такихъ сапогахъ вошелъ, у меня денегъ, братъ, много, всего тебя и со всѣмъ твоимъ жи-

въемъ куплю... захочу, всѣхъ васъ куплю! Все куплю! разгорячался и какъ бы хмелѣлъ все болѣе и болѣе Рогожинъ. — Э-эхъ! крикнулъ онъ. — Настасья Филипповна! Не прогоните, скажите словно: вѣнчаетесь вы съ нимъ или нѣть?

Рогожинъ задалъ свой вопросъ, какъ потерянный, какъ божеству какому-то, но съ смѣлостью приговоренного къ казни, которому уже нечего терять. Въ смертной тоскѣ ожидалъ онъ отвѣта.

Настасья Филипповна обмѣрила его *насигѣшиливымъ* и высокомѣрнымъ взглядомъ, но взглянула на Варю и на Нину Александровну, поглядѣла на Ганю и вдругъ перемѣнила тонъ.

— Совсѣмъ нѣть, что съ вами? И съ какой стати вы вздумали спрашивать? отвѣтила она тихо и серьезно и какъ бы съ нѣкоторымъ удивленiemъ.

— Нѣть? Нѣть! вскричалъ Рогожинъ, приходя чуть не въ изступленіе отъ радости.—Такъ нѣть же?! А мнѣ сказали они... Ахъ! Ну.. Настасья Филипповна! Они говорятъ, что вы помолвились съ Ганькой! Съ нимъ-то? Да развѣ это можно? (И имъ всѣмъ говорю!). Да я его всего за сто рублей куплю, дамъ ему тысячу, ну, три, чтобы отстушился, такъ онъ наканунѣ свадьбы сбѣжитъ, а невѣсту всю мнѣ оставитъ. Вѣдь такъ, Ганька, подлецъ! Вѣдь ужъ взяль бы три тысячи! Вотъ онъ, вотъ! Съ тѣмъ и щекаль, чтобы съ тебя подписку такую взять; сказалъ: куплю,—и куплю!

— Ступай вонъ отсюда, ты пьяница! крикнулъ краснѣвшій и блѣднѣвшій поперемѣнно Ганя.

За его окрикомъ вдругъ послышался виезанный взрывъ нѣсколькихъ голосовъ; вся команда Рогожина давно уже ждала первого вызова. Лебедевъ что-то съ чрезвычайнымъ стараніемъ пашептывалъ на ухо Рогожину.

— Правда, чиновникъ! отвѣтилъ Рогожинъ. — Правда, пьяная душа! Эхъ, куда ни шло. Настасья Филипповна! вскричалъ онъ, глядя на все какъ полоумный, робъя и вдругъ ободряясь до дерзости,— вотъ восемнадцать тысячъ!— И онъ шаркнулъ предъ ней на столикъ пачку въ бѣлой бумагѣ, обернутую на-крестъ шнурками.— Вотъ! И... и еще будетъ!

Онъ не осмѣлился договорить, чего ему хотѣлось...

— Ни-ни-ни! зашепталъ ему снова Лебедевъ, съ страшно испуганнымъ видомъ.

Можно было угадать, что онъ исчугался громадности суммы и предлагалъ попробовать съ несравненно меньшаго.

— Нѣтъ, ужъ въ этомъ ты, братъ, дуракъ, не знаешь, куда запеть... да видно и я дуракъ съ тобой вмѣсть! спохватился и вздрогнулъ вдругъ Рогожинъ подъ засверкавшимъ взглядомъ Настаси Филипповны. — Э-эхъ! Соворалъ я, тебя послушалъ, прибавилъ онъ съ глубокимъ раскаяніемъ.

Настасія Филипповна, вглядѣвшись въ опрокинутое лицо Рогожина, вдругъ засмѣялась.

— Восемнадцать тысячъ, мнѣ? Вотъ сейчасъ мужикъ и скажется! прибавила она вдругъ съ наглою фамильярностью и привстала съ дивана, какъ бы собираясь щѣхать.

Ганя съ замираніемъ сердца наблюдалъ всю сцену.

— Такъ сорокъ же тысяча, сорокъ, а не восемнадцать! закричалъ Рогожинъ. — Ванька Птицынъ и Бискупъ къ семи часамъ обѣщались сорокъ тысячъ представить. Сорокъ тысячъ! Всѣ на столъ!

Сцена выходила чрезвычайно безобразная, но Настасія Филипповна продолжала смѣяться и не уходила, точно и въ самомъ дѣлѣ съ намѣреніемъ протягивала ее. Нина Александровна и Варя тоже встали съ своихъ мѣстъ и испуганно, молча, ждали, до чего это дойдетъ; глаза Вари сверкали, но на Нину Александровну все это подействовало болѣзнерено: она дрожала и, казалось, тотчасъ упадетъ въ обморокъ.

— А коли такъ—сто! Сегодня же сто тысячъ представлю! Птицынъ, выручай, руки нагрѣши!

— Ты съ ума сошелъ! прошепталъ вдругъ Птицынъ, быстро подходя къ нему и хватая его за руку.— Ты пьяна, за будочниками пошлиютъ. Гдѣ ты находишься?

— Съ-пьяна врѣть, проговорила Настасія Филипповна, какъ бы поддразнивая его.

— Такъ не вру же, будутъ, къ вечеру будутъ... Птицынъ, выручай, процентная душа, чтѣ хошь бери, доставай къ вечеру сто тысячъ; докажу, что не постю! одувчивился вдругъ до восторга Рогожинъ.

— Но однако, что же это такое? грозно и внезапно воскликнулъ расходившійся Ардаліонъ Александровичъ, приближаясь къ Рогожину.

Внезапность выходки доселѣ молчавшаго старика придала ей много комизма. Послышился смѣхъ.

— Это еще откуда? засмеялся Рогожинъ. — Пойдемъ, старикъ, пьянъ будешь!

— Это ужъ подло! крикнулъ Коля, совсѣмъ плача отъ стыда и досады.

— Да неужели же ни одного между вами не найдется, чтобы эту безстыжую отсюда вывести! вскрикнула вдругъ, вся трепеща отъ гнѣва, Варя.

— Это меня-то безстыжею называютъ! съ пренебрежительною веселостью отпариowała Настасья Филипповна.— А я-то какъ дура приѣхала ихъ къ себѣ на вечеръ звать! Вотъ какъ ваша сестрица меня третируетъ, Гаврила Ардаліоновичъ!

Нѣсколько времени Ганя стоялъ какъ молніей пораженный при выходкѣ сестры; но, увидя, что Настасья Филипповна этотъ разъ действительно уходить, какъ изступленный бросился на Варю и въ бѣшенствѣ схватилъ ее за руку.

— Чѣмъ ты сдѣлала? вскричалъ онъ, глядя на нее, какъ бы желая испепелить ее на этомъ же мѣстѣ.

Онъ рѣшительно потерялся и плохо соображалъ.

— Чѣмъ сдѣлала? Куда ты меня тащишь? Ужъ не прощенія-ли просить у ней за то, что она твою мать оскорбила и твой домъ срамить приѣхала, низкій ты человѣкъ! крикнула опять Варя, торжествуя и съ вызовомъ смотря на брата.

Нѣсколько мгновеній ониостояли такъ другъ противъ друга, лицомъ къ лицу. Ганя все еще держалъ ея руку въ своей рукѣ. Варя дернула разъ, другой, изо всей силы, но не выдержала и вдругъ, внѣ себя, плонула брату въ лицо.

— Вотъ такъ дѣвушка! крикнула Настасья Филипповна.— Браво, Штицынъ, я васъ поздравляю!

У Гани въ глазахъ помутилось, и онъ, совсѣмъ забывшись, изо всей силы замахнулся на сестру. Ударъ пришелся бы ей непремѣнно въ лицо. Но вдругъ другая рука остановила на-лету Ганину руку.

Между нимъ и сестрой стоялъ князь.

— Полноте, довольно! проговорилъ онъ настойчиво, но тоже весь дрожа, какъ отъ чрезвычайно сильнаго потрясенія.

— Да вѣчно, что-ли, ты мнѣ дорогу переступать будешь! заревѣлъ Ганя, бросивъ руку Вари, и, освободившуюся рукой, въ послѣдней степени бѣшенства, со всего размаха далъ князю пощечину.

— Ахъ! всплеснуль руками Коля.—Ахъ, Боже мой!

Раздались восклицанія со всѣхъ сторонъ. Князь поблѣднѣлъ. Страннымъ и укоряющимъ взглядомъ поглядѣлъ онъ Ганѣ прямо въ глаза; губы его дрожали и силились что-то проговорить; какая-то странная и совершенно неподходящая улыбка кривила ихъ.

— Ну, это пусть мнѣ... а ея... все-таки не дамъ!.. тихо проговорилъ онъ, наконецъ.

Но вдругъ не выдержалъ, бросиль Ганю, закрыль руками лицо, отошелъ въ уголъ, сталъ лицомъ къ стѣнѣ и прерывающимся голосомъ проговорилъ:

— О, какъ вы будете стыдиться своего поступка!

Ганя, дѣйствительно, стоялъ какъ уничтоженный. Коля бросился обнимать и цѣловать князя; за нимъ затѣснились Рогожинъ, Варя, Птицынъ, Нина Александровна, всѣ, даже старикъ Арталіонъ Александровичъ.

— Ничего, ничего! бормоталь князь на всѣ стороны, съ тою же неподходящею улыбкой.

— И будешь каяться! закричалъ Рогожинъ. — Будешь стыдиться, Ганька, что такую... овцу (онъ не могъ пріискать другого слова) оскорбилъ! Князь, душа ты моя, брось ихъ; плюнь имъ, пойдемъ! Узнаешь, какъ любить Рогожинъ!

Настасья Филипповна была тоже очень поражена и поступкомъ Гани, и отвѣтомъ князя. Обыкновенно блѣдное и задумчивое лицо ея, такъ все время не гармонировавшее съ давешнимъ какъ бы напускнымъ ея смѣхомъ, было очевидно взвановано теперь новымъ чувствомъ; и однако все-таки ей какъ будто не хотѣлось его выказывать, и насмѣшка словно усиливалась оставаться въ лицѣ ея.

— Право, гдѣ-то я видѣла его лицо! проговорила она вдругъ уже серьезно, внезапно вспомнивъ опять давешній свой вопросъ.

— А вамъ и не стыдно! Развѣ вы такая, какою теперь представлялисъ. Да можетъ-ли это быть! вскрикнулъ вдругъ князь съ глубокимъ сердечнымъ укоромъ.

Настасья Филипповна удивилась, усмѣхнулась, но, какъ будто что-то пряча подъ свою улыбку, нѣсколько смыгшавшись, взглянула на Ганю и пошла изъ гостиной. Но, не дойдя еще до прихожей, вдругъ воротилась, быстро подошла къ Нинѣ Александровнѣ, взяла ея руку и поднесла къ губамъ своимъ.

— Я вѣдь и въ самомъ дѣлѣ не такая, онъ угадалъ,

прошептала она быстро, горячо, вся вдругъ всыхнувъ и закраснѣвшись, и, повернувшись, вышла на этотъ разъ такъ быстро, что никто и сообразить не успѣлъ, зачѣмъ это она возвращалась. Видѣли только, что она пошептала что-то Нинѣ Александровнѣ и, кажется, руку ея поцѣловала. Но Варя видѣла и слышала все, и съ удивленіемъ проводила ее глазами.

Ганя опомнился и бросился провожать Настасью Филипповну, но она ужъ вышла. Онъ догналъ ее на лѣстницѣ.

— Не провожайте! крикнула она ему. — До свиданія, до вечера! Непремѣнно же, слышите!

Онъ воротился смущенный, задумчивый; тяжелая загадка ложилась ему на душу, еще тяжелѣе, чѣмъ прежде. Мерещился и князь... Онъ до того забылся, что едва разглядѣлъ, какъ цѣлая Рогожинская толпа валила мимо него и даже затолкала его въ дверяхъ, наскоро выбираясь изъ квартиры вслѣдъ за Рогожинымъ. Всѣ громко, въ голосъ, толковали о чѣмъ-то. Самъ Рогожинъ шелъ съ Птицынымъ и настойчиво твердилъ о чѣмъ-то важномъ и, повидимому, неотлагательномъ.

— Проигралъ, Ганька! крикнулъ онъ, проходя мимо.

Ганя тревожно посмотрѣлъ имъ вслѣдъ.

XI.

Князь ушелъ изъ гостиной и затворился въ своей комнатѣ. Къ нему тотчасъ же прибѣжалъ Коля утѣшать его. Бѣдный мальчикъ, казалось, не могъ уже теперь отъ него отвязаться.

— Это вы хорошо, что ушли, сказаль онъ, — тамъ теперь кутерьма еще пуще, чѣмъ давеча, пойдетъ, и каждый-то день у насъ такъ, и все черезъ эту Настасью Филипповну заваривалось.

— Тутъ у васъ много разнаго наболѣло и наросло, Коля, замѣтилъ князь.

— Да, наболѣло. Про насъ и говорить нечего. Сами виноваты во всемъ. А вотъ у меня есть одинъ большой другъ, этотъ еще несчастнѣе. Хотите, я васъ познакомлю?

— Очень хочу. Вашъ товарищъ?

— Да, почти какъ товарищъ. Я вамъ потомъ это все разясню... А хороша Настасья Филипповна, какъ вы думаете? Я вѣдь ее никогда еще до сихъ поръ не видывалъ, а ужасно старался. Просто ослѣпила. Я бы Ганьку

все простилъ, если-бъ онъ по любви; да зачѣмъ онъ деньги беретъ, вотъ бѣда!

— Да, мнѣ вашъ братъ не очень нравится..

— Ну, еще бы! Вамъ-то, послѣ... А знаете, я терпѣть не могу этихъ разныхъ мнѣній. Какой-нибудь сумасшедшій или дуракъ, или злодѣй въ сумасшедшемъ видѣ даетъ пощечину, и вотъ ужъ человѣкъ на всю жизнь обезображенъ, и смыть не можетъ иначе какъ кровью, или чтобъ у него тамъ на колѣнкахъ прощенья просили. По-моему, это нелѣпо и деспотизмъ. На этомъ Лермонтова драма *Маскарадъ* основана, и—глупо, по-моему. То-есть, я хочу сказать, не натурально. Но вѣдь онъ ее почти въ дѣствѣ писалъ.

— Мнѣ ваша сестра очень понравилась.

— Какъ она въ рожу-то Ганькѣ плюнула. Смѣляя Варька! А вы такъ не плюнули, и я увѣренъ, что не отъ недостатка смѣлости. Да вотъ она и сама, легка на поминѣ. Я зналъ, что она придетъ: она благородная, хоть и есть недостатки.

— А тебѣ тутъ нечего, прежде всего накинулась на него Варя,—ступай къ отцу. Надоѣдаетъ онъ вамъ, князь?

— Совсѣмъ нѣтъ, напротивъ.

— Ну, старшая, пошла! Вотъ это-то въ ней и скверно. А кстати, я вѣдь думалъ, что отецъ павѣрно съ Рогожинымъ уѣдетъ. Кается, должно-быть, теперь. Посмотрѣть, что съ нимъ въ самомъ дѣлѣ, прибавилъ Коля, выходя.

— Слава Богу, увела и уложила маменьку, и ничего не возобновлялось. Ганя сконфуженъ и очень задумчивъ. Да и есть о чёмъ. Каковъ урокъ!.. Я поблагодарить васъ еще разъ пришла и спросить, князь: вы до сихъ поръ не знавали Настасью Филипповну?

— Нѣтъ, не зналъ.

— Съ какой же вы стати сказали ей прямо въ глаза, что она „не такая“. И, кажется, угадали. Оказалось, что и дѣйствительно, можетъ-быть, не такая. Впрочемъ, я ее не разберу. Конечно, у ней была цѣль оскорбить, это ясно. Я и прежде о ней тоже много странного слышала. Но если она приѣхала настѣ звать, то какъ же она начала обходитьсь съ мамашей? Птицынъ ее отлично знаетъ, онъ говорить, что угадать ее не могъ давеча. А съ Рогожинымъ? Такъ нельзя разговаривать, если себя уважаешь, въ домѣ своего... Маменька тоже о васъ очень беспокоится.

— Ничего! сказалъ князь и махнулъ рукой.

— И какъ это она васъ послушалась...

— Чего послушалась?

— Вы ей сказали, что ей стыдно, и она вдругъ вся измѣнилась. Вы на нее вліяніе имѣете, князь, прибавила, чуть-чуть усмѣхнувшись, Варя.

Дверь отворилась, и совершенно неожиданно вошелъ Ганя.

Онъ даже и не поколебался, увидя Варю; одно время постоялъ на порогѣ и вдругъ съ рѣшимостью приблизился къ князю.

— Князь, я сдѣлалъ подло, простите меня, голубчикъ, сказалъ онъ вдругъ съ сильнымъ чувствомъ.

Черты лица его выражали сильную боль. Князь смотрѣлъ съ изумленіемъ и не тотчасъ отвѣтилъ.

— Ну, простите, ну, простите же! нетерпѣливо наставлялъ Ганя.—Ну, хотите, я вашу руку сейчасъ поцѣловую!

Князь былъ пораженъ чрезвычайно и, молча, обѣими руками обнялъ Ганю. Оба искренно поцѣловались.

— Я никакъ, никакъ не думалъ, что вы такой, сказалъ, паконецъ, князь, съ трудомъ переводя духъ.—Я думалъ, что вы... не способны.

— Повиниться-то?.. И съ чего я взялъ давеча, что вы идіоты! Вы замѣчаете то, чего другіе никогда не замѣтятъ. Съ вами поговорить бы можно, но... лучше не говорить!

— Есть предъ кѣмъ еще повинитесь, сказалъ князь, указывая на Варю.

— Нѣть, это ужъ все враги мои. Будьте увѣрены, князь, много пробъ было; здѣсь искренно не прощають! горячо вырвалось у Гани.

И онъ повернулся отъ Вари въ сторону.

— Нѣть, прощу! сказала вдругъ Варя.

— И къ Настасіѣ Филипповнѣ вечеромъ поѣдешь?

— Пойду, если прикажешь, только лучше самъ посуди: есть-ли хоть какая-нибудь возможность мнѣ теперьѣхать?

— Она вѣдь не такая. Она видишь какія загадки загадываетъ! Фокусы!

И Ганя злобно засмѣялся.

— Сама знаю, что не такая, и съ фокусами, да съ какими? И еще, смотри, Ганя, за кого она тебѣ сама почитается? Пусть она руку мамашѣ поцѣловала. Пусть это

какие-то фокусы, но она все-таки вѣдь смѣялась же надъ тобой! Это не стоять семидесяти пяти тысячъ, ей-Богу, братъ! Ты способенъ еще на благородныя чувства, потому и говорю тебѣ. Эй, неѣди и самъ! Эй, берегись! Не можетъ это хорошо уладиться.

Сказавъ это, вся взволнованная, Варя быстро вышла изъ комнаты.

— Вотъ онъ все такъ! сказалъ Ганя, усмѣхаясь. — И неужели же онъ думаютъ, что я этого самъ не знаю? Да вѣдь я гораздо больше ихъ знаю.

Сказавъ это, Ганя усѣлся на диванъ, видимо желая продолжать визитъ.

— Если знаете сами, спросилъ князь довольно робко, — какъ же вы этакую мѣку выбрали, зная, что она въ самомъ дѣлѣ семидесяти пяти тысячъ не стоитъ?

— Я не про это говорю, пробормоталъ Ганя.—А кстати, скажите мнѣ, какъ вы думаете, я именно хочу знать ваше мнѣніе: стоитъ эта „мѣка“ семидесяти пяти тысячъ, или не стоитъ?

— По-моему, не стоитъ.

— Ну, ужъ извѣстно. И жениться такъ стыдно?

— Очень стыдно.

— Ну, такъ знайте же, что я женюсь, и теперь ужъ непремѣнно. Еще давеча колебался, а теперь ужъ нѣть! Не говорите! Я знаю, что вы хотите сказать...

— Я не о томъ, о чёмъ вы думаете, а меня очень удивляетъ ваша чрезвычайная увѣренность...

— Въ чёмъ? Какая увѣренность?

— Въ томъ, что Настасья Филипповна непремѣнно пойдетъ за васъ, и что все это уже кончено, а во-вторыхъ, если бы даже и вышла, что семьдесятъ пять тысячъ вамъ такъ и достанутся прямо въ карманъ. Впрочемъ, я, конечно, тутъ многаго не знаю.

Ганя сильно пошевелился въ сторону князя.

— Конечно, вы всего не знаете, сказалъ онъ, — да и съ чего бы я стала всю эту обузу принимать?

— Мнѣ кажется, что это сплошь да рядомъ случается: женятся на деньгахъ, а деньги у жены.

— Н-нѣть, у насъ такъ не будетъ... Тутъ есть обстоятельства... пробормоталъ Ганя въ тревожной задумчивости.— А что касается до ея отвѣта, то въ немъ уже нѣть сомнѣній, прибавилъ онъ быстро. — Вы изъ чего заключаете, что она мнѣ откажетъ?

— Я ничего не знаю, кромъ того что видѣлъ; вотъ и Варвара Ардаліоновна говорила сейчасъ...

— Э! Это онъ такъ, не знаютъ ужъ что сказать. А падъ Рогожинъ она смѣялась, будьте увѣрены, это я разглѣдѣлъ. Это видно было. И давеча побоялся, а теперь разглѣдѣлъ. Или, можетъ-быть, какъ она съ матерью, и съ отцомъ, и съ Варей обошлась?

— И съ вами.

— Пожалуй; но тутъ старинное бабье мщеніе, и больше ничего. Это страшно-раздражительная, мнительная и самолюбивая женщина. Точно чиномъ обойденный чиновникъ! Ей хотѣлось показать себя и все свое пренебреженіе къ нимъ... ну, и ко мнѣ; это правда, я не отрицаю... А все-таки за меня выйдетъ. Вы и не подозрѣваете, на какіе фокусы человѣческое самолюбіе способно: вотъ она считаетъ меня подлецомъ, за то, что я ее, чужую любовницу, такъ откровенно за ея деньги беру, а и не знаетъ, что иной бы ее еще подлѣе надулъ: присталь бы къ ней и началъ бы ей либерально-прогрессивныя вещи разсыпать, да изъ женскихъ разныхъ вопросовъ вытаскивать, такъ она бы вся у него въ игольное ушко какъ нитка прошла. Увѣрилъ бы самолюбивую дуру (и такъ легко!), что ее за „благородство сердца и за несчастье“ только береть, а самъ все-таки на деньгахъ бы женился. Я не нравлюсь тутъ, потому что вилять не хочу; а надо бы. А что сама ~~делаетъ~~? Не то же ли самое? Такъ за что же послѣ этого меня презираетъ, да игры эти затѣваетъ? Оттого что я самъ не сдаюсь, да гордость показываю. Ну, да увидимъ!

— Неужели вы ее любили до этого.

— Любилъ вначалѣ. Ну, да довольно... Есть женщины, которые годятся только въ любовницы и больше ни во что. Я не говорю, что она была мою любовницей. Если захочетъ жить смироно, и я буду жить смироно; если же взбунтуется, тотчасъ же брошу, а деньги съ собой захвачу. Я смѣшнымъ быть не хочу; прежде всего не хочу быть смѣшнымъ.

— Мнѣ все кажется, осторожно замѣтилъ князь,— что Настасья Филипповна умна. Къ чему ей, предчувствуя такую мѣку, въ западню идти? Вѣдь могла бы и за другого выйти. Вотъ что мнѣ удивительно.

— А вотъ тутъ-то и расчетъ! Вы тутъ не все знаете, князь... тутъ... и кромъ того, она убѣждена, что я ее

люблю до сумасшествия, клянусь вамъ, и, знаете-ли, я крѣпко подозрѣваю, что и она меня любить, по-своему, то-есть, знаете поговорку: „Кого люблю, того и бью“. Она всю жизнь будетъ меня за валета бубноваго считать (да это-то ей, можетъ-быть, и надо) и все-таки любить по-своему; она къ тому приготовляется, такой ужъ характеръ. Она чрезвычайно русская женщина, я вамъ скажу; ну, а я ей свой готовлю сюрпризъ. Эта давешняя сцена съ Варей случилась нечаянно, но мнѣ въ выгоду: она теперь видѣла и убѣдилась въ моей приверженности и что я всѣ связи для нея разорву. Значить, и мы не дураки, будьте увѣрены. Кстати, ужъ вы не думаете-ли, что я такой болтунь? Я, голубчикъ-князь, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ дурно дѣлаю, что вамъ довѣряюсь. Но именно потому, что вы первый изъ благородныхъ людей мнѣ попались, я на васъ и накинулся, то-есть „накинулся“ не примите за каламбуръ. Вы за давешнее вѣдь не сердитесь, а? Я первый разъ, можетъ-быть, въ цѣлые два года по-сердцу говорю. Здѣсь ужасно мало честныхъ людей; честнѣе Птицына нѣтъ. Чтѣ, вы, кажется, смѣетесь, али нѣтъ? Подлецы любятъ честныхъ людей, — вы этого не знали? А я вѣдь... А, впрочемъ, чѣмъ я подлецъ, скажите мнѣ по совѣсти? Что они меня всѣ вслѣдъ за нею подлецомъ называютъ? И знаете, вслѣдъ за ними и за нею я и самъ себя подлецомъ называю! Вотъ что подло, такъ подло!

— Я васъ подлецомъ теперь уже никогда не буду считать, сказаль князь.—Давеча я васъ уже совсѣмъ за злодѣя почиталъ, и вдругъ вы меня такъ обрадовали, — вотъ и урокъ: не судить, не имѣя опыта. Теперь я вижу, что васъ не только за злодѣя, но и за слишкомъ испорченнаго человѣка считать нельзя. Вы, по-моему, просто самый обыкновенный человѣкъ, какой только можетъ быть, развѣ только что слабый очень и нисколько не оригинальный.

Ганя язвительно про себя усмѣхнулся, но смолчалъ. Князь увидаль, что отзывъ его не понравился, сконфузился и тоже замолчалъ.

— Просилъ у васъ отецъ денегъ? спросилъ вдругъ Ганя.
— Нѣтъ.

— Будетъ, не давайте. А вѣдь былъ даже ириличный человѣкъ, я помню. Его къ хорошимъ людямъ пускали. И какъ они скоро всѣ кончаются, всѣ эти старые при-

личные лули! Чуть только измѣнились обстоятельства, и нѣть ничего ирежиаго, точно порохъ сгорѣлъ. Онъ прежде такъ не лгалъ, увѣряю васт; прежде онъ былъ только слишкомъ восторженный человѣкъ и—вотъ во чѣто это разрѣшилось! Конечно, вино виновато. Знаете-ли, что онъ любовницу содержить? Онъ уже не просто невинный лгунишко теперь сталъ. Понять не могу долготерпѣнія матушки. Разсказывалъ онъ вамъ про осаду Карса? Или про то, какъ у него сбраса пристяжная заговорила? Онъ вѣдь до этого даже доходитъ.

И Ганя вдругъ такъ и покатился со смѣху.

— Что вы на меня такъ смотрите? спросилъ онъ вдругъ князя.

— Да я удивляюсь, что вы такъ искренно засмѣялись. У васъ, право, еще дѣтскій смѣхъ есть. Давеча вы вошли мириться и говорите: „Хотите, я вамъ руку попѣлу“, — это точно какъ дѣти бы мирились. Стало-быть, еще способны же вы къ такимъ словамъ и движеніямъ. И вдругъ вы начинасте читать цѣлую лекцію объ этакомъ мракѣ и объ этихъ семидесяти пяти тысячахъ. Право, все это какъ-то нелѣпо и не можетъ быть.

— Чѣмъ же вы заключить хотите изъ этого?

— То, что вы не легкомысленно-ли поступаете слишкомъ, не осмотрѣться-ли вамъ прежде? Варвара Ардаліоновна, можетъ-быть, и правду говорить.

— А, нравственность! Что я еще мальчишка, это я и самъ знаю, горячо перебиль Ганя,—и ужъ хоть тѣмъ однимъ, что съ вами такой разговоръ завелъ. Я, князь, не по расчету въ этотъ бракъ иду, продолжалъ онъ, проговариваясь, какъ уязвленный въ своеемъ самолюбіи молодой человѣкъ.—По расчету я бы ошибся навѣрно, потому и головой, и характеромъ еще не креѣюсь. Я по страсти, по влечению иду, потому что у меня цѣль капитальная есть. Вы вотъ думаете, что я семьдесятъ пять тысячъ получу и сейчасъ же карету куплю. Нѣть-съ, я тогда третъегодній старый сюртукъ донашивать стану и все мои клубныя знакомства брошу. У пасъ мало выдерживающихъ людей, хоть и всѣ ростовщики, а я хочу выдержать. Тутъ, главное, довести до конца—всѧ задача! Птицынъ семнадцати лѣтъ на улицѣ спалъ, перочинными ножичками торговалъ и съ копейки началъ; теперь у него шестьдесятъ тысячъ, да только постѣ какой гимнастики! Вотъ эту-то я всю гимнастику и перескочу, и прямо съ

капитала начну; черезъ пятнадцать лѣтъ скажутъ: «вотъ Иволгинъ, король Іудейскій». Вы мнѣ говорите, что я человѣкъ не оригиналъ. Замѣтьте себѣ, милый князь, что нѣтъ ничего обиднѣе человѣку нашего времени и племени, какъ сказать ему, что онъ не оригиналъ, слабъ характеромъ, безъ особенныхъ талантовъ и человѣкъ обыкновенный. Вы меня даже хорошимъ подлецомъ не удостоили счастья и, знаете, я вѣсъ давеча сѣѣсть за это хотѣлъ! Вы меня пуще Епанчина оскорбили, который меня считаетъ (и безъ разговоровъ, безъ соблазновъ, въ простотѣ души, замѣтьте это) способнымъ ему жену продать! Это, батюшка, меня давно уже бѣсить, и я дѣлать хочу. Наживъ деньги, знайте, я буду человѣкъ въ высшей степени оригиналъ. Деньги тѣмъ всего подлѣе и ненавистнѣе, что онъ даже таланты даютъ. И будуть давать до скончанія міра. Вы скажете, это все по-дѣтски или, пожалуй, поэзія,—что-жъ, тѣмъ мнѣ же веселѣе будетъ, а дѣло все-таки сдѣлается. Доведу и выдержу. Rira bien qui rira le dernier! Меня Епанчинъ почему такъ обижаетъ? По злобѣ, что-ль? Никогда-сь. Просто потому, что я слишкомъ ничтоженъ. Ну-съ, а тогда... А однажды довольно, и пора. Коли уже два раза нось выставлялъ: это онъ вѣсъ обѣдать зоветъ. А я со двора. Я къ вамъ иногда забреду. Вамъ у настѣ недурно будетъ; теперь вѣсъ въ родню прямо примутъ. Смотрите же, не выдавайте. Мнѣ кажется, что мы съ вами или друзьями, или врагами будемъ. А какъ вы думаете, князь, если-бы я давеча вѣсъ руку поцѣловала (какъ искренно вызывался), сталъ бы я вѣсъ врагомъ за это впослѣдствіи?

— Непремѣнно стали бы, только не навсегда, потомъ не выдержали бы и простили, рѣшилъ князь, подумавъ и засмѣявшись.

— Эге! Да съ вами надо осторожнѣе. Чортъ знаетъ, вы и тутъ яду влили. А кто знаетъ, можетъ-быть, вы мнѣ и врагъ? Кстати, ха-ха-ха! И забылъ спросить: правда-ли мнѣ показалось, что вѣсъ Настасья Филипповна что-то слишкомъ нравится, а?

— Да... нравится.

— Влюблены?

— Н-нѣтъ.

— А вѣсъ покраснѣлъ и страдаетъ. Ну, да ничего, ничего, не буду смѣяться; до свиданья. А, знаете, вѣдь она женщина добродѣтельная,—можете вы этому вѣрить? Вы

думаете, она живеть съ тѣмъ, съ Тоцкимъ? Ни-ни! И давно ужѣ. А замѣтили вы, что она сама ужасно неловка и давеча въ иныхъ секунды конфузилась! Право. Вотъ эта-кія-то и любятъ властвовать. Ну, прощайте!

Ганечка вышелъ гораздо развязнѣе, чѣмъ вошелъ, и въ хорошемъ расположеніи духа. Князь миупутъ съ десять оставался неподвиженъ и думалъ.

Коля опять просунулъ въ дверь голову.

— Я не хочу обѣдать, Коля; я давеча у Еланчиныхъ хорошо позавтракалъ.

Коля прошелъ въ дверь совсѣмъ и подалъ князю записку. Она была отъ генерала, сложена и запечатана. По лицу Коли видно было, какъ было ему тяжело передавать. Князь прочелъ, всталъ и взялъ шляпу.

— Это два шага, законфузился Коля. — Онъ теперь тамъ сидитъ за бутылкой. И чѣмъ онъ тамъ себѣ крeditъ пріобрѣлъ — понять не могу? Князь, голубчикъ, пожалуйста, не говорите потомъ про меня здѣсь нашимъ, что я вамъ записку передалъ! Тысячу разъ клялся этихъ записокъ не передавать, да жалко; да вотъ что, пожалуйста съ нимъ не церемоньтесь; дайте какую-нибудь мелочь, и дѣло съ концомъ.

— У меня, Коля, у самого мысль была; мнѣ вашаго папашу видѣть надо... по одному случаю... Пойдемте же...

XII.

Коля провелъ князя недалеко, до Литейной, въ одну кафе-бильярдную, въ нижнемъ этажѣ, входъ съ улицы. Тутъ направо, въ углу, въ отдѣльной комнаткѣ, какъ старинный обычный посѣтитель, расположился Ардаліонъ Александровичъ, съ бутылкой предъ собою на столикѣ и въ самомъ дѣлѣ съ *Indépendance Belge* въ рукахъ. Онъ ожидалъ князя; едва завидѣлъ, тотчасъ же отложилъ газету и началъ было горячее и многословное объясненіе, въ которомъ, впрочемъ, князь почти ничего не понялъ потому что генералъ былъ ужѣ почти что готовъ.

— Десяти рублей у меня нѣть, перебилъ князь, — а вотъ двадцать пять, размѣняйте и сдайте мнѣ пятнадцать, потому что остаюсь самъ безъ гроша.

— О, безъ сомнѣнія; и будьте увѣрены, что это толь-же часъ...

— Я, кромѣ того, къ вамъ съ одною просьбой, гене-раль. Вы никогда не бывали у Настасья Филипповны?

— Я? Я не бывалъ? Вы это мнѣ говорите? Нѣсколько разъ, милый мой, нѣсколько разъ! вскричалъ генералъ въ припадкѣ самодовольной и торжествующей ироніи.— Но я, наконецъ, прекратилъ самъ, потому что не хочу поощрять неприличный союзъ. Вы видѣли сами, вы были свидѣтелемъ въ это утро: я сдѣлалъ все, чтобъ могъ сдѣлать отецъ, но отецъ кроткій и снисходительный; теперь же на сцену выйдетъ отецъ иного сорта, и тогда—увидимъ, посмотримъ: заслуженный-ли старый воинъ одолѣть интригу, или безстыдная камелія войдетъ въ благороднѣйшее семейство.

— А я васъ именно хотѣлъ попросить, не можете-ли вы, какъ знакомый, ввести меня сегодня вечеромъ къ Настасіѣ Филипповнѣ? Мнѣ это надо непремѣнно сегодня же: у меня дѣло; но я совсѣмъ не знаю какъ войти. Я былъ давеча представленъ, но все-таки не приглашенъ: сегодня тамъ званный вечеръ. Я, впрочемъ, готовъ перескочить черезъ нѣкоторыя приличія, и пусть даже смѣются надо мной, только бы войти какъ-нибудь.

— И вы совершенно, совершенно попали въ мою идею, молодой другъ мой, воскликнулъ генералъ восторженно,— я васъ не за этою мелочью звалъ, продолжалъ онъ, подхватывая, впрочемъ, деньги и отправляя ихъ въ карманъ,— я именно звалъ васъ, чтобы пригласить въ товарищи на походъ къ Настасіѣ Филипповнѣ или, лучше сказать, на походъ на Настасію Филипповну! Генералъ Иволгинъ и князь Мышкинъ! Каково-то это ей покажется! Я же, подъ видомъ любезности въ день рожденія, изреку, наконецъ, свою волю,—косвенно, не прямо, но будетъ все какъ бы и прямо. Тогда Гапя самъ увидитъ, какъ ему быть: отецъ-ли, заслуженный и... такъ сказать... и прочее, или... Но, что будетъ, то будетъ! Ваша идея въ высшей степени плодотворна. Въ девять часовъ мы отправимся, у насъ есть еще время.

— Гдѣ она живетъ?

— Отсюда далеко: у Большого театра, домъ Мытовской, почти тутъ же на площади, въ бельэтажѣ... У нея большого собранія не будетъ, даромъ что именинница, и разойдутся рано...

Былъ уже давно вечеръ; князь все еще сидѣлъ, слушалъ и ждалъ генерала, начинавшаго безчисленное множество анекдотовъ и ни одного изъ нихъ не доканчивавшаго. По приходѣ князя онъ спросилъ новую бутылку, и

только чрезъ часъ ее докончилъ, затѣмъ спросилъ другую, докончилъ и ту. Надо полагать, что генералъ успѣлъ разсказать при томъ чутъ не всю свою исторію. Наконецъ, князь всталъ и сказалъ, что ждать больше не можетъ. Генералъ дошилъ изъ бутылки послѣднія подонки, всталъ и пошелъ изъ комнаты, ступая очень нетвердо. Князь былъ въ отчаяніи. Онъ понять не могъ, какъ могъ онъ такъ глупо довѣриться. Въ сущности, онъ и не довѣрялся никогда; онъ разсчитывалъ на генерала, чтобы только какъ-нибудь войти къ Настасіѣ Филипповнѣ, хотя бы даже съ пѣкоторымъ скандаломъ, но не разсчитывалъ же на чрезвычайный скандалъ: генералъ оказался рѣшительно пьянь, въ сильнѣйшемъ краснорѣчи, и говорилъ безъ умолку, съ чувствомъ, со слезой въ душѣ. Дѣло шло безпрерывно о томъ, что чрезъ дурное поведеніе всѣхъ членовъ его семейства все рушилось, и что этому пора, наконецъ, положить предѣлъ. Они вышли, наконецъ, на Литейную. Все еще продолжалась оттепель; унылый, теплый, гнилой вѣтеръ свисталъ по улицамъ, экипажи шлепали въ грязи, рысаки и клячи звонко доставали мостовую подковами. Пѣшеходы уныло и мокрою толпой скитались по тротуарамъ. Попадались пьяные.

— Видите-ли вы эти освѣщеніе бельэтажи, говорилъ генералъ, — здѣсь все живутъ мои товарищи, а я, я изъ нихъ наиболѣе отслужившій и наиболѣе пострадавшій, я бреду пѣшкомъ къ Большому театру, въ квартиру подозрительной женщины! Человѣкъ, у котораго въ груди три надцать пуль... вы не вѣрите? А между тѣмъ единственно для меня Пироговъ въ Парижъ телеграфировалъ и осажденный Севастополь на время бросилъ, а Нелатонъ, парижскій гофъ-медикъ, свободный пропускъ во имя науки выхлопоталъ и въ осажденный Севастополь являлся меня осматривать. Объ этомъ самому высшему начальству известно: „А, это тотъ Иволгинъ, у котораго тринацдцать пуль!..“ Вотъ какъ говорятъ-съ! Видите-ли вы, князь, этотъ домъ? Здѣсь въ бельэтажѣ живетъ старый товарищъ, генералъ Соколовичъ, съ благороднѣйшимъ и многочисленнѣйшимъ семействомъ. Вотъ этотъ домъ, да еще три дома на Незскомъ и два въ Морской — вотъ весь теперешній кругъ моего знакомства, то-есть собственно моего личнаго знакомства. Нина Александровна давно уже покорилась обстоятельствамъ. Я же еще продолжаю вспоминать... и, такъ сказать, отдыкатъ въ образованіемъ кругу

общества прежнихъ товарищей и подчиненныхъ моихъ, которые до сихъ поръ меня обожаютъ. Этотъ генералъ Соколовичъ (а давненько, впрочемъ, я у него не бывалъ и не видаль Анну Федоровну)... знаете, милый князь, когда самъ не принимаешь, такъ какъ-то невольно прекращаешь и къ другимъ. А между тѣмъ... гм!.. вы, кажется, не вѣрите... Впрочемъ, почему же не ввести мнѣ сына моего лучшаго друга и товарища дѣтства въ этотъ очаровательный семейный домъ? Генералъ Иволгинъ и князь Мышкинъ! Вы увидите изумительную дѣвушку, да не одну, двухъ, даже трехъ, украшеніе столицы и общества: красота, образованность, направленіе... женскій вопросъ, стихи, все это совокупилось въ счастливую разнообразную смѣсь, не считая по крайней мѣрѣ восьмидесяти тысячъ рублей приданаго, чистыхъ денегъ, за каждою, что никогда не мѣшаетъ, ни при какихъ женскихъ и соціальныхъ вопросахъ... однимъ словомъ, я непремѣнно, непремѣнно долженъ и обязанъ ввести васъ. Генералъ Иволгинъ и князь Мышкинъ! Однимъ словомъ... эффектъ!

— Сейчасъ? Теперь? Но вы забыли, началь было князь.

— Ничего, ничего я не забылъ, идемъ! Сюда, па эту великолѣпную лѣстницу. Удивляюсь, какъ нѣть швейцара, но... праздникъ, и швейцарь отлучился. Еще не прогнали этого пьяницу. Этотъ Соколовичъ всѣмъ счастьемъ своей жизни и службы обязанъ мнѣ, одному мнѣ, и никому иначе, но... вотъ мы и здѣсь.

Князь уже не возражалъ противъ визита и слѣдовалъ послушно за генераломъ, чтобы не раздражить его, въ твердой надеждѣ, что генералъ Соколовичъ и все семейство его, мало-по-малу, испарятся какъ миражъ и окажутся несуществующими, такъ что они прескокойно спустятся обратно съ лѣстницы. Но, къ своему ужасу, онъ сталъ терять эту надежду: генералъ взводилъ его по лѣстницѣ, какъ человѣкъ дѣйствительно имѣющій здѣсь знакомыхъ, и поминутно вставлялъ біографическія и топографическія подробности, исполненные математической точности. Наконецъ, когда, уже взойдя въ бельэтажъ, остановились направо противъ двери одной богатой квартиры и генералъ взялся за ручку колокольчика, князь рѣшился окончательно убѣжать; но одно странное обстоятельство остановило его на минуту.

— Вы ошиблись, генералъ, сказалъ онъ,—на дверяхъ написано Кулаковъ, а вы звоните къ Соколовичу.

— Кулаковъ... Кулаковъ ничего не доказываетъ. Квартира Соколовича, и я звоню къ Соколовичу; наплевать на Кулакова... Да вотъ и отворяютъ.

Дверь действительно отворилась. Выглянула лакей и въсторгъ, что „господь дома нѣтъ-сь“.

— Какъ жаль, какъ жаль, и какъ нарочно, съ глубочайшимъ сожалѣніемъ повторилъ нѣсколько разъ Арданонъ Александровичъ.—Доложите же, мой милый, что генералъ Иволгинъ и князь Мыскинъ желали засвидѣтельствовать собственное свое уваженіе и чрезвычайно, чрезвычайно сожалѣли...

Въ эту минуту, въ отворенные двери выглянуло изъ комнаты еще одно лицо, повидимому, домашней экономки, можетъ-быть, даже гувернантки, дамы лѣтъ сорока, одѣтой въ темное платье. Она приблизилась съ любопытствомъ и недовѣрчивостью, услышавъ имена генерала Иволгина и князя Мышина.

— Мары Александровны нѣтъ дома, проговорила она, особенно вглядываясь въ генерала,—уѣхали съ барышней, съ Александрой Михайловной, къ бабушкѣ.

— И Александра Михайловна съ ними, о, Боже, какое несчастіе! И вообразите, сударыня, всегда-то мнѣ такое несчастіе! Покорнѣйше прошу васъ передать мой поклонъ, а Александрѣ Михайловнѣ, чтобы припомнили... однимъ словомъ, передайте имъ мое сердечное пожеланіе того, чего онѣ сами себѣ желали въ четвергъ, вечеромъ, при звукахъ баллады Шопена; онѣ помнятъ... Мое сердечное пожеланіе! Генералъ Иволгинъ и князь Мыскинъ!

— Не забуду-сь, откланивалась дама, ставшая довѣрчивѣе.

Сходя внизъ по лѣстницѣ, генералъ, еще съ неостывшимъ жаромъ, продолжалъ сожалѣть, что они не застали, и что князь лишился такого очаровательного знакомства.

— Знаете, мой милый, я нѣсколько поѣхъ, замѣтили вы это? А впрочемъ... впрочемъ, кажется, мы не совсѣмъ туда заходили, заключилъ онъ вдругъ совершенно неожиданно.—Соколовичи, я теперь вспомнилъ, въ другомъ домѣ живутъ и даже, кажется, теперь въ Москвѣ. Да, я нѣсколько ошибся, но это... ничего.

— Я только обѣ одномъ хотѣлъ бы знать, уныло замѣтилъ князь,—совершенно-ли долженъ я перестать на васъ разсчитывать и ужъ не отправиться-ли мнѣ одному?

— Перестать? Разсчитывать? Одному? Но съ какой же

стati, когда для меня это составляетъ капитальныиѣшее предпріятіе, отъ котораго такъ много зависитъ въ судьбѣ всего моего семейства? Но, молодой другъ мой, вы плохо знаете Иволгина. Кто говоритъ „Иволгинъ“, тотъ говорить „стѣна“: надѣйся на Иволгина какъ на стѣну, вотъ какъ говорили еще въ эскадронѣ, съ котораго началъ я службу. Мнѣ вотъ только по дорогѣ на минутку зайти въ одинъ домъ, гдѣ отдыхаетъ душа моя, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, послѣ тревогъ и испытаній...

— Вы хотите зайти домой?

— Нѣтъ! Я хочу... къ капитанши Терентьевой, вдовѣ капитана Терентьева, бывшаго моего подчиненнаго... и даже друга... Здѣсь, у капитанши, я возрождаюсь духомъ, и сюда несу мои житейскія и семейныя горести... И такъ какъ сегодня я именно съ большимъ нравственнымъ грузомъ, то я...

— Мнѣ кажется, я и безъ того сдѣлалъ ужасную глупость, пробрормоталъ князь,—что давеча васъ потревожилъ. Къ тому же вы теперь... Прощайте!

— Но я не могу, не могу же отпустить васъ отъ себя, молодой другъ мой! вскинулся генералъ.—Вдова, мать семейства, и извлекаетъ изъ своего сердца тѣ струны, которые отзываются во всемъ моемъ существѣ. Визитъ къ ней,—это пять минутъ, въ этомъ домѣ я безъ церемоніи, я тутъ почти что живу, умоюсь, сдѣлаю самый необходимый туалетъ, и тогда на извозчикѣ мы пустимся къ Большому театру. Будьте увѣрены, что я нуждаюсь въ васъ на весь вечеръ... Вотъ въ этомъ домѣ, мы уже и пришли... А, Коля, ты уже здѣсь? Что, Мареа Борисовна дома, или ты самъ только что пришелъ?

— О, нѣтъ, отвѣчать Коля, какъ разъ столкнувшись вмѣстѣ съ ними въ воротахъ дома,—я здѣсь давнымъ-давно, съ Ипполитомъ, ему хуже, сегодня утромъ лежалъ. Я теперь за картами въ лавочку спускался. Мареа Борисовна васъ ждетъ. Только, пачаша, ухъ какъ вы!.. заключилъ Коля, пристально вглядываясь въ походку и въ стойку генерала.—Ну, ужъ, пойдемте!

Встрѣча съ Колей побудила князя сопровождать генерала и къ Мареѣ Борисовнѣ, но только на одну минуту. Князю нуженъ былъ Коля; генерала же онъ во всякомъ случаѣ рѣшилъ бросить и простить себѣ не могъ, что вздумалъ давечка на него понадѣяться. Взирались долго, въ четвертый этажъ, и по черной лѣстницѣ.

— Князя познакомить хотите? спросилъ Коля дорогой.

— Да, другъ мой, познакомить: генералъ Иволгинъ и князь Мышкинъ, но что... какъ... Мареа Борисовна...

— Знаете, напаша, лучше бы вамъ не ходить! Съѣсть! Третій день носа не кажете, а она денегъ ждетъ. Вы за-чѣмъ ей денегъ-то обѣщали? Вѣчно-то вы такъ! Теперь и раздѣлывайтесь.

Въ четвертомъ этажѣ остановились передъ низенькою дверью. Генералъ видимо робѣлъ и соваль впередъ князя.

— А я останусь здѣсь, бормоталъ онъ,—я хочу сдѣлать сюрпризъ...

Коля вошелъ первый. Какая-то дама, сильно набѣленная и нарумяненная, въ туфляхъ, въ коцавейкѣ и съ волосами, заплетенными въ косички, лѣтъ сорока, выглянула изъ двери, и сюрпризъ генерала неожиданно лопнулъ. Только что дама увидала его, какъ немедленно закричала:

— Вотъ онъ низкій и ехидный человѣкъ, такъ и ждало мое сердце!

— Войдемте, это такъ, бормоталъ генералъ князю, все еще невинно отсмѣваясь.

Но это не было такъ. Едва только вошли они, черезъ темную и низенькую переднюю, въ узенькую залу, обставленную полдюжиною иллестенныхъ стульевъ и двумя ломберными столиками, какъ хозяйка немедленно стала продолжать какимъ-то заученно-плачевнымъ и обычнымъ голосомъ:

— И не стыдно, не стыдно тебѣ, варваръ и тиранъ моего семейства, варваръ и изувѣръ! Ограбилъ меня всю, соки высосаль и тѣмъ еще не доволенъ. Доколѣ переносить я тебя буду, безстыдный и безчестный ты человѣкъ!

— Мареа Борисовна, Мареа Борисовна! Это... князь Мышкинъ. Генералъ Иволгинъ и князь Мышкинъ, бормоталъ трепетавший и потерявшійся генераль.

— Вѣрите-ли вы, вдругъ обратилась капитанша къ князю,—вѣрите-ли вы, что этотъ безстыдный человѣкъ не пощадилъ моихъ сиротскихъ дѣтей! Все ограбилъ, все перетаскалъ, все продалъ и заложилъ, ничего не оставилъ. Чѣмъ я съ твоими заемными письмами дѣлать буду, хитрый и безсовѣстный ты человѣкъ? Отвѣчай, хитрецъ, отвѣчай мнѣ, ненасытное сердце: чѣмъ, чѣмъ я накормлю моихъ сиротскихъ дѣтей? Вотъ появляется пьяный и на ногахъ

Не стоитъ... Чѣмъ прогнѣвала я Господа Бога, гнусный и безобразный хитрецъ, отвѣчай?

Но генералу было не до того.

— Мареа Борисовна, двадцать пять рублей... все чѣмъ могу помощію благороднѣйшаго друга. Князь! Я жестоко ошибся! Такова... жизнь... А теперь... извините, я слабъ, продолжалъ генералъ, стоя посреди комнаты и раскланивалась во всѣ стороны.—Я слабъ, извините! Леночка! подушку... милая!

Леночка, восьмилѣтняя дѣвочка, немедленно сѣгла за подушкой и принесла ее на клеенчатый, жесткій и ободраный диванъ. Генералъ сѣлъ на него, съ намѣреніемъ еще много сказатъ, по только что дотронулъся до дивана, какъ тотчасъ же склонился на бокъ, повернулся къ стѣнѣ и заснулъ сномъ праведника. Мареа Борисовна церемонно и горестно показала князю стуль у ломбернаго стола, сама сѣла напротивъ, подперла рукой правую щеку и начала молча вздыхать, смотря на князя. Троє маленькихъ дѣтей, двѣ дѣвочки и мальчикъ, изъ которыхъ Леночка была старшая, подошли къ столу, всѣ троє положили на столъ руки, и всѣ троє тоже пристально стали разматривать князя. Изъ другой комнаты показался Коля.

— Я очень радъ, что васъ здѣсь встрѣтилъ, Коля, обратился къ нему князь,—не можете-ли вы мнѣ помочь? Мнѣ непремѣнно нужно быть у Настасіи Филипповны. Я прошу давечка Ардаліона Александровича, но онъ вотъ занулся. Проводите меня, потому я не знаю ни улицъ, ни дороги. Адресъ, впрочемъ, имѣю: у Большого театра, домъ Мытовцовъ.

— Настасія-то Филипповна? Да она никогда и не живала у Большого театра, а отецъ никогда и не бывалъ у Настасіи Филипповны, если хотите знать; странно, что вы отъ него чего-нибудь ожидали. Она живетъ близъ Владімірской, у Цяти Угловъ, это гораздо ближе отсюда. Вамъ сейчасъ? Теперь половина десятаго. Извольте, я васъ доведу.

Князь и Коля тотчасъ же вышли. Увы! князю не на чѣмъ было взять и извозчика, надо было идти пѣшкомъ.

— Я было хотѣлъ васъ познакомить съ Ипполитомъ, сказалъ Коля,—онъ старшій сынъ этой коцавеенской капитанши и былъ въ другой комнатѣ; нездоровъ и пѣлый день сегодня лежалъ. Но онъ такой странный; онъ ужасно обидчивый, и мнѣ показалось, что ему будетъ вѣсъ со-

вѣстно, какъ какъ вы пришли въ такую минуту... мнѣ все-таки не такъ совѣстно, какъ ему, потому что у меня отецъ, а у него мать, тутъ все-таки разница, потому что мужскому полу въ такомъ случаѣ нѣть безчестія. А, впрочемъ, это, можетъ-быть, предразсудокъ насчетъ предомнированія въ этомъ случаѣ половъ. Исполить великолѣпный малый, но онъ рабъ иныхъ предразсудковъ.

— Вы говорите, у него чахотка?

— Да, кажется, лучше бы скорѣе умеръ. Я бы на его мѣстѣ непремѣнно желалъ умереть. Ему братьевъ и сестеръ жалко, вотъ этихъ маленькихъ-то. Если бы возможно было, если бы только деньги, мы бы съ нимъ наяли отдельную квартиру и отказались бы отъ нашихъ семействъ. Это наша мечта. А знаете что, когда я давеча рассказалъ ему про вашъ случай, такъ онъ даже разозлился, говорить, что тотъ, кто пропустить пощечину и не вызоветъ на дуэль, тотъ подлецъ. Вирочемъ, онъ ужасно раздраженъ, я съ нимъ и спорить уже пересталь. Такъ вотъ какъ, вѣсъ, стало-быть, Настасья Филипповна тотчасъ же и пригласила къ себѣ?

— То то и есть что нѣть.

— Какъ же вы идете? воскликнулъ Коля, и даже остановился среди тротуара.—И... и въ такомъ платьѣ, а тамъ званный вечеръ?

— Ужъ ей-Богу не знаю, какъ я войду. Примутъ — хорошо, нѣть — значить дѣло манкировано. А насчетъ платья что-жъ тутъ дѣлать?

— А у васъ дѣло? Или вы такъ только pour passer le temps въ „благородномъ обществѣ“?

— Нѣть, я собственно... то-есть, я по дѣлу... мнѣ трудно это выразить, но...

— Ну, по какому именно, это пусть будетъ какъ вамъ угодно, а мнѣ главное то, что вы тамъ не просто напрашиваетесь на вечеръ, въ очаровательное общество камелій, генераловъ и ростовщиковъ. Если бы такъ было, извините, князь, я бы надѣялся на васъ и сталъ бы васъ презирать. Здѣсь ужасно мало честныхъ людей, такъ, даже некого совсѣмъ уважать. Поневолѣ свысока смотришь, а они всѣ требуютъуваженія; Варя первая. И замѣтили вы, князь, въ нашъ вѣкъ всѣ авантюристы! И именно у насъ въ Россіи, въ нашемъ любезномъ отечествѣ. И какъ это такъ все устроилось—не понимаю. Кажется, ужъ какъ крѣпко стояло, а что теперь? Это всѣ говорятъ и вездѣ пишутъ.

Обличають. У насъ всѣ обличають. Родители первые на попятный и сами своей прежней морали стыдятся. Вонъ, въ Москвѣ, родитель уговаривалъ сына ни передъ чѣмъ не отступать для добыванія денегъ; печатно извѣстно. Посмотрите на моего генерала. Ну, что изъ него вышло? А, впрочемъ, знаете что, мнѣ кажется, что мой генераль честный человѣкъ; ей-Богу, такъ! Это только все беспорядокъ да вино. Ей-Богу, такъ! Даже жалко; я только боюсь говорить, потому что всѣ смѣются; а ей-Богу жалко. И что въ нихъ, въ умныхъ-то? Всѣ ростовщики, всѣ сплошь до единаго! Ипполитъ ростовщичество оправдываетъ, говоритъ, что такъ и нужно, экономическое потрясеніе, какіе-то приливы и отливы, чортъ ихъ дери. Мнѣ ужасно это досадно отъ него, но онъ озлобленъ. Вообразите, его мать, капитанша-то, деньги отъ генерала получаетъ, да ему же на скорые проценты и выдаетъ; ужасно стыдно! А знаете, что мамаша, моя то - есть мамаша, Нина Александровна, генеральша, Ипполиту деньгами, платьемъ, бѣльемъ и всѣмъ помогаетъ, и даже дѣтямъ отчасти, чрезъ Ипполита, потому что они у пей заброшены. И Варя тоже.

— Вотъ видите, вы говорите, людей нѣть честныхъ и сильныхъ, и что всѣ только ростовщики; вотъ и явились сильные люди, ваша мать и Варя. Развѣ помогать здѣсь и при такихъ обстоятельствахъ не признакъ нравственной силы?

— Варька изъ самолюбія дѣлаетъ, изъ хвастовства, чтобы отъ матери не отстать; ну, а мамаша дѣйствительно... я уважаю. Да, я это уважаю и оправдываю. Даже Ипполитъ чувствуетъ, а онъ почти совсѣмъ ожесточился. Сначало было смѣялся и называлъ это со стороны мамаши низостью; но теперь начинаетъ иногда чувствовать. Гм! Такъ вы это называете силой? Я это замѣчу. Ганя не знаетъ, а то бы назвалъ потворствомъ.

— А Ганя не знаетъ? Ганя многаго еще, кажется, не знаетъ, вырвалось у задумавшагося князя.

— А знаете, князь, вы мнѣ очень нравитесь. Давешній вашъ случай у меня изъ ума пейдетъ.

— Да и вы мнѣ очень нравитесь, Коля.

— Послушайте, какъ вы намѣрены жить здѣсь? Я скоро достану себѣ занятій и буду кое-что добывать, давайте жить, я, вы и Ипполитъ, всѣ трое вмѣстѣ, наймемте квартиру; а генерала будемъ принимать къ себѣ.

— Я съ величайшимъ удовольствиемъ. Но мы, впрочемъ, увидимъ. Я теперь очень... очень разстроенъ. Что? Ужъ пришли? Въ этомъ домѣ... какой великолѣпный подъѣзды! И швейцарь. Ну, Коля, не знаю, что изъ этого выйдетъ.

Князь стоялъ какъ потерянный.

— Завтра расскажете! Не робѣйте очень-то. Дай вамъ Богъ успѣха, потому что я самъ вашихъ убѣждений во всемъ! Прощайте. Я обратно туда же и расскажу Ппполиту. А что васъ примутъ, въ этомъ и сомнѣнія нѣтъ, не опасайтесь! Она ужасно оригинальная. По этой лѣстницѣ въ первомъ этажѣ, швейцарь укажетъ.

XIII.

Князь очень беспокоился всходя и старался всѣми силами ободрить себя. „Самое большее, думалъ онъ,—будетъ то, что не примутъ, и чтобъ-нибудь нехорошее обо мнѣ подумають, или, пожалуй и примутъ, да станутъ смѣяться въ глаза... Э, ничего!“ И дѣйствительно, это еще не очень пугало, но вопросъ: „что же онъ тамъ сдѣлаетъ и зачѣмъ идеть?“—на этотъ вопросъ онъ рѣшительно не находилъ успокоительного отвѣта. Если бы даже и можно было какимъ-нибудь образомъ, уловивъ случай, сказать Настасью Филипповнѣ: „Не выходите за этого человѣка и не губите себя, онъ васъ не любить, а любить ваши деньги, онъ мнѣ самъ это говорилъ, и мнѣ говорила Аглай Епанчина, а я пришелъ вамъ пересказать“, то брядѣли это вышло бы нравильно во всѣхъ отношеніяхъ. Представлялся и еще одинъ неразрѣшенный вопросъ, и до того капитальный, что князь даже думать о немъ боялся, даже допустить его не могъ и не смѣлъ, формулировать какъ не знать, краснѣлъ и трепеталъ при одной мысли о немъ. Но кончилось тѣмъ, что, несмотря на всѣ эти тревоги и сомнѣнія, онъ все-таки вошелъ и спросилъ Настасью Филипповну.

Настасья Филипповна занимала не очень большую, но дѣйствительно великолѣпную квартиру. Въ эти пять лѣтъ ея петербургской жизни было одно время, въ началѣ, когда Аѳанасій Ивановичъ особенно не жалѣлъ для нея денегъ; онъ еще разсчитывалъ тогда на ея любовь и думалъ соблазнить ее, главное, комфортомъ и роскошью, зналъ какъ легко прививаются привычки роскоши и какъ трудно потомъ отставать отъ нихъ, когда роскошь мало-по-малу обращается въ необходимость. Въ

этомъ случаѣ, Тоцкій пребывалъ въренъ старымъ добрымъ преданіямъ, не измѣняя въ нихъ ничего, безгра-нично уважая всю непобѣдимую силу чувственныхъ вліяній. Настасья Филипповна отъ роскоши не отказывалась, даже любила ее, но, — и это казалось чрезвычайно страннымъ, — никакъ не поддавалась ей, точно всегда могла и безъ нея обойтись; даже старалась нѣсколько разъ заявить о томъ, что непріятно поражало Тоцкаго. Впрочемъ, многое было въ Настасье Филипповнѣ, что непріятно (а впослѣдствіи даже до презрѣнія) поражало Аѳанасія Ивановича. Не говоря уже о неизящности того сорта людей, которыхъ она иногда приближала къ себѣ, а, стало-быть, и наклонна была приближать, прогляды-вали въ ней и еще иѣкоторыя совершенно странныя наклон-ности: заявлялась какая-то варварская смѣсь двухъ вкусовъ, способность обходиться и удовлетворяться такими вещами и средствами, которыхъ и существованіе нельзѧ бы, каж-жется, было допустить человѣку порядочному и тонко раз-витому. Въ самомъ дѣлѣ, если бы, говори къ примѣру, Настасья Филипповна выказала вдругъ какое-нибудь ми-лое и изящное незнаніе, въ родѣ, напримѣръ, того, что крестьяне не могутъ носить батистового бѣлья, какое она носить, то Аѳанасій Ивановичъ, кажется, былъ бы этимъ чрезвычайно доволенъ. Къ этимъ результатамъ клон-илось первоначально и все воспитаніе Настасии Филип-повны, по программѣ Тоцкаго, который въ этомъ родѣ былъ очень понимающій человѣкъ; но, увы! результаты оказались странные. Несмотря однakoжъ на то, все-таки было и оставалось что-то въ Настасье Филипповнѣ, что иногда поражало даже самого Аѳанасія Ивановича необык-новенною и увлекательною оригинальностью, какою-то си-лой, и прельщало его иной разъ даже и теперь, когда уже рухнули всѣ прежніе расчеты его на Настасью Фи-липповну.

Князя встрѣтила дѣвушка (прислуга у Настасии Фи-липповны постоянно была женская) и, къ удивленію его, выслушала его просьбу доложить о немъ безо всякаго недоумѣнія. Ни грязные сапоги его, ни широкополая шляпа, ни плащъ безъ рукавовъ, ни сконфуженный видъ не произвели въ ней ни малѣйшаго колебанія. Она сняла съ него плащъ, пригласила подождать въ приемной и тот-часъ же отправилась о немъ докладывать.

Общество, собравшееся у Настасии Филипповны, со-

стояло изъ самыхъ обыкновенныхъ и всегдашихъ ея знакомыхъ. Было даже довольно малолюдно сравнительно съ прежними годичными собраніями въ такие же дни. Присутствовали, во-первыхъ и въ главныхъ, Аѳанасій Ивановичъ Тоцкій и Иванъ Федоровичъ Епанчинъ; оба были любезны, но оба были въ пѣкоторомъ затаенномъ беспокойствѣ по поводу худо скрываемаго ожиданія объщенаго объявленія насчетъ Гани. Кромѣ нихъ, разумѣется, былъ и Ганя,—тоже очень мрачный, очень задумчивый и даже почти совсѣмъ „нелюбезный“, большою частію стоявшій въ сторонѣ, поодаль, и молчавшій. Варю онъ привезти не рѣшился, но Настасія Филипповна и не упоминала о ней; зато, только-что поздоровалась съ Ганей, пропомнила о давешней его сценѣ съ княземъ. Генераль, еще не слышавшій о ней, сталъ интересоваться. Тогда Ганя сухо, сдержанно, но совершенно откровенно рассказалъ все, что давеча произошло, и какъ онъ уже ходилъ къ князю просить извиненія. При этомъ онъ горячо выказалъ свое мнѣніе, что князя весьма странно и Богъ знаетъ съ чего назвали „идиотомъ“, что онъ думаетъ о немъ совершенно напротивъ, и что, ужъ конечно, этотъ человѣкъ себѣ на умѣ. Настасія Филипповна выслушала этотъ отзывъ съ большимъ вниманіемъ и любопытно слѣдила за Ганей, но разговоръ тотчасъ же перешелъ на Рогожина, такъ капитально участковавшаго въ утренней исторіи, и которымъ тоже съ чрезвычайнымъ любопытствомъ стали интересоваться Аѳанасій Ивановичъ и Иванъ Федоровичъ. Оказалось, что особенные свѣдѣнія о Рогожинѣ могъ сообщить Птицынъ, который бился съ нимъ по его дѣламъ чуть не до девяти часовъ вечера. Рогожинъ настаивалъ изо всѣхъ силъ, чтобы достать сегодня же сто тысячъ рублей. „Онъ, правда, былъ пьянъ, замѣтилъ при этомъ Птицынъ,— но сто тысячъ, какъ это ни трудно, ему, кажется, достанутъ, только не знаю, сегодня-ли, и всѣ-ли; а работаютъ многіе, Киндеръ, Трапаловъ, Бискупъ; проценты даетъ какіе угодно, конечно, все съ пьяну и съ первой радости“... заключилъ Птицынъ. Всѣ эти извѣстія были приняты съ интересомъ, отчасти мрачныемъ; Настасія Филипповна молчала, видимо не желая высказываться; Ганя тоже. Генераль Епанчинъ беспокоился про себя чуть не пуще всѣхъ; жемчугъ, представленный имъ еще утромъ, былъ принялъ съ любезностью слишкомъ холодною, и даже съ какою-то особеною усмѣши-

кой. Одинъ Фердыщенко состоялъ изъ всѣхъ гостей въ развеселомъ и праздничномъ расположениіи духа и громко хохоталъ иногда неизвѣстно чому, да и то потому только, что самъ навязалъ на себя роль шута. Самъ Аѳанасій Ивановичъ, слившій за тонкаго и изящнаго рассказчика, а въ прежнее время на этихъ вечерахъ обыкновенно управлявшій разговоромъ, былъ видимо не въ духѣ и даже въ какомъ-то несвойственномъ ему замѣшательствѣ. Остальные гости, которыхъ было, впрочемъ, не много (одинъ жалкій старичокъ-учитель, Богъ знаетъ для чего приглашенный, какой-то неизвѣстный и очень молодой человѣкъ, ужасно робѣвшій и все время молчавшій, одна бойкая дама лѣтъ сорока, изъ актрисъ, и одна чрезвычайно красива, чрезвычайно хорошо и богато одѣтая и необыкновенно неразговорчивая молодая дама), не только не могли особенно оживить разговоръ, но даже и просто иногда не знали о чёмъ говорить.

Такимъ образомъ, появление князя произошло даже кстати. Возвѣщеніе о немъ произвело недоумѣніе и нѣсколько странныхъ улыбокъ, особенно, когда по удивленному виду Настасіи Филипповны узнали, что она вовсе и не думала приглашать его. Но послѣ удивленія Настасія Филипповна выказала вдругъ столько удовольствія, что большинство тотчасъ же приготовилось встрѣтить нечаяннаго гостя и смѣхомъ, и весельемъ.

— Это, положимъ, произошло по его невинности, заключилъ Иванъ Федоровичъ Епанчинъ, — и во всякомъ случаѣ поощрять такія наклонности довольно опасно, но, въ настоящую минуту, право не дурно, что онъ вздумалъ пожаловать, хотя бы и такимъ оригинальнымъ манеромъ: онъ, можетъ-быть, и новеселитъ насъ, сколько я о немъ, по крайней мѣрѣ, могу судить.

— Тѣмъ болѣе, что самъ напросился! тотчасъ включилъ Фердыщенко.

— Такъ что-жъ изъ того? сухо спросилъ генераль, не навидѣвшій Фердыщенка.

— А то, что заплатить за входъ, пояснилъ тотъ.

— Ну, князь Мышкинъ не Фердыщенко, все-таки-сь, не утерпѣлъ генераль, до сихъ поръ не могшій помириться съ мыслию находиться съ Фердыщенкомъ въ одномъ обществѣ и на равной ногѣ.

— Эй, генераль, щадите Фердыщенка, отвѣтилъ тотъ, ухмыляясь.—Я вѣдь на особыхъ правахъ.

— На какихъ это вы на особыхъ правахъ?

— Прошлый разъ я имѣлъ честь подробно разъяснить это обществу; для вашего превосходительства повторю еще разъ. Извольте видѣть, ваше превосходительство: у всѣхъ остроуміе, а у меня нѣтъ остроумія. Въ вознагражденіе я и выпросилъ позволеніе говорить правду, такъ какъ всѣмъ известно, что правду говорять только тѣ, у кого нѣтъ остроумія. Къ тому же я человѣкъ очень мстительный, и тоже потому, что безъ остроумія. Я обиду всякую покорно сношу, но до первой неудачи обидчика; при первой же неудачѣ, тотчасъ припоминаю и тотчасъ же чѣмъ-нибудь отомщаю, лягаю, какъ выразился обо мнѣ Иванъ Петровичъ Птицынъ, который, ужъ конечно, самъ никогда никого не лягаетъ. Знаете Крылова басню, ваше превосходительство: „Левъ да Осель“? Ну, вотъ это мы оба съ вами и есть, про насть и написано.

— Вы, кажется, опять заврались, Фердыщенко, вскипѣлъ генералъ.

— Да вы чего, ваше превосходительство? подхватилъ Фердыщенко, такъ и разсчитывавшій, что можно будетъ подхватить и еще побольше размазать.—Не беспокойтесь, ваше превосходительство, я свое мѣсто знаю: если я и сказалъ, что мы съ вами Левъ да Осель изъ Крылова басни, то роль Осла я, ужъ конечно, беру на себя, а ваше превосходительство — Левъ, какъ и въ баснѣ Крылова сказано:

„Могучій Левъ, гроза лѣсовъ,
Отъ старости лишился силы“.

А я, ваше превосходительство, — Осель.

— Съ послѣднимъ я согласенъ, неосторожно вырвалось у генерала.

Все это было, конечно, грубо и преднамѣренно выдѣлано, но такъ ужъ принято было, что Фердыщенку позволялось играть роль шута.

— Да меня для того только и держать, и пускаютъ сюда, воскликнулъ разъ Фердыщенко, — чтобъ я именно говорилъ въ этомъ духѣ. Ну, возможно-ли въ самомъ дѣлѣ такого какъ я принимать? Вѣдь я понимаю же это. Ну, можно-ли меня, такого Фердыщенка, съ такимъ утонченнымъ джентльменомъ, какъ Афанасій Ивановичъ, рядомъ посадить? Поневолѣ остается одно толкованіе: для того и сажаютъ, что это и вообразить невозможно.

Но хоть и грубо, а все-таки бывало и юдко, а иногда

даже очень, и это-то, кажется, и нравилось Настась Филипповна. Желающимъ непремѣнно бывать у нея оставалось рѣшиться переносить Фердыщенка. Онъ, можетъ-быть, и полную правду угадалъ, предположивъ, что его съ того и начали принимать, что онъ съ первого разу сталъ своимъ присутствиемъ невозможенъ для Толкаго. Ганя, съ своей стороны, вынесъ отъ него цѣлую безконечность мученій, и въ этомъ отношеніи Фердыщенко сумѣлъ очень пригодиться Настась Филипповна.

— А князь у меня съ того и начнетъ, что модный романъ споетъ, заключилъ Фердыщенко, посматривая, что скажетъ Настасья Филипповна.

— Не думаю, Фердыщенко, и пожалуйста, не горячиться, сухо замѣтила она.

— А-а! Если онъ подъ особымъ покровительствомъ, то смягчаюсь и я...

Но Настасья Филипповна встала, не слушая, и пошла сама встрѣтить князя.

— Я сожалѣла, сказала она, появляясь вдругъ передъ княземъ, — что давеча, виновахъ, забыла пригласить васъ къ себѣ, и очень рада, что вы сами доставляете мнѣ теперь случай поблагодарить и похвалить васъ за вашу рѣшимость.

Говоря это, она пристально всматривалась въ князя, силясь хоть сколько-нибудь растолковать себѣ его поступокъ.

Князь, можетъ-быть, и отвѣтилъ бы что-нибудь на ея любезныя слова, но былъ ослѣпленъ и пораженъ до того, что не могъ даже выговорить слова. Настасья Филипповна замѣтила это съ удовольствиемъ. Въ этотъ вечеръ она была въполномъ туалетѣ и производила необыкновенное впечатлѣніе. Она взяла его за руку и повела къ гостямъ. Передъ самыми входомъ въ гостиную князь вдругъ остановился и съ необыкновеннымъ волненiemъ, спѣша, прошепталъ ей:

— Въ васъ все совершенство... даже то, что вы худы и блѣдны... васъ и не желаешь представить иначе... Мнѣ такъ захотѣлось къ вамъ придти... я... простите...

— Не просите прощенія, засмѣялась Настасья Филипповна, — этимъ нарушится вся странность и оригинальность. А правду, стало-быть, про васъ говорятъ, что вы человѣкъ странный. Такъ вы, стало-быть, меня за совершенство почитаете, да?

— Да.

— Вы хоть и мастеръ угадывать, однажды ошиблись. Я вамъ сегодня же объ этомъ напомню...

Она представила князя гостямъ, изъ которыхъ большей половинѣ онъ былъ уже извѣстенъ. Тоцкій тотчасъ же сказалъ какую-то любезность. Всѣ какъ бы нѣсколько оживились, всѣ разомъ заговорили и засмѣялись. Настасья Филипповна усадила князя подлѣ себя.

— Но, однако, что же удивительного въ появлении князя? закричалъ громче всѣхъ Фердыщенко.—Дѣло ясное, дѣло само за себя говоритъ!

— Дѣло слишкомъ ясное и слишкомъ за себя говорить, подхватилъ вдругъ молчавшій Ганя.—Я наблюдалъ князя сегодня почти безостановочно, съ самаго мгновенія, когда онъ давеча въ первый разъ поглядѣлъ на портретъ Настасьи Филипповны на столѣ у Ивана Федоровича. Я очень хорошо помню, что еще давеча о томъ подумалъ, въ чёмъ теперь убѣжденье совершенно, и въ чёмъ, мимоходомъ сказать, князь мнѣ самъ признался.

Всю эту фразу Ганя высказалъ чрезвычайно серьезно, безъ малѣйшей шутливости, даже мрачно, что показалось нѣсколько страннымъ.

— Я не дѣлалъ вамъ признаний, отвѣтилъ князь, но краснѣвъ,—я только отвѣтилъ на вашъ вопросъ.

— Браво, браво! закричалъ Фердыщенко.—По крайней мѣрѣ искренно, и хитро и искренно!

Всѣ громко смѣялись.

— Да не кричите, Фердыщенко, съ отвращеніемъ замѣтилъ ему вполголоса Птицынъ.

— Я, князь, отъ васъ такихъ пруссовъ не ожидалъ, промолвилъ Иванъ Федоровичъ.—Да знаете-ли, кому это будетъ въпору? А я-то васъ считалъ за философа! Ай да тихонькій!

— И судя по тому, что князь краснѣеть отъ невинной шутки, какъ невинная молодая дѣвица, я заключаю, что онъ, какъ благородный юноша, питаетъ въ своемъ сердцѣ самыхъ похвальныхъ намѣреній, вдругъ и совершенно неожиданно проговорилъ или, лучше сказать, прошамкалъ беззубый и совершенно до сихъ поръ молчавшій семидесятилѣтній старичокъ-учитель, отъ котораго никто не могъ ожидать, что онъ хоть заговорить-то въ этотъ вечеръ.

Всѣ еще больше засмѣялись. Старичокъ, вѣроятно, подумавшій, что смѣются его остроумію, принялъ, глядя на

всѣхъ, ешо пуще смѣяться, при чемъ жестоко раскашлялся, такъ что Настасья Филипповна, чрезвычайно любившая почему-то всѣхъ подобныхъ оригиналъ-старичковъ, ста-рушекъ и даже юродивыхъ, принялась тотчасъ же ласкать его, расцѣловала и велѣла подать ему еще чаю. У во-шедшей служанки она спросила себѣ мантилью, въ кото-рую и закуталась, и приказала прибавить еще дровъ въ каминъ. На вопросъ, который часть, служанка отвѣтила, что уже половина одиннадцатаго.

— Господа, не хотите-ли пить шампанское, пригласила вдругъ Настасья Филипповна.—У меня приготовлено. Можеть - быть, вамъ стапеть веселѣе. Пожалуйста, безъ церемоніи.

Предложеніе пить, и особенно въ такихъ наивныхъ вы-раженіяхъ, показалось очень страннымъ отъ Настасии Фи-липповны. Всѣ знали необыкновенную чинность на ея прежнихъ вечерахъ. Вообще вечеръ становился веселѣе, но не по-обычному. Отъ вина, однако, не отказались, во-первыхъ, самъ генералъ, во-вторыхъ, бойкая барыня, ста-ричокъ, Фердыщенко, за ними и всѣ. Тоцкій взялъ тоже свой бокалъ, надѣясь угармонировать наступающій новый тонъ, придавъ ему по возможности характеръ милой шутки. Одинъ только Ганя ничего не пилъ. Въ странныхъ же, иногда очень рѣзкихъ и быстрыхъ выходкахъ Настасья Филипповны, которая тоже взяла вина и объявила, что сегодня вечеромъ выпить три бокала, въ ея истерическомъ и безпредметномъ смѣхѣ, перемежающемся вдругъ съ молчаливою и даже угрюмою задумчивостью, трудно было и понять что-нибудь. Одни подозрѣвали въ ней ли-хорадку; стали, наконецъ, замѣтать, что и она какъ бы ждетъ чего-то сама, часто посматриваетъ на часы, ста-новится нетерпѣливою, разсѣянною.

— У васъ какъ будто маленькая лихорадка? спросила бойкая барыня.

— Даже большая, а не маленькая, я для того и въ мантилью закуталась, отвѣтила Настасья Филипповна, въ самомъ дѣлѣ ставшая блѣднѣе и какъ будто по време-намъ сдерживавшая въ себѣ сильную дрожь.

Всѣ затревожились и зашевелились.

— А не дать-ли намъ хозяйкѣ покой? высказался Тоц-кій, посматривая на Ивана Федоровича.

— Отнюдь нѣтъ, господа! Я именно прошу васъ сидѣть. Ваше присутствіе, особенно сегодня, для меня необходимо,

настойчиво и значительно объявила вдругъ Настасья Филипповна.

И такъ какъ почти уже всѣ гости узнали, что въ этотъ вечеръ назначено быть очень важному рѣшенію, то слова эти показались чрезвычайно вѣскими. Генераль и Тоцкій еще разъ переглянулись. Ганя судорожно шевельнулся.

— Хорошо въ пети-же какое - нибудь играть, сказала бойкая барыня.

— Я знаю одно великолѣпнѣйшее и новое пети - же, подхватилъ Фердыщенко. — По крайней мѣрѣ, такое, что однажды только и происходило на свѣтѣ, да и то не удалось.

— Что такое? спросила бойкая барыня.

— Насъ однажды компания собралась, ну, и подали это, правда, и вдругъ кто-то сдѣлалъ предложеніе, чтобы каждый изъ нась, не вставая изъ - за стола, рассказалъ что-нибудь про себя вслухъ, но такое, что самъ онъ, по искренней совѣсти, считаетъ самымъ дурнымъ изъ всѣхъ своихъ дурныхъ поступковъ въ продолженіе всей своей жизни; но съ тѣмъ, чтобъ искренно, главное, чтобъ было искренно, но и не лгать.

— Странная мысль, сказалъ генераль.

— Да ужъ чего страннѣе, ваше превосходительство, да тѣмъ-то и хорошо.

— Смѣшиная мысль, сказалъ Тоцкій, — а впрочемъ, понятная: хвастовство особаго рода.

— Можетъ, того-то и надо было, Аѳанасій Ивановичъ.

— Да этакъ заплачешь, а не засмѣешься, съ такимъ пети-же, замѣтила бойкая барыня.

— Вещь совершенно невозможная и нелѣпая, отозвался Птицынъ.

— А удалось? спросила Настасья Филипповна.

— То-то и есть что нѣтъ, вышло скверно, всякъ дѣйствительно кое-что рассказалъ, многіе правду, и представьте себѣ, вѣдь даже съ удовольствиемъ иные рассказывали, а потомъ всякому стыдно стало, не выдержали! Въ цѣломъ, впрочемъ, было превесело, въ своемъ, то есть, родѣ.

— А право, это бы хорошо! замѣтила Настасья Филипповна, вдругъ вся оживляясь. — Право бы попробовать, господа! Въ самомъ дѣлѣ, намъ какъ-то не весело. Если бы каждый изъ нась согласился что - нибудь разсказать...

въ этомъ родѣ... разумѣется, по согласію, тутъ полная воля, а? Можетъ, мы выдержимъ? По крайней мѣрѣ, ужасно оригинально.

— Гениальная мысль! подхватилъ Фердыщенко. — Барыни, впрочемъ, исключаются, начинаютъ мужчины; дѣло устраивается по жребію, какъ и тогда! Непремѣнно, не премѣнно! Кто очень не хочетъ, тотъ, разумѣется, не разсказываетъ, но вѣдь надо же быть особенно нелюбезнымъ! Давайте ваши жеребы, господа, сюда, ко мнѣ, въ шляпу, князь будетъ вынимать. Задача самая простая, самый дурной поступокъ изъ всей своей жизни разскаговать,—это ужасно легко, господа! Вотъ, вы увидите! Если же кто позабудетъ, то я тотчасъ берусь напомнить!

Идея была чрезвычайно странная и никому почти не поправилась. Одни нахмурились, другие лукаво улыбались. Нѣкоторые возражали, но не очень, напримѣръ, Иванъ Федоровичъ, не желавшій перечить Настасіѣ Филипповнѣ и замѣтившій, какъ увлекаетъ ее эта странная мысль, можетъ-быть, именно тѣмъ, что странная и почти невозможная. Въ желаніяхъ своихъ Настасіѧ Филипповна всегда была неудержима и безпощадна, если только рѣшалась высказывать ихъ, хотя бы это были самыя капризныя и даже для нея самой бесполезныя желанія. И теперь она была какъ въ истерикѣ, сутилась, смѣялась судорожно, припадочно, особенно на возраженія встревоженнаго Топкаго. Темные глаза ея засверкали, на блѣдныхъ щекахъ показались два красныхъ пятна. Унылый и брюзгливый оттѣнокъ физиономії нѣкоторыхъ изъ гостей, можетъ-быть, еще болѣе разжигалъ ея насыщилое желаніе; можетъ-быть, ей именно нравилась циничность и жестокость идеи. Иные даже увѣрены были, что у ней тутъ какой-нибудь особый расчетъ. Впрочемъ, стали соглашаться: во всякомъ случаѣ было любопытно, а для многихъ такъ очень заманчиво. Фердыщенко сутился болѣе всѣхъ.

— А если что-нибудь такое, что и разскаговать невозможно... при дамахъ, робко замѣтилъ молчавшій юноша.

— Такъ вы это и не разскаживайте, будто мало и безъ того скверныхъ поступковъ, отвѣчалъ Фердыщенко.—Эхъ вы, юноша!

— А я вотъ и не знаю, который изъ моихъ поступковъ самымъ дурнымъ считать, включила бойкая барыня.

— Дамы отъ обязанности разскаживать увольняются, повторилъ Фердыщенко,—но только увольняются; собствен-

ное вдохновение съ признательностью допускается. Мужчины же, если ужъ слишкомъ не хотятъ, увольняются.

— Да какъ тутъ доказать, что я не солгу? спросилъ Ганя. — А если солгу, то вся мысль игры пропадетъ. И кто же не солжетъ? Всякій непремѣнно лгать станетъ.

— Да ужъ одно то заманчиво, какъ тутъ будетъ лгать человѣкъ. Тебѣ же, Ганечка, особенно опасаться нечего, что солжешь, потому что самый скверный поступокъ твой и безъ того всѣмъ извѣстенъ. Да вы подумайте только, господа, воскликнулъ вдругъ въ какомъ-то вдохновеніи Фердыщенко,—подумайте только, какими глазами мы по томъ другъ на друга будемъ глядѣть, завтра, напримѣръ, послѣ разсказовъ-то!

— Да развѣ это возможно? Неужели это въ самомъ дѣлѣ серьезно, Настасья Филипповна? съ достоинствомъ спросилъ Тоцкій.

— Волка бояться—въ лѣсъ не ходить! съ усмѣшкой замѣтила Настасья Филипповна.

— Но позвольте, господинъ Фердыщенко, развѣ возможно устроить изъ этого пети-жѣ? продолжалъ, тревожась все болѣе и болѣе, Тоцкій.—Увѣряю васъ, что такія вещи никогда не удаются; вы же сами говорите, что это не удалось уже разъ.

— Какъ не удалось! Я рассказалъ же прошедшій разъ, какъ три цѣлковыхъ укралъ, таѣ-таки взять да и разсказалъ!

— Положимъ. Но вѣдь возможности не было, чтобы вы такъ рассказали, что стало похоже на правду и вамъ повѣрили? А Гаврила Ардалюновичъ совершенно справедливо замѣтилъ, что чуть-чуть послышится фальшивъ, и вся мысль игры пропадаетъ. Правда возможна тутъ только случайно, при особаго рода хвастливомъ настроеніи слишкомъ дурного тона, здѣсь немыслимо и совершенно неприличномъ.

— Но какой же вы утонченѣйшій человѣкъ, Аѳанасій Ивановичъ, такъ даже меня дивите! вскричалъ Фердыщенко.—Представьте себѣ, господа, своимъ замѣчаніемъ, что я не могъ разсказать о моемъ воровствѣ такъ, чтобы стало похоже на правду, Аѳанасій Ивановичъ тончайшимъ образомъ намекаетъ, что я и не могъ въ самомъ дѣлѣ украсть (потому что это вслухъ говорить неприлично), хотя, можетъ-быть, совершенно увѣренъ самъ про себя, что Фердыщенко и очень бы могъ украсть! Но къ дѣлу,

господа, къ дѣлу, жеребьи собраны, да и вы, Аѳанасій Ивановичъ, свой положили, стало-быть, никто не отказывается. Князь, вынимайте!

Князь молча опустилъ руку въ шляпу и вынулъ первый жребій—Фердыщенко, второй—Птицына, третій—генерала, четвертый—Аѳанасія Ивановича, пятый—свой, шестой—Гани и т. д. Дамы жребіевъ не положили.

— О, Боже, какое несчастье! вскричалъ Фердыщенко.— А я-то думалъ, что первая очередь выйдетъ князю, а вторая—генералу. Но, слава Богу, по крайней мѣрѣ, Иванъ Петровичъ послѣ меня, и я буду вознагражденъ. Ну, господа, конечно, я обязанъ подать благородный примѣръ, но всего болѣе жалѣю въ настоящую минуту о томъ, что я такъ ничтоженъ и ничѣмъ не замѣчатель; даже чинъ на мнѣ самый премаленький; ну, что въ самомъ дѣлѣ интереснаго въ томъ, что Фердыщенко сдѣлалъ скверный поступокъ? Да и какой мой самый дурной поступокъ? Тутъ *embarras de richesse*. Развѣ опять про то же самое воровство разсказать, чтобы убѣдить Аѳанасія Ивановича, что можно украсть, воромъ не бывши.

— Вы меня убѣждаете и въ томъ, господинъ Фердыщенко, что дѣйствительно можно ощущать удовольствіе до упоенія, разсказывая о сальныхъ своихъ поступкахъ, хотя бы о нихъ и не спрашивали... А впрочемъ... Извините, господинъ Фердыщенко.

— Начинайте, Фердыщенко, вы ужасно много болтаете лишняго и никогда не докончите! раздражительно и нетерпѣливо приказала Настасья Филипповна.

Всѣ замѣтили, что, послѣ своего недавняго припадочнаго смѣха, она вдругъ стала даже угрюма, брюзглива и раздражительна; тѣмъ не менѣе, упрямо и деспотично стояла на своей невозможной прихоти. Аѳанасій Ивановичъ страдалъ ужасно. Бѣсилъ его и Иванъ Федоровичъ: онъ сидѣлъ за шампанскимъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и даже, можетъ-быть, разсчитывалъ разсказать что-нибудь въ свою очередь.

XIV.

— Остроумія нѣть, Настасья Филипповна, оттого и болтаю лишнее! вскричалъ Фердыщенко, начиная свой рассказъ.— Было-бъ у меня такое же остроуміе, какъ у Аѳанасія Ивановича, или у Ивана Петровича, такъ я бы сегодня все сидѣлъ да молчалъ, подобно Аѳанасію Ива-

новичу и Ивану Петровичу. Князь, позвольте вაсъ спросить, какъ вы думаете, мнѣ вотъ кажется, что на свѣтѣ гораздо больше воровъ, чѣмъ не-воровъ, и что нѣтъ даже такого самаго честнаго человѣка, который бы хоть разъ въ жизни чего-нибудь не укралъ. Это моя мысль, изъ чего, впрочемъ, я вовсе не заключаю, что все сплошь одни воры, хотя, ей-Богу, ужасно бы хотѣлось иногда и это заключить. Какъ же вы думаете?

— Фу, какъ вы глупо рассказываете, отозвалась Дарья Алексѣвна,—и какой вздоръ, не можетъ быть, чтобы всѣ что-нибудь да украли; я никогда ничего не украла.

— Вы ничего никогда не украли, Дарья Алексѣвна; но, что скажетъ князь, который вдругъ весь покраснѣлъ?

— Мнѣ кажется, что вы говорите правду, но только очень преувеличиваете, сказалъ князь, дѣйствительно отчего-то покраснѣвшій.

— А вы сами, князь, ничего не украли?

— Фу, какъ это смѣшино! Опомнитесь, господинъ Фердыщенко, вступилъ генераль.

— Просто-за-просто, какъ пришлось къ дѣлу, такъ и стыдно стало рассказывать, вотъ и хотите князя съ собой же прицѣпить, благо онъ безотвѣтный, отчеканила Дарья Алексѣвна.

— Фердыщенко, или рассказывайте, или молчите и знайте одного себя. Вы истощаете всякое терпѣніе, рѣзко и досадливо проговорила Настасья Филипповна.

— Сию минуту, Настасья Филипповна; но ужъ если князь сознался, потому что я стою на томъ, что князь все равно что сознался, то что же бы, напримѣръ, сказалъ другой кто-нибудь (никого не называя), если бы захотѣлъ когда-нибудь правду сказать? Что же касается до меня, господа, то дальше и рассказывать совсѣмъ нечего: очень просто, и глупо, и скверно. Но увѣряю васъ, что я не воръ; укралъ же, не знаю какъ. Это было третьаго года, на дачѣ у Семена Ивановича Ищенка, въ воскресенье. У него обѣдали гости. Послѣ обѣда мужчины остались за виномъ. Мнѣ вздумалось попросить Марью Семеновну, дочку его, барышню, что-нибудь на фортепіано сыграть. Прохожу чрезъ угловую комнату, на рабочемъ столикѣ у Мары Ивановны три рубля лежатъ, зеленая бумажка; вынула, чтобы выдать для чего-то по хозяйству. Въ комнатѣ никовошенько. Я взялъ бумажку и положилъ въ карманъ, для чего—не знаю. Что на меня нашло—

не понимаю. Только я поскорѣй воротился и сѣлъ за столъ. Я все сидѣлъ и ждалъ, въ довольно сильномъ волненіи, болталъ безъ умолку, анекдоты рассказывалъ, смеялся; подсѣль потомъ къ барынямъ. Чрезъ полчаса, пріемѣрно, хватились и стали спрашивать у служанокъ. Дарью служанку заподозрили. Я выказалъ необыкновенное любопытство и участіе, и помню даже, когда Дарья совсѣмъ потерялась, стала убѣждать ее, чтобы она повинилась, головой ручаясь за доброту Мары Ивановны, и это вслухъ, и при всѣхъ. Всѣ глядѣли, а я необыкновенное удовольствіе ощущалъ именно оттого, что я проповѣдую, а бумагка-то у меня въ карманѣ лежитъ. Эти три цѣлковыхъ я въ тотъ же вечеръ проинить въ ресторанѣ. Вошелъ и спросилъ бутылку лафиту; никогда до того я не спрашивалъ такъ одну бутылку, безъ ничего; захотѣлось поскорѣе истратить. Особенно угрызенія совѣсти я ни тогда, ни потомъ не чувствовалъ. Другой разъ навѣрно не повторилъ бы; этому вѣрьте, или нѣть, какъ угодно, я не интересуюсь. Ну-съ, вотъ и все.

— Только ужъ, конечно, это не самыи худшій вашъ поступокъ, съ отвращеніемъ сказала Дарья Алексѣевна.

— Это психологіческій случай, а не поступокъ, замѣтилъ Аѳанасій Ивановичъ.

— А служанка? спросила Настасья Филипповна, не скрывая самого брезгливаго отвращенія.

— А служанку согнали на другой же день, разумѣется. Это строгій домъ.

— И вы допустили?

— Вотъ прекрасно! Такъ неужели же мнѣ было пойти и сказать на себя? захихикаль Фердыщенко, впрочемъ, пораженный отчасти общимъ, слишкомъ непріятнымъ впечатлѣніемъ отъ его разсказа.

— Какъ это грязно! вскричала Настасья Филипповна.

— Ба, вы хотите отъ человѣка слышать самый сквернишій его поступокъ, и при этомъ блеска требуете! Самые скверные поступки и всегда очень грязны, Настасья Филипповна, мы сейчасъ это отъ Ивана Петровича услышимъ; да и мало-ли что снаружи блестить и добродѣтелью казаться, потому что своя карета есть. Мало-ли кто свою карету имѣеть. И какими способами...

Однимъ словомъ, Фердыщенко совершенно не выдержалъ и вдругъ озлобился, даже до забвенія себя, перешелъ черезъ мѣрку; даже все лицо его покривилось. Какъ

ни странно, но очень могло быть, что онъ ожидалъ совершенно другого успѣха отъ своего разсказа. Эти „промахи“ дурного тона и „хвастовство особаго рода“, какъ выразился обѣ этомъ Толкій, случались весьма часто съ Фердыщенкомъ и были совершенно въ его характерѣ.

Настасья Филипповна даже вздрогнула отъ гнѣва и пристально поглядѣла на Фердыщенка; тотъ мигомъ струсилъ и примолкъ, чуть не похолодѣвъ отъ испуга; слишкомъ далеко ужъ зашелъ.

— А не кончить-ли совсѣмъ? лукаво спросилъ Аѳанасій Ивановичъ.

— Очередь моя, но я пользуюсь мою льготою и не стану рассказывать, рѣшительно сказалъ Птицынъ.

— Вы не хотите?

— Не могу, Настасья Филипповна; да и вообще считаю такое пети-же невозможнымъ.

— Генераль, кажется, по очереди слѣдуетъ вамъ, обратилась къ нему Настасья Филипповна.—Если и вы откажетесь, то у насъ все вслѣдъ за вами разстроится, и мнѣ будетъ жаль, потому что я разсчитывала разсказать въ заключеніе одинъ поступокъ изъ моей собственной жизни, но только хотѣла послѣ вѣстъ и Аѳанасія Ивановича, потому что вы должны же меня ободрить, заключила она, разсмѣявшиясь.

— О, если и вы обѣщаетесь, съ жаромъ вскричалъ генераль,—то я готовъ вамъ хоть всю мою жизнь пересказать; но я, признаюсь, ожидалъ очереди, уже приготовивъ свой анекдотъ...

— И уже по одному виду его превосходительства можно заключить, съ какимъ особыеннымъ литературнымъ удовольствиемъ онъ обработалъ свой анекдотъ, осмѣялся замѣтить все еще нѣсколько смущенный Фердыщенко, ядовито улыбаясь.

Настасья Филипповна мелькомъ взглянула на генерала и тоже про себя улыбнулась. Но видно было, что тоска и раздражительность усиливались въ ней все сильнѣе и сильнѣе. Аѳанасій Ивановичъ испугался вдвое, услышавъ про обѣщаніе разсказа.

— Мнѣ, господа, какъ и всякому, случалось дѣлать поступки не совсѣмъ изящные въ моей жизни, началъ генераль,—но страннѣе всего то, что я самъ считаю коротенький анекдотъ, который сейчасъ разскажу, самымъ сквернейшимъ анекдотомъ изъ всей моей жизни. Между

тѣмъ тому прошло чутъ не тридцать пять лѣтъ; но никогда-то я не могъ оторваться, при воспоминаніи, отъ нѣкотораго, такъ сказать, скребущаго по сердцу впечатлѣнія. Дѣло, впрочемъ, чрезвычайно глупое: былъ я тогда еще только-что прaporщикомъ и въ арміи ламку тянуль. Ну, извѣстно, прaporщикъ, кровь—кипятокъ, а хозяйство копеечное; завелся у меня тогда денщикъ, Никифоръ, и ужасно о хозяйствѣ моемъ заботился, копилъ, зашивалъ, скребъ и чистилъ, и даже вездѣ воровалъ все, что могъ стянуть, чтобы только въ домѣ пріумножить: вѣрнѣйшій и честнѣйшій былъ человѣкъ. Я, разумѣется, былъ строгъ, но справедливъ. Нѣкоторое время случилось намъ стоять въ городкѣ. Миѣ отвели въ форштадтъ квартиру у одной отставной подпоручицы и къ тому же вдовы. Лѣтъ восьми-десети, или, по крайней мѣрѣ, около была старушонка. До-мишко у неї былъ ветхій, дрянной, деревянный, и даже служанки у себя не имѣла по бѣдности. Но, главное, тѣмъ отличалась, что нѣкогда имѣла многочисленнѣйшее семейство и родныхъ; но одни въ теченіе жизни перемерли, другіе разѣхались, третыи о старухѣ позабыли, а мужа своего лѣтъ сорокъ пять тому назадъ схоронила. Жила съ неї еще нѣсколько лѣтъ предъ этимъ племянница, горбатая и злая, говорятъ, какъ вѣдьма, и даже разъ старуху укусила за палецъ, но и та померла, такъ что старуха года ужъ три пробивалась одна-одинѣшенька. Скучнѣхонько мнѣ было у неї, да и пустая она такая была, ничего извлечь невозможно. Наконецъ, украла у меня пѣтуха. Дѣло это до сихъ поръ темное, но кромѣ нея было некому. За пѣтуха мы поссорились, и значительно, а тутъ какъ разъ вышелъ случай, что меня, по первой же просьбѣ моей, на другую квартиру перевели, въ противоположный форштадтъ, въ многочисленнѣйшее семейство одного купца съ большою бородищой, какъ теперь его помню. Переѣзжаемъ съ Никифоромъ съ радостью, старуху же оставляю съ негодованіемъ. Проходитъ дая три, прихожу съ ученья, Никифоръ докладываетъ, „что напрасно, ваше благородие, нашу миску у прежней хозяйки оставили, не въ чёмъ супъ подавать“. Я, разумѣется, пораженъ: „Какъ такъ, какимъ образомъ наша миска у хозяйки осталась?“ Удивленный Никифоръ продолжаетъ рапортовать, что хозяйка, когда мы сѣѣзжали, нашей миски ему не отдала по той причинѣ, что такъ какъ я ея собственный горшокъ разбилъ, то она за свой горшокъ нашу миску удерживаетъ.

и что будто бы я ей это самъ такимъ образомъ предложилъ. Такая низость съ ея стороны, разумѣется, вывела меня изъ себя; прaporщичья кровь закипѣла, вскочилъ, полетѣлъ. Прихожу къ старухѣ, такъ сказать, уже вѣбѣ себя; гляжу, она сидитъ въ сѣницахъ одна-одинешенъка, въ углу, точно отъ солица забилась, рукой щеку себѣ подперла. Я тотчасъ же, знаете, на нее цѣлый громъ таъ и вывалилъ, „такая, дескать, ты, и сякая!“ и, знаете, этакъ по-русски. Только смотрю, представляется что-то странное: сидитъ она, лицо на меня уставила, глаза выпутила, и ни слова въ отвѣтъ, и странно, странно таъ смотритъ, какъ бы качается. Я, наконецъ, пріутыхъ, вглядываюсь, спрашиваю, ни слова въ отвѣтъ. Я постояль въ нерѣшимости; мухи жужжатъ, солнце закатывается, тишина; въ совершенномъ смущеніи, я, наконецъ, ухожу. Еще до дому не дошелъ, къ майору потребовали, потомъ пришлось въ роту зайти, такъ что домой воротился совсѣмъ ввечеру. Первымъ словомъ Никифоръ: „а знаете, ваше благородіе, хозяйка-то наша вѣдь померла“. — „Когда?“ — „Да сегодня по вечеру, часа полтора назадъ“ Это, значитъ, въ то именно время, когда я ее ругалъ, она и отходила. Такъ меня это фрапировало, я вамъ скажу, что едва ономнился. Стало, знаете, даже думаться, даже ночью приспилось. Я, конечно, безъ предразсудковъ, но на третій день иошелъ въ церковь на похороны. Однимъ словомъ, чѣмъ дальше время идетъ, тѣмъ больше думается. Не то чтобъ, а такъ иногда вообразишь, и станетъ нехорошо. Главное, что тутъ, какъ я, наконецъ, разсудилъ? Во-первыхъ, женщина, такъ сказать, существо человѣческое, что называютъ въ наше время, гуманное, жила, долго жила, наконецъ, зажила. Когда-то имѣла дѣтей, мужа, семейство, родныхъ, все это кругомъ нея, такъ сказать, кипѣло, всѣ эти, такъ сказать, улыбки, и вдругъ — полный часъ, все въ трубу вылетѣло, осталась одна какъ... муха какая-нибудь, носящая на себѣ отъ вѣка проклятие. И вотъ, наконецъ, привелъ Богъ къ концу. Съ закатомъ солнца, въ тихій лѣтній вечеръ, улетаетъ и моя старуха — конечно, тутъ не безъ правоучительной мысли; и вотъ въ это-то самое мгновеніе, вмѣсто напутственной, такъ сказать, слезы, молодой, отчаянной прaporщикѣ, избочепаясь и фертомъ, провожаетъ ее съ поверхности земли русскимъ элементомъ забубенныхъ ругательствъ за погибшую миску! Безъ сомнѣнія, я виноватъ,

и хоть и смотрю уже давнымъ-давно на свой поступокъ, по отдаленности лѣтъ и по измѣненію въ натурѣ, какъ на чужой, но тѣмъ не менѣе продолжаю жалѣть. Такъ что, повторяю, мнѣ даже странно, тѣмъ болѣе, что если я и виновенъ, то вѣдь не совершенно же: зачѣмъ же ей какъ разъ въ это время вздумалось помирать? Разумѣется, тутъ одно оправданіе: что поступокъ въ нѣкоторомъ родѣ психологический, но все-таки я не могъ успокоиться, по-камѣстъ не завелъ, лѣтъ пятнадцать назадъ, двухъ постоянныхъ больныхъ старушонокъ, на свой счетъ, въ богоадѣльнѣ, съ цѣлью смягчить для нихъ приличнымъ содержаніемъ послѣдніе дни земной жизни. Думаю обратить въ вѣковѣчное, завѣщавъ капиталъ. Ну, вотъ-съ, и все-съ. Повторяю, что, можетъ-быть, я и во многомъ въ жизни провинился, но этотъ случай считаю, по совѣсти, самымъ сквернейшимъ поступкомъ изъ всей моей жизни.

— И вмѣсто самаго сквернейшаго, ваше превосходительство разсказали одинъ изъ хорошихъ поступковъ своей жизни; надули Фердыщенка! заключилъ Фердыщенко.

— Въ самомъ дѣлѣ, генераль, я не воображала, чтобы у васъ было все-таки доброе сердце; даже жаль, небрежно проговорила Настасья Филипповна.

— Жаль? Почему же? спросилъ генераль съ любезнымъ смѣхомъ, и не безъ самодовольствія отшилъ шампанскаго.

Но очередь была за Аѳанасіемъ Ивановичемъ, который тоже приготовился. Всѣ предугадывали, что онъ не откажется, подобно Ивану Петровичу, да и разсказа его, по нѣкоторымъ причинамъ, ждали съ особыннымъ любопытствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ посматривали на Настасью Филипповну. Съ необыкновеннымъ достоинствомъ, вполнѣ соответствовавшимъ его осапистой наружности, тихимъ, любезнымъ голосомъ началъ Аѳанасій Ивановичъ одинъ изъ своихъ „милыхъ разсказовъ“. (Кстати сказать: человѣкъ онъ былъ собою видный, осапистый, росту высокаго, немнога лысъ, немножко съ просѣдью, и довольно тучный, съ мягкими, румяными и нѣсколько отвислыми щеками, со вставными зубами. Одѣвался широко и изящно и носилъ удивительное бѣлье. На его пухлыхъ, бѣлыхъ руки хотѣлось заглядѣться. На указательномъ пальцѣ правой руки былъ дорогой брильянтовый перстень). Настасья Филипповна во все время его разсказа пристально разсматривала кружевцо оборки на своемъ рукавѣ и щипала ее

двумя пальцами лѣвой руки, такъ что ни разу не успѣла и взглянуть на разсказчика.

— Чѣмъ болѣе облегчаетъ мнѣ мою задачу, началь Аѳанасій Ивановичъ,—это непремѣнная обязанность разсказать никакъ не иначе, какъ самый дурной поступокъ изъ всей моей жизни. Въ такомъ случаѣ, разумѣется, не можетъ быть колебаній: совѣсть и память сердца тотчасъ же подскажутъ чѣмъ именно надо рассказывать. Сознаюсь съ горечью, въ числѣ всѣхъ, безчисленныхъ, можетъ-быть, легкомысленныхъ и... вѣтреныхъ поступковъ жизни моей, есть одинъ, впечатлѣніе котораго даже слишкомъ тяжело залегло въ моей памяти. Случилось тому назадъ лѣтъ около двадцати, я заѣхалъ тогда въ деревню къ Платону Ордынцеву. Онъ только-что выбранъ былъ предводителемъ и прїѣхалъ съ молодою женой провести зимніе праздники. Тутъ какъ разъ подошло и рожденіе Анфисы Алексѣевны, и назначались два бала. Къ тому времени былъ въ ужасной модѣ и только-что прогремѣлъ въ высшемъ свѣтѣ прелестный романъ Дюма-Фиса *La dame aux camelias*, поэма, которой, по моему мнѣнію, не суждено ни умереть, ни состариться. Въ провинціи всѣ дамы были восхищены до восторга, тѣ, которыхъ, по крайней мѣрѣ, прочитали. Прелестъ разсказа, оригинальность постановки главнаго лица, этотъ заманчивый міръ, разобранный до тонкости, и, наконецъ, всѣ эти очаровательныя подробности, разсыпанныя въ книгѣ (паче-тѣ, напримѣръ, обстоятельствъ употребленія букетовъ бѣлыхъ и розовыхъ камелій по очреди), однимъ словомъ, всѣ эти прелестныя детали, и все это вмѣстѣ, произвели почти потрясеніе. Цвѣты камелій вошли въ необыкновенную моду. Всѣ требовали камелій, всѣ ихъ искали. Я вѣсѣ спрошу: много-ли можно достать камелій въ уѣздѣ, когда всѣ ихъ для баловъ спрашиваютъ, хотя бы баловъ и немногого было? Петя Ворховской изнывалъ тогда, бѣдняжка, по Анфисѣ Алексѣевнѣ. Право, не знаю, было-ли у нихъ что-нибудь, то-есть, я хочу сказать, могла-ли у него быть хоть какая-нибудь серьезная надежда? Бѣдный съ ума сходилъ, чтобы достать камелій къ вечеру на балъ для Анфисы Алексѣевны. Графиня Соцкая, изъ Петербурга, губернаторши гостья, и Софья Безпалова, какъ известно стало, прїѣдутъ на вѣрно съ букетами, съ бѣлыми. Анфисѣ Алексѣевнѣ захотѣлось, для некотораго особаго эффекту, красныхъ.

Бѣднаго Платона чуть не загоняли; извѣстно—мужъ; поручился, что букетъ достанеть, и—что же? Наканунѣ перехватила Мытищева, Катерина Александровна, страшная соперница Анфисы Алексѣевны во всемъ; на ножахъ съ ней была. Разумѣется, истерика, обморокъ. Платонъ пропалъ. Понятно, что если бы Петѣ промыслить гдѣ-нибудь въ эту интересную минуту букетъ, то дѣла его могли бы очень сильно подвинуться; благодарность женщины въ такихъ случаяхъ безграинчна. Мечется какъ угорѣлый; но дѣло невозможное, и говорить тутъ нечего. Вдругъ сталкиваюсь съ нимъ уже въ одиннадцать вечера, наканунѣ дня рожденія и бала у Марыи Петровны Зубковой, соседки Ордынцева. Сіяеть. „Что съ тобой?“—„Нашелъ! Эврика!“—„Ну, братъ, удивилъ же ты меня! Гдѣ? Какъ?“— „Въ Екшайскѣ (городишко такой тамъ есть, всего въ двадцати верстахъ, и не нашъ уѣзда), Трепаловъ тамъ купецъ есть, бородачъ и богачъ, живетъ со старухой женой, и вместо дѣтей, одинъ канарейки. Пристрастились оба къ цвѣтамъ, у него есть камеліи“.—„Помилуй, да это пе вѣрно, ну, какъ пе дастъ?“—„Стану на колѣни и буду въ ногахъ валяться до тѣхъ поръ, пока дастъ, безъ того пе уѣду!“—„Когда ѿдешь-то?“—„Завтра чѣмъ свѣтъ, въ пять часовъ“.—„Ну, съ Богомъ!“ И такъ я, знаете, радъ за него; возвращаюсь къ Ордынцеву; наконецъ, ужъ второй часъ, а мнѣ все этакъ, знаете, мерещится. Хотѣлъ уже спать ложиться, вдругъ преоригивальная мысль! Пробираюсь немедленно въ кухню, бужу Савелія кучера, пятнадцать цѣлковыхъ ему, „подай лошадей въ полчаса!“ Чрезъ полчаса, разумѣется, возокъ у воротъ; у Анфисы Алексѣевны, сказали мнѣ, мигренъ, жаръ и бредъ,—сажусь и єду. Въ пятомъ часу я въ Екшайскѣ, на постояломъ дворѣ; переждалъ до разсвѣта, и только до разсвѣта: въ седьмомъ часу у Трепалова. „Такъ и такъ, есть камеліи? Батюшка, отецъ родной, помоги, спаси, въ ноги поклонюсь!“ Старикъ, вижу, высокій, сѣйдой, суро-ый,—страшный старикъ. „Ни-ни, никакъ! Не согласенъ!“ Я бухъ ему въ ноги! Такъ-таки и растянулся!—„Чтѣ вы, батюшка, что вы, отецъ?“ испугался даже. „Да вѣдь тутъ жизнь человѣческая!“ кричу ему.—„Да берите, коли такъ, съ Богомъ“. Нарѣзаль же я тутъ красныхъ камелій! Чудо, прелестъ, цѣлая оранжерейка у него маленькая. Вздыхаетъ старикъ. Вынимаю сто рублей. „Нѣть, ужъ вы, батюшка, обижать меня такимъ манеромъ не из-

вольте“.—„А коли такъ, говорю, почтенный, благоволите эти сто рублей въ здѣшнюю больницу для улучшения содержанія и пищи“.—„Вотъ это, говорить, батюшка, дѣло другое, и доброе, и благородное, и богоугодное; за здравіе ваше и подамъ“.

И понравился мнѣ, знаете, этотъ русскій старикъ, такъ сказать, коренной русакъ, *de la vraie souche*. Въ восторгѣ отъ удачи, тотчасъ же въ обратный путь; воротились окольными, чтобы не встрѣтиться съ Цетей. Какъ пріѣхалъ, такъ и посылаю букетъ къ пробужденію Анфисы Алексѣевны. Можете себѣ представить восторгъ, благодарность, слезы благодарности! Платонъ, вчера еще убитый и мертвый Платонъ,—рыдаетъ у меня на груди. Увы! Всѣ мужья таковы съ сотворенія... законнаго брака! Ничего не смѣю прибавить, но только дѣла бѣднаго Цети съ этимъ эпизодомъ рухнули окончательно. Я сперва думалъ, что опять зарѣжетъ меня, какъ узнаетъ, даже ужъ приготовился встрѣтить, но случилось то, чему бы я даже и не повѣрилъ: въ обморокъ, къ вечеру бредъ, и къ утру горячка, рыдаетъ какъ ребенокъ, въ конвульсіяхъ. Черезъ мѣсяцъ, только что выздоровѣлъ, на Кавказъ отпросился; романъ рѣшительный вышелъ! Кончилъ тѣмъ, что въ Крыму убить. Тогда еще братъ его, Степанъ Ворховской, полкомъ командовалъ, отличился. Признаюсь, меня даже много лѣтъ потомъ угрызенія совѣсти мучили: для чего, зачѣмъ я такъ поразилъ его? И добро бы я самъ былъ влюбленъ тогда? А то вѣдь простая шалость, изъ-за простого воловитства, не болѣе. И не перебей я у него этотъ букетъ, кто знаетъ, жилъ бы человѣкъ до сихъ поръ, былъ бы счастливъ, имѣлъ бы успѣхи, и въ голову-бѣ не пришло ему подъ Турку идти.

Аѳанасій Ивановичъ примолкъ съ тѣмъ же солиднымъ достоинствомъ, съ которымъ и приступалъ къ разсказу. Замѣтили, что у Настасіи Филипповны какъ-то особенно засверкали глаза, и даже губы вздрогнули, когда Аѳанасій Ивановичъ кончилъ. Всѣ съ любопытствомъ поглядывали на нихъ обоихъ.

— Надули Фердыщенка! Вотъ такъ надули! Нѣть, вотъ это ужъ такъ надули! вскричалъ плачевнымъ голосомъ Фердыщенко, понимая, что можно и должно встать словцо.

— А вамъ кто велѣлъ дѣла не понимать? Вотъ и учитесь у умныхъ людей! отрѣзала ему чутъ не торжествую-

щая Дарья Алексеевна (старинная и вѣрная пріятельница и сообщница Толкаго).

— Вы правы, Аѳанасій Ивановичъ, пети-жѣ прескучное, и надо поскорѣй кончить, небрежно вымоловила Настасья Филипповна.—Разскажу сама, что обѣщала, и давайте всѣ въ карты играть.

— Но обѣщанный аnekдотъ прежде всего! съ жаромъ одобрилъ генералъ.

— Князь, рѣзко и неожиданно обратилась къ нему вдругъ Настасья Филипповна,—вотъ здѣсь старые мои друзья, генералъ да Аѳанасій Ивановичъ, меня все замужъ выдать хотятъ. Скажите мнѣ, какъ вы думаете: выходить мнѣ замужъ иль нѣтъ? Какъ скажете, такъ и сдѣлаю.

Аѳанасій Ивановичъ поблѣднѣлъ, генералъ осталбенѣлъ: всѣ уставили глаза и протянули головы. Ганя застылъ на мѣстѣ.

— За... за кого? спросилъ князь замирающимъ голосомъ.

— За Гаврилу Ардаліоновича Иволгина, продолжала Настасья Филипповна попрежнему рѣзко, твердо и четко.

Прошло иѣсколько секундъ молчанія; князь какъ будто силился и не могъ выговорить, точно ужасная тяжесть давила ему грудь.

— Н-нѣтъ... не выходите! прошепталъ онъ, наконецъ, и съ усилиемъ перевелъ духъ.

— Такъ тому и быть! Гаврила Ардаліоновичъ! властно и какъ бы торжественно обратилась она къ нему.—Вы слышали какъ рѣшилъ князь? Ну, такъ въ томъ и мой отвѣтъ; и пусть это дѣло кончено разъ навсегда!

— Настасья Филипповна! дрожащимъ голосомъ проговорилъ Аѳанасій Ивановичъ.

— Настасья Филипповна! убѣждающимъ, но встревоженнымъ голосомъ произнесъ генералъ.

Всѣ зашевелились и затревожились.

— Чѣмъ вы, господа, продолжала она, какъ бы съ удивленiemъ взглядалась въ гостей,—что вы такъ всполохнулись? И какія у васъ у всѣхъ лица!

— Но... вспомните, Настасья Филипповна, запинаясь, пробормоталъ Толкай,—вы дали обѣщаніе... вполнѣ добровольное, и могли бы отчасти и пощадить... Я затрудняюсь и... конечно, смущенъ, но... Однимъ словомъ, теперь, въ такую минуту, и при... при людяхъ, и все это такъ...

кончить такимъ пети-жѣ дѣло серьезнос, дѣло чести и сердца... отъ котораго зависитъ...

— Не понимаю васъ, Аѳанасій Ивановичъ; вы дѣйствительно совсѣмъ сбиваешься. Во-первыхъ, что такое: „при людяхъ“? Развѣ мы не въ прекрасной интимной компанії? И почему „пети-жѣ“? Я дѣйствительно хотѣла разсказать свой анекдотъ, ну, вотъ и разсказала; не хорошъ развѣ? И почему вы говорите, что „не серьезно“? Развѣ это не серьезно? Вы слышали, я сказала князю: „какъ скажете, такъ и будетъ“; сказаль бы да, я бы тотчасъ же дала согласіе, но онъ сказалъ нѣть, и я отказалася; такъ развѣ не серьезно? Тутъ вся моя жизнь на одномъ волоскѣ висѣла; чего серьезнѣе?

— Но, князь, почему тутъ князь? И что такое, наконецъ, князь? пробормоталъ генералъ, почти ужъ не въ силахъ сдержать негодованіе на такой обидный даже авторитетъ князя.

— А князь для меня то, что я въ него въ перваго, во всю мою жизнь, какъ въ истинно-преданнаго человѣка повѣрила. Онъ въ меня съ одного взгляда повѣрилъ, и я ему вѣрю.

— Мне остается только отблагодарить Настасью Филипповну за чрезвычайную деликатность, съ которою она... со мной поступила, проговорилъ, наконецъ, дрожащимъ голосомъ и съ кривившимися губами блѣдный Ганя. — Это, конечно, такъ тому и слѣдовало... Но... князь... Князь въ этомъ дѣлѣ...

— До семидесяти пяти тысячъ добирается, что-ли? оборвала вдругъ Настасья Филипповна.—Вы это хотѣли сказать? Не запирайтесь, вы непремѣнно это хотѣли сказать! Аѳанасій Ивановичъ, я и забыла прибавить: вы эти семьдесятъ пять тысячъ возьмите себѣ и знайте, что я васъ отпускаю на волю даромъ. Довольно! Надо-жѣ и вамъ вздохнуть! Девять лѣтъ и три мѣсяца! Завтра—по новому, а сегодня—я именинница и сама по себѣ, въ первый разъ въ цѣлой жизни! Генералъ, возьмите и вы вашъ жемчугъ, подарите супругѣ, вотъ онъ; а съ завтрашняго дня я совсѣмъ и съ квартиры сѣѣзжаю. И уже больше не будеть вечеровъ, господа!

Сказавъ это, она вдругъ встала, какъ будто желая уйти.

— Настасья Филипповна! Настасья Филипповна! послышалось со всѣхъ сторонъ.

Всѣ заволновались, всѣ встали съ мѣсть: всѣ окру-

жили ее, все съ беспокойствомъ слушали эти порывистыя, лихорадочныя, изступленныя слова; все ощущали какой-то беспорядокъ, никто не могъ добиться толку, никто не могъ ничего понять. Въ это мгновеніе раздался вдругъ звонкій, сильный ударъ колокольчика, точь-въ-точь какъ давеча въ Ганечкину квартиру.

— А-а-а! Вотъ и развязка! Наконецъ-то! Половина двѣ-надпятаго! вскричала Настасья Филипповна.—Прошу васъ садиться, господа, это развязка!

Сказавъ это, она сѣла сама. Странный смѣхъ трепеталъ на губахъ ея. Она сидѣла молча, въ лихорадочномъ ожиданіи, и смотрѣла на дверь.

— Рогожинъ и сто тысячъ, сомнѣнія нѣть, пробормоталъ про себя Итицынъ.

XV.

Вошла горничная Катя, сильно испуганная.

— Тамъ Богъ знаетъ чтѣ, Настасья Филипповна, человѣкъ десять ввалились, и все хмельные-съ, сюда просятся, говорятъ, что Рогожинъ, и что вы сами знаете.

— Правда, Катя, впусти ихъ всѣхъ тотчасъ же.

— Неужто... всѣхъ-съ, Настасья Филипповна? Совсѣмъ вѣдь безобразные. Страсть!

— Всѣхъ, всѣхъ впусти, Катя, не бойся, всѣхъ до одного, а-то и безъ тебя войдуть. Вонъ ужъ какъ шумятъ, точно давеча. Господа, вы, можетъ-быть, обижаетесь, обратилась она къ гостямъ,—что я такую компанію при васть принимаю? Я очень сожалѣю и прощенія прошу, но такъ надо, а мы очень, очень бы желалось, чтобы вы всѣ согласились быть при этой развязкѣ моими свидѣтелями, хотя, впрочемъ, какъ вамъ угодно...

Гости продолжали изумляться, шептаться и переглядываться, но стало совершенно ясно, что все это было разсчитано и устроено заранѣе, и что Настасью Филипповну, хоть она и, конечно, съ ума сошла, теперь не собьешь. Всѣхъ мучило ужасно любопытство. Притомъ же и пугаться-то очень было некому. Дамъ было только двѣ: Дарья Алексѣевна, барыня бойкая и видавшая всякие виды, и которую трудно было сконфузить, и прекрасная, но молчаливая незнакомка. Но молчаливая незнакомка врядъ-ли что и понять могла: это была пріѣзжая пѣнка и русскаго языка ничего не знала; кромѣ того, кажется, была столько же глупа, сколько и прекрасна. Она была

вновь и уже принято было приглашать ее на известные вечера, въ пышнѣйшемъ костюмѣ, причесанную какъ на выставку, и сажать какъ прелестную картину для того, чтобы скрасить вечеръ, точно такъ, какъ иные добываютъ для своихъ вечеровъ у знакомыхъ, на одинъ разъ, картину, вазу, статую или экранъ. Что же касается мужчинъ, то Птицынъ, напримѣръ, былъ пріятель съ Рогожинымъ; Фердыщенко былъ какъ рыба въ водѣ; Ганечка все еще въ себя приди не могъ, но хоть смутно, а неудержимо самъ ощущалъ горячечную потребность досгоять до конца у своего позорного столба; старичокъ-учитель, мало понимавший въ чёмъ дѣло, чуть не плакалъ и буквально дрожалъ отъ страха, замѣтивъ какую-то необыкновенную тревогу кругомъ и въ Настасью Филипповнѣ, которую обожалъ, какъ свою внучку; но онъ скорѣе бы умеръ, чѣмъ ее въ такую минуту покинулъ. Что же касается Аѳанасія Ивановича, то, конечно, онъ себя компрометтировать въ такихъ приключеніяхъ не могъ; но онъ слишкомъ былъ заинтересованъ въ дѣлѣ, хотя бы и принимавшемъ такой сумасшедший оборотъ; да и Настасья Филипповна выронила на его счетъ два-три словечка такихъ, что уѣхать никакъ нельзя было, не разъяснивъ окончательно дѣла. Онъ рѣшился досидѣть до конца и уже совершенно замолчать и оставаться лишь наблюдателемъ, что, конечно, и требовалось его достоинствомъ. Одинъ лишь генераль Епанчинъ, только что сейчась предъ этими разобуженнымъ такимъ безцеремоннымъ и смѣшнымъ возвратомъ ему подарка, конечно, еще болѣе могъ теперь обидѣться всѣми этими необыкновенными эксцентричностями или, напримѣръ, появлениемъ Рогожина; да и человѣкъ, какъ онъ, и безъ того уже слишкомъ спизошелъ, рѣшившись сѣсть рядомъ съ Птицынымъ и Фердыщенкомъ; но что могла сдѣлать сила страсти, то могло быть, наконецъ, побѣждено чувствомъ обязанности, ощущеніемъ долга, чина и значенія и вообще уваженіемъ къ себѣ, такъ что Рогожинъ съ компаніей, во всякомъ случаѣ, въ присутствіи его превосходительства былъ невозможенъ.

— Ахъ, генераль, перебила его тотчасъ же Настасья Филипповна, только что онъ обратился къ ней съ заявлѣніемъ, — я и забыла! Но будьте увѣрены, что о васъ я предвидѣла. Если ужъ вамъ такъ обидно, то я и не настаиваю и васъ не удерживаю, хотя бы мнѣ очень желалось именно васъ при себѣ теперь видѣть. Во всякомъ

случай, очень благодарю васъ за ваше знакомство и лестное внимание, но если вы боитесь...

— Позвольте, Настасья Филипповна, вскричалъ генераль въ припадкѣ рыцарскаго великолѣпія,—кому вы говорите? Да я изъ преданности одной останусь теперь подлѣ васъ, и если, напримѣръ, есть какая опасность... Къ тому же я, признаюсь, любопытствую чрезмѣрно. Я только насчетъ того хотѣлъ, что они испортятъ ковры и, пожалуй, разобьютъ что-нибудь... Да и не надо бы ихъ совсѣмъ, по-моему, Настасья Филипповна!

— Самъ Рогожинъ! провозгласилъ Фердыщенко.

— Какъ вы думаете, Аѳанасій Ивановичъ, наскоро успѣль шепнуть ему генераль,—не сошла-ли она съ ума? То-есть, безъ аллегоріи, а настоящимъ медицинскимъ манеромъ, а?

— Я вамъ говорилъ, что она и всегда къ этому наклонна была, лукаво отшепнулся Аѳанасій Ивановичъ.

— И къ тому же лихорадка...

Компания Рогожина была почти въ томъ же самомъ составѣ, какъ и давеча утромъ; прибавился только какой-то безпутный старишишка, въ свое время бывшій редакторомъ какой-то забулдыжной обличительной газетки, и про котораго шель анекдотъ, что онъ заложилъ и пропиль свои вставные на золотѣ зубы, и одинъ отставной подпоручикъ, рѣшительный соперникъ и конкурентъ, по ремеслу и по назначению, утрешиemu господину съ кулаками и совершенно никому изъ Рогожинцевъ неизвѣстный, но подобранный на улицѣ на солнечной сторонѣ Невскаго проспекта, гдѣ онъ останавливалъ прохожихъ и слогомъ Марлинскаго просилъ вспоможенія, подъ коварнымъ предлогомъ, что онъ самъ „по пятнадцати цѣлковыхъ даваль въ свое время просителемъ“. Оба конкурента тотчасъ же отнеслись другъ къ другу враждебно. Давешний господинъ съ кулаками послѣ приема въ компанию „просителя“ счелъ себя даже обиженнымъ, и, будучи молчаливъ отъ природы, только рычалъ иногда какъ медведь и съ глубокимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на заискиванія и заигрыванія съ нимъ „просителя“, оказавшагося человѣкомъ свѣтскимъ и политичнымъ. Съ виду подпоручикъ обѣщалъ братъ „въ дѣлѣ“ болѣе ловкостью и изворотливостью, чѣмъ силой, да и ростомъ былъ пониже кулачного господина. Деликатно, не вступая въ явный споръ, но ужасно хвастаясь, онъ нѣсколько разъ уже намекнулъ о преимуществахъ

англійского бокса, однимъ словомъ, оказался чистѣйшимъ западникомъ. Кулачный господинъ при словѣ „боксъ“ только презрительно и обидчиво улыбался, и съ своей стороны, не удостоивая соперника явнаго пренія, показывалъ иногда, молча, какъ бы невзначай, или, лучше сказать, выдвигалъ иногда на видъ одну совершенно национальную вещь — огромный кулакъ, жилистый, узловатый, обросшій какимъ-то рыхимъ пухомъ, и всѣмъ становилось ясно, что если эта глубоко-национальная вещь опустится безъ промаху на предметъ, то дѣйствительно только мокренько станетъ.

Въ высшей степени „готовыхъ“ опять-таки никого изъ нихъ не было, какъ и давеча, вслѣдствіе стараній самого Рогожина, имѣвшаго цѣлый день въ виду свой визитъ къ Настасії Филипповнѣ. Самъ же онъ почти совсѣмъ успѣлъ отрезвиться, но зато чуть не одурѣлъ отъ всѣхъ вынесенныхъ имъ впечатлѣній въ этотъ безобразный и ни на что не похожій день изъ всей его жизни. Одно только оставалось у него постоянно въ виду, въ памяти и въ сердцѣ, въ каждую минуту, въ каждое мгновеніе. Для этого *одного* онъ провелъ все время, съ пяти часовъ пополудни вплоть до одиннадцати, въ безконечной тоскѣ и тревогѣ, возясь съ Киндерами и Бискупами, которые тоже чуть съ ума не сошли, мечась какъ угорѣлые по его надобности. И однако все-таки сто тысячъ ходячими деньгами, о которыхъ мимолетно, наспѣшиливо и совершенно неясно намекнула Настасія Филипповна, успѣли составиться, за проценты, о которыхъ даже самъ Бискупъ, изъ стыдливости, разговаривалъ съ Киндеромъ не вслухъ, а только шепотомъ.

Какъ и давеча, Рогожинъ выступалъ впереди всѣхъ, остальные подвигались за нимъ, хотя и съ полнымъ сознаніемъ своихъ преимуществъ, но все-таки нѣсколько трусясь. Главное, и Богъ знаетъ отчего, трусили они Настасіи Филипповны. Одни изъ нихъ даже думали, что всѣхъ ихъ немедленно „спустятъ съ лѣстницы“. Изъ думавшихъ такъ былъ между прочими щеголь и побѣдитель сердецъ Залѣжевъ. Но другіе, и преимущественно кулачный господинъ, хотя и не вслухъ, но въ сердцѣ своемъ, относились къ Настасії Филипповнѣ съ глубочайшимъ презрѣніемъ, и даже съ ненавистью, и шли къ ней какъ на осаду. Но великолѣпное убранство первыхъ двухъ комнатъ, неслыханныя и невиданныя ими вещи, рѣдкая ме-

бель, картины, огромная статуя Венеры,—все это произвело на нихъ неотразимое впечатлѣніе почтенія и чуть-ли даже не страха. Это не помѣшало, конечно, имъ всѣмъ, мало-по-малу, съ пахальными любопытствомъ, несмотря на страхъ, прѣобрѣться *вслѣдъ* за Рогожинымъ въ гостиную; но когда кулачный господинъ, „проситель“ и нѣкоторые другие замѣтили въ числѣ гостей генерала Еланчина, то въ первое мгновеніе до того были обезкуражены, что стали даже понемногу ретироваться обратно, въ другую комнату. Одинъ только Лебедевъ былъ изъ числа наиболѣе ободренныхъ и убѣжденныхъ, и выступалъ почтѣ рядомъ съ Рогожинымъ, постигая, что въ самомъ дѣлѣ значитъ миллионъ четыреста тысячъ чистыми деньгами и сто тысячъ теперь, сейчасъ же въ рукахъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что всѣ они, не исключая даже знатока Лебедева, нѣсколько сбивались въ познаніи границъ и предѣловъ своего могущества и въ самомъ-ли дѣлѣ имъ теперь все дозволено, или нѣтъ? Лебедевъ въ иныхъ минуты готовъ былъ поклясться, что все, но въ другія минуты ощущалъ беспокойную потребность припомнить про себя, на всякий случай, нѣкоторыя и преимущественно ободрительныя и успокоительныя статейки свода законовъ.

На самого Рогожина гостиная Настасіи Филипповны произвела обратное впечатлѣніе, чѣмъ на всѣхъ его спутниковъ. Только-что приподнялась портьера, и онъ увидѣлъ Настасію Филипповну,—все остальное перестало для него существовать, какъ и давеча утромъ, даже могущественнѣе чѣмъ давеча утромъ. Онъ поблѣдѣлъ и на мгновеніе остановился; угадать можно было, что сердце его билось ужасно. Робко и потерянно смотрѣлъ онъ нѣсколько секундъ, не отводя глазъ, на Настасію Филипповну. Вдругъ, какъ бы потерявъ весь разсудокъ и чуть не шатаясь, подошелъ онъ къ столу; дорогой наткнулся на стулъ Птицына и наступилъ своими грязными сапожицами на круженную отдельку великолѣпного голубого платья молчаливой красавицы-нѣмки; не извинился и не замѣтилъ. Подойдя къ столу, онъ положилъ на него одинъ странный предметъ, съ которымъ и вступилъ въ гостиную, держа его предъ собой въ обѣихъ рукахъ. Это была большая пачка бумаги, вершка три въ высоту и вершка четыре въ длину, крѣпко и плотно завернутая въ *Биржевые Вѣдомости* и обязанныя туго-на-туго со всѣхъ сторонъ и два раза на-крестъ бечевкой, въ родѣ тѣхъ, ко-

торыми обвязывают сахарные головы. Затемъ сталъ, ни слова не говоря и опустивъ руки, какъ бы ожидая своего приговора. Костюмъ его былъ совершенно давешній, кромѣ совсѣмъ новаго шелковаго шарфа на шеѣ, ярко-зеленаго съ краснымъ, съ огромною брильянтовою булавкою, изображавшею жука, и массивнаго брильянтowego перстня на грязномъ пальцѣ правой руки. Лебедевъ до стола не дошелъ шага на три; остальные, какъ сказано было, понемногу набирались въ гостиную. Катя и Паша, горничныя Настасьи Филипповны, тоже прибѣжали глядѣть изъ-за приподнятыхъ портьеръ, съ глубокимъ изумлениемъ и страхомъ.

— Чѣдѣ это такое? спросила Настасья Филипповна, пристально и любопытно оглядѣвъ Рогожина и указывая глазами на „предметъ“.

— Сто тысяч! отвѣтилъ тотъ почти шепотомъ.

— А, сдержанъ-таки слово, каковъ! Садитесь, пожалуйста, вотъ тутъ, вотъ на этотъ стулъ; я вамъ потомъ скажу чѣдѣ-нибудь. Кто съ вами? Вся давешняя компанія? Ну, пусть войдутъ и сядутъ; вонъ тамъ на диванѣ можно, вотъ еще диванъ. Вотъ тамъ два кресла... что же они, не хотятъ, чѣдѣ-ли?

Дѣйствительно, нѣкоторые положительно сконфузились, отретировались и усѣлись ждать въ другой комнатѣ, но иные остались и разсѣлись по приглашенію, но только подальше отъ стола, больше по угламъ, одни все еще желаю нѣсколько стушеваться, другіе чѣмъ дальше, тѣмъ больше и какъ-то неестественно быстро ободряясь. Рогожинъ усѣлся тоже на показанный ему стулъ, но сидѣлъ недолго; онъ скоро всталъ и уже больше не садился. Мало-по-малу онъ сталъ различать и оглядывать гостей. Увидѣвъ Ганю, онъ ядовито улыбнулся и прошепталъ про себя: „вишь!“ На генерала и Аѳанасія Ивановича онъ взглянулъ безъ смущенія и даже безъ особеннаго любопытства. Но когда замѣтилъ подлѣ Настасьи Филипповны князя, то долго не могъ оторваться отъ него, въ чрезвычайномъ удивленіи, и какъ бы не въ силахъ дать себѣ въ этой встрѣчѣ отчетъ. Можно было подозрѣвать, что минутами онъ былъ въ настоящемъ бреду. Кромѣ всѣхъ потрясеній этого дня, онъ всю прошедшую ночь провелъ въ вагонѣ и уже почти двое сутокъ не спалъ.

— Это, господа, сто тысячъ, сказала Настасья Филипповна, обращаясь ко всѣмъ съ какимъ-то лихорадочно-

непрѣливымъ вызовомъ, — вотъ въ этой грязной пачкѣ. Давеча вотъ онъ закричалъ какъ сумасшедшій, что привезетъ мнѣ вечеромъ сто тысячъ, и я все ждала его. Это онъ торговалъ меня: началъ съ восемнадцати тысячъ, потомъ вдругъ скакнулъ на сорокъ, а потомъ вотъ и эти сто. Сдержалъ-таки слово! Фу, какой онъ блѣдный!.. Это давеча все у Ганечки было: я пріѣхала къ его мамашѣ съ визитомъ, въ мое будущее семейство, а тамъ его сестра крикнула мнѣ въ глаза: „Неужели эту безстыжую отсюда не выгонять!“, а Ганечкѣ, брату, въ лицо плонула. Съ характеромъ дѣвушки!

— Настасья Филипповна! укорительно произнесъ генераль.

Онъ начиналъ нѣсколько понимать дѣло, по-своему.

— Чѣмъ такое, генераль? Неприлично, что-ли? Да полно форсить-то! Что я въ театрѣ-то французскомъ, въ ложѣ, какъ неприступная добродѣтель бельэтажная сидѣла, да всѣхъ, кто за мною гонялись пять лѣтъ, какъ дикая бѣгала, и какъ гордая невинность смотрѣла, такъ вѣдь это все дурь меня доѣхала! Вотъ, передъ вами же, пришель да положилъ сто тысячъ на столъ, послѣ пяти-то лѣтъ невинности, и ужъ навѣрно у нихъ тамъ тройки стоять и меня ждутъ. Во сто тысячъ меня оцѣнилъ! Ганечка, я вижу, ты на меня до сихъ поръ еще сердишься? Да неужто ты меня въ свою семью ввести хотѣлъ? Меня-то, Рогожинскую! Князь-то чѣмъ сказалъ давеча?

— Я не то сказалъ, что вы Рогожинская, вы не Рогожинская! дрожащимъ голосомъ выговорилъ князь.

— Настасья Филипповна, полно, матушка, полно, голубушка, не стерпѣла вдругъ Дарья Алексѣвна, — ужъ коли тебѣ такъ тяжело отъ нихъ стало, такъ что смотрѣть-то на нихъ! И неужели ты съ этакимъ отправиться хочешь, хоть и за сто бы тысячъ! Правда, сто тысячъ — ишь вѣдь! А ты сто тысячъ возьми, а его прогони, вотъ какъ съ ними надо дѣлать; эхъ, я бы на твоемъ мѣстѣ ихъ всѣхъ... чѣмъ въ самомъ-то дѣлѣ!

Дарья Алексѣвна даже въ гнѣвъ вошла. Это была женщина добрая и весьма впечатлительная.

— Да ты не сердись, Дарья Алексѣвна, усмѣхнулась ей Настасья Филипповна, — вѣдь я ему не сердясь говорила. Попрекнула, что-ль, я его? Я и впрямь понять не могу, какъ на меня эта дурь нашла, что я въ честную семью хотѣла войти. Видѣла я его мать-то, руку у ней поцѣ-

ловала. А что я давеча издѣвалась у тебя, Ганечка, такъ это я парочно хотѣла сама въ послѣдній разъ посмотретьъ: до чего ты самъ можешьъ дойти? Ну, удивилъ же ты меня, право. Многаго я ждала, а этого нѣтъ! Да неужто ты меня взять могъ, зная, что вотъ онъ мнѣ такой жемчугъ дарить, чутъ не наканунѣ твоей свадьбы, а я беру? А Рогожинъ-то? Вѣдь онъ въ твоемъ домѣ, при твоей матери и сестрѣ, меня торговалъ, а ты вотъ все-таки послѣ того свататься пріѣхалъ, да чутъ сестру не привезъ! Да неужто же правду про тебя Рогожинъ сказалъ, что ты за три цѣлковыхъ на Васильевскій ползкомъ доползешь?

— Доползеть, проговорилъ вдругъ Рогожинъ тихо, но съ видомъ величайшаго убѣжденія.

— И добро бы ты съ голоду умиралъ, а ты вѣдь жалованье, говорятъ, хорошее получаешь! Да ко всему-то въ придачу, кромѣ позора-то, ненавистную жену ввести въ домъ! (потому что вѣдь ты меня ненавидишь, я это знаю!). Нѣтъ, теперь я вѣрю, что этакой за деньги зарѣжетъ! Вѣдь теперь ихъ всѣхъ такая жажда обуила, такъ ихъ разнимаетъ на деньги, что они словно одурѣли. Самъ ребенокъ, а ужъ лѣзть въ ростовщики! А то памотаетъ на бритву шелку, закрѣпить, да тихонько сзади и зарѣжетъ пріятеля, какъ барана, какъ я читала недавно. Ну, безстыдникъ же ты! Я безстыжая, а ты того хуже. Я про того букетника ужъ и не говорю...

— Вы-ли это, вы-ли это, Настасья Филипповна! всплеснуль руками генераль въ истинной горести.— Вы, такая деликатная, съ такими тонкими мыслями, и вотъ! Какой языкъ! Какія слова!

— Я теперь во хмелю, генераль, засмѣялась вдругъ Настасья Филипповна,—я гулять хочу! Сегодня мой день, мой табельный день, мой високосный день, я его давно поджидала. Дарья Алексѣевна, видишь ты вотъ этого букетника, вотъ этого Monsieur aux camélias, вотъ онъ сидить, да смѣется на насъ...

— Я не смѣюсь, Настасья Филипповна, я только съ величайшимъ вниманіемъ слушаю, съ достоинствомъ отпарила Толкій.

— Ну, вотъ, за что я его мучила цѣлый пять лѣтъ и отъ себя не отпускала? Стоилъ-ли того? Онъ просто та��ъ, какимъ долженъ быть... Еще онъ меня виноватою передъ собою сочтетъ: воспитаніе вѣдь далъ, какъ графиню содержалъ, денегъ-то, денегъ-то сколько ушло, чест-

наго мужа мнѣ пріискать еще тамъ, а здѣсь Ганечку; и что же бѣ ты думала; я съ нимъ эти пять лѣтъ не жила, а деньги-то съ него брала и думала, что права! Совсѣмъ вѣдь я съ толку сбила себя! Ты вотъ, говоришь, сто тысячъ возьми, да и прогони, коли мерзко. Оно правда, что мерзко... Я бы и замужъ давно могла выйти, да и не то что за Гавечку, да вѣдь очень ужъ тоже мерзко. И за что я моихъ пять лѣтъ въ этой злобѣ потеряла! А вѣришь, иль нѣть, я, года четыре тому назадъ, временемъ думала, не выйти-ли мнѣ ужъ и вирамъ за моего Аѳанасія Ивановича? Я тогда это со злости думала; мало-ли что у меня тогда въ головѣ перебывало; а вѣдь, право, заставила-бы! Самъ напрашивался, вѣришь иль нѣть? Правда, онъ лгалъ, да вѣдь падокъ ужъ очень, выдержать не можетъ. Да по томъ, слава Богу, подумала: стойти онъ такой злости! И такъ мнѣ мерзко стало тогда вдругъ на него, что если бѣ и самъ присватался, не попла бы. И цѣлыхъ-то пять лѣтъ я такъ форсила! Нѣть, ужъ лучше на улицу, гдѣ мнѣ и слѣдуетъ быть! Иль разгуляться съ Рогожинымъ, иль завтра же въ прачки пойти! Потому вѣдь па мнѣ ничего своего; уйду—все ему брошу, послѣднюю тряпку оставлю, а безъ всего меня кто возьметъ, спроси-ка вотъ Ганю, возьметъ-ли? Да меня и Фердыщенко не возьметъ!...

— Фердыщенко, можетъ-быть, не возьметъ, Настасья Филипповна, я человѣкъ откровенный, перебилъ Фердыщенко,—зато князь возьметъ! Вы вотъ сидите, да плачетесь, а вы взгляните-ка на князя! Я ужъ давно наблюдаю...

Настасья Филипповна съ любопытствомъ обернулась къ князю.

— Правда? спросила она.

— Правда, прошепталъ князь.

— Возьмете, какъ есть, безъ ничего!

— Возьму, Настасья Филипповна...

— Вотъ и новый анекдотъ! пробормоталъ генераль. — Ожидать было можно!

Князь скорбнымъ, строгимъ и проницающимъ взглядомъ смотрѣлъ въ лицо продолжавшей его оглядывать Настасью Филипповны.

— Вотъ еще нашелся! сказала она вдругъ, обращаясь опять къ Дарьѣ Алексѣевѣ. — А вѣдь вирамъ отъ добра го сердца, я его знаю. Благодѣтеля нашла! А, впрочемъ, правду, можетъ, про него говорить, что... того.

Чѣмъ жить-то будешь, коли ужъ такъ влюблень, что Рогожинскую берешь, за себя-то, за князя-то?..

— Я васъ честную беру, Настасья Филипповна, а не Рогожинскую, сказаль князь.

— Это я-то честная?

— Вы.

— Ну, это тамъ... изъ романовъ! Это, князь-голубчикъ, старая бредни, а нынче свѣтъ поумнѣлъ, и все это вздоръ! Да и куда тебѣ жениться, за тобой за самимъ еще нянѣкѣ нужно!

Князь всталъ и дрожащимъ, робкимъ голосомъ, но въ то же время съ видомъ глубоко убѣженного человека, произнесъ:

— Я ничего не знаю, Настасья Филипповна, я ничего не видѣлъ, вы правы, но я... я считаю, что вы мнѣ, а не я сдѣлаю честь. Я ничто, а вы страдали и изъ такого ада чистая вышли, а это много. Къ чему же вы стыдились, да съ Рогожинымъѣхать хотите? Это лихорадка... Вы господину Тоцкому семьдесятъ тысячъ отдали и говорите, что все чтò здѣсь есть, все бросите, этого никто здѣсь не сдѣлаетъ. Я васъ... Настасья Филипповна... люблю. Я умру за васъ, Настасья Филипповна. Я никому не позволю про васъ слова сказать, Настасья Филипповна... Если мы будемъ бѣдны, я работать буду, Настасья Филипповна...

При послѣднихъ словахъ послышалось хихиканье Фердинченка, Лебедева, и даже генераль про себя какъ-то крякнулъ съ большимъ неудовольствиемъ. Птицынъ и Тоцкий не могли не улыбнуться, но сдержались. Остальные просто разинули рты отъ удивленія.

— ...Но мы, можетъ-быть, будемъ не бѣдны, а очень богаты, Настасья Филипповна, продолжалъ князь тѣмъ же робкимъ голосомъ.—Я, впрочемъ, не знаю навѣрно, и жаль, что до сихъ поръ еще узнать ничего не могъ въ цѣлый день, но я получилъ въ Швейцаріи письмо изъ Москвы отъ одного господина Салазкина, и онъ меня увѣдомляетъ, что я будто бы могу получить очень большое наслѣдство. Вотъ это письмо...

Князь действительно вынулъ изъ кармана письмо.

— Да онъ уже не бредитъ-ли? пробормоталъ генераль.—Сумасшедшій домъ настоящій!

На мгновеніе послѣдовало нѣкоторое молчаніе.

— Вы, кажется, сказали, князь, что письмо къ вамъ

оть Салазкина? спросилъ Птицынъ.---Это очень извѣстный въ своеемъ кругу человѣкъ; это очень извѣстный ходокъ по дѣламъ, и если дѣйствительно онъ васъ увѣдомляетъ, то вполнѣ можете вѣрить. Къ счастью, я руку знаю, потому что недавно дѣло имѣль... Если бы вы дали мнѣ взглянуть, можетъ - быть, могъ бы вамъ что - нибудь и сказать.

Князь, молча, дрожащею рукой протянулъ ему письмо.

— Да что такое, что такое? спохватился генералъ, смотря на всѣхъ, какъ полоумный.—Да неужто наслѣдство?

Всѣ устремили взгляды на Птицына, читавшаго письмо. Общее любопытство получило новый и чрезвычайный толчокъ. Фердыщенку не сидѣлось; Рогожинъ смотрѣлъ въ недоумѣніи и въ ужасномъ безнокойствѣ, переводилъ взгляды то на князя, то на Птицына. Дарья Алексѣевна въ ожиданіи была какъ на иголкахъ. Даже Лебедевъ не утерпѣлъ, вышелъ изъ своего угла и, согнувшись въ три погибели, сталъ заглядывать въ письмо черезъ плечо Птицына, съ видомъ человѣка, опасающагося, что ему сейчасъ дадутъ за это колотушку.

XVI.

— Вѣрное дѣло, объявилъ, наконецъ, Птицынъ, складывая письмо и передавая его князю.---Вы получаете бѣзо всякихъ хлопотъ, по неоспоримому духовному завѣщанію вашей тетки, чрезвычайно большой капиталъ.

— Быть не можетъ! воскликнулъ генералъ, точно выстрѣлилъ.

Всѣ опять разинули рты.

Птицынъ объяснилъ, обращаясь преимущественно къ Ивану Федоровичу, что у князя пять мѣсяцевъ тому назадъ умерла тетка, которой онъ никогда не зналъ лично, родная и старшая сестра матери князя, дочь московскаго купца третьей гильдіи, Шапушкина, умершаго въ бѣдности и въ банкротствѣ. Но старшій, родной братъ этого Шапушкина, недавно также умершій, былъ извѣстный богатый купецъ. Съ годъ тому назадъ у него умерли почти въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ два его единственныхъ сына. Это такъ его поразило, что старикъ, недолго спустя, самъ заболѣлъ и умеръ. Онъ былъ вдовъ, совершенно никого наслѣдниковъ, кроме тетки князя, родной племянницы Шапушкина, весьма бѣдной женщины и проживавшей въ чужомъ домѣ. Во время получения наслѣдства, эта тетка

уже почти умирала отъ водяной, но тотчасъ же стала разыскивать князя, поручивъ это Салазкину, и успѣла сдѣлать завѣщеніе. Повидимому, ни князь, ни докторъ, у котораго онъ жилъ въ Швейцаріи, не захотѣли ждать официальныхъ увѣдомленій или дѣлать справки, а князь, съ письмомъ Салазкина въ карманѣ, рѣшился отправиться самъ...

— Однако только могу вамъ сказать, заключилъ Штицынъ, обращаясь къ князю, — что все это должно быть безспорно и право, и все, что пишетъ вамъ Салазкинъ о безспорности и законности вашего дѣла, можете принять какъ за чистыя деньги въ карманѣ. Поздравляю васъ, князь! Можетъ-быть, тоже миллиона полтора получите, а, пожалуй, что и больше. Папушинъ былъ очень богатый купецъ.

— Ай да послѣдній въ родѣ князь Мышкинъ! завоевалъ Фердыщенко.

— Ура! пьянымъ голосомъ прохрипѣлъ Лебедевъ.

— А я-то ему давеча двадцать пять цѣлковыхъ ссудилъ, бѣдняжкѣ, ха-ха-ха! Фантасмагорія, да и только! почти ошеломленный отъ изумленія, проговорилъ генераль. — Ну, поздравляю, поздравляю!

И вставъ съ мѣста, подошелъ къ князю обнять его. За нимъ стали вставать и другие, и тоже полѣзли къ князю. Даже отретировавшіеся за портьеру стали появляться въ гостиной. Шошель смутный говоръ, восклицанія, раздались даже требованія шампанскаго; все затолкалось, засуетилось. На мгновеніе чуть не позабыли Настасью Филипповну и что все-таки она хозяйка своего вечера. Но мало-по-малу всѣмъ почти разомъ представилась идея, что князь только — что сдѣлалъ ей предложеніе. Дѣло, стало — быть, представлялось еще втрое болѣе сумасшедшими и необыкновеннымъ, чѣмъ прежде. Глубоко изумленный Тодорский пожималъ плечами; почти только онъ одинъ и сидѣлъ, остальная толпа вся въ беспорядкѣ тѣснилась вокругъ стола. Всѣ утверждали потомъ, что съ этого-то мгновенія Настасья Филипповна и помѣшалась. Она продолжала сидѣть и нѣкоторое время оглядывала всѣхъ страннымъ, удивленнымъ какимъ-то взглядомъ, какъ бы не понимая и силясь сообразить. Потомъ она вдругъ обратилась къ князю и, грозно нахмуривъ брови, пристально его разглядывала; но это было на мгновеніе; можетъ-быть, ей вдругъ показалось, что все это шутка, насмѣшка; но видъ князя

тотчасъ ее разувѣрилъ. Она задумалась, опять потомъ улыбнулась, какъ бы не сознавая ясно чѣму...

— Значить, въ самомъ дѣлѣ княгиня! прошептала она про себя, какъ бы насмѣшило и, взглянувъ нечаянно на Дарью Алексѣевну, засмѣялась.—Развязка неожиданная... я... не такъ ожидала... Да что же вы, господа, стоите, сдѣлайте одолженіе, садитесь, поздравьте меня съ княземъ! Кто-то, кажется, просилъ шампанскаго; Фердыщенко, сходите, прикажите. Катя, Паша, увидала она вдругъ въ дверяхъ своихъ дѣвушекъ, — подите сюда, я замужъ выхожу, слышали? За князя, у него полтора миллиона, онъ князь Мышкинъ и меня береть!

— Да и съ Богомъ, матушка, пора! Нечего пропускать-то! крикнула Дарья Алексѣевна, глубоко потрясенная проишедшимъ.

— Да садитесь же подлѣ меня, князь, продолжала Настасья Филипповна, — вотъ такъ, а вотъ и винонесутъ, поздравьте же, господа!

— Ура! крикнуло множество голосовъ.

Многіе затѣснились къ вину, въ томъ числѣ были почти всѣ Рогожинцы. Но хоть они и кричали, и готовы были кричать, но многіе изъ нихъ, несмотря на всю странность обстоятельствъ и обстановки, почувствовали, что декорация перемѣняется. Другіе были въ смущеніи и ждали недовѣрчиво. А многіе шептали другъ другу, что вѣдь дѣло это самое обыкновенное, что мало-ли на комъ князя женятся, и цыганокъ изъ тaborовъ берутъ. Самъ Рогожинъ стоялъ и глядѣлъ, искрививъ лицо въ неподвижную, недоумѣвающую улыбку.

— Князь, голубчикъ, опомнись! съ ужасомъ шепнулъ генераль, подойдя сбоку и дергая князя за рукавъ.

Настасья Филипповна замѣтила и захочотала.

— Нѣть, генераль! Я теперь и сама княгиня, слышали, — князь меня въ обиду не дастъ! Аѳанасій Ивановичъ, поздравьте вы-то меня; я теперь съ вашею женою вездѣ рядомъ сяду; какъ вы думаете, выгодно такого мужа имѣть? Полтора миллиона, да еще князь, да еще, говорятъ, идіотъ въ придачу, чего лучше? Только теперь и начнется настоящая жизнь! Опоздалъ, Рогожинъ! Убирай свою пачку, я за князя замужъ выхожу и сама багаче тебя!

Но Рогожинъ постигъ въ чемъ дѣло. Невыразимое стра-

даніе отпечатлълось въ лицѣ его. Онъ всплеснулъ руками и стонъ вырвался изъ его груди.

— Отступись! прокричалъ онъ князю.

Кругомъ засмѣялись.

— Это для тебя отступиться-то? торжествуя, подхватали Дарья Алексѣвна.—Ишь, деньги вывалиль на столъ, мужикъ! Князь-то замужъ беретъ, а ты безобразничать явился!

— И я беру! Сейчасъ беру, сю минуту! Все отдамъ...

— Ишь, пьяный изъ кабака, выгнать тебя надо! въ негодований повторила Дарья Алексѣвна.

Смѣхъ пошелъ пуще.

— Слышишь, князь, обратилась къ нему Настасья Филипповна,—вотъ какъ твою невѣstu мужикъ торгуетъ.

— Онъ пьянъ, сказалъ князь.—Онъ васъ очень любить.

— А не стыдно тебѣ потомъ будеть, что твоя невѣста чутъ съ Рогожинымъ пе уѣхала?

— Это вы въ лихорадкѣ были, вы и теперь въ лихорадкѣ, какъ въ бреду.

— И не постыдишься, когда потомъ тебѣ скажуть, что твоя жена у Тоцкаго въ содерянкахъ жила?

— Нѣть, не постыжусь... Вы не по своей волѣ у Тоцкаго были.

— И никогда не попрекнешь?

— Не попрекну.

— Ну, смотри, за всю жизнь не ручайся!

— Настасья Филипповна, сказалъ князь тихо и какъ бы съ состраданіемъ,—я вамъ давеча говорилъ, что за честь приму ваше согласіе, и что вы мнѣ честь дѣлаете, а не я вамъ. Вы на эти слова усмѣхнулись, и кругомъ, я слышалъ, тоже смѣялись. Я, можетъ-быть, смѣшилъ очень выразился и былъ самъ смѣшонъ, но мнѣ все казалось, что я... понимаю въ чёмъ честь иувѣренъ, что я правду сказалъ. Вы сейчасъ загубить себя хотѣли, безвозвратно, потому что вы никогда не простили бы себѣ потомъ этого: а вы ни въ чёмъ не виноваты. Быть не можетъ, чтобы ваша жизнь совсѣмъ уже погибла. Чѣ-жъ такое, что къ вамъ Рогожинъ пришелъ, а Гаврила Ардаліоновичъ васъ обмануть хотѣлъ? Зачѣмъ вы безпрестанно про это упоминаете? То, что вы сдѣлали, на то немногіе способны, это я вамъ повторяю, а что вы съ Рогожинымъ ѿхать хотѣли, то это вы въ болѣзненномъ принадкѣ рѣшили. Вы и теперь въ припадкѣ, и лучше бы вамъ идти въ

постель. Вы завтра же въ прачки бы пошли, а не остались бы съ Рогожинымъ. Вы горды, Настасья Филипповна, но, можетъ-быть, вы уже до того несчастны, что и дѣйствительно виновною себя считаете. За вами нужно много ходить, Настасья Филипповна. Я буду ходить за вами. Я давеча вашъ портретъ увидаль, и точно я знакомое лицо узналъ. Мнѣ тотчасъ показалось, что вы какъ будто уже звали меня... Я... я васъ буду всю жизнь уважать, Настасья Филипповна, заключилъ вдругъ князь, какъ бы вдругъ опомнившись, покраснѣвъ и сообразивъ, передъ какими людьми онъ это говоритъ.

Птицынъ такъ даже отъ цѣломудрія наклонилъ голову и смотрѣль въ землю. Тоцкій про себя подумалъ: „идіотъ, а знаетъ, что лестью всего лучше возмешь, натура!“ Князь замѣтилъ тоже изъ угла сверкающій взглядъ Гани, которымъ тотъ какъ бы хотѣль испепелить его.

— Вотъ такъ добрый человѣкъ! провозгласила умилившаяся Дарья Алексѣвна.

— Человѣкъ образованный, но погибшій! вполноголоса прошепталъ генералъ.

Тоцкій взялъ шляпу и приготовился встать, чтобы тихонько скрыться. Онъ и генералъ переглянулись, чтобы выйти вмѣстѣ.

— Спасибо, князь, со мной такъ никто не говорилъ до сихъ поръ, проговорила Настасья Филипповна.—Меня все торговали, а замужъ никто еще не сваталъ изъ порядочныхъ людей. Слышали, Аѳанасій Ивановичъ? Какъ вамъ покажется, все что князь говорилъ? Вѣдь почти что не-прилично... Рогожинъ! Ты погоди уходить-то. Да ты и не уйдешь, я вижу. Можетъ, я еще съ тобой отправлюсь. Ты куда везти-то хотѣль?

— Въ Екатерингофъ, отрапортовалъ изъ угла Лебедевъ, а Рогожинъ только вздрогнулъ и смотрѣль во всѣ глаза, какъ бы не вѣря себѣ. Онъ совсѣмъ отупѣлъ, точно отъ ужаснаго удара по головѣ.

— Да чѣдѣ ты, чѣдѣ ты, матушка! Подлинно припадки находяться: съ ума, что-ли, сошла? вскинулась искугненная Дарья Алексѣвна.

— А ты и впрямь думала? хохоча, вскочила съ дивана Настасья Филипповна.—Этакого-то младенца сгубить? Да это Аѳанасію Иванычу въ ту-жъ пору: это онъ младенцевъ любить! Ёдемъ, Рогожинъ! Готовъ свою пачку! Ничего, что жениться хочешь, а деньги-то все-таки давай.

Я за тебя-то еще и не пойду, можетъ-быть. Ты думалъ, что какъ самъ жениться хотѣлъ, такъ пачка у тебя и останется? Врешь! Я сама безстыдница! Я Тоцкаго наложницей была... Князь! тебѣ теперь надо Аглаю Епанчину, а не Настасью Филипповну, а то что—Фердыщенко-то пальцами будетъ указывать! Ты не боишься, да я буду бояться, что тебя загубила, да что потомъ ионрекнешь! А что ты объявляешь, что я честь тебѣ сдѣлаю, такъ про то Тоцкій знаетъ. А Аглаю-то Епанчину ты, Ганечка, просмотрѣлъ: зналь-ли ты это? Не торговался бы ты съ ней, она непремѣнно бы за тебя вышла! Вотъ такъ-то вы всѣ: или съ безчестными, или съ честными женщинами знать-ся,—одинъ выборъ! А то непремѣнно спутаешься... Ишь, генераль-то смотритъ, ротъ раскрылъ...

— Это Содомъ, Содомъ! повторялъ генераль, вскидывая плечами.

Онъ тоже всталъ съ дивана; всѣ опять были на погахъ. Настасья Филипповна была какъ бы въ изступленіи.

— Неужели! простональ князь, ломая руки.

— А ты думалъ, нѣтъ? Я, можетъ-быть, и сама гордая, нужды нѣтъ, что безстыдница! Ты меня совершенствомъ давеча называлъ; хорошо совершенство, что изъ одной похвальбы, что миллионъ и княжество растоптала, въ трущобу идетъ! Ну, какая я тебѣ жена послѣ этого? Леонасій Иванычъ, а вѣдь миллионъ я и въ самомъ дѣлѣ въ окно выбросила! Какъ же вы думали, что я за Ганечку, да за ваши семьдесятъ пять тысячъ за счастье выйти сочту? Семьдесятъ пять тысячъ ты возьми себѣ, Леонасій Иванычъ (и до ста-то не дошелъ, Рогожинъ перещеголялъ!); а Ганечку я утѣшу сама, миѣ мысль пришла. А теперь я гулять хочу, я вѣдь уличная! Я десять лѣтъ въ тюрьмѣ просидѣла, теперь мое счастье! Что же ты, Рогожинъ? Собирайся, Ѣдемъ!

— Щемъ! заревѣлъ Рогожинъ, чуть не въ изступленіи отъ радости.—Ей вы... кругомъ... вина! Ухъ!

— Припасай вина, я пить буду. А музыка будетъ?

— Будетъ, будетъ! Не подходи! завопилъ Рогожинъ въ изступленіи, увида, что Дарья Алексѣевна подходитъ къ Настасье Филипповнѣ.—Моя! Все мое! Королева! Конецъ!

Опъ отъ радости задыхался; онъ ходилъ вокругъ Настасии Филипповны и кричалъ на всѣхъ: „не подходи!“ Вся компания уже набилась въ гостиную. Одни пили, другие кричали и хохотали, всѣ были въ самомъ возвужденіи.

номъ и непринужденномъ состояніи духа. Фердыщенко начиналъ пробовать къ нимъ пристроиться. Генераль и Тоцкій сдѣлали опять движение поскорѣе скрыться. Ганя тоже былъ со шляпой въ рукѣ, но онъ стоялъ молча и все еще какъ бы оторваться не могъ отъ развивавшейся передъ нимъ картины.

— Не подходи! кричалъ Рогожинъ.

— Да что ты орешь-то! хотела на него Настасья Филипповна.—Я еще у себя хозяйка; захочу, еще тебя въ толчки выгоню. Я не взяла еще съ тебя денегъ-то, вонъ онъ лежать; давай ихъ сюда, всю пачку! Это въ этой-то пачкѣ сто тысячъ? Фу, какая мерзость! Чего ты, Дарья Алексѣевна? Да неужто же мнѣ его загубить было? (Она показала на князя). Гдѣ ему жениться, ему самому еще нянѣкѣ надо; вонъ генераль и будетъ у него въ нянѣкахъ,—ишь за нимъ увивается! Смотри, князь, твоя невѣста деньги взяла, потому что она распутная, а ты ее брать хотѣлъ! Да что ты плачешь-то? Горыко, что-ли? А ты смѣйся, по-моему (продолжала Настасья Филипповна, у которой у самой засверкали двѣ крупные слезы на щекахъ). Времени вѣрь—все пройдетъ! Лучше теперь одуматься, чѣмъ потомъ... Да что вы всѣ плачете—вотъ и Катя плачетъ! Чего ты, Катя, милая? Я вамъ съ Пашей много оставлю, уже распорядилась, а теперь прощайте! Я тебя, честную дѣвушку, за собой, за распутной, ухаживать заставляла... Эта-то лучше, князь, право лучше, потомъ презирать меня стать бы, и не было бы намъ счастья! Не клянись, не вѣрю! Да и какъ глупо-то было бы!.. Нѣть, лучше простимся по-доброму, а то вѣдь я и сама мечтательница, проку бы не было! Развѣ я сама о тебѣ не мечтала? Это ты правъ, давно мечтала, еще въ деревнѣ у него пять лѣтъ прожила одна-одинехонька; думаешь-думаешь, бывало-то, мечтаешь-мечтаешь,—и вотъ все такого какъ ты воображала, доброго, честнаго, хорошаго, и такого же глупенькаго, что вдругъ придетъ, да и спажетъ: „Вы не виноваты, Настасья Филипповна, а я васъ обожаю!“ Да такъ бывало размечтаешься, что съ ума сойдешь... А тутъ пріѣдетъ вотъ этотъ: мѣсяца по два гостили въ году, опозорить, разобидить, распалить, развратить, уѣхать,—такъ тысячу разъ въ прудъ хотѣла кинуться, да подла была, души не хватало; ну, а теперь... Рогожинъ, готовъ?

— Готово! Не подходи!

— Готово! раздалось нѣсколько голосовъ.

— Тройки ждуть, съ колокольчиками!

Настасья Филипповна схватила въ руки пачку.

— Ганька, ко мнѣ мысль пришла: я тебѣ вознаградить хочу, потому за чѣм же тебѣ все-то терять? Рогожинъ, доползеть снѣ на Васильевскій за три цѣлковыхъ?

— Доползетъ!

— Ну, такъ слушай же, Ганя, я хочу на твою душу въ послѣдній разъ посмотрѣть; ты меня самъ цѣлые три мѣсяца мучилъ; теперь мой чередъ. Видишь ты эту пачку, въ ней сто тысячъ! Вотъ я ее сейчасъ брошу въ каминъ, въ огонь, вотъ при всѣхъ, всѣ свидѣтели! Какъ только огонь обхватитъ ее всю,—полѣзай въ каминъ, но только безъ перчатокъ, съ голыми руками, и рукава отверни, и тащи пачку изъ огня! Вытащишь—твоя, всѣ сто тысячъ твои! Капельку только пальчики обожжешь,—да вѣдь сто тысячъ, подумай! Долго-ли выхватить! А я на душу твою полюбуюсь, какъ ты за моими деньгами въ огонь полѣзѣшь. Всѣ свидѣтели, что пачка будетъ твоя! А не полѣзешь, такъ и сгоритъ; никого не пущу. Прочь! Всѣ прочь! Мои деньги! Я ихъ за ночь у Рогожина взяла. Мои-ли деньги, Рогожинъ?

— Твои, радость! Твои, королева!

— Ну, такъ всѣ прочь, чѣм хочу, то и дѣлаю! Не мѣшать! Фердыщенко, поправьте огонь!

— Настасья Филипповна, руки не подымаются! отвѣчалъ ошеломленный Фердыщенко.

— Э-эхъ! крикнула Настасья Филипповна, схватила каминные щипцы, разгребла два тлѣвшія полѣна, и чуть только вспыхнула огонь, бросила на него пачку.

Крикъ раздался кругомъ; многіе даже перекрестились.

— Съ ума сошла! Съ ума сошла! кричали кругомъ.

— Не... не... связать-ли намъ ее? шепнулъ генераль Птицыну.—Или не послать-ли... Съ ума вѣдь сошла, вѣдь сошла, сошла?

— Н-нѣтъ, это, можетъ-быть, не совсѣмъ сумасшествіе? прошепталъ блѣдный какъ платокъ и дрожащій Птицынъ, не въ силахъ отвести глазъ своихъ отъ затлѣвшейся пачки.

— Сумасшедшая? Вѣдь сумасшедшая? приставалъ генераль къ Тоцкому.

— Я вамъ говорилъ, что колоритная женщина, проборомоталъ тоже отчасти поблѣднѣвшій Аѳанасій Ивановичъ.

— Но вѣдь, однажды, сто тысяч!..

— Господи, Господи! раздавалось кругомъ. Всѣ затѣснились вокругъ камина, всѣ лѣзли смотрѣть, всѣ воскликнѣли... Иные даже вскочили на стулья, чтобы смотрѣть透过 головы. Дарья Алексѣвна выскочила въ другую комнату и въ страхѣ шептала съ Катей и съ Пашей. Красавица-пѣмка убѣжала.

— Матушка! Королевна! Всемогущая! вопилъ Лебедевъ, ползая на колѣнкахъ передъ Настасьей Филипповной и простирая руки къ камину. — Сто тысяч, сто тысяч! Самъ видѣлъ, при мнѣ упаковывали! Матушка! Милостивая! Повели мнѣ въ каминъ: весь влѣзу, всю голову свою сѣдую въ огонь вложу!.. Больная жена безъ ногъ, тринадцать человѣкъ дѣтей — все сироты, отца скорониль на прошлой недѣлѣ, голодный сидитъ, Настасья Филипповна!

И провопивъ, онъ поползъ было въ каминъ.

— Прочь! закричала Настасья Филипповна, отталкивая его. — Разступитесь всѣ! Ганя, чего же ты стоишь? Не стыдись, полѣзай! Твоё счастье!

Но Ганя уже слишкомъ много вынесъ въ этотъ день и въ этотъ вечеръ, и къ этому послѣднему неожиданному испытанію не былъ приготовленъ. Толна разстутилась предъ ними на двѣ половины, и онъ остался глазъ-на-глазъ съ Настасьей Филипповной, въ трехъ шагахъ отъ нея разстоянія. Она стояла у самаго камина и ждала, не спуская съ него огненнаго, пристальнаго взгляда. Ганя, во фракѣ, со шляпой въ рукѣ и съ перчатками, стоялъ предъ нею молча и безотвѣтно, скрестивъ руки и смотря на огонь. Безумная улыбка бродила на его блѣдномъ какъ платокъ лицѣ. Правда, онъ не могъ отвести глазъ отъ огня, отъ затлѣвшейся пачки; но, казалось, что-то новое взошло ему въ душу; какъ будто онъ поклялся выдержать пытку; онъ не двигался съ мѣста; черезъ нѣсколько мгновеній всѣмъ стало ясно, что онъ не пойдетъ за пачкой, не хочетъ идти.

— Эй, сгорятъ, тебя же застыдять, кричала ему Настасья Филипповна. — Вѣдь послѣ повѣсишься, я не шучу!

Огонь, вспыхнувшій вначалѣ между двумя дотлѣвшими головами, сперва было потухъ, когда упала на него и придавила его пачка. Но маленько, синее пламя еще цѣплялось снизу за одинъ уголъ нижней головешки. Наконецъ, тонкій, длинный язычокъ огня лизнулъ и пачку, огонь прицепился и побѣжалъ вверхъ по бумагѣ по угламъ,

и вдругъ вся пачка вспыхнула въ каминѣ, и яркое пламя рванулось вверхъ. Всѣ ахнули.

— Матушка! все еще вопилъ Лебедевъ, опять порываясь впередъ, но Рогожинъ оттащилъ и оттолкнулъ его снова.

Самъ Рогожинъ весь обратился въ одинъ неподвижный взглядъ. Онъ оторваться не могъ отъ Настасьи Филипповны, онъ упивался, онъ былъ на седьмомъ небѣ.

— Вотъ это такъ королева! повторялъ онъ номинутно, обращаясь кругомъ къ кому ни попало. — Вотъ это такъ по-нашему! вскрикивалъ онъ, не помня себя. — Ну, кто изъ васъ, мазурики, такую штуку сдѣлаетъ, а?

Князь наблюдалъ грустно и молча.

— Я зубами выхвачу за одну только тысячу! предложилъ было Фердыщенко.

— Зубами-то и я бы сумѣлъ! проскрежеталъ кулачный господинъ сзади всѣхъ въ припадкѣ рѣшительнаго отчаянія.—Ч-чортъ возьми! Горитъ, все горитъ! вскричалъ онъ, увидѣвъ пламя.

— Горитъ, горитъ! кричали всѣ въ одинъ голосъ, почти всѣ тоже порываясь къ камину.

— Ганя, не ломайся, въ послѣдній разъ говорю!

— Полѣзай! заревѣлъ Фердыщенко, бросаясь къ Ганѣ въ рѣшительномъ изстушеніи и дергалъ его за рукавъ.—Полѣзай, фанфарониш카! Сгорить! О, пр-р-роклятый!

Ганя съ силой оттолкнулъ Фердыщенка, повернулся и пошелъ къ дверямъ; но, не сдѣлавъ и двухъ шаговъ, зашатался и грохнулся обѣ полъ.

— Обморокъ! закричали кругомъ.

— Матушка, сгорятъ! вошиль Лебедевъ.

— Даромъ сгорятъ! ревѣли со всѣхъ сторонъ.

— Катя, Паша, воды ему, спирту! крикнула Настасья Филипповна, схватила каминные щипцы и выхватила пачку.

Всѣ почти паружная бумага обгорѣла и тлѣла, но тотъ часъ же было видно, что внутренность была не тронута. Пачка была обернута въ тройной газетный листъ, и деньги были цѣлы. Всѣ вздохнули свободнѣе.

— Развѣ только тысячоночка какая-нибудь поиспортилась, а остальная вся цѣлы, съ умиленіемъ выговорилъ Лебедевъ.

— Всѣ его! Всѧ пачка его! Слышите, господа! провозгласила Настасья Филипповна, кладя пачку возлѣ Гани.—

А не поптѣль-таки, выдержалъ! Значить, самолюбія еще больше, чѣмъ жажды денегъ. Ничего, очнется! А то бы зарѣзаль, пожалуй... Вонъ ужъ и приходитъ въ себя. Генералъ, Иванъ Петровичъ, Дарья Алексѣвна, Катя, Паша, Рогожинъ, слышали? Начка его, Ганина. Я отдаю ему въ полную собственность, въ вознагражденіе... ну, тамъ, чего бы то ни было! Скажите ему. Пусть тутъ подлѣ него и лежитъ... Рогожинъ, марш! Прощай, князь, въ первый разъ человѣка видѣла! Прощайте, Аѳанасій Ивановичъ, merci!

Вся Рогожинская ватага съ шумомъ, съ громомъ, съ криками пронеслась по комнатамъ къ выходу, вслѣдъ за Рогожинымъ и Настасіей Филипповной. Въ залѣ дѣвушки подали ей шубу; кухарка Мареа прибѣжала изъ кухни. Настасія Филипповна всѣхъ ихъ перецѣловала.

— Да неужто, матушка, вы насъ совсѣмъ покидаете? Да куда же вы пойдете? И еще въ день рожденія, въ такой день! спрашивали расплакавшіяся дѣвушки, цѣлюя у ней руки.

— На улицу пойду, Катя, ты слышала, тамъ мнѣ и мѣсто, а не то въ прачки! Довольно съ Аѳанасіемъ Ивановичемъ! Кланяйтесь ему отъ меня, а меня не поминайте лихомъ...

Князь стремглавъ бросился къ подъѣзду, гдѣ всѣ разсаживались на четырехъ тройкахъ съ колокольчиками. Генералъ успѣлъ догнать его еще на лѣстницѣ.

— Помилуй, князь, опомнись! говорилъ онъ, хватая его за руку.— Брось! Видишь какая она! Какъ отецъ говорю...

Князь поглядѣлъ на него, но, не сказавъ ни слова, вырвался и побѣжалъ внизъ.

У подъѣзда, отъ которого только что откатили тройки, генералъ разглядѣлъ, что князь схватилъ первого извозчика и крикнулъ ему: „въ Екатерингофъ, вслѣдъ за тройками“. Затѣмъ подкатилъ генеральскій сѣренѣкій рысачокъ и увлекъ генерала домой, съ новыми надеждами и расчетами и съ давешнимъ жемчугомъ, который генералъ все-таки не забылъ взять съ собою. Между расчетами мелькнуло ему раза два и соблазнительный образъ Настасіи Филипповны; генералъ вздохнулъ:

— Жаль! Искренно жаль! Погибшая женщина! Женщина сумасшедшая!.. Ну-съ, а князю теперь не Настасію Филипповну надо... Такъ что даже и хорошо, что такъ обернулось.

Въ этомъ же родѣ нѣсколько правоучительныхъ и на-
путственныхъ словъ произнесено было и другими двумя
собесѣдниками изъ гостей Настасии Филипповны, разсу-
дившими пройти нѣсколько пѣшкомъ.

— Знаете, Аѳанасій Ивановичъ, это, какъ говорятьъ, у
японцевъ въ этомъ родѣ бываетъ, говорилъ Иванъ Петро-
вичъ Птицынъ. — Обиженный тамъ будто бы идетъ къ
обидчику и говорить ему: „ты меня обидѣлъ, за это я
пришелъ распороть въ твоихъ глазахъ свой животъ“, и
съ этими словами дѣйствительно распарываетъ въ гла-
захъ обидчика свой животъ и чувствуетъ, должно-быть,
чрезвычайное удовлетвореніе, точно и въ самомъ дѣлѣ
отмстиль. Странные бываютъ на свѣтѣ характеры, Аѳа-
насій Ивановичъ!

— А вы думаете, что и тутъ въ этомъ родѣ было? от-
вѣтилъ съ улыбкой Аѳанасій Ивановичъ. — Гм! Вы одна-
ко жъ остроумно... и прекрасное сравненіе привели. Но
вы видѣли однакоже сами, милѣйший Иванъ Петровичъ,
что я сдѣлалъ все, что могъ; не могу же я сверхъ воз-
можнаго, согласитесь сами? Но согласитесь, однакожъ, и
съ тѣмъ, что въ этой женщинѣ присутствовали капиталь-
ныя достоинства... блестящія черты. Я давеча ей крик-
нуть даже хотѣлъ, если бы могъ только себѣ это позво-
лить при этомъ содомѣ, что она сама есть самое лучшее
мое оправданіе на всѣ ея обвиненія. Ну, кто не плѣнился
бы иногда этою женщиной до забвенія разсудка и... всего?
Смотрите, этотъ мужикъ, Рогожинъ, сто тысячъ ей при-
волокъ! Положимъ, это все, что случилось тамъ теперь,—
эфемерно, романтично, неприлично, но зато колоритно,
зато оригинально, согласитесь сами. Боже, что бы могло
быть изъ такого характера и при такой красотѣ! Но,
несмотря на всѣ усиленія, на образованіе даже, — все по-
гибало! Нешлифованный алмазъ — я нѣсколько разъ гово-
рилъ это...

И Аѳанасій Ивановичъ глубоко вздохнулъ.

Часть вторая.

I.

Для черезъ два послѣ страннаго приключенія на вѣчеръ у Настасіи Филипповны, которымъ мы закончили первую часть нашего разсказа, князь Мышкинъ поспѣшилъ выѣхать въ Москву, по дѣлу о полученіи своего неожиданнаго наслѣдства. Говорили тогда, что могли быть и другія причины такой поспѣшности его отѣзда; но объ этомъ, равно какъ и о приключеніяхъ князя въ Москвѣ и вообще въ продолженіе его отлучки изъ Петербурга, мы можемъ сообщить довольно мало свѣдѣній. Князь пробылъ въ отлучкѣ ровно шесть мѣсяцевъ, и даже тѣ, кто имѣлъ нѣкоторыя причины интересоваться его судьбой, слишкомъ мало могли узнать за все это время. Доходили, правда, къ инымъ, хотя и очень рѣдко, кой-какіе слухи, но тоже большую частью странные и всегда почти одинъ другому противорѣчившіе. Болѣе всѣхъ интересовались княземъ, конечно, въ домѣ Епанчиныхъ, съ которыми онъ, уѣзжая, даже не успѣлъ и проститься. Генеральша, впрочемъ, видѣлся съ нимъ тогда, и даже раза два-три; они о чёмъ-то серьезно толковали. Но если самъ Епанчинъ и видѣлся, то семейству своему объ этомъ не возвѣстилъ. Да и вообще въ первое время, то-есть чуть-ли не цѣлый мѣсяцъ по отѣздѣ князя, въ домѣ Епанчиныхъ о немъ говорить было не принято. Одна только генеральша, Лизавета Прокофьевна, высказалась въ самомъ началѣ, „что она въ князѣ жестоко ошиблась“. Потомъ для черезъ два или три прибавила, но уже не называя князя, а неопределенно, что „главнѣйшая черта въ

ея жизни была безпрерывная ошибка въ людяхъ*. И, на конецъ, уже дней десять спустя, заключила въ видѣ сен-тенци, чѣмъ-то раздражившись на дочерей, что: „довольно ошибокъ! Больше ихъ уже не будетъ“. Нельзя не замѣтить при этомъ, что въ ихъ домѣ довольно долго существовало какое-то непріятное настроение. Было что-то та-желое, натянутое, недоговоренное, скорное; всѣ хмурились. Генераль день и ночь былъ занятъ, хлопоталъ о дѣлахъ; рѣдко видѣли его болѣе занятымъ и дѣятельнымъ,—осо-бенно по службѣ. Домашніе едва успѣвали взглянуть на него. Что же касается до дѣвицъ Епанчиныхъ, то вслухъ, конечно, ими ничего не было высказано. Можетъ-быть, даже и наединѣ между собой сказано было слишкомъ мало. Это были дѣвицы гордыя, высокомѣрныя и даже между собой иногда стыдливыя, а, впрочемъ, понимавшія другъ друга не только съ первого слова, но съ первого даже взгляда, такъ что и говорить много иной разъ было бы незачѣмъ.

Одно только можно бы было заключить постороннему наблюдателю, если бы таковой тутъ случился: что, судя по всѣмъ вышесказаннымъ, хотя и немногимъ даннымъ, князь все-таки успѣлъ оставить въ домѣ Епанчиныхъ осо-бенное впечатлѣніе, хоть и являлся въ немъ всего одинъ разъ, да и то мелькомъ. Можетъ-быть, это было впе-чатлѣніе простого любопытства, объясняемаго некоторыми эксцентрическими приключеніями князя. Какъ бы то ни было, а впечатлѣніе осталось.

Мало-по-малу и распространившіеся было по городу слухи успѣли покрыться мракомъ неизвѣстности. Разска-зывалось, правда, о какомъ-то князкѣ и дурачкѣ (никто не могъ назвать вѣрно имени), получившемъ вдругъ огром-нѣйшее наслѣдство и женившемся па одной заѣзжей француженкѣ, извѣстной канканеркѣ въ Шато-де-Флеръ въ Парижѣ. Но другіе говорили, что наслѣдство получилъ какой-то генераль, а женился на заѣзжей француженкѣ и извѣстной канканеркѣ русскій купчикъ и несметный богачъ, и на свадьбѣ своей, изъ одной похвалы, пьяный, скжегъ на свѣчкѣ ровно на семьсотъ тысячъ билетовъ по-слѣдняго лотерейнаго займа. Но всѣ эти слухи очень скоро затихли, чemu много способствовали обстоятельства. Вся, напримѣръ, компанія Рогожина, изъ которой многие могли бы кое-что рассказывать, отиравилась всей громадой, съ нимъ самимъ во главѣ, въ Москву, почти ровно че-

ресь недѣлю послѣ ужасной оргіи въ Екатерингофскомъ вокзалѣ, гдѣ присутствовала и Настасья Филипповна. Кой-кому, очень немногимъ интересующимся, стало извѣстно по какимъ-то слухамъ, что Настасья Филипповна на другой же день послѣ Екатерингофа бѣжала, исчезла, и что будто бы ~~выслѣдили~~, наконецъ, что она отправилась въ Москву; такъ что и въ отѣздѣ Рогожина въ Москву стали находить нѣкоторое совпаденіе съ этимъ слухомъ.

Пошли было тоже слухи собственно насчетъ Гаврилы Ардаліоновича Иволгина, который былъ довольно тоже извѣстенъ въ своемъ кругу. Но и съ нимъ приключилось одно обстоятельство, вскорѣ быстро охладившее, а впослѣдствіи и совсѣмъ уничтожившее всѣ недобрые рассказы на его счетъ: онъ сдѣлался очень боленъ и не могъ являться не только нигдѣ въ обществѣ, но даже и на службу. Проболѣвъ съ мѣсяцъ, онъ выздоровѣлъ, но отъ службы въ акціонерномъ обществѣ почему-то совсѣмъ отказался, и мѣсто его занялъ другой. Въ домѣ генерала Епанчина онъ тоже не появлялся ни разу, такъ что и къ генералу сталъ ходить другой чиновникъ. Враги Гаврилы Ардаліоновича могли бы предположить, что онъ до того уже сконфуженъ отъ всего съ нимъ случившагося, что стыдится и на улицу выйти; но онъ и въ самомъ дѣлѣ что-то хворалъ: впалъ даже въ ипохондрію, задумывался, раздражался. Варвара Ардаліоновна въ ту же зиму вышла замужъ за Птицына; всѣ ихъ знаящіе прямо приписали этотъ бракъ тому обстоятельству, что Ганя не хотѣлъ возвратиться къ своимъ занятіямъ и не только пересталъ содержать семейство, но даже самъ началъ нуждаться въ помощи и почти что въ уходѣ за нимъ.

Замѣтимъ въ скобкахъ, что и о Гаврилѣ Ардаліоновичѣ въ домѣ Епанчиныхъ никогда даже и не упоминалось,— какъ будто и на свѣтѣ такого человѣка не было, не только въ ихъ домѣ. А между тѣмъ тамъ про него всѣ узнали (и даже весьма скоро) одно очень замѣчательное обстоятельство, а именно: въ ту самую роковую для него ночь, послѣ непріятнаго приключения у Настасьи Филипповны, Ганя, воротясь домой, спать не легъ, а сталъ ожидать возвращенія князя съ лихорадочнымъ нетериѣнiemъ. Князь, поѣхавшій въ Екатерингофъ, возвратился оттуда въ шесть часу утра. Тогда Ганя вошелъ въ его комнату и положилъ передъ нимъ на столъ обгорѣлую пачку денегъ,

подаренныхъ ему Настасьей Филипповной, когда онъ лежалъ въ обморокѣ. Онъ настойчиво просилъ князя при первой возможности возвратить этотъ подарокъ обратно Настасью Филипповнѣ. Когда Ганя входилъ къ князю, то былъ въ настроеніи враждебномъ и почти отчаянномъ; но между нимъ и княземъ было сказано будто бы нѣсколько какихъ-то словъ, послѣ чего Ганя просидѣлъ у князя два часа и все время рыдалъ прегорько. Разстались оба въ отношеніяхъ дружескихъ.

Это извѣстіе, дошедшее до всѣхъ Епанчиныхъ, было, какъ подтвердились впослѣдствіи, совершенно точно. Конечно, странно, что такого рода извѣстія могли такъ скоро доходить и узнаваться; все происшедшее, напримѣръ, у Настасии Филипповны стало извѣстно въ домѣ Епанчиныхъ чуть не на другой же день и даже въ довольно точныхъ подробностяхъ. По поводу же извѣстій о Гавриилѣ Ардаліоновичѣ можно было бы предположить, что они занесены были къ Епанчинымъ Варварой Ардаліоновной, какъ-то вдругъ полвившееся у дѣвицъ Епанчиныхъ и даже ставшею у нихъ очень скоро на очень короткую ногу, что чрезвычайно удивляло Лизавету Прокофьевну. Но Варвара Ардаліоновна, хоть и нашла почему-то нужнымъ такъ близко сойтись съ Епанчиными, но о братѣ своемъ съ ними говорить навѣрно не стала бы. Это была тоже довольно гордая женщина, въ своемъ только родѣ, несмотря на то, что завела дружбу тамъ, откуда ея брата почти выгнали. Прежде того она хоть и была знакома съ дѣвицами Епанчиными, но видѣлись онѣ рѣдко. Въ гостиной, впрочемъ, она и теперь почти не показывалась и заходила, точно забѣгала, съ задняго крыльца. Лизавета Прокофьевна никогда не жаловала ее, ни прежде, ни теперь, хоть и очень уважала Нину Александровну, мачеху Варвары Ардаліоновны. Она удивлялась, сердилась, приписывала знакомство съ Варей капризамъ и властолюбію своихъ дочерей, которыхъ „ужъ и придумать не знаютъ, что ей сдѣлать напротивъ“, а Варвара Ардаліоновна все-таки продолжала ходить къ нимъ до и послѣ своего замужества.

Но прошло съ мѣсяцемъ по отѣздѣ князя, и генеральша Епанчина получила отъ старухи княгини Бѣлоконской, уѣхавшей недѣли двѣ предъ тѣмъ въ Москву къ своей старшей замужней дочери, письмо, и письмо это произвело на нее видимое дѣйствіе. Она хоть и ничего изъ него

не сообщила ни дочерямъ, ни Ивану Федоровичу, но по многимъ признакамъ стало замѣтно въ семье, что она какъ-то особенно возбуждена, даже взволнована. Стала какъ-то особенно странно заговаривать съ дочерьми и все о такихъ необыкновенныхъ предметахъ; ей видимо хотѣлось высказаться, но она почему-то сдерживалась. Въ день получения письма она всѣхъ приласкала, даже поцѣловала Аглаю и Аделаиду, въ чемъ-то собственно предъ ними покаялась, но въ чёмъ именно, онъ не могли разобрать. Даже къ Ивану Федоровичу, котораго цѣлый мѣсяцъ продержала въ опалѣ, стала вдругъ снисходительна. Разумѣется, на другой же день она ужасно разсердилась на свою вчерашнюю чувствительность и еще до обѣда усѣяла со всѣми пересориться, но къ вечеру опять горизонтъ прояснился. Вообще цѣлую недѣлю она продолжала находиться въ довольно ясномъ настроеніи духа, чего давно уже не было.

Но еще чрезъ недѣлю отъ Бѣлоконской получено было еще письмо, и въ этотъ разъ генеральша уже рѣшилась высказаться. Она торжественно объявила, что „старуха Бѣлоконская“ (она иначе никогда не называла княгиню, говоря о ней заочно) сообщаетъ ей весьма утѣшительная свѣдѣнія обѣ этомъ... „чудакъ, ну, вотъ, о князѣ-то!“ Старуха его въ Москвѣ разыскала, спрашивалась о немъ, узнала что-то очень хорошее; князь, наконецъ, явился къ ней самъ и произвелъ на нее впечатлѣніе почти чрезвычайное. Видно изъ того, что она его каждый день пригласила ходить къ ней по утрамъ, отъ часу до двухъ, и тотъ „каждый день къ ней таскается и до сихъ поръ не надѣялъ“, заключила генеральша, прибавивъ къ тому, что чрезъ „старуху“ князь въ двухъ-трехъ домахъ хорошихъ сталъ принять. „Это хорошо, что сиднемъ не сидить и не стыдится, какъ дуракъ“. Дѣвицы, которымъ все это было сообщено, тотчасъ замѣтили, что маменька что-то очень много изъ письма своего отъ нихъ скрыла. Можетъ-быть, онъ узнали это чрезъ Варвару Ардаліоновну, которая могла знать и, конечно, знала все, что зналъ Птицынъ о князѣ и о пребываніи его въ Москвѣ. А Птицыну могло быть известно даже больше, чѣмъ всѣмъ. Но человѣкъ онъ былъ чрезмѣрио молчаливый въ дѣловомъ отношеніи, хотя Варѣ, разумѣется, и сообщалъ. Генеральша тотчасъ же и еще болѣе не полюбила за это Варвару Ардаліоновну.

Но какъ бы то ни было, а ледъ былъ разбитъ, и о князѣ вдругъ стало возможнымъ говорить вслухъ. Кромѣ того, еще разъ ясно обнаруживалось то необыкновенное впечатлѣніе и тотъ уже не въ мѣру большой интересъ, который возбудилъ и оставилъ по себѣ князь въ домѣ Еланчихъ. Генеральша даже подивилась впечатлѣнію, произведенному на ея дочечь извѣстіями изъ Москвы. А дочки тоже подивились на свою мамашу, такъ торжественно объявившую имъ, что „главицѣйшая черта ея жизни—безпрерывная ошибка въ людяхъ“, и въ то же самое время поручавшую князя вниманію „могущественной“ старухи Бѣлоконской въ Москвѣ, при чёмъ, конечно, пришлось выпрашивать ея вниманія Христомъ да Богомъ, потому что „старуха“ была въ извѣстныхъ случаяхъ туга на подъемъ.

Но какъ только ледъ былъ разбитъ и повѣяло новымъ вѣтромъ, поспѣшилъ высказаться и генераль. Оказалось, что и тотъ необыкновенно интересовался. Сообщилъ онъ, впрочемъ, обѣ одной только „дѣловѣйской сторонѣ“ предмета. Оказалось, что онъ, въ интересахъ князя, поручилъ наблюдать за нимъ, и особенно за руководителемъ его Салазкинымъ, двумъ какимъ-то очень благонадежнымъ и влиятельнымъ въ своемъ родѣ въ Москвѣ господамъ. Все, что говорилось о наслѣдствѣ, „такъ сказать о фактѣ наслѣдства“, оказалось вѣрнымъ, но что самое наслѣдство въ концѣ концовъ оказывается вовсе не такъ значительнымъ, какъ о немъ сначала распространили. Состояніе наполовину занутано; оказались долги, оказались какіе-то претенденты, да и князь, несмотря на всѣ руководства, вѣль себя самымъ недѣловымъ образомъ. „Конечно, дай ему Богъ“; теперь, когда „ледъ молчалъ“ разбитъ, генераль радъ заявить обѣ этомъ „отъ всей искренности“ души, потому „малый хощь немногого и того“, но все-таки стоять того. А между тѣмъ все-таки тутъ наглупиль: явились, напримѣръ, кредиторы покойнаго купца, по документамъ спорнымъ, ничтожнымъ, а иные, пронюхавъ о князѣ, такъ и вовсе безъ документовъ,—и что же? Князь почти всѣхъ удовлетворилъ, несмотря на представленія друзей о томъ, что всѣ эти людишки и кредиторишки совершенно безъ правъ; и потому только удовлетворилъ, что дѣйствительно оказалось, что нѣкоторые изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ пострадали.

Генеральша на это отозвалась, что въ этомъ родѣ ей

и Бѣлоконская пишеть, и что „это глупо, очень глупо; дурака не выльчишь“, рѣзко прибавила она, но по лицу ея видно было, какъ она рада была поступкамъ этого „дурака“. Въ заключеніе всего, генераль замѣтилъ, что супруга его принимаетъ въ князѣ участіе точно какъ будто въ родномъ своемъ сынѣ, и что Аглаю она что-то ужасно стала ласкать; видя это, Иванъ Федоровичъ принялъ на нѣкоторое время весьма дѣловую осанку.

Но все это пріятное настроеніе опять-таки существовало недолго. Прошло всего двѣ недѣли, и что-то вдругъ опять измѣнилось, генеральша нахмурилась, а генераль, пожавъ нѣсколько разъ плечами, подчинился опять „льду молчанія“. Дѣло въ томъ, что всего двѣ недѣли назадъ онъ получилъ подъ рукой одно извѣстіе, хоть и короткое и потому не совсѣмъ ясное, но зато вѣрное, о томъ, что Настасья Филипповна, спачала пропавшая въ Москвѣ, разысканная потомъ въ Москвѣ же Рогожинымъ, потомъ опять куда-то пропавшая и опять имъ разысканная, дала, наконецъ, ему почти вѣрное слово выйти за него замужъ. И вотъ всего только двѣ недѣли спустя вдругъ получено было его превосходительствомъ свѣдѣніе, что Настасья Филипповна бѣжала въ третій разъ, почти что изъ-подъ вѣнца, и на этотъ разъ иропала гдѣ-то въ губерніи, а че́ду тѣмъ исчезъ изъ Москвы и князь Мышикинъ, оставилъ всѣ свои дѣла на попеченіе Салазкина, „съ нею-ли, или просто бросился за ней—неизвѣстно, но что-то тутъ есть“, заключилъ генераль. Лизавета Прокофьевна тоже и съ своей стороны получила какія-то непріятныя свѣдѣнія. Въ концѣ концовъ, два мѣсяца послѣ выѣзда князя почти всякий слухъ о немъ въ Петербургѣ затихъ окончательно, а въ домѣ Епанчинахъ „ледь молчанія“ уже и не разбивался. Варвара Ардаліоновна, впрочемъ, все-таки навѣщала дѣвицъ.

Чтобы закончить о всѣхъ этихъ слухахъ и извѣстіяхъ, прибавимъ и то, что у Епанчинахъ произошло къ веснѣ очень много переворотовъ, такъ что трудно было не забыть о князѣ, который и самъ не давалъ, а, можетъ-быть, и не хотѣлъ подать о себѣ вѣсти. Въ продолженіе зимы, мало-по-малу, наконецъ, рѣшили отправиться на лѣто за границу, то-есть Лизавета Прокофьевна съ дочерьми; генералу, разумѣется, нельзя было тратить время на „пустое развлеченіе“. Рѣшеніе состоялось по чрезвычайному и упорному настоянію дѣвицъ, совершенно убѣдившихся, что за гра-

ицу ихъ оттого не хотять везти, что у родителей безпрерывная забота выдать ихъ замужъ и искать имъ жениховъ. Можетъ-быть, и родители убѣдились, наконецъ, что женихи могутъ встрѣтиться и за границей, и что поѣздка на одно лѣто не только ничего не можетъ разстроить, но, пожалуй, еще даже „можетъ способствовать“. Здѣсь кстати упомянуть, что бывшій въ проекцѣ бракъ Аѳанасія Ивановича Толкаго и старшой Епанчиной совсѣмъ разстроился, и формальное предложеніе его вовсе не состоялось. Случилось это какъ-то само собой, безъ большихъ разговоровъ и безо всякой семейной борьбы. Со времени отѣзда князя все вдругъ затихло съ обѣихъ сторонъ. Вотъ и это обстоятельство вошло отчасти въ число причинъ тогдашняго тяжелаго настроенія въ семействѣ Епанчинахъ, хотя генеральша и высказалась тогда же, что она теперь рада „обѣими руками перекреститься“. Генераль, хотя и былъ въ опалѣ и чувствовалъ, что самъ виноватъ, но все-таки надолго надулся; жаль ему было Аѳанасія Ивановича: „такое состояніе и ловкій такой человѣкъ!“ Недолго спустя, генераль узналъ, что Аѳанасій Ивановичъ погибъ одною забѣзжею француженкой высшаго общества, маркизой и легитимисткой, что бракъ состоится, и что Аѳанасія Ивановича увезутъ въ Парижъ, а потомъ куда-то въ Бретань. „Ну, съ француженкой пропадеть“, рѣшилъ генераль.

А Епанчины готовились къ лѣту выѣхать. И вдругъ произошло обстоятельство, которое онять все перемѣнило по-новому, и поѣздка опять была отложена къ величайшей радости генерала и генеральши. Въ Петербургъ поѣхаловаъ изъ Москвы одинъ князь, князь Щ., известный, впрочемъ, человѣкъ, и известный съ весьма и весьма хорошей точки. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, или даже, можно сказать, дѣятелей послѣдняго времени, честныхъ, скромныхъ, которые искренно и сознательно желаютъ полезнаго, всегда работаютъ и отличаются тѣмъ рѣдкимъ и счастливымъ качествомъ, что всегда находятъ работу. Не выставляясь напоказъ, избѣгая ожесточенія и празднсловія партій, не считая себя въ числѣ первыхъ, князь понялъ однако многое изъ совершающагося въ послѣднее время весьма основательно. Онъ прежде служилъ, потомъ сталъ принимать участіе и въ земской дѣятельности. Кромѣ того, былъ полезнымъ корреспондентомъ нѣсколькихъ русскихъ ученыхъ обществъ. Сообща съ однимъ знакомымъ

техникомъ, онъ способствовалъ, собранными свѣдѣніями и изысканіями, болѣе вѣрному направленію одной изъ важнѣйшихъ проектированныхъ желѣзныхъ дорогъ. Ему было лѣтъ тридцать пять. Человѣкъ онъ былъ „самаго высшаго свѣта“ и кромѣ того съ состояніемъ „хорошимъ, серьезнымъ, неоспоримымъ“, какъ отозвался генераль, имѣвшій случай по одному довольно серьезному дѣлу сойтись и познакомиться съ княземъ у графа, своего начальника. Князь, изъ нѣкотораго особеннаго любопытства, никогда не избѣгалъ знакомства съ русскими „дѣловыми людьми“. Случилось, что князь познакомился и съ семействомъ генерала. Аделаида Ивановна, средняя изъ трехъ сестеръ, произвела на него довольно сильное впечатлѣніе. Къ веснѣ князь объяснился. Аделандъ онъ очень поправился, поправился и Лизаветѣ Прокофьевнѣ. Генераль былъ очень радъ. Само собою разумѣется, поѣздка была отложена. Свадьба назначалась весной.

Поѣздка, впрочемъ, могла бы и къ срединѣ, и къ концу лѣта состояться, хотя бы только въ видѣ прогулки на мѣсяцъ или на два. Лизаветы Прокофьевны съ двумя оставшимися при ней дочерьми, чтобы разсѣять грусть по оставившей ихъ Аделандѣ. Но произошло опять нѣчто новое: уже въ концѣ весны (свадьба Аделаиды нѣсколько замедлилась и была отложена до середины лѣта) князь Щ. ввелъ въ домъ Епанчинахъ одного изъ своихъ дальнихъ родственниковъ, довольно хорошо, впрочемъ, ему знакомаго. Это былъ нѣкто Евгений Павловичъ Р., человѣкъ еще молодой, лѣтъ двадцати восьми, флигель-адъютантъ, писаный красавецъ собой, „знатнаго рода“, человѣкъ остроумный, блестящій, „новый“, „чрезмѣрнаго образованія“ и какогото ужъ слишкомъ неслыханнаго богатства. Насчетъ этого послѣдняго пункта генераль былъ всегда остороженъ. Онъ сдѣлалъ справки: „дѣйствительно, что-то такое оказывается — хотя, впрочемъ, надо еще провѣрить“. Этотъ молодой и съ „будущностью“ флигель-адъютантъ былъ сильно возвышенъ отзывомъ старухи Бѣлоконской изъ Москвы. Одна только слава за нимъ была нѣсколько щекотливая: нѣсколько связей, и, какъ увѣряли, „побѣдѣ“ надъ какими-то несчастными сердцами. Увидѣвъ Аглаю, онъ сталъ необыкновенно усидчивъ въ домѣ Епанчинахъ. Правда, ничего еще не было сказано, даже намековъ никакихъ не было сдѣлано, но родителямъ все-таки казалось, что нечего этимъ лѣтомъ думать о заграниц-

ной поездкѣ. Сама Аглая, можетъ-быть, была и другого мнѣнія.

Происходило это уже почти предъ самыи вторичныи появленіемъ нашего героя на сцену нашего разсказа. Къ этому времени, судя на взглядѣ, бѣднаго князя Мыскина уже совершенно усилии въ Петербургѣ забыть. Если-бъ онъ теперь вдругъ явился между знатными его, то какъ бы съ неба упалъ. А между тѣмъ мы все-таки сообщимъ еще одинъ фактъ и тѣмъ самыи закончимъ наше введеніе.

Коля Иволгинъ, по отъѣздѣ князя, сначала продолжалъ свою прежнюю жизнь, то-есть ходилъ въ гимназію, къ пріятелю своему Ипполиту, смотрѣль за генераломъ и помогаль Варѣ по хозяйству, то-есть быль у ней на побѣгушкахъ. Но жильцы быстро исчезли: Фердыщенко сѣхалъ куда-то три дня спустя послѣ приключенія у Настасіи Филипповны и довольно скоро пропалъ, такъ что о немъ и всякий слухъ затихъ; говорили, что гдѣ-то пьеть, но не утвердительно. Князь уѣхалъ въ Москву; съ жильцами было покончено. Впослѣдствіи, когда Варя уже вышла замужъ, Нина Александровна и Ганя перѣѣхали вмѣстѣ съ ней къ Птицыну, въ Измайловскій полкъ; что же касается до генерала Иволгина, то съ нимъ почти въ то же самое время случилось одно совсѣмъ непредвидѣнное обстоятельство: его посадили въ долговое отдѣленіе. Препровожденъ онъ былъ туда пріятельницей своей, капитаншой, по выданнымъ ей въ разное время докumentамъ, цѣнной тысячи на двѣ. Все это произошло для него совершеннымъ сюрпризомъ, и бѣдный генераль быль „рѣшительно жертвой своей неумѣренной вѣры въ благородство сердца человѣческаго, говори вообще“. Взявъ успокоительную привычку подписывать заемныя письма и всеселя, онъ и возможности не предполагалъ ихъ воздѣствія, хотя бы когда-нибудь, все думалъ, что это тако. Оказалось не такъ. „Довѣряйся послѣ этого людямъ, выказывай благородную довѣрчивость!“ восклицалъ онъ въ горести, сидя съ новыми пріятелями, въ домѣ Тарасова, за бутылкой вина и рассказывая имъ анекдоты про осаду Карса и про воскресшаго солдата. Зажилъ онъ, впрочемъ, отлично. Птицынъ и Варя говорили, что это его настоящее мѣсто и есть; Ганя вполнѣ подтвердила это. Одна только бѣдная Нина Александровна горько плакала втихомолку (что даже удивляло домашнихъ) и, вѣчно хворая,

таскалась, какъ только могла чаще, къ мужу на свиданіе въ Измайловскій полкъ.

Но со времени „случая съ генераломъ“, какъ выражался Коля, и вообще съ самаго замужества сестры, Коля почти совсѣмъ у нихъ отбился отъ рукъ и до того донель, что въ послѣднее время даже рѣдко являлся и ночевать въ семью. По слухамъ, онъ завелъ множество новыхъ знакомствъ; кромѣ того, сталъ слишкомъ извѣстенъ и въ долговомъ отдѣленіи. Нина Александровна тамъ безъ него и обойтись не могла; дома же его даже и любопытствомъ теперь не беспокоили. Варя, такъ строго обращавшаяся съ нимъ прежде, не подвергала его теперь ни малѣйшему допросу объ его странствіяхъ; а Ганя, къ большому удивленію домашнихъ, говорилъ и даже сходился съ нимъ иногда совершенно дружески, несмотря на всю свою ипохондрію, чего никогда не бывало прежде, такъ какъ двадцатисемилѣтній Ганя естественно не обращалъ на своего пятнадцатилѣтняго брата ни малѣйшаго дружелюбнаго вниманія, обращался съ нимъ грубо, требовалъ къ нему отъ всѣхъ домашнихъ одной только строгости и постоянно грозился „добраться до его ушей“, что и выводило Колю „изъ послѣднихъ границъ человѣческаго терпѣнія“. Можно было подумать, что теперь Коля иногда даже становился необходимымъ Ганѣ. Его нѣсколько поразило, что Ганя возвратилъ тогда назадъ деньги; за это онъ многое былъ готовъ простить ему.

Прошло мѣсяца три по отѣзду князя, и въ семействѣ Иволгинихъ услыхали, что Коля вдругъ познакомился съ Еланчиными и очень хорошо принялъ дѣвицами. Варя скоро узнала объ этомъ; Коля, впрочемъ, познакомился не чрезъ Варю, а „самъ отъ себя“. Мало-но-малу его у Еланчиныхъ полюбили. Генеральша была имъ сперва очень недовольна, но вскорѣ стала его ласкать „за откровенность и за то, что не льститъ“. Что Коля не льстилъ, то это было вполнѣ справедливо; онъ сумѣлъ стать у нихъ совершенно на равную и независимую ногу, хоть и читалъ иногда генеральши книги и газеты,—но онъ и всегда бывалъ услужливъ. Раза два онъ жестоко, впрочемъ, поссорился съ Лизаветой Прокофьевной, объявила ей, что она деснотка, и что нога его не будетъ въ ея домѣ. Въ первый разъ споръ вышелъ изъ-за „женскаго вопроса“, а второй разъ изъ-за вопроса, въ которое время года лучше ловить чижиковъ? Какъ ни вѣроятно, но генеральша на

третій день послѣ ссоры прислала ему съ лакеемъ записку, прося непремѣнно пожаловать; Коля не ломался и тотчасъ же явился. Одна Аглай была постоянно почемуто не расположена къ нему и обращалась съ нимъ свысока. Ее-то и суждено было отчасти удивить ему. Одинъ разъ, — это было па Святой, — улучивъ минуту наединѣ, Коля подалъ Аглай письмо, сказавъ только, что велѣно передать ей одной. Аглай грозно оглянула „самонадѣянаго мальчишку“, но Коля не сталъ ждать и вышелъ. Она развернула записку и прочла:

„Когда-то вы меня почитали вышею довѣренностю. Можетъ-быть, вы меня совсѣмъ теперь позабыли. Какъ это такъ случилось, что я къ вамъ пишу? Я не знаю; но у меня явилось неудержимое желаніе напомнить вамъ о себѣ, и именно вамъ. Сколько разъ вы всѣ три бывали мнѣ очень нужны, но изъ всѣхъ трехъ я видѣла одну только васъ. Вы мигъ нужны, очень нужны. Мнѣ нечего писать вамъ о себѣ, нечего рассказывать. Я и не хотѣла того; мнѣ ужасно бы желалось, чтобы вы были счастливы. Счастливы ли вы? Вотъ это только я и хотѣла вамъ сказать.

„Вашъ братъ кн. Л. Мышинъ“.

Прочтя эту коротеньку и довольно безтолковую записку, Аглай вся вдругъ вспыхнула и задумалась. Намъ трудно бы было передать теченіе ея мыслей. Между прочимъ, она спросила себя: „показывать-ли кому-нибудь?“ Ей какъ-то было стыдно. Кончила, впрочемъ, тѣмъ, что съ насмѣшилою и странною улыбкой кинула письмо въ свой столикъ. На завтра опять вынула и заложила въ одну толстую, переплетенную въ крѣпкій корешокъ книгу (она и всегда такъ дѣлала со своими бумагами, чтобы поскорѣе найти когда понадобится). И ужъ только чрезъ недѣлю случилось ей разглядѣть, какая была это книга? Это былъ *Донъ-Кихотъ Ламанчскій*. Аглай ужасно расхотѣлась — неизвѣстно чему.

Неизвѣстно тоже, показала-ли она свое приобрѣтеніе которой-нибудь изъ сестеръ.

Но когда она еще читала письмо, ей вдругъ пришло въ голову: неужели же этотъ самонадѣянный мальчишка и фанфаронишко выбралъ княземъ въ корреспонденты и, пожалуй, чего доброго, единственный его здѣшній корреспондентъ? Хоть и съ видомъ необыкновенного пренебреженія, но все-таки она взяла Колю къ допросу. Но

всегда обидчивый „мальчишка“ не обратилъ на этотъ разъ ни малѣйшаго вниманія на пренебреженіе; весьма коротко и довольно сухо объяснилъ онъ Аглай, что хотя онъ и сообщилъ князю на всякий случай свой постоянный адресъ предъ самимъ выѣздомъ князя изъ Петербурга и при этомъ предложилъ свои услуги, но что это первая комиссія, которую онъ получилъ отъ него, и первая его записка къ нему, а въ доказательство словъ своихъ представилъ и письмо, полученное собственно имъ самимъ. Аглай не посовѣтилась и прочла. Въ письмѣ къ Колѣ было:

„Милый Коля, будьте такъ добры, передайте при семъ прилагаемую и запечатанную записку Аглай Ивановнѣ. Будьте здоровы.

„Любящій васъ кн. Л. Мыскинъ“.

— Все-таки смѣшино довѣряться такому пузырю, обидчиво произнесла Аглай, отдавая Колѣ записку, и презрительно прошла мимо него.

Этого уже Коля не могъ вынести: онъ же какъ нарочно для этого случая выпросилъ у Гани, не объясняя ему причины, надѣть его совершило еще новый зеленый шарфъ. Онъ жестоко обидѣлся.

II.

Былъ юнь въ первыхъ числахъ, и погода стояла въ Петербургѣ уже цѣлую недѣлю на рѣдкость хорошая. У Епанчихъ была богатая собственная дача въ Павловскѣ. Лизавета Прокофьевна вдругъ взболновалась и поднялась; и двухъ дней не просутились, перѣѣхали.

На другой или на третій день послѣ переѣзда Епанчихъ, съ утреннимъ поѣздомъ изъ Москвы прибылъ и князь Левъ Николаевичъ Мыскинъ. Его никто не встрѣтилъ въ вокзалѣ; но при выходѣ изъ вагона князю вдругъ померещился странный, горячій взглядъ чьихъ-то двухъ глазъ, въ толпѣ, осадившей прибывшихъ съ поѣздомъ. Поглядѣвъ внимательнѣе, онъ уже ничего болѣе не различилъ. Конечно, только померещилось; но впечатлѣніе осталось непріятное. Къ тому же князь и безъ того былъ грустенъ и задумчивъ и чѣмъ-то казался озабоченнымъ.

Извозчикъ довезъ его до одной гостиницы, не далеко отъ Литейной. Гостиница была плохенькая. Князь занялъ двѣ небольшія комнаты, темныя и плохо меблированныя, умылся, одѣлся, ничего не спросилъ и торопливо вышелъ, какъ бы боясь потерять время или не застать кого-то дома.

Если бы кто теперь взглянулъ на него изъ прежде знаяшихъ его полгода назадъ въ Петербургѣ, въ его первый пріѣздъ, то пожалуй бы и заключилъ, что онъ наружностью перемѣнился гораздо къ лучшему. Но врядъ-ли это было такъ. Въ одной одеждѣ была полная перемѣна: все платье было другое, сшитое въ Москвѣ, и хорошимъ портнымъ; но и въ платьѣ былъ недостатокъ: слишкомъ ужъ сшито было по модѣ (какъ и всегда шьютъ добросовѣстные, но не очень талантливые портные) и сверхъ того на человѣка, нисколько этимъ не интересующагося, такъ что, при внимательномъ взглядѣ на князя, слишкомъ большой охотникъ посмѣяться, можетъ-быть, и нашелъ бы чemu улыбнуться. Но мало-ли отчего бываетъ смѣшно?

Князь взялъ извозчика и отправился на Пески. Въ одной изъ Рождественскихъ улицъ онъ скоро отыскалъ одинъ небольшой деревянный домикъ. Къ удивленію его, этотъ домикъ оказался красивымъ на видъ, чистеньkimъ, содержащимся въ большомъ порядкѣ, съ палисадникомъ, въ которомъ росли цвѣты. Окна на улицу были отворены, и изъ нихъ слышался рѣзкій, неизрываемый говоръ, почти крикъ, точно кто-нибудь читалъ вслухъ или даже говорилъ рѣчъ; голосъ прерывался изрѣдка смѣхомъ нѣсколькихъ звонкихъ голосовъ. Князь вошелъ во дворъ, поднялся на крылечко и спросилъ господина Лебедева.

— Да вотъ они, отвѣчала отворившая дверь кухарка, съ засученными по локоть рукавами, ткнувъ пальцемъ въ „гостиную“.

Въ этой гостиной, обитой темноголубого цвѣта бумагой и убранной чистенько и съ нѣкоторыми претензіями, то есть съ круглымъ столомъ и диваномъ, съ бронзовыми часами подъ колпакомъ, съ узеньkimъ въ простѣнкѣ зеркаломъ и съ стариннѣйшею небольшою люстрой со стекляшками, спускавшейся на бронзовой цѣпочкѣ съ потолка, посреди комнаты стоялъ самъ господинъ Лебедевъ, спиной къ входившему князю, въ жилетѣ, но безъ верхняго платья, по-лѣтнему, и, бія себя въ грудь, горько ораторствовалъ на какую-то тему. Слушателями были: мальчикъ лѣтъ пятнадцати, съ довольно веселымъ и неглупымъ лицомъ и съ книгой въ рукахъ, молодая дѣвушка лѣтъ двадцати, вся въ траурѣ и съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, тринадцатилѣтняя дѣвочка, тоже въ траурѣ, очень смѣявшаяся и ужасно разѣвавшая при этомъ ротъ, и, на-

конецъ, одинъ чрезвычайно странный слушатель, лежавшій на диванѣ малый лѣтъ двадцати, довольно красивый, черноватый, съ длинными, густыми волосами, съ черными большими глазами, съ маленькими поползновеніями на бакенбарды и бородку. Этотъ слушатель, казалось, часто прерывалъ и оспаривалъ ораторствовавшаго Лебедева; тому-то, вѣроятно, и смѣялась остальная публика.

— Лукьянъ Тимоѳеичъ, а Лукьянъ Тимоѳеичъ! Виши вѣдь! Да глянь сюда!.. Ну, да пусто бы вамъ совсѣмъ!

И кухарка ушла, махнувъ руками и разсердившись такъ, что даже вся покраснѣла.

Лебедевъ оглянулся и, увидѣвъ князя, стоялъ нѣкоторое время какъ бы пораженный громомъ, потомъ бросился къ нему съ подобострастною улыбкой, но на дорогѣ опять какъ бы замеръ, проговоривъ впрочемъ:

— Си-си-сіятельнѣйшій князь!

. Но вдругъ, все еще какъ бы не въ силахъ добыть конченансу, оборотился и, ни съ того, ни съ сего, набросился сначала на дѣвушку въ траурѣ, державшую на рукахъ ребенка, такъ что та даже нѣсколько отшатнулась отъ неожиданности, но тотчасъ же, оставивъ ее, накинулася на тринадцатилѣтнюю дѣвочку, торчавшую на порогѣ въ слѣдующую комнату и продолжавшую улыбаться остатками еще недавняго смѣха. Та не выдержала крика и тотчасъ же дала стречка въ кухню; Лебедевъ даже затопталъ ей вслѣдъ ногами, для пущей остроты, но, встрѣтивъ взглядъ князя, глядѣвшаго съ замѣшательствомъ, произнесъ въ объясненіе:

— Для... почтительности, хе-хе-хе!

— Вы все это напрасно... началъ было князь.

— Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ... какъ вихрь!

И Лебедевъ быстро исчезъ изъ комнаты. Князь посмотрѣлъ въ удивленіи на дѣвушки, на мальчика и на лежавшаго на диванѣ; все они смѣялись. Засмѣялся и князь.

— Пошелъ фракъ надѣть, сказалъ мальчикъ.

— Какъ это все досадно, началъ было князь,—а я было думалъ... скажите, онъ...

— Шляпъ, вы думаете? крикнулъ голосъ съ дивана.— Ни въ одномъ глазу! Такъ развѣ рюмки три-четыре, ну пять какихъ-нибудь есть, да это ужъ что-жъ — дисциплина.

Князь обратился было къ голосу съ дивана, но загово-

рила дѣвушка, и съ самымъ откровеннымъ видомъ на свое мило видное лицо сказала:

— Онъ поутру никогда много не пить; если вы къ нему за какимъ-нибудь дѣломъ, то теперь и говорите. Самое время. Развѣ къ вечеру когда воротится, такъ хмель; да и то теперь больше на ночь плачетъ и намъ вслухъ изъ Священного Писания читаетъ, потому что у насъ матушка пять недѣль какъ умерла.

— Это онъ потому убѣжалъ, что ему вѣрно трудно стало вами отвѣтить, засмѣялся молодой человѣкъ съ дивана.—Объ закладъ побьюсь, что онъ уже васъ надуваетъ и именно теперь обдумываетъ.

— Всего пять недѣль! Всего пять недѣль! подхватилъ Лебедевъ, возвращаясь уже во фракѣ, мигая глазами и таша изъ кармана платокъ для утирики слезъ.—Сироты!

— Да вы что всѣ въ дыряхъ-то вышли? сказала дѣвушка.—Вѣдь тутъ за дверью у васъ лежитъ новѣшенький сюртукъ, не видѣли, что-ли?

— Молчи, стрекоза! крикнулъ на нее Лебедевъ?—У, ты! затопаль было онъ на нее ногами.

Но въ этотъ разъ она только разсмѣялась.

— Вы чего пугаете-то, я вѣдь не Таня, не побѣгу. А вотъ Любочку такъ, пожалуй, разбудите, да еще родимчикъ привяжется... что кричите-то!

— Ни-ни-ни! Типунъ, типунъ... ужасно испугался вдругъ Лебедевъ, и, бросаясь къ спавшему на рукахъ дочери ребенку, нѣсколько разъ съ испуганнымъ видомъ перекрестилъ его.—Господи, сохрани, Господи, предохрани! Это собственный мой грудной ребенокъ, дочь Любовь, обратился онъ къ князю,—и рождена въ законный бракъ отъ новопреставленной Елены, жены моей, умершей въ родахъ. А эта пигалица есть дочь моя, Вѣра, въ траурѣ... А этотъ, этотъ, о, этотъ...

— Что, осѣкся? крикнулъ молодой человѣкъ.—Да ты продолжай, не конфузься.

— Ваше сіятельство! съ какимъ-то порывомъ воскликнулъ вдругъ Лебедевъ,—про убийство семейства Жемаринихъ въ газетахъ изволили прослѣдить?

— Прочелъ, сказалъ князь съ некоторымъ удивленіемъ.

— Ну, такъ вотъ это подлинный убийца семейства Жемаринихъ, опь самый и есть!

— Чѣмъ вы это? сказалъ князь.

— То-есть, аллегорически говоря, будущій второй убийца

будущаго второго семейства Жемаринихъ, если таковое окажется. Къ тому и готовится...

Всѣ засмѣялись. Князю пришло на умъ, что Лебедевъ и дѣйствительно, можетъ-быть, жмется и кривляется потому только, что, предчувствуя его вопросы, не знаетъ, какъ на нихъ отвѣтить и выгадываетъ время.

— Бунтуешь! Заговоры составляетъ! кричалъ Лебедевъ, какъ бы уже не въ силахъ сдержать себя.—Ну, могу-ли я, ну, въ правѣ-ли я такого злозычника, такую, можно сказать, блудницу и изверга за родного племянника моего, за единственнаго сына сестры моей Анисы, покойницы, считать?

— Да перестань, пьяный ты человѣкъ! Вѣрите-ли, князь, теперь онъ вздумалъ адвокатствомъ заниматься, по судебнѣмъ искамъ ходить; въ краснорѣчіе пустился и все высокимъ слогомъ съ дѣтьми дома говорить. Предъ мировыми судьями пять дней тому назадъ говорилъ. И кого же взялся защищать: не старуху, которая его умоляла, просила, и которую подлецъ ростовщикъ ограбилъ, пятьсотъ рублей у ней, все ея достояніе, себѣ присвоилъ, а этого же самаго ростовщика, Зайдлера какого-то, жида, за то, что пятьдесятъ рублей обѣщалъ ему дать...

— Пятьдесятъ рублей, если выиграю, и только пять, если проиграю, объяснилъ вдругъ Лебедевъ совсѣмъ другимъ голосомъ, чѣмъ говорилъ доселъ, а такъ, какъ будто онъ никогда не кричалъ.

— Ну, и сбрендилъ, конечно, не старые вѣдь порядки-то, только тамъ насмѣялись надъ нимъ. Но онъ собой ужасно доволенъ остался; вспомните, говоритъ, нелицепрѣятные господа судьи, что печальный старецъ, безъ ногъ, живущій честнымъ трудомъ, лишается послѣдняго куска хлѣба; вспомните мудрыя слова законодателя: „Да царствуетъ милость въ судахъ“. И вѣрите-ли, каждое утро онъ памъ здѣсь эту же рѣчь пересказываетъ, точь-вѣ-точъ, какъ тамъ ее говорилъ; пятый разъ сегодня, вотъ передъ самыми вашими приходомъ, читалъ, до того понравилось. Самъ на себя облизывается. И еще кого-то защищать собирается. Вы, кажется, князь Мышкинъ? Коля мнѣ про васъ говорилъ, что умнѣе васъ и на свѣтѣ еще до сихъ порь не встрѣчалъ.

— И пѣть! И пѣть! И умнѣе на свѣтѣ пѣть! тотчасъ же подхватилъ Лебедевъ.

— Ну, этотъ, положимъ, соврали. Одинъ васъ любить,

а другой у васъ заискиваетъ; а я вамъ вовсе льстить не намѣренъ, было бы вамъ это извѣстно. Не безъ смысла же вы: вотъ разсудите-ка меня съ нимъ. Ну, хочешь, вотъ князь наасъ разсудить? обратился онъ къ дядѣ.—Я даже радъ, князь, что вы подвернулись.

— Хочу! рѣшительно крикнулъ Лебедевъ, и невольно оглянулся на публику, которая начала опять надвигаться.

— Да чѣмъ у васъ тутъ такое? проговорилъ князь, поморщившись.

У него дѣйствительно болѣла голова, къ тому же онъ убѣждался все больше и больше, что Лебедевъ его надуваетъ и радъ, что отодвигается дѣло.

— Изложеніе дѣла. Я его племянникъ, это онъ не соглалъ, хоть и все лжетъ. Я курса не кончилъ, но кончить хочу и на свое мѣсто, потому что у меня есть характеръ. А покамѣсть, чтобы существовать, мѣсто одно беру въ двадцать пять рублей на желѣзной дорогѣ. Сознаюсь, кромѣ того, что онъ мнѣ раза два-три уже помогъ. У меня было двадцать рублей, и я ихъ проигралъ. Ну, вѣрите-ли, князь, я былъ такъ подлъ, такъ низокъ, что я ихъ проигралъ!

— Мерзавцу, мерзавцу, которому не слѣдовало и платить! крикнулъ Лебедевъ.

— Да, мерзавцу, но которому слѣдовало заплатить, продолжалъ молодой человѣкъ. — А что онъ мерзавецъ, такъ это и я засвидѣтельствую, и не потому, что онъ тебя прибилъ. Это, князь, одинъ забракованный офицеръ, отставной поручикъ изъ прежней Рогожинской компаніи и боксъ преподаетъ. Всѣ они теперь скитаются, какъ ихъ разогналъ Рогожинъ. Но, чѣмъ хуже всего, такъ это то, что я зналъ про него, что онъ мерзавецъ, негодяй и во-ришка, и все-таки сѣлъ съ нимъ играть, и что, доигрывая послѣдній рубль (мы въ налки играли), я про себя думалъ: проиграю, къ дядѣ Лукьяну пойду, поклонюсь—не откажетъ. Это ужъ низость, вотъ это такъ ужъ низость! Это ужъ подлость сознательная!

— Вотъ это такъ ужъ подлость сознательная! повторилъ Лебедевъ.

— Ну, не торжествуй, подожди еще, обидчиво крикнулъ племянникъ. — Онъ и радъ. Я явился къ нему, князь, сюда и признался во всемъ: я поступилъ благородно, я себя не пощадилъ; я обругалъ себя предъ нимъ, какъ только могъ, здѣсь всѣ свидѣтели. Чтобы занять

это мѣсто на желѣзной дорогѣ, мнѣ непремѣнно нужно хоть какъ-нибудь экипироваться, потому что я весь въ лохмотьяхъ. Вотъ посмотрите на сапоги! Иначе на мѣсто явиться невозможно, а не явись я къ назначенному сроку, мѣсто зайдетъ другой, тогда я опять на экваторѣ и когда-то еще другое мѣсто сыщу. Теперь я прошу у него всего только пятнадцать рублей и обѣщаюсь, что никогда уже больше не буду просить, и, сверхъ того, въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ выплачу ему весь долгъ до послѣдней копейки. Я слово сдержу. Я умѣю на хлѣбѣ съ квасомъ цѣлые мѣсяцы просидѣть, потому что у меня есть характеръ. За три мѣсяца я получу семьдесятъ пять рублей. Съ прежними я долженъ ему будущего тридцать пять рублей, стало-быть, мнѣ будетъ чѣмъ заплатить. Ну, пусть проценты назначитъ какіе угодно, чортъ возьми! Не знаетъ онъ, что-ли, меня? Спросите его, князь: прежде, когда онъ мнѣ помогалъ, платилъ я или нѣтъ? Отчего же теперь не хочетъ? Разозлился на то, что я этому поручику заплатилъ; иной нѣтъ причины! Вотъ каковъ этотъ человѣкъ,—ни себѣ, ни другимъ!

— И не уходитъ! вскричалъ Лебедевъ.—Легъ здѣсь и не уходитъ.

— Я такъ и сказалъ тебѣ. Не выйду, пока не дашь. Вы что-то улыбаетесь, князь? Кажется, неправымъ меня находите?

— Я не улыбаюсь, но, по-моему, вы дѣйствительно нѣсколько неправы, неохотно отозвался князь.

— Да ужъ говорите прямо, что совсѣмъ неправъ, не виляйте: чтѣ за „нѣсколько“!

— Если хотите, то и совсѣмъ неправы.

— Если хочу! Смѣши! Да неужели вы думаете, что я и самъ не знаю, что такъ щекотливо поступать, что деньги его, воля его, а съ моей стороны выходить насилие. Но вы, князь... жизни не знаете. Ихъ не учи, такъ толку не будетъ. Ихъ надо учить. Вѣдь совѣсть у меня чиста; по совѣсти, я убытку ему не принесу, я съ процентами возвращу. Нравственное онъ тоже удовлетвореніе получилъ: онъ видѣлъ мое униженіе. Чего же ему болѣе? На чтѣ же онъ будетъ годиться, пользы-то не принося? Помилуйте, чтѣ онъ самъ-то дѣлаетъ? Спросите-ка, чтѣ онъ съ другими творить и какъ людей надуваетъ? Чѣмъ онъ домъ этотъ нажилъ? Да я голову на отсѣченіе дамъ, если онъ васъ уже не надулъ и уже не обду-

маль, какъ бы васъ еще дальше надуть! Вы улыбаетесь, не вѣрите?

— Мне кажется, это все не совсѣмъ подходитъ къ вашему дѣлу, замѣтилъ князь.

— Я вотъ уже третій день здѣсь лежу, и чего наглядѣлся! кричалъ молодой человѣкъ, не слушая. — Представьте себѣ, что онъ вотъ этого ангела, вотъ эту дѣвушку, теперь сироту, мою двоюродную сестру, свою dochь, подозрѣваетъ, у ней каждую ночь милыхъ друзей ищетъ! Ко мнѣ сюда потихоньку приходитъ, подъ диваномъ у меня тоже разыскиваетъ. Съ ума спятилъ отъ мнительности; во всякомъ углу воровъ видитъ. Всю ночь поминутно вскакиваетъ, то окна смотрить, хорошо-ли заперты, то двери пробуетъ, въ печку заглядываетъ, да этакъ въ ночь-то разъ по семи. За мошенниковъ въ судѣ стоитъ, а самъ ночью раза по три молиться встаетъ, вотъ здѣсь въ залѣ, на колѣняхъ, лбомъ и стучитъ по получасу, и за кого-кого не молится, чего-чего не причитаетъ, спянина-то? За упокой души графини Дюбарри молился, я слышалъ своими ушами; Коля тоже слышалъ: совсѣмъ съ ума спятилъ!

— Видите, слышите, какъ онъ меня срамитъ, князь! покраснѣвъ и дѣйствительно выходя изъ себя, вскричалъ Лебедевъ. — А того не знаетъ, что, можетъ-быть, я, пьяница и потаскунъ, грабитель и лиходѣй, за одно только и стою, что вотъ этого зубоскала, еще младенца, въ сви-вальники обертывалъ, да въ корытѣ мыль, да у нищей, овдовѣвшей сестры Анисы, я, такой же нищей, по ногамъ просиживалъ, напролеть не спалъ, за обоими ими больными ходиль, у дворника внизу дрова воровалъ, ему пѣсни пѣль, въ пальцы прищелкивалъ, съ головнымъ-то брюхомъ, вотъ и вынынчилъ, вонъ онъ смѣется теперь надо мнай! Да и какое тебѣ дѣло, если-быть я и вилять за упокой графини Дюбарри когда-нибудь однажды лобъ перекрестилъ? Я, князь, четвертаго дня, первый разъ въ жизни, ея жизнеописаніе въ лексиконѣ прочелъ. Да знаешь-ли ты, чтѣ такое была она, Дюбарри? Говори, знаешь иль неѣть?

— Ну, вотъ, ты одинъ только и знаешь! насмѣшилъ, но нехотя пробормоталъ молодой человѣкъ.

— Это была такая графиня, которая, изъ позору выйдя, вместо королевы заправляла, и которой одна великая императрица, въ собственноручномъ письмѣ своемъ, „та

cousine^а написала. Кардиналь, нунцій папскій, ей, на леве-дю-руа, (знаешь, что такое было леве-дю-руа), чулочки шелковые на обнаженные ея ножки самъ вызвался надѣть, да еще за честь почитая,—этакое-то высокое и святѣйшее лицо! Знаешь ты это? По лицу вижу, что не знаешь! Ну, какъ она померла? Отвѣчай, коли знаешь!

— Убирайся! Присталь.

— Умерла она такъ, что послѣ этакой-то чести, этакую бывшую властелинку, потащилъ на гильотину палачъ Сампсонъ, заневинно, на потѣху пускардокъ парижскихъ, а она и не понимаетъ, что съ ней происходитъ, отъ страха. Видитъ, что онъ ее за шею подъ ножъ нагибаетъ и пинками подталкиваетъ,—тѣ-то смѣются,—и стала кричать: „Encore un moment, monsieur le bourreau, encore un moment!“ Что и означаетъ: „Минуточку одну еще повремените, господинъ буро, всего одну!“ И вотъ за эту-то минуточку ей, можетъ, Господь и простить, ибо дальше этакого мизера съ человѣческою душой вообразить невозможно. Ты знаешь-ли, что значить слово мизеръ? Ну, такъ вотъ онъ самый мизеръ и есть. Отъ этого графинина крика, обѣ одной минуточкѣ, я какъ прочиталъ, у меня точно сердце захватило щипцами. И что тебѣ въ томъ, червлю, что я, ложась на ночь спать, на молитвѣ вздумалъ ее, грѣшницу великую, помянуть. Да потому, можетъ, и помянулъ, что за нее, съ тѣхъ поръ, какъ земля стоитъ, навѣрно никто никогда и лба не перекрестилъ, да и не подумалъ о томъ. А нѣ ей и приятно станетъ на томъ свѣтѣ почувствовать, что нашелся такой же грѣшникъ, какъ и она, который и за нее хоть одинъ разъ на землѣ помолился. Ты чего смѣешься-то? Не вѣришь, атеистъ. А ты почемъ знаешь? Да и то совраль, если ужъ подслушалъ меня: я не просто за одну графиню Дюбарри молился; я прочиталъ такъ: „упокой Господи душу великой грѣшницы графини Дюбарри и всѣхъ ей подобныхъ“, а ужъ это совсѣмъ другое; ибо много такихъ грѣшницъ великихъ и образцовъ перемѣны фортуны, и вытерпѣвшихъ, которыхъ тамъ теперь мятутся и стонутъ, и ждутъ; да я и за тебя, и за такихъ же какъ ты, тебѣ подобныхъ, нахаловъ и обидчиковъ, тогда же молился, если ужъ взялся подслушивать, какъ я молюсь...

— Ну, довольно, полно, молись за кого хочешь, чортъ съ тобой, раскричался! досадливо перебилъ племянникъ.—

Вѣдь онъ у насъ преначитанный, вы, князь, не знали: прибавилъ онъ съ какою-то пеловкою усмѣшкой.—Все теперь разныя вотъ этакія книжки да мемуары читается.

— Вашъ дядя все-таки... не безсердечный же человѣкъ, нехотя замѣтилъ князь.

Ему этотъ молодой человѣкъ становился весьма противенъ.

— Да вы его у насъ, пожалуй, этакъ захвалите! Видите, ужъ онъ и руку къ сердцу, и ротъ въ ижицу, тотчасъ разлакомился. Не безсердечный-то, пожалуй, да плутъ, вотъ бѣда; да къ тому же онъ и пьянъ, весь развинтился, какъ и всякий нѣсколько лѣтъ пьяный человѣкъ, оттого у него все и скрипитъ. Дѣтей-то онъ любить, положимъ, тетку покойницу уважалъ... Меня даже любить, и вѣдь въ завѣщаніи, ей-Богу, миѣ часть оставилъ.

— Н-ничего не оставлю! съ ожесточенiemъ вскричалъ Лебедевъ.

— Послушайте, Лебедевъ, твердо сказалъ князь, отворачиваясь отъ молодого человѣка,— я вѣдь знаю по опыту, что вы человѣкъ дѣловой, когда захотите... У меня теперь времени очень мало, и если вы... Извините, какъ васъ по имени-отчеству, я забылъ?

— Ти-Ти-Тимоѳей.

— И?

— Лукьяновичъ.

Всѣ бывшиѣ въ комнатѣ опять разсмѣялись.

— Совраль! крикнулъ племянникъ.— И тутъ совраль! Его, князь, зовутъ вовсе не Тимоѳей Лукьяновичъ, а Лукьянъ Тимоѳеевичъ! Ну, зачѣмъ, скажи, ты совраль? Ну, не все-ли равно тебѣ, что Лукьянъ, что Тимоѳей, и что князю до этого? Вѣдь изъ повадки одной только и врать, увѣряю васъ!

— Неужели правда? въ нетерпѣніи спросилъ князь.

— Лукьянъ Тимоѳеевичъ, дѣйствительно, согласился и законфузился Лебедевъ, покорно опуская глаза и опять кладя руку на сердце.

— Да зачѣмъ же вы это, ахъ, Боже мой!

— Изъ самоумаленія, прошепталъ Лебедевъ, все болѣе и покорнѣе поникая своею головой.

— Эхъ, какое тутъ самоумаленіе! Если-бъ я только зналъ, гдѣ теперь Колю найти! сказалъ князь и повернулся было уходить.

— Я вамъ скажу, гдѣ Коля, вызвался опять молодой человѣкъ.

— Ни-ни-ни! вскинулся и засуетился впопыхахъ Лебедевъ.

— Коля здѣсь ночевалъ, но на утро пошелъ своего генерала разыскивать, котораго вы изъ „отдѣленія“, князь, Богъ знаетъ для чего, выкупили. Генералъ еще вчера обѣщалъ сюда же ночевать пожаловать, да не пожаловалъ. Вѣроятнѣе всего въ гостиницѣ „Вѣсы“, тутъ очень недалеко, заночевалъ. Коля, стало-быть, тамъ, или въ Павловскѣ, у Ешаниныхъ. У него деньги были, онъ еще вчера хотѣлъ щѣхать. Итакъ, стало-быть, въ „Вѣсахъ“ или въ Павловскѣ.

— Въ Павловскѣ, въ Павловскѣ!.. А мы сюда, сюда, въ садикъ и... кофейку...

И Лебедевъ потащилъ князя за руку. Они вышли изъ комнаты, прошли дворикъ и вошли въ калитку. Тутъ дѣйствительно былъ очень маленький и очень миленький садикъ, въ которомъ, благодаря хорошей погодѣ, уже распустились всѣ деревья. Лебедевъ посадилъ князя на зеленую деревянную скамейку, за зеленый, вѣянный въ землю столъ, и самъ помѣстился напротивъ него. Черезъ минуту, дѣйствительно, явился и кофей. Князь не отказался. Лебедевъ подобострастно и жадно продолжалъ за-сматривать ему въ глаза.

— Я и не зналъ, что у васъ такое хозяйство, сказалъ князь, съ видомъ человѣка, думающаго совсѣмъ о другомъ.

— Си-сиrotы, началъ было, покоробившись, Лебедевъ, но простоялся.

Князь разсѣянно смотрѣлъ предъ собой и ужъ, конечно, забылъ свой вопросъ. Прошло еще съ минуту; Лебедевъ высматривалъ и ожидалъ.

— Ну, что же? сказалъ князь, какъ бы очнувшись. — Ахъ, да! Вѣдь вы знаете сами, Лебедевъ, въ чемъ наше дѣло: я пріѣхалъ по вашему же письму; говорите.

Лебедевъ смущился, хотѣлъ что-то сказать, но только заикнулся: ничего не выговорилось. Князь подождалъ и грустно улыбнулся.

— Кажется, я очень хорошо васъ понимаю, Лукьянъ Тимофеевичъ: вы меня, навѣрно, не ждали. Вы думали, что я изъ моей глупши не подымусь по вашему первому увѣдомленію, и написали для очистки совѣсти. А я вотъ и пріѣхалъ. Ну, полноте, не обманывайте. Полноте слу-

жить двумъ господамъ. Рогожинъ здѣсь уже три недѣли, я все знаю. Успѣли вы ее продать ему какъ въ тогдашній разъ, или нѣтъ? Скажите правду.

— Извергъ самъ узналъ, самъ.

— Не браните его; онъ, конечно, съ вами поступилъ дурно...

— Избилъ, избилъ! подхватилъ съ ужаснѣйшимъ жаромъ Лебедевъ.—И собакой въ Москвѣ травилъ, по всей улицѣ, борзою сукой. Ужастенная сука.

— Вы мепя за маленькаго принимаете, Лебедевъ. Скажите серьезно, она оставила его теперь-то, въ Москвѣ-то?

— Серьезно, серьезно, опять изъ-подъ самаго вѣнца. Тотъ уже минуты считалъ, а она сюда въ Петербургъ и прямо ко мнѣ: „Спаси, сохрани, Лукьянъ, и князю не говори“... Она, князь, вѣсъ еще болѣе его боится, и здѣсь—премудрость!

И Лебедевъ лукаво приложилъ палецъ ко лбу.

— А теперь вы ихъ опять свели?

— Сіятельнѣйшій князь, какъ могъ... какъ могъ я не допустить?

— Ну, довольно, я самъ все узнаю. Скажите только, гдѣ теперь она? У него?

— О, нѣтъ! Ни-ни! Еще сама по себѣ. Я, говорить, свободна, и знаете, князь, сильно стоитъ на томъ: я, говорить, еще совершенно свободна! Все еще на Петербургской, въ домѣ моей свояченицы проживаетъ, какъ и писалъ я вамъ.

— И теперь тамъ?

— Тамъ, если не въ Павловскѣ, по хорошей погодѣ, у Дарьи Алексѣевны на дачѣ. Я, говорить, совершенно свободна; еще вчера Николаю Ардаліоновичу про свою свободу много хвалилась. Признакъ дурной-съ!

И Лебедевъ осклабился.

— Коля часто у ней?

— Легкомысленъ и непостижимъ, и не секретенъ.

— Тамъ давно были?

— Каждый день, каждый день.

— Вчера, стало-быть?

— Н-нѣтъ, четвертаго дня-съ.

— Какъ жаль, что вы немного выпили, Лебедевъ! А то бы я васъ спросилъ.

— Ни-ни-ни, ни въ одномъ глазу!

Лебедевъ такъ и наставилъ.

— Скажите мнѣ, какъ вы ее оставили?

— И-искальна...

— Искательна?

— Какъ бы все ищетъ чего-то, какъ бы потеряла что-то. О предстоящемъ же бракѣ даже мысль омерзла и за обидное принимаетъ. О *немъ* же самомъ какъ обѣ апельсинной коркѣ помышляетъ, не болѣе, то-есть и болѣе, со страхомъ и ужасомъ, даже говорить запрещаетъ, а видятся развѣ только что по необходимости... и онъ это слишкомъ чувствуетъ! А не миновать-сь!.. Безпокойна, насыщива, двуязычна, вскидчива...

— Двуязычна и вскидчива?

— Вскидчива; ибо вмалѣ не вѣпилась мнѣ прошлый разъ въ волосы за одинъ разговоръ. Апокалипсисомъ стала отчитывать.

— Какъ такъ? переспросилъ князь, думая, что услышался.

— Чтеніемъ Апокалипсиса. Дама съ воображеніемъ беспокойнымъ, хе-хе! И къ тому же вывелъ наблюденіе, что къ темамъ серьезнымъ, хотя бы и постороннимъ, слишкомъ наклонна. Любить, любить и даже за особое уваженіе къ себѣ принимаетъ. Да-сь. Я же въ толкованіи Апокалипсиса силенъ и толкую пятнадцатый годъ. Согласилась со мной, что мы при третьемъ конѣ, ворономъ, и при всаднике, имѣющемъ мѣру въ руѣ своей, такъ какъ все въ нынѣшній вѣкъ на мѣрѣ и на договорѣ, и всѣ люди своего только права и ищутъ: „мѣра пшеницы за динарій и три мѣры ячменя за динарій“... да еще духъ свободный и сердце чистое, и тѣло здравое, и всѣ дары Божіи при этомъ хотятъ сохранить. Но на единомъ правѣ не сохранять, и за симъ послѣдуетъ конь блѣдный и тотъ, коему имя Смерть, а за нимъ уже адъ... Объ этомъ, сходясь, и толкуемъ, и--сильно подѣствовало.

— Вы сами такъ вѣруете? спросилъ князь, страннымъ взглядомъ оглянувъ Лебедева.

— Вѣрю и толкую. Ибо нищъ и пагъ, и атомъ въ коловорщеніи людей. И кто почтить Лебедева? Всякъ изощряется надъ нимъ и всякъ вмалѣ не пинкомъ сопровождаетъ его. Тутъ же, въ толкованіи семъ, я равенъ вельможѣ. Ибо умъ! И вельможа затрепеталъ у меня... на креслѣ своемъ, осияя умомъ. Его высоконевосходительство, Нилъ Алексѣевичъ, третьяго года, передъ Святой, прослышили,—когда я еще служилъ у нихъ въ департа-

ментъ, — и нарочно потребовали меня изъ дежурной къ себѣ въ кабинетъ чрезъ Петра Захарыча, и вопросили на единѣ: „правда-ли, что ты профессоръ Антихриста?“ И не потаилъ: „азъ есть“, говорю, и изложилъ, и представилъ, и страха не смягчилъ, но еще мысленно, развернувъ аллегорической свитокъ, усилилъ и цифры подвелъ. И усмѣхались, но на цифрахъ и на подобіяхъ стали дрожать, и книгу просили закрыть, и уйти, и награждепе мнѣ къ Святой назначили, а на юномъ Богу душу отдали.

— Чѣмъ вы, Лебедевъ?

— Какъ есть. Изъ коляски упали послѣ обѣда... ви-
сочкомъ о тумбочку, и какъ ребеночекъ, какъ ребеночекъ,
тутъ же и отошли. Семьдесятъ три года по формуляру
значилось; красненький, сѣденъкій, весь духами опрыскан-
ный, и все бывало улыбались, все улыбались, словно ре-
беночекъ. Вспомнили тогда Петръ Захарычъ: „это ты пред-
рекъ“, говорить.

Князь сталъ вставать. Лебедевъ удивился и даже былъ
озадаченъ, что князь уже встаетъ.

— Равнодушны ужъ очень стали-сь, хе-хе! подобо-
страстно осмѣялся онъ замѣтить.

— Право, я чувствую себя не такъ здоровымъ, у меня
голова тяжела, отъ дороги, что-ль, отвѣчалъ князь, на-
хмурясь.

— На дачку бы замѣ-сь, робко подвелъ Лебедевъ.

Князь стоялъ задумавшись.

— Я вотъ и самъ, дни три переждавъ, со всѣми домо-
чадцами на дачу, чтобы и новорожденаго птенца сохра-
нить, и здѣсь въ домишкѣ тѣмъ временемъ все поисправ-
ить. И тоже въ Павловскѣ.

— И вы тоже въ Павловскѣ? спросилъ вдругъ князь.—
Да что это, здѣсь всѣ, что-ли, въ Павловскѣ? И у васъ,
вы говорите, тамъ своя дача есть?

— Въ Павловскѣ не всѣ-сь. А мнѣ Иванъ Петровичъ
Птицынъ уступилъ одну изъ дачъ, дешево ему достав-
шихся. И хорошо, и возвышенно, и зелено, и дешево, и
бонтонно, и музикально, и вотъ потому и всѣ въ Пав-
ловскѣ. Я, впрочемъ, во флигелечкѣ, а собственно дачку...

— Отдали?

— Н-н-нѣтъ. Не... не совсѣмъ-сь.

— Отдайте мнѣ, вдругъ предложилъ князь.

Кажется, къ тому только и подводилъ Лебедевъ. У

него эта идея три минуты назадъ въ головѣ мелькнула. А между тѣмъ въ жильцѣ онъ уже не нуждался; дачный наемщикъ уже былъ у него и самъ извѣстилъ, что дачу, можетъ-быть, и займетъ. Лебедевъ же зналъ утвердительно, что не „можетъ-быть“, а навѣрно займетъ. Но теперь у него вдругъ мелькнула одна, по его расчету, очень плохотворная мысль, передать дачу князю, пользуясь тѣмъ, что прежній наемщикъ выразился неопределѣтельно. „Дѣло столкновеніе и дѣлъ новый оборотъ дѣла“ представился вдругъ воображенію его. Предложеніе князя онъ принялъ чуть не съ восторгомъ, такъ что на прямой вопросъ его о цѣнѣ даже замахалъ руками.

— Ну, какъ хотите; я справлюсь; своего не потеряете. Оба они уже выходили изъ сада.

— А я бы вамъ... я бы вамъ... если бы захотѣли, я бы вамъ кое-что весьма интересное, высокочтимый князь, могъ бы сообщить, къ тому же предмету относящееся, пробороматъ Лебедевъ, на радости увиаясь сбоку около князя.

Князь простоялъ.

— У Дарьи Алексѣевны тоже въ Павловскѣ дачка-сь.

— Ну?

— А извѣстная особа съ ней пріятельница и, повидимому, часто намѣренна посѣщать ее въ Павловскѣ. Съ цѣлью.

— Ну?

— Аглая Ивановна...

— Ахъ, довольно, Лебедевъ! съ какимъ-то непріятнымъ ощущеніемъ перебилъ князь, точно дотронулись до его больного мѣста. — Все это... не такъ. Скажите лучше, когда перѣѣзжаете? Мнѣ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, потому что я въ гостиницѣ...

Разговаривая, они вышли изъ сада, и, не заходя въ комнаты, перешли дворикъ и подошли къ калиткѣ.

— Да чего лучше, вздумалъ, наконецъ, Лебедевъ,—перѣѣзжайте ко мнѣ прямо изъ гостиницы, сегодня же, а послѣ завтра мы все вмѣстѣ и въ Павловскѣ.

— Я увижу, сказалъ князь задумчиво, и вышелъ за ворота.

Лебедевъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Его поразила внезапная разсѣянность князя. Выходя, онъ забылъ даже сказать „прощайте“, даже головой не кивнулъ, что несомнѣнно было съ извѣстною Лебедеву вѣжливостью и внимательностью князя.

III.

Былъ уже двѣнадцатый часъ. Князь зналъ, что у Епанчиныхъ въ городѣ онъ можетъ застать теперь одного только генерала, по службѣ, да и то наврядъ. Ему подумалось, что генералъ, пожалуй, еще возьметъ его и тотчасъ же отвезетъ въ Павловскъ, а ему до того времени очень хотѣлось сдѣлать одинъ визитъ. На рискъ опоздать къ Епанчинымъ и отложить свою поѣздку въ Павловскъ до завтра, князь рѣшился идти разыскивать домъ, въ который ему такъ хотѣлось зайти.

Визитъ этотъ былъ для него, впрочемъ, въ нѣкоторомъ отношеніи рискованнымъ. Онъ затруднялся и колебался. Онъ зналъ про домъ, что онъ находится въ Гороховой, неподалеку отъ Садовой, и положилъ идти туда, въ надеждѣ, что, дойдя до мѣста, онъ успѣеть, наконецъ, рѣшиться окончательно.

Подходя къ перекрестку Гороховой и Садовой, онъ самъ удивился своему необыкновенному волненію; онъ и не ожидалъ, что у него съ такою болью будетъ биться сердце. Одинъ домъ, вѣроятно, по своей особенной физіономіи, еще издали сталъ привлекать его вниманіе, и князь помнилъ потому, что сказалъ себѣ: „Это навѣрно тотъ самый домъ“. Съ необыкновеннымъ любопытствомъ подходилъ онъ провѣрить свою догадку; онъ чувствовалъ, что ему почему-то будетъ особенно непріятно, если онъ угадалъ. Домъ этотъ былъ большой, мрачный, въ три этажа, безъ всякой архитектуры, цвѣта грязно-зеленаго. Нѣкоторые, очень, впрочемъ, немногіе дома въ этомъ родѣ, выстроенные въ концѣ прошлаго столѣтія, уцѣлѣли именно въ этихъ улицахъ Петербурга (въ которомъ все такъ скоро мѣняется) почти безъ перемѣны. Строены они прочно, съ толстыми стѣнами и съ чрезвычайно рѣдкими окнами; въ нижнемъ этажѣ окна иногда съ рѣшѣтками. Большею частью внизу мѣнильная лавка. Скопецъ, засѣдающій въ лавкѣ, напинаетъ вверху. И снаружи, и внутри какъ-то негостепріимно и сухо, все какъ будто скрывается и таится, а почему такъ кажется по одной физіономіи дома — было бы трудно объяснить. Архитектурные очертанія линій имѣютъ, конечно, свою тайну. Въ этихъ домахъ проживаютъ почти исключительно одни торговыя. Подойдя къ воротамъ и взглѣнувъ па надпись, князь про-

чель: „Домъ потомственного почетного гражданина Рогожина“.

Переставъ колебаться, онъ отворилъ стеклянную дверь, которая шумно за нимъ захлопнулась, и сталъ всходить по парадной лѣстницѣ во второй этажъ. Лѣстница была темная, каменная, грубаго устройства, а стѣны ея окрашены красною краской. Онъ зналъ, что Рогожинъ съ матерью и братомъ занимаетъ весь второй этажъ этого скучнаго дома. Отворившій князю человѣкъ провелъ его безъ доклада и вѣль долго: проходили они и одну парадную залу, которой стѣны были „подъ мраморъ“, со штучнымъ дубовымъ поломъ и съ мебелью двадцатыхъ годовъ, грубою и тяжеловѣсною, проходили и какія-то маленькия кльтушки, дѣлая крючки и зигзаги, поднимаясь на дѣвъ, на три ступени и настолько же спускаясь внизъ, и, наконецъ, поступались въ одну дверь. Дверь отворилъ самъ Шароенъ Семенычъ; увидѣвъ князя, онъ до того поблѣднѣлъ и осталбенѣлъ на мѣстѣ, что нѣкоторое время похожъ былъ на каменнаго истукана, смотря своимъ неподвижнымъ и испуганнымъ взглядомъ и скрививъ ротъ въ какую-то въ высшей степени недоумѣвающую улыбку, — точно въ посѣщеніи князя онъ находилъ что-то невозможное и почти чудесное. Князь хоть и ожидалъ что-нибудь въ этомъ родѣ, но даже удивился.

— Шароенъ, можетъ, я не кстати, я вѣдь и уйду, проговорилъ онъ, наконецъ, въ смущеніи.

— Кстати! Кстати! опомнился, наконецъ, Шароенъ, — милости просимъ, входи!

Они говорили другъ другу *ты*. Въ Москвѣ имъ случалось сходиться часто и подолгу, было даже нѣсколько мгновеній въ ихъ встрѣчахъ, слишкомъ памятно запечатлѣвшихся другъ у друга въ сердцѣ. Теперь же они мѣсяца три слишкомъ какъ не видались.

Блѣдность и какъ бы мелкая, бѣглая судорога все еще не покидала лица Рогожина. Онъ хоть и позвалъ гостя, но необыкновенное смущеніе его продолжалось. Пока онъ подводилъ князя къ кресламъ и усаживалъ его къ столу, тотъ случайно обернулся къ нему и остановился подъ впечатлѣніемъ чрезвычайно страннаго и тяжелаго его взгляда. Чѣ-то какъ бы пронзило князя и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы что-то ему припомнилось — недавнее, тяжелое, мрачное. Не садясь и остановившись неподвижно, онъ нѣкоторое время смотрѣлъ Рогожину прямо въ глаза:

они еще какъ бы сильнѣе блеснули въ первое мгновеніе. Наконецъ, Рогожинъ усмѣхнулся, но нѣсколько смутившись и какъ бы потерявшись.

— Чѣдѣ ты такъ смотришь пристально? пробормоталъ онъ.— Садись!

Князь сѣлъ.

— Пароенъ, сказалъ онъ,— скажи мнѣ прямо, зналъ ты, что я приѣду сегодня въ Петербургъ, или пѣть?

— Что ты приѣдешь, я такъ и думалъ, и, видишь, не ошибся, прибавилъ тотъ, язвительно усмѣхнувшись.— Но почемъ я зналъ, что ты сегодня приѣдешь!

Нѣкоторая рѣзкая порывчатость и странная раздражительность вопроса, заключавшагося въ отвѣтъ, еще болѣе поразили князя.

— Да хотѣлъ и зналъ, что *сегодня*, изъ-за чего же такъ раздражаться? тихо промолвилъ князь въ смущеніи.

— Да ты къ чему спрашиваешь-то?

— Давеча, выходя изъ вагона, я увидѣлъ пару совершенно такихъ же глазъ, какими ты сейчасъ сзади поглядѣлъ на меня.

— Вона! Чьи же были глаза-то? подозрительно пробормоталъ Рогожинъ.

Князю показалось, что онъ вздрогнулъ.

— Не знаю; въ толпѣ, мнѣ даже кажется, что померещилось; мнѣ начинаетъ все что-то мерещиться. Я, братъ Пароенъ, чувствую себя почти въ родѣ того, какъ бывало со мной лѣтъ пять назадъ, еще когда припадки приходили.

— Что-жъ, можетъ, и померещилось; я не знаю... бормоталъ Пароенъ.

Ласковая улыбка на лицѣ его очень не шла къ нему въ эту минуту, точно въ этой улыбкѣ что-то сломалось и какъ будто Пароенъ никакъ не въ силахъ былъ склеить ее, какъ ни пытался.

— Что-жъ, опять за границу, что-ли? спросилъ онъ и вдругъ прибавилъ:—А помнишь, какъ мы въ вагонѣ, по осени, изъ Псковаѣхали, я сюда, а ты... въ плащѣ-то, помнишь, штиблетишкѣ-то?

И Рогожинъ вдругъ засмѣялся, въ этотъ разъ съ какою-то откровенною злобой и точно обрадовавшись, что удалось хоть чѣмъ-нибудь ее выразить.

— Ты здѣсь совсѣмъ поселился? спросилъ князь, оглядывая кабинетъ.

- Да, я у себя. Гдѣ же мнѣ и быть-то?
- Давно мы не видались. Про тебя я такія вещи слышалъ, что какъ будто и не ты.
- Мало-ли что ни наскажутъ, сухо замѣтилъ Рогожинъ.
- Однакоже ты всю компанію разогналъ; самъ вотъ въ родительскомъ домѣ сидишь, не проказишь. Чѣмъ-жъ, хорошо. Домъ-то твой или вашъ общий?
- Домъ матушкинъ. Къ ней сюда черезъ коридоръ.
- А гдѣ твой братъ живетъ?
- Братъ Семенъ Семенычъ во флигель.
- Семейный онъ?
- Вдовыи. Тебѣ для чего это надо?
- Князь поглядѣлъ и не отвѣтилъ; онъ вдругъ задумался и, кажется, не слыхалъ вопроса. Рогожинъ не настаивалъ и выжидалъ. Помолчали.
- Я твой домъ сейчасъ, подходя, за сто шаговъ угадалъ, сказалъ князь.
- Почему такъ?
- Не знаю совсѣмъ. Твой домъ имѣеть физиономію всего вашего семейства и всей вашей рогожинской жизни, а спроси, почему я этаѣзъ заключилъ, —ничѣмъ объяснить не могу. Бредъ, конечно. Даже боюсь, что это меня такъ беспокоитъ. Прежде и не вздумалъ бы, что ты въ такомъ домѣ живешь, а какъ увидаль его, такъ сейчасъ и подумалось: „да вѣдь такой точно у него и долженъ быть домъ!“
- Виши! неопределенно усмѣхнулся Рогожинъ, не совсѣмъ понимая неясную мысль князя.—Этотъ домъ еще дѣдушка строилъ, замѣтилъ онъ.—Въ немъ все скопы жили, Хлудяковы, да и теперь у насть нанимаютъ.
- Мракъ-то какой. Мрачно ты сидишь, сказалъ князь, оглядывая кабинетъ.
- Это была большая комната, высокая, темноватая, заставленная всякою мебелью,—большею частью большими дѣловыми столами, бюро, шкафами, въ которыхъ хранились дѣловыя книги и какія-то бумаги. Красный, широкій, сафьянныій диванъ очевидно служилъ Рогожину постелью. Князь замѣтилъ на столѣ, за который усадилъ его Рогожинъ, двѣ три книги; одна изъ нихъ, Исторія Соловьевъ, была развернута и заложена отмѣткой. Постѣнамъ висѣло въ тусклыхъ золоченыхъ рамкахъ нѣсколько масляныхъ картинъ, темныхъ, закоптѣлыхъ и на которыхъ очень трудно было что-нибудь разобрать. Одинъ портретъ во весь ростъ при-

влекъ на себя вниманіе князя: онъ изображалъ человѣка лѣтъ пятидесяти, въ сюртукѣ покроя нѣмецкаго, но длинноополомъ, съ двумя медалями на шеѣ, съ очень рѣдкою и коротенькою сѣдоватою бородкой, со сморщенными и желтыми лицомъ, съ подозрительнымъ, скрытымъ и скорбнымъ взглядомъ.

— Это ужъ не отецъ-ли твой? спросилъ князь.

— Онъ самый и есть, отвѣчалъ съ непріятною усмѣшкой Рогожинъ, точно готовясь къ немедленной безцеремонной какой-нибудь шуткѣ насчетъ покойнаго своего родителя.

— Онъ былъ вѣдь не изъ старообрядцевъ?

— Нѣть, ходилъ въ церковь, а это правда, говорилъ, что по старой вѣрѣ правильнѣе. Скопцовъ тоже уважалъ очень. Это вотъ его кабинетъ и былъ. Ты почему спросишь, по старой-ли вѣрѣ?

— Свадьбу-то здѣсь справлять будешь?

— З-здѣсь, отвѣтилъ Рогожинъ, чуть не вздрогнувъ отъ неожиданнаго вопроса.

— Скоро у васъ?

— Самъ знаешь, отъ меня-ли зависить?

— Нароенъ, я тебѣ не врагъ и мѣшать тебѣ ни въ чёмъ не намѣренъ. Это я теперь повторяю такъ же, какъ заявлялъ и прежде, одинъ разъ, въ такую же почти минуту. Когда въ Москвѣ твоя свадьба шла, я тебѣ не мѣшиалъ, ты знаешь. Въ первый разъ она сама ко мнѣ бросилась, чуть не изъ-подъ вѣнца, прося „спаси“ ее отъ тебя. Я ея собственные слова тебѣ повторяю. Потомъ и отъ меня убѣжалъ; ты опять ее разыскалъ и къ вѣнцу повель, и вотъ, говорять, она опять отъ тебя убѣжала сюда. Правда-ли это? Мнѣ такъ Лебедевъ даль знать, я потому и прїхалъ. А о томъ, что у васъ опять здѣсь сладилось, я только вчера въ вагонѣ въ первый разъ узналъ отъ одного изъ твоихъ прежнихъ пріятелей, отъ Залежева, если хочешь знать. Бѣжалъ же я сюда, имѣя намѣреніе: я хотѣлъ ее, наконецъ, уговорить за границу поѣхать, для поправленія здоровья; она очень разстроена и тѣломъ, и душой, головой особенно, и, по-моему, въ большомъ уходѣ нуждается. Самъ я за границу ее сопровождать не хотѣлъ, а имѣль въ виду все это безъ себя устроить. Говорю тебѣ истинную правду. Если совершенная правда, что у васъ опять это дѣло сладилось, то я и на глаза ей не показусь, да и къ тебѣ больше никогда не приду. Ты самъ

знаешь, что я тебя не обманываю, потому что всегда былъ откровененъ съ тобой. Своихъ мыслей объ этомъ я отъ тебя никогда не скрывалъ и всегда говорилъ, что за тобою *ей* непремѣнная гибель. Тебѣ тоже погибель... можетъ-быть, еще пуще, чѣмъ *ей*. Если бы вы опять разошлись, то я былъ бы очень доволенъ; но разстраивать и разлаживать васъ самъ я не намѣренъ. Будь же спокойна и не подозрѣвай меня. Да и самъ ты знаешь, былъ-ли я когда-нибудь твоимъ настоящимъ соперникомъ, даже и тогда, когда она ко мнѣ уѣхала. Вотъ ты теперь замѣялся; я знаю, чему ты усмѣхнусь. Да, мы жили тамъ розно и въ разныхъ городахъ, и ты все это знаешь *авторно*. Я вѣдь тебѣ ужъ и прежде растолковалъ, что я *ее* „не любовью люблю, а жалостью“. Я думаю, что я это точно опредѣляю. Ты говорилъ тогда, что эти слова мои понялъ; правда-ли? Понялъ-ли? Вонъ какъ ты ненавистно смотришь! Я тебя успокоить пришелъ, потому что и ты мнѣ дорогъ. Я очень тебя люблю, Пароенъ. А теперь уйду и никогда не приду. Прощай.

Князь всталъ.

— Посиди со мной, тихо сказалъ Пароенъ, не подымаясь съ мѣста и склонивъ голову на правую ладонь.— Я тебя давно не видаль.

Князь сѣлъ. Оба опять замолчали.

— Я, какъ тебя нѣтъ предо мною, то тотчасъ же къ тебѣ злобу и чувствую, Левъ Николаевичъ. Въ эти три мѣсяца, чтобъ я тебя не видаль, каждую минуту на тебя злобился, *ей*-Богу. Такъ бы я тебя взялъ и отравилъ чѣмъ-нибудь! Вотъ какъ. Теперь ты четверти часа со мной не сидишь, а ужъ вся злоба моя проходить, и ты мнѣ опять попрежнему любъ. Посиди со мной...

— Когда я съ тобой, то ты мнѣ вѣришь, а когда меня нѣтъ, то сейчасъ перестаешь вѣрить и опять подозрѣваешь. Въ батюшку ты! дружески усмѣхнувшись и стараясь скрыть свое чувство, отвѣчалъ князь.

— Я твоему голосу вѣрю, какъ съ тобой сижу. Я вѣдь понимаю же, что наскъ съ тобой нельзя равнять, меня да тебя...

— Зачѣмъ ты это прибавилъ? И вотъ опять раздражился, сказалъ князь, дивясь на Рогожина.

— Да ужъ тутъ, братъ, не нашего маѣнія спрашиваютъ, отвѣчалъ тотъ,—тутъ безъ насъ положили. Мы вотъ и любимъ тоже порознь, во всемъ, то-есть, разница, продол-

жалъ онъ тихо и помолчавъ.—Ты вотъ жалостью, говоришь, ее любишь. Никакой такой во мнѣ быть къ ней жалости. Да и ненавидитъ она меня пуще всего. Она мнѣ теперь во снѣ снится каждую ночь: все, что она съ другимъ надо мнай смѣется. Такъ оно, братъ, и есть. Со мнай къ вѣнцу идетъ, а и думать-то обо мнѣ позабыла, точно башмакъ мѣняетъ. Вѣришь-ли, пять дней ее не видаль, потому что бѣхать къ ней не смѣю; спросить: „зачѣмъ пожаловалъ?“ Мало она меня срамила...

— Какъ—срамила? Чѣмъ ты!

— Точно не знаетъ! Да вѣдь вотъ съ тобою же отъ меня бѣжала „изъ-подъ вѣнца“, самъ сейчасъ выговорилъ.

— Вѣдь ты же самъ не вѣришь, что...

— Развѣ она съ офицеромъ, съ Землюжниковымъ, въ Москвѣ меня не срамила? Навѣрно знаю, что срамила, и ужъ послѣ того, какъ вѣнцу сама назначила срокъ.

— Быть не можетъ! вскричалъ князь.

— Вѣрно знаю, съ убѣждениемъ подтвердилъ Рогожинъ.—Чѣмъ, не такая, что-ли? Это, братъ, нечего и говорить, что не такая. Одинъ это только вздоръ. Съ тобой она будетъ не такая, и сама, пожалуй, этакому дѣлу ужаснется, а со мнай вотъ именно такая. Вѣдь ужъ такъ. Какъ па послѣднюю самую шаль на меня смотрить. Съ Келлеромъ, вотъ съ этимъ офицеромъ, чѣмъ боксомъ дрался, такъ навѣрно знаю для одного смѣху надо мнай сочинила... Да ты не знаешь еще, чѣмъ она надо мнай въ Москвѣ выдѣльвалася! А денегъ-то, денегъ сколько я перевель...

— Да... какъ же ты теперь женишься!.. Какъ потому-то будешь? съ ужасомъ спросилъ князь.

Рогожинъ тяжело и страшно поглядѣлъ на князя и ничего не отвѣтилъ.

— Я теперь ужъ пятый день у ней не былъ, продолжалъ онъ, помолчавъ съ минуту.—Все боюсь, что выгонить. Я, говоритъ, еще сама себѣ госпожа; захочу, такъ и совсѣмъ тебя прогоню, а сама за границу пойду (это ужъ она мнѣ говорила, что за границу-то пойдеть, замѣтилъ онъ какъ бы въ скобкахъ, и касъ-то особенно поглядѣвъ въ глаза князю); иной разъ, правда, только пужаетъ, все ей смѣшина на меня отчего-то. А въ другой разъ и въ самомъ дѣлѣ нахмурится, насунется, слова не выговорить; я вотъ этого-то и боюсь. Ономнясь подумалъ: стану пріѣзжать не съ пустыми руками,—такъ только ее насмѣшилъ, а потому и въ злость даже вошла. Горнич-

ной Катькой такую одну мою шаль подарила, что хоть и въ роскоши она прежде живала, а, можетъ, такой еще и не видывала. А о томъ, когда вѣнчаться, и заинкунутся нельзя. Какой тутъ женихъ, когда и просто пріѣхать боится? Вотъ и сижу, а невтерпежъ станеть, такъ тайкомъ да крадучись мимо дома ея по улицѣ и хожу, или за угломъ гдѣ прячусь. Ономнясь чуть не до свѣту близъ воротъ ея продежурилъ,—померещилось что-то мнѣ тогда. А она, знать, подглядѣла въ окошко: „что же бы ты, говорить, со мной сдѣлалъ, кабы обманъ увидалъ?“ Я не вытерпѣлъ, да и говорю: „сама знаешь“.

— Что же знаетъ?

— А почему и я-то знаю! злобно засмѣялся Рогожинъ.— Въ Москвѣ я ее тогда ни съ кѣмъ не могъ изловить, хоть и долго ловилъ. Я ее тогда однажды взялъ, да и говорю: „ты подъ вѣнецъ со мной обѣщалась, въ честную семью входишь, а знаешь ты теперь кто такая? Ты, говорю, вотъ какая!“

— Ты ей сказалъ?

— Сказалъ.

— Ну?

— „*Я* тебя, говорить, теперь и въ лакеи-то себѣ, можетъ, взять не захочу, не то что женой твоей быть“.— „А я, говорю, такъ не выйду, одинъ конецъ!“— „А я, говорить, сейчасъ Келлера позову, скажу ему, онъ тебя за ворота и вышвырнетъ“. И и кинулся на нее, да тутъ же до синяковъ и избилъ.

— Быть не можетъ! вскричалъ князь.

— Говорю: было, тихо, но сверкая глазами подтвердилъ Рогожинъ.—Полторы сутки ровно не спалъ, не ъль, не пиль, изъ комнаты ея не выходилъ, на колѣнки передъ ней становился: „Умру, говорю, не выйду, пока не простишь, а прикажешь вывести—уточлюсь: потому—что я безъ тебя теперь буду?“ Точно сумасшедшая она была весь тотъ день, то плакала, то убивать меня собиралась ножомъ, то ругалась надо мной. Залѣжева, Келлера и Землюжникова, и всѣхъ созвала, на меня имъ показываетъ, срамитъ. „Поѣдемте, господа, всей компанией сегодня въ театръ, пусть онъ здѣсь сидитъ, коли выйти не хочеть, я для него не привязана. А вамъ здѣсь, Пароепъ Семенычъ, чаю безъ меня подадутъ, вы, должно-быть, проголодались сегодня“. Воротилась изъ театра одна: „они, говорить, трусишки и подлецы, тебя боятся, да и меня

пугаютъ: говоритьъ, онъ такъ не уйдетъ, пожалуй, зарѣжетъ. А я вотъ какъ въ спальню пойду, такъ дверь и не запру за собой; вотъ какъ я тебя боюсь! Чтобы ты зналъ и видѣлъ это! Пили ты чай? — „Нѣтъ, говорю, и не стану“.— „Была бы честь приложена, а ужъ очень не идетъ къ тебѣ это“. И какъ сказала, такъ и сдѣлала, комнату не заперла. На утро вышла—смѣется: „Ты стъ ума сошелъ, что-ли? говорить.—Вѣдь этакъ ты съ голоду помрешь?“— „Прости, говорю“.— „Не хочу прощать, не пойду за тебя, сказано. Неужто ты всю ночь на этомъ креслѣ сидѣлъ, не спалъ?“— „Нѣтъ, говорю, не спалъ“.— „Какъ умень-то! А чай пить и обѣдатъ: опять не будешь?“— „Сказалъ не буду—прости!“— „Ужъ какъ это къ тебѣ не идетъ, говорить, если бы ты только зналъ, какъ коровѣ сѣдло. Ужъ не пугать-ли ты меня вздумалъ? Экая мнѣ бѣда какая, что ты голодный просидишь; вотъ испугалъ-то!“ Разсердилась, да не надолго, опять шиынять меня принялась. И подивился я тутъ на нее, что это у ней совсѣмъ этой злобы нѣть? А вѣдь она зло помнить, долго на другихъ зло помнить! Тогда вотъ мнѣ въ голову и пришло, что до того она меня низко почитаетъ, что и зла-то на мнѣ большого держать не можетъ. И это правда. „Знаешь ты, говорить, чтѣ такое папа римскій?“— „Слыхалъ, говорю“.— „Ты, говорить, Пароенъ Семенычъ, исторіи всеобщей ничего не учился!“— „Я ничему, говорю, не учился“.— „Такъ вотъ я тебѣ, говорить, дамъ прочесть: былъ такой одинъ папа, и на императора одного разсердился, и тотъ у него три дня, не пивши, не ѿвши, босой, на колѣнкахъ, предъ его дворцомъ простоялъ, пока тотъ ему не простилъ; какъ ты думаешь, чтѣ тотъ императоръ въ эти три дня, на колѣнкахъ-то стоя, про себя передумалъ и какіе зароки давалъ?.. Да постой, говорить, я тебѣ сама про это прочту!“ Вскочила, принесла книгу: „это стихи“, говоритъ, и стала мнѣ въ стихахъ читать о томъ, какъ этотъ императоръ въ эти три дня заклинался отомстить тому папѣ. „Неужели, говорить, это тебѣ не нравится, Пароенъ Семеновичъ?“— „Это все вѣрно, говорю, чтѣ ты прочла“.— „Ага, самъ говоришь, что вѣрно, значить и ты, можетъ, зароки даешь, что: „выйдетъ она за меня, тогда-то я ей все и припомню, тогда-то и натѣшусь надъ ней!“— „Не знаю, говорю, можетъ, и думаю такъ“.— „Какъ не знаешь?“— „Такъ, говорю, не знаю, не о томъ мнѣ все теперь думается“.— „А о чёмъ же ты теперь думаешь?“—

„А вотъ встанешь съ мѣста, пройдешь мимо, а я на тебѣ гляжу и за тобою слѣжу; прошумить твое платье, а у меня сердце падаетъ, а выйдешь изъ комнаты, я о каждомъ твоемъ словечкѣ вспоминаю, и какимъ голосомъ, и что сказала; а ночь всю эту ни о чёмъ и не думалъ, все слушалъ, какъ ты во снѣ дышала, да какъ раза два шевельнулась...“ — „Да ты, засмѣялась она, — пожалуй и о томъ, что меня избилъ, не думаешь и не помнишь?“ — „Можетъ, говорю, и думаю, не знаю“.— „А коли не прощу и за тебя не пойду?“ — „Сказалъ, что утоплюсь“.— „Пожалуй, еще убешь передъ этимъ“... Сказала и задумалась. Потомъ осердилась и вышла. Черезъ часъ выходитъ ко мнѣ такая сумрачная. „Я, говорить, пойду за тебя, Пароенъ Семеновичъ, и не потому, что боюсь тебя, а все равно погибать-то. Гдѣ вѣдь и лучше - то? Садись, говорить, тебѣ сейчасъ обѣдать подадутъ. А коли выйду за тебя, прибавила, то я тебѣ вѣрною буду женой, въ этомъ не сомнѣвайся и не беспокойся“. Потомъ помолчала и говорить: „Все-таки ты не лакей; я прежде думала, что ты совершенный, какъ есть, лакей“. Тутъ и свадьбу назначила, а черезъ недѣлю къ Лебедеву отъ меня и уѣждала сюда. Я какъ прїѣхалъ, она и говорить: „Я отъ тебя не отрекаюсь совсѣмъ; я только подождать еще хочу, сколько мнѣ будетъ угодно, потому я все еще сама себѣ госпожа. Иди и ты, коли хочешь“. Вотъ какъ у насъ теперь... Какъ ты обо всемъ этомъ думаешь, Левъ Николаевичъ?

— Самъ какъ ты думаешь? переспросилъ князь, грустно смотря на Рогожина.

— Да развѣ я думаю! вырвалось у того.

Онъ хотѣлъ было еще что-то прибавить, но промолчалъ въ неисходной тоскѣ.

Князь всталъ и хотѣлъ опять уходить.

— Я тебѣ все-таки мѣшать не буду, тихо проговорилъ онъ, почти задумчиво, какъ бы отвѣчая какой-то своей внутренней, затаенной мысли.

— Знаешь, чтѣ я тебѣ скажу! вдругъ одушевился Рогожинъ, и глаза его засверкали.—Какъ это ты мнѣ такъ уступаешь, не понимаю? Аль ужъ совсѣмъ ее разлюбилъ? Прежде ты все-таки былъ въ тоскѣ; я вѣдь видѣлъ. Такъ для чего же ты сломя-то голову сюда теперь прискакалъ? Изъ жалости? (И лицо его искривилось въ злую насмѣшку). Хе-хе!

— Ты думаешь, что я тебя обманываю? спросилъ князь.

— Нѣтъ, я тебѣ вѣрю, да только ничего тутъ не понимаю. Вѣрнѣе всего то, что жалость твоя, пожалуй, еще пуще моей любви!

Что-то злобное и желавшее непремѣнно сейчасъ же выскажаться загорѣлось въ лицѣ его.

— Что же, твою любовь отъ злости не отлишишь, улыбнулся князь, — а пройдетъ она, такъ, можетъ, еще пуще бѣда будетъ. Я, братъ, Пароенъ, ужъ это тебѣ говорю...

— Что зарѣжу-то?

Князь вздрогнулъ.

— Ненавидѣть будешь очень ее за эту же теперешнюю любовь, за всю эту мѣку, которую теперь принимаешь. Для меня всего чуднѣе то, какъ она можетъ опять идти за тебя? Какъ услышала вчера — едва повѣриль, и такъ тяжело мнѣ стало. Вѣдь ужъ два раза она отъ тебя отрекалась и изъ-подъ вѣнца убѣгала, значитъ, есть же предчувствіе!.. Что же ей въ тебѣ-то теперь? Неужели твои деньги? Вздоръ это. Да и деньги-то, небось, сильно ужъ порастратилъ. Неужто, чтобы только мужа найти? Такъ вѣдь она могла бы и кромѣ тебя найти. Всякаго, кромѣ тебя, лучше, потому что ты и впрямь, пожалуй, зарѣжешь, и она ужъ это слишкомъ, можетъ-быть, теперь понимаетъ. Что ты любишь-то ее такъ сильно? Правда, вотъ это развѣ... Я слыхивалъ, что есть такія, что именно этакой любви ищутъ... только...

Князь остановился и задумался.

— Чѣмъ ты опять усмѣхнулся на отцовъ портретъ? спросилъ Рогожинъ, чрезвычайно пристально наблюдавшій всякую перемѣну, всякую бѣглую черту въ лицѣ князя.

— Чѣмъ я усмѣхнулся? А мнѣ на мысль пришло, что если бы не было съ тобою этой на本事и, не приключилась бы эта любовь, такъ ты, пожалуй, точь-вѣ-точь какъ твой отецъ бы сталъ, да и въ весьма скромъ времени. Засѣль бы молча одинъ въ этомъ домѣ съ женой, послушною и безсловесною, съ рѣдкимъ и строгимъ словомъ, ни одному человѣку не вѣри, да и не нуждалась въ этомъ совсѣмъ и только деньги молча и сумрачно наживая. Да много-много, что старыя бы книги когда похвалилъ, да двуперстнымъ сложенiemъ заинтересовался, да и то развѣ къ старости...

— Насмѣхайся. И вотъ точь-вѣ-точь она это же самое говорила недавно, когда тоже этотъ портретъ разглядывала! Чудно, какъ вы во всемъ заодно теперь...

— Да развѣ она ужъ была у тебя? съ любопытствомъ спросилъ князь.

— Была. На портретѣ долго глядѣла, про покойника разспрашивала. „Ты вотъ точно такой бы и былъ“, усмѣхнулась мнѣ подъ конецъ, „у тебя, говоритъ, Пароенъ Семенычъ, сильная страсти, такія страсти, что ты какъ разъ бы съ ними въ Сибирь, на каторгу, улетѣлъ, если-бъ у тебя тоже ума не было, потому что у тебя большой умъ есть“, говоритъ (такъ и сказала, вотъ вѣришь или нѣть? Въ первый разъ отъ нея такое слово услышалъ!). „Ты все это баловство течерешнее скоро бы и бросилъ. А такъ какъ ты совсѣмъ необразованный человѣкъ, то и стать бы деньги копить, и сѣль бы, какъ отецъ, въ этомъ домѣ съ своими скопцами; пожалуй бы и самъ въ ихъ вѣру подъ конецъ перешелъ, и ужъ такъ бы ты свои деньги полюбилъ, что и не два миллиона, а пожалуй бы и десять скопилъ, да на мѣшкахъ своихъ съ голоду бы и померъ, потому у тебя во всемъ страсть, все ты до страсти доводишь“. Вотъ точно такъ и говорила, почти точь-вѣ-точь этими словами. Никогда еще до этого она такъ со мной не говорила! Она вѣдь со мной все про вздоры говорить, али насыщается; да и тутъ смѣясь начала, а потомъ такая стала сумрачная; весь этотъ домъ ходила, осматривала, и точно пужалась чего. „Я все это перемѣню, говорю, и отдаю, а то и другой домъ къ свадьбѣ, пожалуй, куплю“. — „Ни-ни, говоритъ, ничего здѣсь не перемѣнять, такъ и будемъ жить. Я подлѣ твоей матушки, говоритъ, жить хочу, когда женой твоей стану“. Повель я ее къ матушкѣ,—была къ ней почтительна, какъ родная дочь. Матушка и прежде, вотъ уже два года, точно какъ бы не въполномъ разсудкѣ сидѣть (больная она), а по смерти родителя и совсѣмъ какъ младенецъ стала, безъ разговору: сидѣть безъ ногъ и только всѣмъ, кого увидѣть, съ мѣста кланяется; кажись, не накорми ее, такъ она и три дня не спохватится. Я матушкину правую руку взялъ, сложилъ: „благословите, говорю, матушка, со мной къ вѣнцу идѣть“; такъ она у матушки руку съ чувствомъ подѣловала, „много, говоритъ, вѣрно, твоя мать горя перенесла“. Вотъ эту книгу у меня увидала: „что это ты, Русскую Исторію стать читать? (А она мнѣ и сама какъ-то разъ въ Москвѣ говорила: „ты бы образилъ себя хоть бы чѣмъ, хоть бы Русскую Исторію Соловьеву прочель, ничего-то вѣдь ты не знаешь“). Это ты хорошо, сказала,

такъ и дѣлай, читай. Я тебѣ реестрикъ сама напишу, какія тебѣ книги перво-на-перво надо прочесть; хочешь, иль нѣть?" И никогда-то, никогда прежде она со мной такъ не говорила, такъ что даже удивила меня; въ первый разъ какъ живой человѣкъ вздохнуль.

— Я этому очень радъ, Пароенъ, сказалъ князь съ искреннимъ чувствомъ,—очень радъ. Кто знаетъ, можетъ, Богъ васъ и устроитъ вмѣстѣ.

— Никогда не будетъ того! горячо вскричалъ Рогожинъ.

— Слушай, Пароенъ, если ты такъ ее любишь, неужто не захочешь ты заслужить ея уваженіе? А если хочешь, такъ неужели не надѣешься? Вотъ я давеча сказалъ, что для меня чудная задача: почему она идетъ за тебя? Но хоть я и не могу разрѣшить, но все-таки несомнѣнно мнѣ, что тутъ непремѣнно должна же быть причина до-статочная, разсудочная. Въ любви твоей она убѣждена; но навѣрно убѣждена и въ иѣкоторыхъ твоихъ достоин-ствахъ. Иначе быть вѣдь не можетъ! То, что ты сейчасъ сказалъ, подтверждаетъ это. Самъ ты говоришь, что на-шла же она возможность говорить съ тобой совсѣмъ дру-гимъ языкомъ, чѣмъ прежде обращалась и говорила. Ты мнителенъ и ревнивъ, потому и преувеличилъ все, что замѣтилъ дурного. Ужъ, конечно, она не такъ дурно ду-маеть о тебѣ, какъ ты говоришь. Вѣдь иначе значило бы, что она сознательно въ воду или подъ ножъ идетъ, за тебя выходя. Развѣ можетъ быть это? Кто сознательно въ воду или подъ ножъ идетъ?

Съ горькою усмѣшкой прослушалъ Пароенъ горячія слова князя. Убѣженіе его, казалось, было уже непоко-лебимо поставлено.

— Какъ ты тяжело смотришь теперь на меня, Пароенъ! съ тяжелымъ чувствомъ вырвалось у князя.

— Въ воду или подъ ножъ! проговорилъ тотъ, нако-нецъ.—Хе! Да потому-то и идетъ за меня, что навѣрно за мной ножъ ожидаетъ! Да неужто ужъ ты и впрямь, князь, до сихъ поръ не спохватился, въ чемъ тутъ все дѣло?

— Не понимаю я тебя.

— Чѣ-жъ, можетъ, и впрямь не понимаетъ, хе-хе! Говорятъ же про тебя, что ты... *того*. Другого она любить, вотъ чѣ поими! Точно такъ, какъ я ее люблю теперь, точно такъ же она другого теперь любить. А другой этотъ, знаешь ты кто? Это *ты*! Чѣ, не зналъ, что-ли?

— Я?

— Ты. Она тебя тогда, съ тѣхъ самыхъ порь, съ именіемъ-то, и полюбила. Только она думаетъ, что выйти ей за тебя невозможно, потому что она тебя будто бы опозорить и всю судьбу твою сгубить. „Я, говорить, известно какая“. До сихъ порь про это сама утверждаетъ. Она все это мнѣ сама такъ прямо въ лицо и говорила. Тебя сгубить и опозорить боится, а за меня, значитъ, ничего, можно выйти,—вотъ каково она меня почитаетъ, это тоже замѣть!

— Да какъ же она отъ тебя ко мнѣ бѣжала, а... отъ меня...

— А отъ тебя ко мнѣ! Хе! Да мало-ли что войдетъ ей вдругъ въ голову! Она вся точно въ лихорадкѣ теперь. То мнѣ кричить: „за тебя, какъ въ воду иду. Скорый свадьбу!“ Сама торопить, день назначаетъ, а станетъ подходить время — испужается, али мысли другія пойдутъ; Богъ знаетъ, вѣдь ты видѣлъ же: плачетъ, смеется, въ лихорадкѣ бѣется. Да что тутъ чудного, что она и отъ тебя уѣжала? Она отъ тебя и уѣжала тогда потому, что сама спохватилась, какъ тебя сильно любить. Ей не подѣ силу у тебя стало. Ты, вотъ, сказалъ давеча, что ее тогда въ Москвѣ разыскалъ; неправда — сама ко мнѣ отъ тебя приѣжала: „назначь день, говорить, я готова! Шампанскаго давай! Къ цыганкамъ ѿдемъ!“ кричить... Да не было бы меня, она давно бы ужъ въ воду кинулась; вѣрно говорю. Потому и не кидается, что я, можетъ, еще страшнѣе воды. Со зла и идетъ за меня... Коли выйдетъ, такъ ужъ вѣрно говорю, что со зла выйдетъ.

— Да какъ же ты... какъ же ты!.. вскричалъ князь и не докончилъ.

Онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на Рогожина.

— Что же не доканчиваешь, прибавилъ тотъ, осклабившись. — А хочешь скажу, что ты вотъ въ эту самую минуту про себя разсуждаешь: „ну, какъ же ей теперь за нимъ быть? Какъ ее къ тому допустить?“ Извѣстно, что думаешь...

— Я не за тѣмъ сюда ѿхалъ, Пароентъ; говорю тебѣ, не то у меня въ умѣ было...

— Это можетъ, что не за тѣмъ, и не то въ умѣ было, а только теперь оно ужъ навѣрно стало за тѣмъ, хе-хе! Ну, довольно! Чѣмъ ты такъ опрокинулся. Да неужто ты и вѣрямъ того не зналъ? Дивишь ты меня!

— Все это ревность, Пароенъ, все это болѣзнь, все это ты безмѣрно преувеличилъ... пробормоталъ князь въ чрезвычайномъ волненіи.—Чего ты?

— Оставь, проговорилъ Пароенъ и быстро вырвалъ изъ рукъ князя ножикъ, который тотъ взялъ со стола, подъ книги, и положилъ его опять на прежнее мѣсто.

— Я какъ будто зналъ, когда вѣзжалъ въ Петербургъ, какъ будто предчувствовалъ... продолжалъ князь. — Не хотѣлъ я ѿхать сюда! Я хотѣлъ все это здѣшнее забыть, изъ сердца прочь вырвать! Ну, прощай... Да что ты!

Говоря, князь въ разсѣянности опять было захватилъ въ руки со стола тотъ же ножикъ, и опять Рогожинъ его вынулъ у него изъ рукъ и бросилъ на столъ. Это былъ довольно простой формы ножикъ, съ оленѣмъ черенкомъ, нескладной, съ лезвіемъ вершка въ три съ половиной, соотвѣтственной ширины.

Видя, что князь обращаетъ особенное вниманіе на то, что у него два раза вырываются изъ рукъ этотъ ножъ, Рогожинъ съ злобною досадой схватилъ его, заложилъ въ книгу и швырнуль книгу на другой столъ.

— Ты листы, что-ли, имъ разрѣзаешь, спросилъ князь, по какъ-то разсѣянно, все еще какъ бы подъ вліяніемъ сильной задумчивости.

— Да, листы...

— Это вѣдь садовый ножъ?

— Да, садовый. Развѣ садовымъ нельзя разрѣзать листы?

— Да онъ... совсѣмъ новый.

— Ну, что-жъ, что новый? Развѣ я не могу сейчасъ купить новый ножъ? въ какомъ-то изступленіи вскричалъ, наконецъ, Рогожинъ, раздражавшійся съ каждымъ словомъ.

Князь вздрогнулъ и пристально поглядѣлъ на Рогожина.

— Экъ вѣдь мы! засмѣялся онъ вдругъ, совершиенно опомнившись.—Извини, братъ, меня, когда у меня голова такъ тяжела, какъ теперь, и эта болѣзнь... я совсѣмъ, совсѣмъ становлюсь такой разсѣянный и смѣшной. Я вовсе не объ этомъ и спросить-то хотѣлъ... не помню о чёмъ. Прощай...

— Не сюда, сказалъ Рогожинъ.

— Забыть!

— Сюда, сюда, пойдемъ, я укажу.

IV.

Пошли чрезъ тѣ же комнаты, по которымъ уже князь проходилъ; Рогожинъ шелъ немнога впереди, князь за нимъ. Вошли въ большую залу. Здѣсь, по стѣнамъ, было нѣсколько картинъ, все портреты архіереевъ и пейзажи, на которыхъ ничего нельзя было различить. Надъ дверью въ слѣдующую комнату висѣла одна картина, довольно странная по своей формѣ, около двухъ съ половиной аршинъ въ длину и никакъ не болѣе шести вершковъ въ высоту. Она изображала Спасителя, только что снятаго съ креста. Князь мелькомъ взглянулъ на нее, какъ бы что-то припоминая, впрочемъ, не останавливаясь, хотѣлъ пройти въ дверь. Ему было очень тяжело и хотѣлось поскорѣе изъ этого дома. Но Рогожинъ вдругъ остановился предъ картиной.

— Вотъ эти всѣ здѣсь картины, сказалъ онъ, — все за рубль, да за два на аукціонахъ куплены батюшкой по-коинамъ, онъ любилъ. Ихъ одинъ знающій человѣкъ всѣ здѣсь пересмотрѣлъ; дрянь, говоритъ, а вотъ эта — вотъ картина, надъ дверью, тоже за два цѣлковыхъ купленная, говоритъ, не дрянь. Еще родителю за нее одинъ выискался, что триста пятьдесятъ рублей давалъ, а Савельевъ, Иванъ Дмитрічъ, изъ купцовъ, охотникъ большой, такъ тотъ до четырехсотъ доходилъ, а на прошлой недѣлѣ брату Семену Семенычу ужъ и пятьсотъ предложилъ. Я за собой оставилъ.

— Да это... это копія съ Ганса Гольбейна, сказалъ князь, успѣвъ разглядѣть картину, — и хоть я знатокъ небольшой, но, кажется, отличная копія. Я эту картину за границей видѣлъ и забыть не могу. Но... что же ты...

Рогожинъ вдругъ бросилъ картину и пошелъ прежнею дорогой впередь. Конечно, разсѣянность и особое, странно-раздражительное настроеніе, такъ внезапно обнаружившееся въ Рогожинѣ, могло бы, пожалуй, объяснить эту порывчатость; но все-таки какъ-то чудно стало князю, что такъ вдругъ прервался разговоръ, который не имѣ же и начать, и что Рогожинъ даже и не отвѣтилъ ему.

— А чѣмъ, Левъ Николаевичъ, давпо я хотѣлъ тебя спросить, вѣруешь ты въ Бога аль нѣть? вдругъ заговорилъ опять Рогожинъ, пройдя нѣсколько шаговъ.

— Какъ ты странно спрашиваешь и... глядишь! замѣтилъ князь невольно.

— А на эту картину я люблю смотрѣть, пробормота́ль, помолчавъ, Рогожинъ, точно опять забывъ свой во-просъ.

— На эту картину! вскричалъ вдругъ князь, подъ впе-чатлѣніемъ внезапной мысли,—на эту картину! Да отъ этой картины у иного еще вѣра можетъ пропасть!

— Пропадаетъ и то, неожиданно подтверди́ль вдругъ Рогожинъ.

Они дошли уже до самой выходной двери.

— Какъ? остановилъ вдругъ князь,—да чтѣ ты! Я по-чти шути́ль, а ты такъ серьезно! И къ чему ты меня спро-силъ, вѣрюю́ ли я въ Бога?

— Да ничего, такъ. Я и прежде хотѣлъ спросить. Мно-гіе вѣдь ионѣ не вѣруютъ. А чтѣ, правда (ты за грани-цей-то жилъ),—мнѣ вотъ одинъ съ пьяныхъ глазъ гово-рилъ, что у насъ, по Россіи, больше чѣмъ во всѣхъ зем-ляхъ такихъ, чтѣ вѣ Бога не вѣруютъ? „Намъ, гово-рить, вѣ этомъ легче, чѣмъ имъ, потому что мы дальше ихъ пошли“...

Рогожинъ ёдко усмѣхнулся; проговоривъ свой вопросъ, онъ вдругъ отворилъ дверь, и, держась за ручку замка, ждалъ, пока князь выйдетъ. Князь удивился, но вышелъ. Тотъ вышелъ за нимъ на площадку лѣстницы и притво-рилъ дверь за собой. Оба стояли другъ передъ другомъ съ такимъ видомъ, что, казалось, оба забыли куда при-шли и что теперь надо дѣлать.

— Прощай же, сказалъ князь, подавая руку.

— Прощай, проговорилъ Рогожинъ, крѣпко, но совер-шенно машинально сжимая протянутую ему руку.

Князь сошелъ одну ступень и обернулся.

— А насчетъ вѣры, началъ онъ, улыбнувшись (видимо не желая такъ оставлять Рогожина) и кромѣ того ожи-вляясь подъ впечатлѣніемъ одного внезапнаго воспоми-нія, — насчетъ вѣры я, на прошлой недѣлѣ, вѣ два дня четыре разныя встрѣчи имѣлъ. Утромъ ѿхалъ по одной новой жѣлѣзной дорогѣ и часа четыре съ однимъ С—мъ вѣ вагонѣ проговорилъ, тутъ же и познакомился. Я еще прежде о немъ много слыхивалъ и, между прочимъ, какъ обѣ атеистъ. Онъ человѣкъ дѣйствительно очень ученый, и я обрадовался, что съ настоящими учеными буду гово-рить. Сверхъ того, онъ на рѣдкость хорошо воспитанный человѣкъ, такъ что со мной говорилъ совершенно какъ съ равнымъ себѣ по познаніямъ и по понятіямъ. Вѣ Бога

онъ не вѣруетъ. Одно только меня поразило: что онъ во-
все какъ будто не про то говорилъ, во все время, и по-
тому именно поразило, что и прежде, сколько я ни встрѣ-
чался съ невѣрующими и сколько ни читалъ такихъ книгъ,
все мнѣ казалось, что и говорятъ они, и въ книгахъ пи-
шутъ совсѣмъ будто не про то, хотя сѣ виду и кажется,
что про то. Я это ему тогда же и высказалъ, но, должно-
быть, не ясно, или не умѣль выразить, потому что онъ
ничего не понялъ... Вечеромъ я остановился въ уѣздной
гостиницѣ переночевать, и въ ней только что одно убий-
ство случилось, въ прошлую ночь, такъ что всѣ обѣ этомъ
говорили, когда я приѣхалъ. Два крестьянина, и въ лѣ-
тахъ, и не пьяные, и зnavше уже давно другъ друга,
пріятели, напились чаю и хотѣли вмѣстѣ, въ одной ка-
моркѣ, ложиться спать. Но одинъ у другого подглядѣлъ,
въ послѣдніе два дня, часы, серебряные, на бисерномъ
желтомъ шнуркѣ, которыхъ, видно, не зналъ у него прежде.
Этотъ человѣкъ былъ не воръ, былъ даже честный и, по
крестьянскому быту, совсѣмъ не бѣдны. Но ему до того
понравились эти часы и до того соблазнили его, что онъ,
наконецъ, не выдержалъ: взялъ ножъ и, когда пріятель
отвернулся, подошелъ къ нему осторожно сзади, намѣ-
тился, возвезъ глаза къ небу, перекрестился, и, прогово-
ривъ про себя съ горькой молитвой: „Господи, прости ради
Христа!“—зарѣзалъ пріятеля съ одного раза, какъ барана,
и вынулъ у него часы.

Рогожинъ покатился со смѣху. Онъ хохоталъ такъ, какъ
будто былъ въ какомъ-то припадкѣ. Даже странно было
смотретьъ на этотъ смѣхъ послѣ такого мрачнаго недав-
няго настроенія.

— Вотъ это я люблю! Нѣтъ, вотъ это лучше всего!
выкрикивалъ онъ копульсивно, чуть не задыхаясь. —
Одинъ совсѣмъ въ Бога не вѣруетъ, а другой ужъ до
того вѣруетъ, что и людей рѣжетъ по молитвѣ... Нѣтъ,
этого, братъ, князь, не выдумаешь! Ха-ха-ха! Нѣтъ, это
лучше всего!..

— На утро я вышелъ по городу побродить, продолжалъ
князь, лишь только пріостановился Рогожинъ, хотя смѣхъ
все еще судорожно и припадочно вздрагивалъ на его гу-
бахъ,—вижу, шатается по деревянному тротуару пьяный
солдатъ, въ совершенно растерзанномъ видѣ. Подходитъ
ко мнѣ: „купи, баринъ, крестъ серебряный, всего за дву-
гривенный отдаю; серебряный!“ Вижу въ рукѣ у него

крестъ и, должно-быть, только что снялъ съ себя, на голубой, крѣпко заношенной ленточкѣ, по только настоящій оловянный, съ перваго взгляда видно, большого размѣра, осьмиконечный, полнаго византійскаго рисунка. Я вынулъ двугривенный и отдалъ ему, а крестъ тутъ же на себя надѣль,—и по лицу его видно было, какъ онъ доволенъ, что надулы глупаго барина, и тотчасъ же отиравился свой крестъ пропивать, ужъ это безъ сомнѣнія. Я, братъ, тогда подъ самымъ сильнымъ впечатлѣніемъ былъ всего того, что такъ и хлынуло на меня на Руси; ничего-то я въ ней прежде не понималъ, точно безсловесный ростъ, и какъ-то фантастически вспоминалъ о ней въ эти пять лѣтъ за границей. Вотъ иду я, да и думаю: нѣтъ, этого христо-продавца подожду еще осуждать. Богъ, вѣдь, знаетъ, что въ этихъ пьяныхъ и слабыхъ сердцахъ заключается. Чрезъ часъ, возвращаясь въ гостиницу, наткнулся на бабу съ груднымъ ребенкомъ. Баба еще молодая, ребенку недѣль шесть будетъ. Ребенокъ ей и улыбнулся, по наблюдению ея, въ первый разъ отъ своего рождения. Смотрю, она такъ набожна-набожна вдругъ перекрестилась. „Что ты, говорю, молодка?“ (Я вѣдь тогда все разспрашивалъ).— „А вотъ, говорить, точно такъ, какъ бываетъ материна радость, когда она первую отъ своего младенца улыбку запримѣтитъ, такая же точно бываетъ и у Бога радость, всякий разъ, когда Сиѣ съ неба завидитъ, что грѣшникъ передъ Нимъ отъ всего своего сердца на молитву становится“. Это мнѣ баба сказала, почти этими же словами, и такую глубокую, такую тонкую и истинно-религіозную мысль, такую мысль, въ которой вся сущность христианства разомъ выразилась, то-есть все понятіе о Богѣ, какъ о нашемъ родномъ отцѣ и о радости Бога на человѣка, какъ отда на свое родное дитя—главнѣйшая мысль Христова! Простая баба! Правда, мать... и, кто знаетъ, можетъ, эта баба женой тому же солдату была. Слушай, Пароенъ, ты давеча спросилъ меня, вотъ мой отвѣтъ: сущность религіознаго чувства ни подъ какія разсужденія, ни подъ какіе проступки и преступленія и ни подъ какіе атеизмы не подходитъ; тутъ что-то не то, и вѣчно будетъ не то; тутъ что-то такое, обо что вѣчно будутъ скользить атеизмы и вѣчно будутъ *не про то* говорить. Но главное то, что всего яснѣе и скорѣе на русскомъ сердцѣ это замѣтишь, и вотъ мое заключеніе! Это одно изъ самыхъ первыхъ моихъ убѣжденийъ, которыя я изъ на-

шей Россіи выношу. Есть что дѣлать, Пароенъ! Есть что дѣлать на нашемъ русскомъ свѣтѣ, вѣрь мнѣ! Припомни, какъ мы въ Москвѣ сходились и говорили съ тобой одно время... И совсѣмъ не хотѣлъ я сюда возвращаться теперь! И совсѣмъ, совсѣмъ не такъ думалъ съ тобой встрѣтиться! Ну, да что!.. Прощай, до свиданья! Не оставь тебя Богъ!

Онъ повернулся и пошелъ внизъ по лѣстницѣ.

— Левъ Николаевичъ! крикнулъ сверху Пароенъ, когда князь дошелъ до первой забѣжной площадки,—крестъ-отъ, что у солдата купилъ, при тебѣ?

— Да, на мнѣ.

И князь опять остановился.

— Покажь-ка сюда.

Опять новая странность! Онъ подумалъ, поднялся на верхъ и выставилъ ему напоказъ свой крестъ, не снимая его съ шеи.

— Отдай мнѣ, сказалъ Рогожинъ.

— Зачѣмъ? Развѣ ты...

Князю бы не хотѣлось разставаться съ этимъ крестомъ.

— Носить буду, а свой тебѣ сниму, ты носи.

— Помѣняться крестами хочешь? Изволь, Пароенъ, коли такъ, я радъ; побратаемся!

Князь снялъ свой оловянный крестъ, Пароенъ свой золотой, и помѣнялись. Пароенъ молчалъ. Съ тяжелымъ удивленіемъ замѣтилъ князь, что прежняя недовѣрчивость, прежняя горькая и почти насмѣшливая улыбка все еще какъ бы не оставляла лица его названного брата, по крайней мѣрѣ, мгновеніями сильно выражалась. Молча взялъ, наконецъ, Рогожинъ руку князя и нѣкоторое время стоялъ, какъ бы не рѣшаясь на что-то; наконецъ, вдругъ потянулъ его за собой, проговоривъ едва слышнымъ голосомъ: „пойдемъ“. Перешли черезъ площадку первого этажа и позвонили у двери, противоположной той, изъ которой они вышли. Имъ отворили скоро. Старенькая женщина, вся сгорблена и въ черномъ, повязанная плащомъ, молча и низко поклонилась Рогожину; тотъ что-то накоротко спросилъ ее, и не останавливалась за отвѣтомъ, повелъ князя далѣе черезъ комнаты. Опять пошли темные комнаты, какой-то необыкновенной, холодной чистоты, холодно и сурово меблированныя старинною мебелью, въ бѣлыхъ чистыхъ чехлахъ. Не докладываясь, Рогожинъ прямо ввелъ князя въ одну небольшую ком-

нату, похожую на гостиную, разгороженную лоснящеюся перегородкой изъ красного дерева, съ двумя дверьми по бокамъ, за которою, вѣроятно, была спальня. Въ углу гостиной, у печки, въ креслахъ, сидѣла маленькая старушка, еще съ виду не то чтобы очень старая, даже съ довольною здоровымъ, пріятнымъ и круглымъ лицомъ, но уже совершенно сѣдая и (съ первого взгляда заключить было можно) впавшая въ совершенное дѣтство. Она была въ черномъ шерстяному платьѣ, съ чернымъ большимъ платкомъ на шеѣ, въ бѣломъ чистомъ чепцѣ съ черными лентами. Ноги ея упирались въ скамеечку. Подлѣ нея находилась другая чистенькая старушка, постарше ея, тоже въ траурѣ и тоже въ бѣломъ чепцѣ, должно-быть, какая-нибудь приживалка, и молча вязала чулокъ. Обѣ онѣ, должно-быть, все время молчали. Первая старушка, завидѣвъ Рогожина и князя, улыбнулась имъ и нѣсколько разъ ласково наклонила въ знакъ удовольствія голову.

— Матушка, сказалъ Рогожинъ, поцѣловавъ у нея руку,— вотъ мой большой другъ, князь Левъ Николаевичъ Мышкинъ; мы съ нимъ крестами помѣнялись; онъ мнѣ за родного брата въ Москвѣ одно время былъ, много для меня сдѣлалъ. Благослови его, матушка, какъ бы ты родного сына благословила. Постой, старушка, вотъ такъ, дай я сложу тебѣ руку...

Но старушка, прежде чѣмъ Пароенъ успѣлъ взяться, подняла свою правую руку, сложила пальцы въ три перста и три раза набожно перекрестила князя. Затѣмъ еще разъ ласково и нѣжно кивнула ему головой.

— Ну, пойдемъ, Левъ Николаевичъ, сказалъ Пароенъ,— я только за этимъ тебя и приводилъ...

Когда опять вышли на лѣстницу, онъ прибавилъ:

— Вотъ она ничего вѣдь не понимаетъ, что говорятъ, и ничего не поняла изъ моихъ словъ, а тебя благословила; значитъ, сама пожелала... Ну, прощай, и мнѣ, и тебѣ пора.

И онъ отворилъ свою дверь.

— Да дай же я хоть обниму тебя на прощанья, странный ты человѣкъ! вскричалъ князь, съ нѣжнымъ упрекомъ смотря на него, и хотѣлъ его обнять.

Но Пароенъ едва только поднялъ свои руки, какъ тотчасъ же опять опустилъ ихъ. Онъ не рѣшался; онъ отвертывался, чтобы не глядѣть на князя. Онъ не хотѣлъ его обнимать.

— Небось! Я хоть и взял твой крестъ, а за часы не зарѣжу! невнятно пробормоталъ онъ, какъ-то странно вдругъ засмѣявшись.

Но вдругъ все лицо его преобразилось: онъ ужасно поблѣднѣлъ, губы его задрожали, глаза загорѣлись. Онъ поднялъ руки, крѣпко обнялъ князя и, задыхаясь, проговорилъ:

— Такъ бери же ее, коли судьба! Твоя! Уступаю.. Помни Рогожина!

И бросивъ князя, не глядя на него, поспѣшно вошелъ къ себѣ и захлопнулъ за собою дверь.

V.

Было уже поздно, почти половина третьяго, и Епанчина князь не засталъ дома. Оставивъ карточку, онъ рѣшился сходить въ гостиницу „Вѣсы“ и спросить тамъ Колю; если же тамъ нѣтъ его—оставить ему записку. Въ „Вѣсахъ“ сказали ему, что Николай Ардаліоновичъ „вышли еще поутру-съ, но, уходя, предувѣдомили, что если на случай придутъ кто ихъ спрашивать, то чтобы извѣстить, что они-съ къ тремъ часамъ, можетъ-быть, и придутъ-съ. Если же до половины четвертаго ихъ здѣсь не окажется,—значить въ Павловскъ съ поѣздомъ отправились, на дачу къ генеральшѣ Епанчиной-съ, и ужъ тамъ, значитъ, и откушаютъ-съ“. Князь сѣлъ дожидаться и кстати спросилъ себѣ обѣдать.

Къ половинѣ четвертаго и даже къ четыремъ часамъ Коля не явился. Князь вышелъ и направился машинально куда глаза глядятъ. Въ началѣ лѣта въ Петербургѣ случаются иногда прелестные дни—свѣтлые, жаркіе, тихіе. Какъ нарочно, этотъ день былъ однимъ изъ такихъ рѣдкихъ дней. Нѣсколько времени князь бродилъ безъ цѣли. Городъ ему былъ мало знакомъ. Онъ останавливался иногда на перекресткахъ улицъ предъ иными домами, на площадяхъ, на мостахъ; однажды зашелъ отдохнуть въ одну кондитерскую. Иногда съ большимъ любопытствомъ начинай всматриваться въ прохожихъ; но чаще всего не замѣчалъ ни прохожихъ, ни гдѣ именно онъ идетъ. Онъ былъ въ мучительномъ напряженіи и беспокойствѣ, и въ то же самое время чувствовалъ необыкновенную потребность уединенія. Ему хотѣлось быть одному и отдаваться всему этому страдательному напряженію совершенно пассивно, не ища ни малѣйшаго

выхода. Онъ съ отвращенiemъ не хотѣлъ разрѣшать нахлынувшихъ въ его душу и сердце вопросовъ. „Чтѣ же, развѣ я виноватъ во всемъ этомъ“, бормоталъ онъ про себя, почти не сознавая своихъ словъ.

Къ шести часамъ онъ очутился на дебаркадерѣ Царскосельской желѣзной дороги. Уединеніе скоро стало ему невыносимо; новый порывъ горячо охватилъ его сердце, и на мгновеніе яркимъ свѣтомъ озарился мракъ, въ которомъ тосковала душа его. Онъ взялъ билетъ въ Павловскъ и съ нетерпѣніемъ спѣшилъ уѣхать; но, ужъ конечно, его что-то преслѣдовало, и это была дѣйствительность, а не фантазія, какъ, можетъ-быть, онъ наклоненъ былъ думать. Почти уже садясь въ вагонъ, онъ вдругъ бросилъ только что взятый билетъ на полъ и вышелъ обратно изъ вокзала, смущенный и задумчивый. Нѣсколько времени спустя, на улицѣ, онъ вдругъ какъ бы что-то припомнилъ, какъ бы что-то внезапно сообразилъ, очень странное, что-то ужъ долго его беспокоившее. Ему вдругъ пришлось сознательно поймать себя на одномъ занятіи, уже давно продолжавшемся, но котораго онъ все не замѣталъ до самой этой минуты: вотъ уже нѣсколько часовъ, еще даже въ „Вѣсахъ“, кажется, даже и до „Вѣсовъ“, онъ, нѣтъ-нѣтъ, и вдругъ начиналь какъ бы искать чего-то кругомъ себя. И забудетъ, даже надолго, на полчаса, и вдругъ опять огляднется съ беспокойствомъ и ищетъ кругомъ.

Но только что онъ замѣтилъ въ себѣ это болѣзnenное и до сихъ поръ совершенно безсознательное движеніе, такъ давно уже овладѣвшее имъ, какъ вдругъ мелькнуло предъ нимъ и другое воспоминаніе, чрезвычайно заинтересовавшее его; ему вспомнилось, что въ ту минуту, когда онъ замѣтилъ, что все ищетъ чего-то кругомъ себя, онъ стоялъ на тротуарѣ у окна одной лавки и съ большимъ любопытствомъ разглядывалъ товаръ, выставленный въ окнѣ. Ему захотѣлось теперь непремѣнно провѣрить: дѣйствительно-ли онъ стоялъ сейчасъ, можетъ-быть, всего пять минутъ назадъ, предъ окномъ этой лавки, не померещилось-ли ему, не смѣшалъ-ли онъ чего? Существуетъ-ли въ самомъ дѣлѣ эта лавка и этотъ товаръ? Вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ себя сегодня въ особенно болѣзnenномъ настроеніи, почти въ томъ же, какое было съ нимъ прежде, при началѣ припадковъ его прежней болѣзни. Онъ зналъ, что въ такое предприпадочное

время онъ бываетъ необыкновенно разсѣянъ и часто даже смѣшиваетъ предметы и лица, если глядитъ на нихъ безъ особаго напряженного вниманія. Но была и особенная причина, почему ему ужъ такъ очень захотѣлось провѣрить, стоялъ-ли онъ тогда передъ лавкой; въ числѣ вещей, разложенныхъ напоказъ въ окнѣ лавки, была одна вещь, на которую онъ смотрѣлъ и которую даже оцѣнилъ въ шестьдесятъ копеекъ серебромъ, онъ помнилъ это, несмотря на всю свою разсѣянность и тревогу. Слѣдовательно, если эта лавка существуетъ, и вещь эта дѣйствительно выставлена въ числѣ товаровъ, то, стало-быть, собственно для этой вещи и останавливался. Значить, эта вещь заключала въ себѣ такой сильный для него интересъ, что привлекла его вниманіе даже въ то самое время, когда онъ былъ въ такомъ тяжеломъ смущеніи, только что выйдя изъ вокзала желѣзной дороги. Онъшелъ, почти въ тоскѣ смотря направо, и сердце его билось отъ беспокойнаго нетерпѣнія. Но вотъ эта лавка, онъ нашелъ ее, наконецъ! Онъ уже былъ въ пятистахъ шагахъ отъ нея, когда вздумалъ воротиться. Вотъ и этотъ предметъ въ шестьдесятъ копеекъ; „конечно, въ шестьдесятъ копеекъ, не стоитъ больше!“ подтвердилъ онъ теперь, и засмѣялся. Но онъ засмѣялся истерически; ему стало очень тяжело. Онъ ясно вспомнилъ теперь, что именно тутъ, стоя предъ этимъ окномъ, онъ вдругъ обернулся, точно давеча, когда поймалъ на себѣ глаза Рогожина. Увѣрившись, что онъ не ошибся (въ чемъ, впрочемъ, онъ и до провѣрки былъ совершенно увѣренъ), онъ бросилъ лавку и поскорѣе пошелъ отъ нея. Все это надо скорѣе обдумать, непремѣнно; теперь ясно было, что ему не померещилось и въ вокзалѣ, что съ нимъ случилось непремѣнно что-то дѣйствительное и непремѣнно связанное со всѣмъ этимъ прежнимъ его беспокойствомъ. Но какое-то внутреннее непобѣдимое отвращеніе опять пересилило: онъ не захотѣлъ ничего обдумывать, онъ не сталъ обдумывать; онъ задумался совсѣмъ о другомъ.

Онъ задумался, между прочимъ, о томъ, что въ эпилептическомъ состояніи его была одна степень почти предъ самымъ припадкомъ (если только припадокъ приходилъ на-яву), когда вдругъ, среди грусти, душевнаго мрака, давленія, мгновеніями какъ бы воспламенялся его мозгъ и съ необыкновеннымъ порывомъ напрягались разомъ всѣ жизненные силы его. Ощущеніе жизни, самосознанія

почти удивлялось въ эти мгновенія, продолжавшіяся какъ молниі. Умъ, сердце озарялись необыкновеннымъ свѣтомъ; всѣ волненія, всѣ сомнѣнія его, всѣ беспокойства какъ бы умиротворялись разомъ, разрѣшались въ какое-то высшее спокойствіе, полное ясной, гармоничной радости и надежды. Но эти моменты, эти проблески были еще только предчувствіемъ той окончательной секунды (никогда не болѣе секунды), съ которой начинался самый припадокъ. Эта секунда была, конечно, невыносима. Раздумывая объ этомъ мгновеніи вислѣствіи, уже въ здоровомъ состояніи, онъ часто говорилъ самъ себѣ: что вѣдь всѣ эти молниі и проблески высшаго самоощущенія и самосознанія, а, стало-быть, и „высшаго бытія“, не что иное, какъ болѣзнь, какъ нарушение нормального состоянія, а если такъ, то это вовсе не высшее бытіе, а, на-противъ, должно быть причислено къ самому низшему. И однакоже онъ все-таки дошелъ, наконецъ, до чрезвычайно парадоксальнаго вывода: „что же въ томъ, что это болѣзнь?“ рѣшилъ онъ, наконецъ, „какое до того дѣло, что это напряженіе ненормальное, если самый результатъ, если минута ощущенія, припоминаемая и разматриваемая уже въ здоровомъ состояніи, оказывается въ высшей степени гармоніей, красотой, даетъ неслыханное и негаданное дотолѣ чувство полноты, мѣры, примиренія и восторженного молитвенного слитія съ самымъ вышимъ синтезомъ жизни?“ Эти туманныя выраженія казались ему самому очень попытными, хотя еще слишкомъ слабыми. Въ томъ же, что это дѣйствительно „красота и молитва“, что это дѣйствительно „высший синтезъ жизни“, въ этомъ онъ сомнѣваться не могъ, да и сомнѣній не могъ допустить. Вѣдь не видѣнія же какія-нибудь снились ему въ этотъ моментъ, какъ отъ гашиша, опіума или вина, унижающія разсудокъ и искажающія душу, непримѣрные и несуществующія? Объ этомъ онъ здраво могъ судить по окончаніи болѣзненнаго состоянія. Мгновенія эти были именно однимъ только необыкновеннымъ усилиемъ самосознанія, — если бы надо было выразить это состояніе однимъ словомъ,—самосознанія и въ то же время самоощущенія въ высшей степени непосредственнаго. Если въ ту секунду, то-есть въ самый послѣдний сознательный моментъ предъ припадкомъ, ему случалось успѣвать ясно и сознательно сказать себѣ: „Да, за этотъ моментъ можно отдать всю жизнь!“, то, конечно, этотъ моментъ самъ по

себѣ и стоилъ всей жизни. Впрочемъ, за діалектическую часть своего вывода онъ не стоялъ; отупѣніе, душевный мракъ, идіотизмъ стояли предъ нимъ яркимъ послѣдствиемъ этихъ „высочайшихъ минутъ“. Серьезно, разумѣется, онъ не сталъ бы спорить. Въ выводѣ, то-есть въ его оцѣнкѣ этой минуты, безъ сомнѣнія, заключалась ошибка, но дѣйствительность ощущенія все-таки нѣсколько смущала его. Чѣмъ же въ самомъ дѣлѣ дѣлать съ дѣйствительностью? Вѣдь это самое бывало же, вѣдь онъ самъ же успѣвалъ сказать себѣ въ ту самую секунду, что эта секунда, по безпредѣльному счастію, имъ вполнѣ ощущаемому, пожалуй, и могла бы стоять всей жизни. „Въ этотъ моментъ, какъ говорилъ онъ однажды Рогожину, въ Москвѣ, во время ихъ тамошнихъ сходокъ,— въ этотъ моментъ мыъ какъ-то становятся понятно необычайное слово о томъ, что времени большие не будетъ“. Вѣроятно, прибавилъ онъ улыбаясь,—это та же самая секунда, въ которую не успѣлъ пролиться опрокинувшійся кувшинъ съ водой эпилептика Магомета, успѣвшаго, однако, въ ту самую секунду обозрѣть всѣ жилища Аллаховы“. Да, въ Москвѣ они часто сходились съ Рогожинымъ и говорили не объ одномъ этомъ. „Рогожинъ давеча сказалъ, что я былъ тогда ему братомъ; онъ это въ первый разъ сегодня сказалъ“, подумалъ князь про себя.

Онъ подумалъ объ этомъ, сидя на скамье, подъ деревомъ, въ Лѣтнемъ саду. Было около семи часовъ. Садъ былъ пустъ; что-то мрачное заволокло на мгновеніе заходящее солнце. Было душно; похоже было на отдаленное предвѣщеніе грозы. Въ теперешнемъ его созерцательномъ состояніи была для него какая-то приманка. Онъ прихвѣтился воспоминаніями и умомъ къ каждому виѣшнему предмету, и ему это нравилось: ему все хотѣлось что-то забыть, настоящее, насущное, но при первомъ взгляде кругомъ себя онъ тотчасъ же опять узнавалъ свою мрачную мысль, мысль, отъ которой ему такъ хотѣлось отвѣтиться. Онъ было вспомнилъ, что давеча говорилъ съ половымъ въ трактире, за обѣдомъ, объ одномъ недавнемъ чрезвычайно странномъ убийствѣ, надѣлавшемъ шуму и разговоровъ. Но только что онъ вспомнилъ объ этомъ, съ нимъ вдругъ опять случилось что-то особенное.

Чрезвычайное, неотразимое желаніе, почти соблазнъ, вдругъ оцѣнили всю его волю. Онъ всталъ со скамьи и пошелъ изъ сада прямо на Петербургскую сторону. Да-

веча, на набережной Невы, онъ попросилъ какого-то прохожаго, чтобы показалъ ему черезъ Неву Петербургскую сторону. Ему показали; но тогда онъ не пошелъ туда. Да и во всякомъ случаѣ нечего было сегодня ходить: онъ зналъ это. Адресъ онъ давно имѣлъ; онъ легко могъ отыскать домъ родственницы Лебедева; но онъ зналъ почти навѣрно, что не застанеть ея дома. „Непремѣнно уѣхала въ Павловскъ, иначе бы Коля оставилъ что-нибудь въ Вѣсахъ“, по условію". Итакъ, если онъ шелъ теперь, то ужъ, конечно, не за тѣмъ, чтобы ее видѣть. Другое, мрачное, мучительное любопытство соблазняло его. Одна новая, внезапная идея пришла ему въ голову...

Но для него ужъ слишкомъ было довольно того, что онъ пошелъ и зналъ куда идетъ: минуту спустя, онъ опять уже шелъ, почти не замѣчая своей дороги. Обдумывать дальше „внезапную свою идею“ ему totчасъ же стало ужасно противно и почти невозможнo. Онъ съ мучительно-наиригаemымъ вниманіемъ всматривался во все, что испадалось ему на глаза, смотрѣлъ на небо, на Неву. Онъ заговорилъ было со встрѣтившимся маленькимъ ребенкомъ. Можетъ-быть, и эпилептическое состояніе его все болѣе и болѣе усиливалось. Гроза, кажется, действительно надвигалась, хотя и медленно. Начинался уже отдаленный громъ. Становилось очень душно...

Почему-то ему все припоминался теперь, какъ припомнится иногда неотвязный и до глупости надоѣвшій музыкальный мотивъ, племянникъ Лебедева, котораго онъ давеча видѣлъ. Странно то, что онъ все припоминался ему въ видѣ того убийцы, о которому давеча упомянула самъ Лебедевъ, рекомендую ему племянника. Да, объ этомъ убийцѣ онъ читалъ еще очень педавно. Много читалъ и слышалъ о такихъ вещахъ съ тѣхъ поръ, какъ вѣхалъ въ Россію; онъ упорно слѣдилъ за всѣмъ этимъ. А давеча такъ даже слишкомъ заинтересовался въ разговорѣ съ половымъ именно объ этомъ же убийствѣ Жемариныхъ. Половой съ нимъ согласился, онъ вспомнилъ это. Приномнилъ и половаго; это былъ неглупый парень, солидный и осторожный, а, „впрочемъ, вѣдь Богъ его знаетъ какой. Трудно въ новой землѣ новыхъ людей разгадывать“. Въ русскую душу, впрочемъ, онъ начинай страстно вѣрить. О, много, много выпесъ онъ совсѣмъ для него нового въ эти шесть мѣсяцевъ, и негаданнаго, и неслыханнаго, и неожиданнаго! Но чужая душа — потемки, и

русская душа потемки; для многихъ потемки. Вотъ онъ долго сходился съ Рогожинымъ, близко сходились, „братьски“ сходились,—а знаетъ-ли онъ Рогожина? А, впрочемъ, какой иногда тутъ, во всемъ этомъ хаосѣ, какой сумбуръ, какое безобразіе! И какой же, однако, гадкій и вседовольный прыщикъ этотъ давешній племянникъ Лебедева! А, впрочемъ, что же я? (продолжалось мечтаться князю). Развѣ онъ убилъ эти существа, этихъ шесть человѣкъ? И какъ будто смѣшиваю... какъ это странно! У меня голова что-то кружится... А какое симпатичное, какое милое лицо у старшой дочери Лебедева, вотъ у той, которая стояла съ ребенкомъ, какое невинное, какое почти дѣтское выраженіе и какой почти дѣтскій смѣхъ! Странно, что онъ почти забылъ это лицо и теперь только о немъ вспомнилъ. Лебедевъ, топающій на нихъ ногами, вѣроятно, ихъ всѣхъ обожаетъ. Но что всего вѣрнѣе, какъ дважды два, это то, что Лебедевъ обожаетъ и своего племянника!

А, впрочемъ, что же онъ взялся ихъ такъ окончательно судить, онъ, сегодня явившійся, что же это онъ произносить такие приговоры? Да вотъ Лебедевъ же задалъ ему сегодня задачу: ну, ожидалъ-ли онъ такого Лебедева? Развѣ онъ зналъ такого Лебедева прежде? Лебедевъ и Дюбарри,—Господи! Впрочемъ, если Рогожинъ убьетъ, то по крайней мѣрѣ не такъ беспорядочно убьетъ. Хаоса этого не будетъ. По рисунку заказанный инструментъ и шесть человѣкъ, положенныхъ совершенно въ бреду! Развѣ у Рогожина по рисунку заказанный инструментъ... у него... но... развѣ рѣшено, что Рогожинъ убьетъ?! вздрогнулъ вдругъ князь. „Не преступленіе-ли, не низость-ли съ моей стороны такъ цинически-откровенно сдѣлать такое предположеніе!“ вскричалъ онъ, и краска стыда залила разомъ лицо его. Онъ разомъ вспомнилъ и давешній Павловскій вокзалъ, и давешній Николаевскій вокзалъ, и вопросъ Рогожину прямо въ лицо о *мазахъ*, и крестъ Рогожина, который теперь на немъ, и благословеніе его матери, къ которой онъ же его самъ привелъ, и послѣднее судорожное объятіе, послѣднее отреченіе Рогожина, давеча, па лѣстницѣ, — и послѣ этого всего поймать себя па безирерывномъ исканіи чего-то кругомъ себя, и эта лавка, и этотъ предметъ... что за низость! И послѣ всего этого онъ идетъ

— 245 —

теперь съ „особенною цѣлью“, съ особою „внезапною идеей!“ Отчаяніе и страданіе захватили всю его душу. Князь немедленно хотѣлъ повернуть назадъ къ себѣ, въ гостиницу; даже повернулся и пошелъ; но чрезъ минуту остановился, обдумалъ и воротился опять по прежней дорогѣ.

Да онъ уже и былъ на Петербургской, онъ былъ близко отъ дома; вѣдь не съ прежнею же цѣлью теперь онъ идетъ туда, вѣдь не съ „особенною же идеей!“ И какъ оно могло быть! да, болѣзнь его возвращается, это несомнѣнно; можетъ-быть, припадокъ съ нимъ будетъ непремѣнно сегодня. Чрезъ припадокъ и весь этотъ мракъ, чрезъ припадокъ и „идея“! Теперь мракъ разсѣянъ, демонъ прогнанъ, сомнѣній не существуетъ, въ его сердцѣ радость! И—онъ такъ давно не видѣлъ ея, ему надо ее увидѣть, и... да, онъ желалъ бы теперь встрѣтить Рогожина, онъ бы взялъ его за руку и они бы пошли вмѣстѣ... Сердце его чисто; развѣ онъ соперникъ Рогожину? Завтра онъ самъ пойдетъ и скажетъ Рогожину, что онъ ее видѣлъ; вѣдь летѣлъ же онъ сюда, какъ сказала давеча Рогожинъ, чтобы только ее увидать! Можетъ-быть, онъ и застанетъ ее, вѣдь не навѣрно же она въ Навловскѣ!

Да, надо, чтобы теперь все это было ясно поставлено, чтобы всѣ ясно читали другъ къ другу, чтобы не было этихъ мрачныхъ и страстныхъ отречений, какъ давеча отрекался Рогожинъ, и пусть все это совершится свободно и... свѣтло. Развѣ неспособенъ къ свѣту Рогожинъ? Онъ говорить, что любить ее не такъ, что въ немъ нѣтъ состраданья, нѣтъ „никакой такой жалости“. Правда, онъ прибавилъ потомъ, что „твоя жалость, можетъ-быть, еще пуще моей любви“,—но онъ на себѣ клевещетъ. Гм!.. Рогожинъ за книгой,—развѣ ужъ это не „жалость“, не начало „жалости“? Развѣ ужъ одно присутствіе этой книги не доказываетъ, что онъ вполнѣ сознаетъ свои отношенія къ ней? А разсказать его давечка? Нѣть, это по-глубже одной только страстности. И развѣ одну только страстность внушаетъ елъ лицо? Да и можетъ-ли даже это лицо внушать теперь страсть? Оно внушаетъ страданіе, оно захватываетъ всю душу, оно... и жгучее, мучительное воспоминаніе прошло вдругъ по сердцу князя.

Да, мучительное. Опѣ вспомнилъ, какъ еще недавно онъ мучился, когда въ первый разъ онъ сталъ замѣчать въ ней признаки безумія. Тогда онъ испыталъ почти от-

чаяніе. И какъ онъ могъ оставить ее, когда она бѣжала тогда отъ него къ Рогожину? Ему самому слѣдовало бы бѣжать за ней, а не ждать извѣстій. Но... неужели Рогожинъ до сихъ поръ не замѣтилъ въ ней безумія? Гм!.. Рогожинъ видить во всемъ другія причины, страшныя причины! И какая безумная ревность! Что онъ хотѣлъ сказать давешнимъ предположеніемъ своимъ? (Князь вдругъ покраснѣлъ, и что-то какъ будто дрогнуло въ его сердцѣ).

Къ чему, впрочемъ, и вспоминать про это? Тутъ безумство съ обѣихъ сторонъ. А ему, князю, любить страстно эту женщину — почти немыслимо, почти было бы жестокостью, безчеловѣчностью. Да, да! Нѣть, Рогожинъ на себя клевещетъ; у него огромное сердце, которое можетъ и страдать, и сострадать. Когда онъ узнаетъ всю истину, и когда убѣдится, какое жалкое существо эта поврежденная, полуумная, — развѣ не простить онъ ей тогда все прежнее, всѣ мученія свои? Развѣ не станетъ ея слугой, братомъ, другомъ, провидѣніемъ? Состраданіе осмыслить и научить самого Рогожина. Состраданіе есть главнѣйшій и, можетъ-быть, единственный законъ бытія всего человѣчества. О, какъ онъ непростительно и бесчестно виноватъ предъ Рогожинымъ! Нѣть, не „руssкая душа по-темки“, а у него самого па душѣ темки, если онъ могъ вообразить такой ужасъ. За нѣсколько горячихъ и сердечныхъ словъ въ Москвѣ Рогожинъ уже называется егѡ своимъ братомъ, а онъ... Но это болѣнь и бредъ! Это все разрѣшится!.. Какъ мрачно сказалъ давеча Рогожинъ, что у него „пропадаетъ вѣра!“ Этотъ человѣкъ долженъ сильно страдать. Онъ говоритъ, что „любить смотрѣть на эту картину“; не любить, а, значитъ, ощущаетъ потребность. Рогожинъ не одна только страстная душа; это все-таки боецъ: онъ хочетъ силой воротить свою потерянную вѣру. Ему она до мученія теперь нужна... Да, во что-нибудь вѣрить! Въ кого-нибудь вѣрить! А какая однакоже странная эта картина Гольбейна... А, вотъ эта улица! Вотъ, должно-быть, и домъ, такъ и есть, № 16, „домъ коллежской секретарши Филипповой“. Здѣсь! Князь позвонилъ и спросилъ Настасью Филипповну.

Сама хозяйка дома отвѣтила ему, что Настасья Филипповна еще съ утра уѣхала въ Павловскъ къ Дарьѣ Алексѣевнѣ „и даже можетъ произойти-съ, что останутся тамъ и нѣсколько дней“. Филиппова была маленькая, востроглазая и востролицая женщина, лѣтъ сорока, и гля-

дѣла лукаво и пристально. На вопросъ ея обь имени,— вопросъ, которому она какъ бы съ намѣреніемъ придала оттѣнокъ таинственности,—князь сначала было не хотѣлъ отвѣтить; но тотчасъ же воротился и настойчиво попросилъ передать его имя Настасіѣ Филипповнѣ. Филисова приняла эту настойчивость съ усиленнымъ вниманіемъ и съ необыкновенно секретнымъ видомъ, которымъ видимо желала заявить, что: „не беспокойтесь, я попыла-сь“. Имя князя, очевидно, произвело на нее сильнѣйшее впечатлѣніе. Князь разсѣянно поглядѣлъ на нее, поверпился и пошелъ назадъ въ свою гостиницу. Но онъ вышелъ не съ тѣмъ уже видомъ, съ какимъ звонилъ къ Филисовой. Стѣнь произошла опять, и какъ бы въ одно мгновеніе, необыкновенная перемѣна: онъ опять шелъ блѣдный, слабый, страдающій, взволнованный; колѣна его дрожали, въ смутная, потерянная улыбка бродила на посинѣлыхъ губахъ его: „внезапная идея“ его вдругъ подтвердила и оправдалась, и—онъ опять вѣрилъ своему демону!

Но подтвердились-ли? Но оправдалась-ли? Почему съ нимъ опять эта дрожь, этотъ потъ холодный, этотъ мракъ и холодъ душевный? Потому-ли, что опять онъ увидѣлъ сейчасъ эти глаза? Но вѣдь онъ и пошелъ же изъ Лѣтняго сада единственно съ тѣмъ, чтобы ихъ увидать! Въ этомъ вѣдь и состояла его внезапная идея. Онъ настойчиво захотѣлъ увидать эти „давешніе глаза“, чтобы окончательно убѣдиться, что онъ непремѣнно встрѣтить ихъ тамъ, у этого дома. Это было судорожное желаніе его, и отчего же онъ такъ раздавленъ и пораженъ теперь тѣмъ, что ихъ въ самомъ дѣлѣ сейчасъ увидѣлъ? Точно не ожидалъ! Да, это были ты самые глаза (и въ томъ, что ты самые, нѣть уже никакого теперь сомнѣнія!), которые сверкнули на него утромъ, въ толпѣ, когда онъ выходилъ изъ вагона Николаевской желѣзной дороги; тѣ самые (совершенно тѣ самые!), взглянь которыхъ онъ поймалъ потомъ давеча, у себя за плечами, садясь на стулъ у Рогожина. Рогожинъ давеча отрекся: онъ спросилъ съ искривленною, леденищею улыбкой: „Чьи же были глаза-то?“ И князю ужасно захотѣлось, еще недавно, въ вокзалѣ Царскосельской дороги,—когда онъ садился въ вагонъ, чтобыѣхать къ Аглаѣ, и вдругъ опять увидѣлъ эти глаза, уже въ третій разъ въ этотъ день,—подойти къ Рогожину и сказать ему „Чьи это были глаза?“ Но онъ выбѣжалъ изъ вокзала и очнулся только предъ лавкой чоковщика

— 243 —

въ ту минуту, какъ стоялъ и опѣнивалъ въ шестьдесятъ копеекъ одинъ предметъ съ оленымъ черенкомъ. Странный и ужасный демонъ привязался къ нему окончательно и уже не хотѣлъ оставлять его болѣе. Этотъ демонъ шепнулъ ему въ Лѣтнемъ саду, когда онъ сидѣлъ, забывшись, подъ липой, что если Рогожину такъ надо было слѣдить за нимъ съ самаго утра и ловить его на каждомъ шагу, то, узнавъ, что онъ не пойдетъ въ Павловскъ (что уже, конечно, было роковымъ для Рогожина свѣдѣніемъ), Рогожинъ непремѣнно пойдетъ туда, къ тому дому, на Центрбургской, и будетъ непремѣнно сторожить тамъ его, князя, давшаго ему еще утромъ честное слово, что „не увидитъ ея“, и что „не за тѣмъ онъ въ Петербургъ приѣхалъ“. И вотъ князь судорожно устремляется къ тому дому, и что же въ томъ, что дѣйствительно онъ тамъ встрѣчаетъ Рогожина? Онъ видѣлъ только несчастнаго человѣка, душевное настроеніе котораго мрачно, но очень понятно. Этотъ несчастный человѣкъ даже и не скрывался теперь. Да, Рогожинъ давеча почему-то заперся и солгалъ, но въ Царскосельскомъ вокзалѣ онъ стоялъ почти не скрываясь. Скорѣе даже онъ, князь, скрывался, а не Рогожинъ. А теперь, у дома, онъ стоялъ по другой сторонѣ улицы, шагахъ въ пятидесяти шагахъ, на противоположномъ тротуарѣ, скрестивъ руки, и ждалъ. Тутъ уже онъ былъ совсѣмъ на виду и, кажется, нарочно хотѣлъ быть на виду. Онъ стоялъ какъ обличитель и какъ судья, а не какъ... А не какъ кто?

А почему же онъ, князь, не подошелъ теперь къ нему самъ и повернулся отъ него, какъ бы ничего не замѣтивъ, хотя глаза ихъ и встрѣтились. (Да, глаза ихъ встрѣтились, и они посмотрѣли другъ на друга). **Вѣдь** онъ же самъ хотѣлъ давеча взять его за руку и пойти туда вмѣстѣ съ нимъ? **Вѣдь** онъ самъ же хотѣлъ завтра идти къ нему и сказать, что онъ былъ у нея? **Вѣдь** отрекся же онъ самъ отъ своего демона, идя еще туда, на половинѣ дороги, когда радость вдругъ наполнила его душу? Или въ самомъ дѣлѣ было что-то такое въ Рогожинѣ, то есть въ цѣломъ *сегоднѧнинѣ* образѣ этого человѣка, во всей совокупности его словъ, движений, поступковъ, взглядовъ, что могло оправдывать ужасныя предчувствія князя и возмущающія нашептыванія его демона? Нѣчто такое, что видится само собой, но что трудно анализировать и разсказать, невозможно оправдать достаточными причи-

нами, но что однажды производить, несмотря на всю эту трудность и невозможность, совершенно цельное и неотразимое впечатление, невольно переходящее въ полнѣйшее убѣжденіе?..

Убѣжденіе—въ чёмъ? (О, какъ мучила князя чудовищность, „унизительность“ этого убѣжденія, „этого низкаго предчувствія“, и какъ обвинялъ онъ себя самого!). Скажи же, если смыслишь, въ чёмъ? говорилъ онъ безпрерывно себѣ, съ упрекомъ и съ вызовомъ,—формулируй, осмѣлься выразить всю свою мысль, ясно, точно, безъ колебанія! О, я безчестенъ! повторялъ онъ съ негодованіемъ и съ краской въ лицѣ,—какими же глазами буду я смотрѣть теперь всю жизнь на этого человѣка! О, что за день! О, Боже, какой кошмаръ!

Была минута, въ концѣ этого длиннаго и мучительнаго пути съ Петербургской стороны, когда вдругъ неотразимое желаніе захватило князя,—пойти сейчасъ къ Рогожину, дождаться его, обнять его со стыдомъ, со слезами, сказать ему все и кончить все разомъ. Но онъ стоялъ уже у своей гостиницы... Какъ не понравились ему давеча эта гостиница, эти коридоры, весь этотъ домъ, его пурпуръ, не понравились съ первого взгляда; онъ нѣсколько разъ въ этотъ день съ какимъ-то особеннымъ отвращеніемъ припоминалъ, что падо будетъ сюда воротиться... „Да что это я, какъ больная женщина, вѣрю сегодня во всякое предчувствіе!“ подумалъ онъ съ раздражительною пасмѣнкою, останавливаясь въ воротахъ. Одно сегодняшнее обстоятельство особенно представилось ему въ это мгновеніе, но представилось „холодно“, съ „полнымъ разсудкомъ“, уже „безъ кошмара“. Ему вдругъ припомнился давешній ножъ на столѣ у Рогожина. „Но почему же, въ самомъ дѣлѣ, Рогожину не имѣть сколько угодно ножей на свое мѣсто!“ ужасно удивился онъ вдругъ на себя, и тутъ же, оциѣнѣвъ отъ изумленія, представилъ себѣ вдругъ и свою давешнюю остановку у лавки ножовщика. „Да какая же, наконецъ, тутъ можетъ быть связь?..“ вскричалъ было онъ, и не докопчилъ. Новый, нестерпимый приливъ стыда, почти отчаянія, приковалъ его на мѣстѣ, при самомъ входѣ въ ворота. Онъ остался па минуту. Такъ иногда бываетъ съ людьми: нестерпимыя внезапныя воспоминанія, особенно сопряженныя со стыдомъ, обыкновенно останавливаютъ, па одну минуту, на мѣстѣ. „Да, я человѣкъ безъ сердца и трусъ!“

повторил онъ мрачно, и порывисто двинулся идти, но... опять остановился.

Въ этихъ воротахъ, и безъ того темныхъ, въ эту минуту было очень темно; надвинувшаяся грозовая туча поглотила вечерній свѣтъ, и въ то самое время, какъ князь подходилъ къ дому, туча вдругъ разверзлась и пролилась. Въ то же время, когда онъ порывисто двинулся съ мѣста, послѣ мгновенной остановки, онъ находился въ самомъ началѣ воротъ, у самаго входа подъ ворота съ улицы. И вдругъ онъ увидѣлъ въ глубинѣ воротъ, въ полутемнотѣ, у самаго входа на лѣстницу, одного человѣка. Человѣкъ этотъ какъ будто чего-то выжидалъ, но быстро промелькнулъ и исчезъ. Человѣка этого князь не могъ разглядѣть ясно и, конечно, никакъ бы не могъ сказать навѣрно: кто онъ таковъ? Къ тому же тутъ таѣ了许多 могло проходить людей; тутъ была гостиница, и безпрерывно проходили и пробѣгали въ коридоры и обратно. Но онъ вдругъ почувствовалъ самое полное и неотразимое убѣжденіе, что онъ этого человѣка узналъ, и что этотъ человѣкъ непремѣнно Рогожинъ. Мгновеніе спустя, князь бросился вслѣдъ за нимъ на лѣстницу. Сердце его замерло. „Сейчасъ все разрѣшится!“ съ страннымъ убѣждениемъ проговорилъ онъ про себя.

Лѣстница, на которую князь взбѣжалъ изъ-подъ воротъ, вела въ коридоры первого и второго этажей, по которымъ и были расположены нумера гостиницы. Эта лѣстница, какъ во всѣхъ давно строенныхъ домахъ, была каменная, темная, узкая и вилася около толстаго каменного столба. На первой забѣжной площадкѣ, въ этомъ столбѣ оказалось углубленіе, въ родѣ ниши, не болѣе одного шага ширины и въ полшага глубины. Человѣкъ однакоже могъ бы тутъ помѣститься. Какъ ни было темно, но, вѣжавъ на площадку, князь тотчасъ же различилъ, что тутъ, въ этой нишѣ, прячется зачѣмъ-то человѣкъ. Князю вдругъ захотѣлось пройти мимо и не глядѣть направо. Онъ ступилъ уже одинъ шагъ, но не выдержалъ и обернулся.

Два давешніе глаза, *тѣ же самые*, вдругъ встрѣтились съ его взглядомъ. Человѣкъ, таившійся въ нишѣ, тоже успѣлъ уже ступить изъ нея одинъ шагъ. Одну секунду оба стояли другъ передъ другомъ почти вплоть. Вдругъ князь схватилъ его за плечи и повернулъ назадъ, къ лѣстницѣ, ближе къ свѣту: онъ яснѣе хотѣлъ видѣть лицо.

Глаза Рогожина засверкали и бѣшеная улыбка исказила

его лицо. Правая рука его поднялась и что-то блеснуло въ ней; князь не думалъ ее останавливать. Онъ помнилъ только, что, кажется, крикнулъ:

— Пароенъ, не вѣрю!..

Затѣмъ вдругъ какъ бы что-то разверзлось предъ нимъ: необычайный *внутренний* свѣтъ озарилъ его душу. Это мгновеніе продолжалось, можетъ-быть, полсекунды; но онъ однакоже ясно и сознательно помнилъ начало, самый первый звукъ своего страшнаго вопля, который вырвался изъ груди его самъ собой, и который никакою силой онъ не могъ бы остановить. Затѣмъ сознаніе его угасло мгновенно, и наступилъ полный мракъ.

Съ нимъ случился припадокъ эпилепсіи, уже очень давно оставившей его. Извѣстно, что припадки эпилепсіи, собственно самая *падучая*, приходятъ мгновенно. Въ это мгновеніе вдругъ чрезвычайно искажается лицо, особенно взглядъ. Конвульсіи и судороги овладѣваютъ всѣмъ тѣломъ и всѣми чертами лица. Страшный, невообразимый и ни на что не похожій вопль вырывается изъ груди; въ этомъ вопль вдругъ исчезаетъ какъ бы все человѣческое, и никакъ невозможно, по крайней мѣрѣ, очень трудно, наблюдателю вообразить и допустить, что это кричить этотъ же самый человѣкъ. Представляется даже, что кричить какъ бы кто-то другой, находящійся внутри этого человѣка. Многіе, по крайней мѣрѣ, изъясняли такъ свое впечатлѣніе, на многихъ же видѣ человѣка въ падучей производить рѣшительный и невыносимый ужасъ, имѣющій въ себѣ даже нѣчто мистическое. Надо предположить, что такое впечатлѣніе внезапнаго ужаса, сопряженаго со всѣми другими страшными впечатлѣніями той минуты,—вдругъ оцѣнили Рогожина на мѣстѣ и тѣмъ спасли князя отъ неизбѣжнаго удара пожомъ, на него уже падавшаго. Затѣмъ, еще не успѣвъ догадаться о припадкѣ и увидѣвъ, что князь отшатнулся отъ него и вдругъ упалъ навзничь, прямо внизъ по лѣстницѣ, съ размаху ударившись затылкомъ о каменную ступень, Рогожинъ стремглавъ бросился внизъ, обѣжалъ лежавшаго и почти безъ памяти выбѣжалъ изъ гостинини.

Отъ конвульсій, біенія и судорогъ, тѣло больного спустилось по ступенькамъ, которыхъ было не болѣе пятнадцати, до самаго конца лѣстницы. Очень скоро, не болѣе какъ минутъ черезъ пять, замѣтили лежавшаго, и собралась толпа. Цѣлая лужица крови около головы вселяла

недоумѣніе: самъ-ли человѣкъ расшибся или „былъ какой грѣхъ?“ Скоро однакоже нѣкоторые различили падучую; одинъ изъ нумерныхъ призналъ въ князѣ давешняго постолъца. Смитеніе разрѣшилось, наконецъ, весьма счастливо по одному счастливому обстоятельству.

Коля Иволгинъ, обѣщавшій быть къ четыремъ часамъ въ „Вѣсахъ“ и поѣхавшій вмѣсто того въ Павловскъ, по одному впезапному соображенію, отказался „откушать“ у генеральши Епанчиной, а пріѣхалъ обратно въ Петербургъ и поспѣшилъ въ „Вѣсы“, куда и явился около семи часовъ вечера. Узнавъ, по оставленной ему запискѣ, что князь въ городѣ, онъ устремилъ къ нему по сообщенному въ запискѣ адресу. Извѣстившись въ гостиницѣ, что князь вышелъ, онъ спустился внизъ, въ буфетныя комнаты, и сталъ дожидаться, кушая чай и слушая органъ. Случайно услышавъ разговоръ о приключившемся съ кѣмъ-то припадкѣ, онъ бросился на мѣсто по вѣрному предчувствію, и узналъ князя. Тотчасъ же были приняты надлежащія мѣры. Князя перенесли въ его нумеръ; онъ хоть и очнулся, но въ полное сознаніе довольно долго не приходилъ. Докторъ, приглашенный для осмотра разбитой головы, далъ примочекъ и объявилъ, что опасности отъ ушибовъ нѣть ни малѣйшей. Когда же, уже черезъ часъ, князь довольно хорошо сталъ понимать окружающее, Коля перевезъ его въ каретѣ изъ гостиницы къ Лебедеву. Лебедевъ принялъ больного съ необыкновеннымъ жаромъ и съ поклонами. Для него же ускорилъ и переѣздъ на дачу: на третій день всѣ уже были въ Павловскѣ.

VI.

Дача Лебедева была небольшая, но удобная и даже красива. Часть ея, назначавшаяся въ наемъ, была особенно изукрашена. На террасѣ, довольно помѣстительной, при входѣ съ улицы въ комнаты, было наставлено нѣсколько померанцевыхъ, лимонныхъ и жасминовыхъ деревьевъ, въ большихъ зеленыхъ деревянныхъ кадкахъ, что и составляло, по расчету Лебедева, самый обольщающій видъ. Нѣсколько изъ этихъ деревьевъ онъ пріобрѣлъ вмѣстѣ съ дачей, и до того прельстился эффектомъ, который они производили на террасѣ, что рѣшился, благодаря случаю, прикупить для комплекту такихъ же деревьевъ въ кадкахъ на аукціонѣ. Когда всѣ деревья были, наконецъ, свезены на дачу и разставлены, Лебедевъ нѣ-

сколько разъ въ той же день сбѣгалъ по ступенькамъ террасы на улицу и съ улицы любовался на свое владѣніе, каждый разъ мысленно надбавляя сумму, которую предполагалъ запросить съ будущаго своего дачнаго жильца. Разслабленному, тоскующему и разбитому тѣломъ князю дача очень понравилась. Впрочемъ, въ день переѣзда въ Павловскъ, то-есть на третій день послѣ припадка, князь уже имѣлъ по наружности видъ почти здороваго человѣка, хотя внутренно чувствовалъ себя все еще неоправившимся. Онъ былъ радъ всѣмъ, кого видѣлъ кругомъ себѣ въ эти три дня, радъ Колѣ, почти отъ него не отходившему, радъ всему семейству Лебедева (безъ племянника, куда-то исчезнувшаго), радъ самому Лебедеву; даже съ удовольствіемъ принялъ посѣтившаго его еще въ го-родѣ генерала Иволгина. Въ самый день переѣзда, со-стоявшаго уже къ вечеру, вокругъ него па террасѣ собралось довольно много гостей; сперва пришелъ Ганя, котораго князь едва узналъ,—такъ онъ за все это время перемѣнился и похудѣлъ. Затѣмъ, явились Варя и Птицыны, тоже павловскіе дачники. Генералъ же Иволгинъ находился у Лебедева на квартирѣ почти безсмѣнино, даже, кажется, вмѣстѣ съ нимъ переѣхалъ. Лебедевъ старался не пускать его къ князю и держать при себѣ; обращался онъ съ нимъ по-пріятельски; повидимому, они уже давно были знакомы. Князь замѣтилъ, что всѣ эти три дня они вступали иногда другъ съ другомъ въ длинные разго-воры, перѣдко кричали и спорили, даже, кажется, объ ученыхъ предметахъ, что, повидимому, доставляло удо-вольствіе Лебедеву. Подумать можно было, что онъ даже нуждался въ генералѣ. Но тѣ же самые предосторожно-сти, какъ относительно князя, Лебедевъ сталъ соблюдать и относительно своего семейства съ самого переѣзда на дачу; подъ предлогомъ, чтобы не беспокоить князя, онъ не пускалъ къ нему никого, топалъ ногами, бросался и гонялся за своими дочерьми, не исключая и Вѣры съ ребенкомъ, при первомъ подозрѣніи, что они идутъ на террасу, гдѣ находился князь, несмотря на всѣ просьбы князя не отгонять никого.

— Во-первыхъ, никакой не будетъ почтительности, если ихъ такъ распустить; а во-вторыхъ, имъ даже и неприлично... объяснилъ онъ, наконецъ, на прямой во-просъ князя.

— Да почему же? усовѣщевалъ князь.—Право, вы меня

всѣми этими наблюденіями и стороженіемъ только мучаете. Мне одному скучно, я вамъ нѣсколько разъ говорилъ, а сами вы вашимъ безпрерывнымъ маханiemъ рукъ и хожденiemъ на цыпочкахъ еще больше тоску нагоняете.

Князь намекалъ на то, что Лебедевъ хоть и разгонялъ всѣхъ домашнихъ подъ видомъ спокойствія, необходимаго больному, но самъ входилъ къ князю во всѣ эти три дня чуть не поминутно, и каждый разъ сначала растворялъ дверь, просовывалъ голову, оглядывалъ комнату, точно убѣриться хотѣлъ, тутъ-ли, не убѣжалъ-ли, и потомъ уже на цыпочкахъ, медленно, крадущимися шагами, подходилъ къ креслу, такъ что иногда невзначай пугалъ своего жильца. Безпрерывно освѣдомлялся, не нужно-ли ему чего, и когда князь сталъ ему, наконецъ, замѣтать, чтобы онъ оставилъ его въ покой, послушно и безмолвно оборачивался, пробирался обратно на цыпочкахъ къ двери и все время, пока шагалъ, махалъ руками, какъ бы давая знать, что онъ только такъ, что онъ не промолвитъ ни слова и что вотъ опять ужъ и вышелъ, и не придетъ, и однажды черезъ десять минутъ или, по крайней мѣрѣ, черезъ четверть часа являлся опять. Коля, имѣвшій свободный входъ къ князю, возбуждалъ тѣмъ самымъ въ Лебедевъ глубочайшее огорченіе и даже обидное негодованіе. Коля замѣтилъ, что Лебедевъ по получасу простояваетъ у двери и подслушиваетъ, что они говорятъ съ княземъ, о чёмъ, разумѣется, и извѣстилъ князя.

— Вы точно меня себѣ присвоили, что держите подъ замкомъ, протестовалъ князь.—По крайней мѣрѣ, на дачѣ то я хочу, чтобы было иначе, и будьте увѣрены, что буду принимать кого угодно и выходить куда угодно.

— Безъ самомалѣйшаго сомнѣнія, замахалъ руками Лебедевъ.

Князь пристально оглядѣлъ его съ головы до ногъ.

— А что, Лукьянъ Тимофеевичъ, вы свои шкащички, который у васъ надъ кроватью въ головахъ висѣль, перевезли сюда?

— Нѣтъ, не перевезъ.

— Неужели тамъ оставили?

— Невозможно везти, выламывать изъ стѣны надо...
Крѣпко, крѣпко.

— Да, можетъ, здѣсь точно такой же есть?

— Даже лучше, даже лучше, съ тѣмъ и дачу купилъ.

— А-а. Это кого вы давеча ко мнѣ не пускали? Часть назадъ.

— Это... это генерала-сь. Дѣйствительно не пускалъ, и ему къ вамъ не стать. Я, князь, человѣка этого глубоко уважаю, это... это великий человѣкъ-сь; вы не вѣрите? Ну, вотъ увидите, а все-таки... лучше бы, сіятельныйшій князь, вамъ не принимать его у себя-сь.

— А почему бы такъ, позвольте вѣсть спросить? И почему, Лебедевъ, вы стоите теперь на цыпочкахъ, а подходите ко мнѣ всегда точно желаесте скрѣть на ухо сообщить?

— Низокъ, низокъ, чувствую, неожиданно отвѣчалъ Лебедевъ, съ чувствомъ постукивая себя въ грудь.—А генераль для насть не слишкомъ-ли будетъ гостепріименъ-сь?

— Слишкомъ будегъ гостепріименъ?

— Гостепріименъ-сь. Во-первыхъ, онъ ужъ и жить у меня собирается, это бы пустъ-сь, да азартенъ, въ родню тотчасъ лѣзетъ. Мы съ нимъ родней уже нѣсколько разъ сосчитались, оказалось, что свойки. Вы тоже ему по матери племянникъ двоюроднымъ оказываетесь, еще вчера мнѣ разъяснилъ. Если вы племянникъ, стало-быть, и мы съ вами, сіятельныйшій князь, родилъ. Это бы ничего-сь, маленькан слабость, но сейчасъ увѣрялъ, что всю его жизнь, съ самого прaporщичьяго чина и до самаго одиннадцатаго юна прошлаго года у него каждый день меныше двухсотъ персонъ за столь не садилось. Дошелъ, наконецъ, до того, что и не вставало, такъ что и обѣдали, и ужинали, и чай или часовъ по пятнадцати въ сутки лѣть тридцать сраду безъ малѣйшаго перерыва, едва время было скатерть перемѣнить. Одинъ встаєть, уходитъ, другой приходитъ, а въ табельные и въ царскіе дни и до трехсотъ человѣкъ доходило. А въ день тысячелѣтія Россіи такъ семьсотъ человѣкъ начель. Это вѣдь страсть-сь: этакія извѣстія—признакъ очень дурной-сь; этакихъ гостепріимцевъ и принимать даже у себя страшило, я и подумалъ: не слишкомъ-ли для насть съ вами будетъ этакой гостепріименъ?

— Но вы, кажется, съ нимъ въ весьма хорошихъ отношеніяхъ?

— По-братьски и принимаю за шутку; пусть мы свойки: мнѣ что,—больше чести. Я въ немъ даже и сквозь двухсотъ персонъ и тысячелѣтіе Россіи замѣчательшаго человѣка различаю. Искренно говорю-сь. Вы, князь, сей-

часъ о секретахъ заговорили-сь, будто бы, то-есть, я приближаюсь точно секретъ сообщить желаю, а секретъ, какъ нарочно, и есть: известная особа сейчасъ дала знать, что желала бы очень съ вами секретное свиданіе имѣть.

— Для чего же секретное? Отнюдь. Я у ней буду самъ, хоть сегодня.

— Отнюдь, отнюдь нѣтъ, замахалъ Лебедевъ, — и не того боится, чего бы вы думали. Кстати: извергъ ровно каждый день приходитъ о здоровыи вашемъ навѣдываться, известно-ли вамъ?

— Вы что-то очень часто извергомъ его называете, это мнѣ очень подозрительно.

— Никакого подозрѣнія имѣть не можете, никакого, поскорѣе отклонилъ Лебедевъ.—Я хотѣль только объяснить, что особа известная не его, а совершенно другого боится, совершенно другого.

— Да чего же, говорите скорѣй, допрашивалъ князь съ нетерпѣніемъ, смотря на таинственныя кривлянія Лебедева.

— Въ томъ и секретъ.

И Лебедевъ усмѣхнулся.

— Чей секретъ?

— Вашъ секретъ. Сами вы запретили мнѣ, сіательнѣйший князь, при васъ говорить... пробормоталъ Лебедевъ, и, насладившись тѣмъ, что довелъ любопытство своего слушателя до болѣзненнаго нетерпѣнія, вдругъ заключилъ:—Аглаи Ивановны боитесь.

Князь поморщился и съ минуту помолчалъ.

— Ей-Богу, Лебедевъ, я брошу вашу дачу, сказалъ онъ вдругъ.—Гдѣ Гаврила Ардаліоновичъ и Птицыны? У васъ? Вы ихъ тоже къ себѣ переманили.

— Идуть-сь, идуть-сь. И даже генералъ вслѣдъ за ними. Всѣ двери отворю и дочерей созву всѣхъ, всѣхъ, сейчасъ, сейчасъ, испуганно шепталъ Лебедевъ, махая руками и кидаясь отъ одной двери къ другой.

Въ эту минуту Коля появился на террасѣ, войдя съ улицы, и объявилъ, что вслѣдъ за нимъ идутъ гости, Лизавета Прокофьевна съ тремя дочерьми.

— Пускать или не пускать Птицыныхъ и Гаврилу Ардаліоновича? Пускать или не пускать генерала? подскочилъ Лебедевъ, пораженный известіемъ.

— Отчего же нѣтъ? Всѣхъ, кому угодно. Увѣряю васъ, Лебедевъ, что вы что-то не такъ поняли въ моихъ отно-

шенихъ въ самомъ началѣ; у васъ какая-то безирервная ошибка. Я не имѣю ни малѣйшихъ причинъ отъ кого-нибудь таиться и прятаться, засмѣялся князь.

Глядя на него, почель за долгъ засмѣяться и Лебедевъ. Лебедевъ, несмотря на свое чрезвычайное волненіе, былъ тоже видимо чрезвычайно доволенъ.

Извѣстіе, сообщенное Колей, было справедливо; онъ опередилъ Епанчинъ только несколькии шагами, чтобы ихъ возвѣстить, такъ что гости явились вдругъ съ обѣихъ сторонъ, съ террасы—Епанчины, а изъ комнаты—Птицины, Ганя и генераль Иволгинъ.

Епанчины узнали о болѣзни князя и о томъ, что онъ въ Павловскѣ, только сейчасъ, отъ Коли, до того же времени генеральша была въ тажеломъ недоумѣніи. Еще третьяго дня генераль сообщилъ своему семейству карточку князя; эта карточка возбудила въ Лизаветѣ Прокофьевнѣ непремѣнную увѣренностьъ, что и самъ князь прибудетъ въ Павловскъ для свиданія съ ними немедленно вслѣдъ за этою карточкой. Напрасно дѣвицы увѣряли, что человѣкъ, не писавшій полгода, можетъ-быть, далеко не будетъ такъ торопливъ и теперь, и что, можетъ-быть, у него и безъ нихъ много хлонотъ въ Петербургѣ,—почемъ знать его дѣла? Генеральша рѣшительно осердилась на эти замѣчанія и готова была биться объ закладъ, что князь явится по крайней мѣрѣ на другой же день, хотя „это уже будетъ и поздно“. На другой день она проѣзжала цѣлое утро; ждали къ обѣду, къ вечеру, и когда уже совершило смерклось, Лизавета Прокофьевна разсердилась на все и пересорилась со всѣми, разумѣется, въ мотивахъ ссоры ни слова не упоминая о князѣ. Ни слова о немъ не было упоминуто и во весь третій день. Когда у Аглаи сорвалось невзначай за обѣдомъ, что матан сердится, потому что князь не єдетъ, на что генераль тотчасъ же замѣтилъ, что „вѣдь онъ въ этомъ не виноватъ“, — Лизавета Прокофьевна встала и во гнѣвѣ вышла изъ-за стола. Наконецъ, къ вечеру явился Коля со всѣми извѣстіями и съ описаніемъ всѣхъ приключеній князя, какія онъ зналъ. Въ результатѣ Лизавета Прокофьевна торжествовала, но, во всякомъ случаѣ, Коль крѣпко досталось: „То по цѣльмъ днамъ здѣсь вертится и не выживешь, а тутъ хоть бы знать-то далъ, если ужъ самъ не разсудиль пожаловать“. Коля тотчасъ же хотѣлъ было разсердиться за слово „не выживешь“, но отложилъ

до другого раза, и если бы только самое слово не было ужъ слишкомъ обидно, то пожалуй и совсѣмъ извинилъ бы его, до того понравилось ему волненіе и беспокойство Лизаветы Прокофьевны при извѣстіи о болѣзни князя. Она долго настаивала на необходимости немедленно отправить нарочного въ Петербургъ, чтобы поднять какуюто медицинскую знаменитость первой величины и примчать ее съ первымъ поѣздомъ. Но дочери отговорили; онъ, впрочемъ, не захотѣли отстать отъ мамаши, когда та мигомъ собралась, чтобы посѣтить больного.

— Онъ на смертномъ одрѣ, говорила, суетясь, Лизавета Прокофьевна,—а мы тутъ будемъ еще церемоніи наблюдать! Другъ онъ нашего дома, аль нѣть?

— Да и соваться, не спросясь броду, не слѣдуетъ, замѣтила было Аглая.

— Ну, такъ и не ходи, и хорошо даже сдѣлаешь: Евгений Павловичъ пріѣдетъ, некому будетъ принять.

Послѣ этихъ словъ, Аглая, разумѣется, тотчасъ же отправилась вслѣдъ за всѣми, что, впрочемъ, намѣренна была и безъ этого сдѣлать. Князь Щ., сидѣвшій съ Аделаидой, по ея просьбѣ, немедленно согласился сопровождать дамъ. Онъ еще и прежде, въ началѣ своего знакомства съ Епанчиными, чрезвычайно заинтересовался, когда услышать отъ нихъ о князѣ. Оказалось, что онъ съ нимъ былъ знакомъ, что они познакомились гдѣ-то недавно и недѣли двѣ жили вмѣстѣ въ какомъ-то городкѣ. Это было на задѣ тому мѣсяца съ три. Князь Щ. даже много о князѣ разсказывалъ и вообще отзывался о немъ весьма симпатично, такъ что теперь съ искреннимъ удовольствиемъшелъ павѣстить стараго знакомаго. Генерала Ивана Федоровича на этотъ разъ не было дома. Евгений Павловичъ тоже еще не пріѣжалъ.

До дачи Лебедева отъ Епанчиныхъ было не болѣе трехстотъ шаговъ. Первое непріятное впечатлѣніе Лизаветы Прокофьевны у князя—было застать кругомъ него цѣлую компанію гостей, не говоря уже о томъ, что въ этой компаніи были два-три лица ей рѣшительно ненавистныя; второе—удивленіе при видѣ совершенно на взглядѣ злораваго, щеголевато одѣтаго и смѣющагося молодого члѣвѣка, ступившаго имъ навстрѣчу, вмѣсто умирающаго на смертномъ одрѣ, котораго она ожидала найти. Она даже остановилась въ недоумѣніи, къ чрезвычайному удовольствію Коли, который, конечно, могъ бы отлично объ-

яснить, еще когда она и не трогалась съ своей дачи, что никто ровно не умираетъ и никакого смертнаго одра нѣть, но не объяснилъ, лукаво предчувствуя будущій комической гнѣвъ генеральши, когда она, по его расчетамъ, непремѣнно разсердится за то, что застанетъ князя, своего искренняго друга, здоровымъ. Коля былъ даже такъ неделикатенъ, что вслухъ высказалъ свою догадку, чтобы окончательно раздразнить Лизавету Прокофьевну, съ которой постоянно и иногда очень злобно пикировался, несмотря на связывавшую ихъ дружбу.

— Подожди, любезный, не торопись, не испорти свое торжество! отвѣчала Лизавета Прокофьевна, усаживаясь въ подставленныя ей княземъ кресла.

Лебедевъ, Птицынъ, генералъ Иволгинъ бросились подавать стулья дѣвицамъ. Аглаѣ подалъ стулъ генераль. Лебедевъ подставилъ стулъ и князю Щ., при чмъ даже въ сгibѣ своей поясницы успѣль изобразить необыкновенную почтительность. Варя, по обыкновенію, съ восторгомъ и шопотомъ здоровалась съ барышнями.

— Это правда, что я думала, князь, тебѣ чутъ не въ постели застать, такъ со страху преувеличила, и, ни за чмъ лгать не стану, досадно мнѣ стало сейчасъ ужасно на твое счастливое лицо, но, божусь тебѣ, это всего ми-нута, пока еще не успѣла размыслить. Я, какъ размыслю, всегда умнѣе поступаю и говорю; я думаю, и ты тоже. А по-настоящему, выздоровленію родного сына, если бъ опь былъ, была бы, можетъ-быть, меньше рада, чѣмъ твоему; и если ты мнѣ въ этомъ не повѣришь, то срамъ тебѣ, а не мнѣ. А этотъ злобный мальчишка позволяетъ со мной и не такія шутки шутить. Ты, кажется, его протежи-руешь; такъ я предупреждаю тебя, что въ одно прекрасное утро, повѣрь мнѣ, откажу себѣ въ дальнѣйшемъ удо-вольствіи пользоваться честью его знакомства.

— Да чѣмъ же я виновать? кричалъ Коля.—Да сколь-ко бъ я васъ ни увѣрялъ, что князь почти уже здоровъ, вы бы не захотѣли повѣрить, потому что представить его на смертномъ одрѣ было гораздо интереснѣе.

— Надолго-ли къ намъ? обратилась къ князю Лизавета Прокофьевна.

— На все лѣто и, можетъ-быть, дольше.

— Ты вѣдь одинъ? Не женатъ?

— Нѣть, не женатъ, улыбнулся князь наивности пущенной шильки.

— Улыбаться нечего; это бываетъ. Я про дачу; зачѣмъ не къ намъ перѣхалъ? У насъ цѣлый флигель пустой. Впрочемъ, какъ хочешь. Это у него нанимаешь? У этого? прибавила она вполголоса, кивнувъ на Лебедева.—Что онъ все кривляется?

Въ эту минуту изъ комнаты вышла на террасу Вѣра, по своему обыкновенію, съ ребенкомъ на рукахъ. Лебедевъ, извивавшійся около стульевъ и рѣшительно не знавшій, куда дѣвать себя, но ужасно не хотѣвшій уйти, вдругъ набросился на Вѣру, замахалъ на нее руками, гоня прочь съ террасы, и даже, забывшиесь, затопалъ ногами.

— Онъ сумасшедший? прибавила вдругъ генеральша.

— Нѣтъ, онъ...

— Пьянъ, можетъ - быть? Не красива же твой компанія, отрѣзала она, захвативъ въ сьюемъ взгляду и остальныхъ гостей.—А, впрочемъ, какая милая девушка! Кто такая?

— Это Вѣра Лукьяновна, дочь этого Лебедева.

— А!.. Очень милая. Я хочу съ ней познакомиться.

Но Лебедевъ, разслышавшій похвалы Лизаветы Прокофьевны, уже самъ тащилъ дочь, чтобы представить ее.

— Сироты, сироты! таиль онъ, подходя.—И этотъ ребенокъ на рукахъ ея—сирота, сестра ея, дочь Любовь, и рождена въ наизаконнѣшемъ бракѣ отъ новопреставленной Елены, жены моей, умершей тому назадъ шесть недѣль, въ родахъ, по соизволенію Господню... да-съ... вмѣсто матери, хотя только сестра и не болѣе какъ сестра... не болѣе, не болѣе...

— А ты, батюшка, не болѣе, какъ дуракъ, извини меня. Ну, довольно, самъ понимаешь, я думаю, отрѣзала вдругъ Лизавета Прокофьевна въ чрезвычайномъ негодованіи.

— Истинная правда! почтительнѣйше и глубоко поклонился Лебедевъ.

— Послушайте, господинъ Лебедевъ, правду про васъ говорять, что вы Анокалипсисъ толкуете? спросила Аглая.

— Истинная правда... пятнадцатый годъ.

— Я о васъ слышала. О васъ и въ газетахъ печатали, кажется?

— Нѣтъ, это о другомъ толкователѣ, о другомъ - съ, и тотъ померъ, а я за него остался, виѣ себѣ отъ радости проговорилъ Лебедевъ.

— Сдѣлайте одолженіе, растолкуйте мнѣ когда-нибудь,

на-дняхъ, по сосѣству. И ничего не понимаю въ Апокалипсисѣ.

— Не могу не предупредить васъ, Аглай Ивановна, что все это съ его стороны одно шарлатанство, повѣрьте, быстро ввернуль вдругъ генераль Иволгинъ, ждавшій точно на иголочкахъ и желавшій изо всѣхъ силъ какъ-нибудь начать разговоръ; онъ усѣлся рядомъ съ Аглаей Ивановной. — Конечно, ~~да~~ имѣть свои права, продолжалъ онъ, — и свои удовольствія, и приемъ такого необычайного интруса для толкованія Апокалипсиса есть затѣя, какъ и другая, и даже затѣя замѣчательная по уму, но я... Вы, кажется,смотрите на меня съ удивленіемъ? Генераль Иволгинъ, имѣю честь рекомендоваться. Я васъ на рукахъ носиль, Аглай Ивановна.

— Очень рада. Мнѣ знакомы Варвара Ардаліоновна и Нина Александровна, пробормотала Аглай, всѣми силами крѣпясь, чтобы не расхохотаться.

Лизавета Прокофьевна вспыхнула. Что-то давно накопившееся въ ея душѣ вдругъ потребовало исхода. Она терпѣть не могла генерала Иволгина, съ которымъ когда-то была знакома, только очень давно.

— Лжешь, батюшка, по своему обыкновенію, никогда ты ее на рукахъ не носиль, отрѣзала она ему въ него-дованіи.

— Вы забыли, мама, ей-Богу носиль, въ Твери, вдругъ подтвердила Аглай. — Мы тогда жили въ Твери. Мнѣ тогда лѣтъ шесть ~~было~~, я помню. Онъ мнѣ стрѣлку и лукъ ~~сдѣ~~ лаль, и стрѣлять научилъ, и я одного голубя убила. Помните, мы съ вами голубя вмѣстѣ убили?

— А мнѣ тогда каску изъ картона принесъ и шагу деревянную, и я помню! вскричала Аделаида.

— И я это помню, подтвердила Александра. — Вы еще тогда за раненаго голубя перессорились, и васъ по угламъ разставили; Аделаида такъ и стояла въ каскѣ и со шлагой.

Генераль, объязвши Аглай, что онъ ее на рукахъ носиль, сказалъ это ~~такъ~~, чтобы только начать разговоръ, и единственно потому, что онъ почти всегда такъ начиналъ разговоръ со всѣми молодыми людьми, если находилъ нужнымъ съ ними познакомиться. Но на этотъ разъ случилось, какъ нарочно, что онъ сказалъ правду и, какъ нарочно, правду эту онъ и самъ забылъ. Такъ что, когда Аглай вдругъ подтвердила теперь, что она съ нимъ вдвоемъ

застрѣлила голубя, память его разомъ освѣтилась, и онъ вспомнилъ обо всемъ обѣ этомъ самъ до послѣдней подробности, какъ нерѣдко вспоминается въ лѣтахъ пре-клонныхъ что-нибудь изъ далекаго прошлаго. Трудно передать, что въ этомъ воспоминаніи такъ сильно могло подѣйствовать на бѣднаго и, по обыкновенію, нѣсколько хмельного генерала; но онъ былъ вдругъ необыкновенно растроганъ.

— Помню, все помню! вскричалъ онъ.— Я былъ тогда штабсъ-капитаномъ. Вы — такая крошка, хорошецкая. Нина Александровна... Ганя... Я былъ у васъ... принятъ. Иванъ Федоровичъ...

— И вотъ, видишь, до чего ты теперь дошелъ! подхватила генеральша.— Значить, все-таки, не пропилъ своихъ благородныхъ чувствъ, когда такъ подѣйствовало! А жену измучилъ. Чѣмъ бы дѣтей руководить, а ты въ долговомъ сидишь. Ступай, батюшка, отсюда, зайди куда-нибудь, встань за дверь въ уголокъ и поплачь, вспомни свою прежнюю невинность, авось, Богъ проститъ. Поди-ка, поди, я тебѣ серьезно говорю. Ничего иѣть лучше для исправленія, какъ прежнее съ раскаяніемъ вспомнить.

Но повторять о томъ, что говорить серьезно, было нечего: генеральша, какъ и всѣ постоянно хмельные люди, былъ очень чувствителенъ, и какъ всѣ слишкомъ упавшие хмельные люди, не легко переносилъ воспоминанія изъ счастливаго прошлаго. Онъ всталъ и смиренно направился къ дверямъ, такъ что Лизавета Прокофьевна сейчасъ же и жалко стало его.

— Ардаліонъ Александрычъ, батюшка! крикнула она ему вслѣдъ. — Остановись на минутку; всѣ мы грѣши; когда будешь чувствовать, что совѣсть меньше укоряетъ, приходи ко мнѣ, посидимъ, поболтаемъ о прошломъ - то. Я вѣдь еще, можетъ, сама тебя въ пятьдесятъ разъ грѣши; ну, а теперь прощай, ступай, нечего тебѣ тутъ... испугалась она вдругъ, что онъ воротится.

— Вы бы пока не ходили за нимъ, остановилъ князь Колю, который побѣжалъ было вслѣдъ за отцомъ.—А то черезъ минуту онъ подосадуетъ, и вся минута испортится.

— Это правда, не тронь его; черезъ полчаса поди, рѣшила Лизавета Прокофьевна.

— Вотъ что значитъ хоть разъ въ жизни правду сказать,—до слезъ подѣйствовало! осмыслился вклейть Лебедевъ.

— Ну ужъ и ты - то, батюшка, должно-быть, хорошъ, коли правда то, что я слышала, осадила его сейчасъ же Лизавета Прокофьевна.

Взаимное положеніе всѣхъ гостей, собравшихся у князя, мало-по-малу опредѣлилось. Князь, разумѣется, въ состояніи былъ оцѣнить и оцѣнилъ всю степень участія къ нему генеральши и ея дочерей и, конечно, сообщилъ имъ искренно, что и самъ онъ сегодня же, еще до посѣщенія ихъ, намѣренъ быть непремѣнно явиться къ нимъ, несмотря ни на болѣзнь свою, ни на поздній часъ. Лизавета Прокофьевна, поглядывая на гостей его, отвѣтила, что это и сейчасъ можно исполнить. Птицынъ, человѣкъ вѣжливый и чрезвычайно уживчивый, очень скоро всталъ и отретировался во флигель къ Лебедеву, весьма желая увести съ собой и самого Лебедева. Тотъ обѣщалъ прийти скоро; тѣмъ временемъ Варя разговорилась съ дѣвицами и осталась. Она и Ганя были весьма рады отбытию генерала; самъ Ганя тоже скоро отправился вслѣдъ за Птицынымъ. Въ тѣ же нѣсколько минутъ, которая онъ пробылъ на террасѣ при Епанчиныхъ, онъ держалъ себя скромно, съ достоинствомъ, и нисколько не потерялся отъ рѣшительныхъ взглядовъ Лизаветы Прокофьевны, два раза оглядѣвшей его съ головы до ногъ. Дѣйствительно, можно было подумать знавшимъ его прежде, что онъ очень измѣнился. Это очень понрави1о Аглаѣ.

— Вѣдь это Гаврила Ардаліоновичъ вышелъ? спросила она вдругъ, какъ любила иногда дѣлать, громко, рѣзко, прерывая своимъ вопросомъ разговоръ другихъ и ни къ кому лично не обращаясь.

— Онъ, отвѣтилъ князь.

— Едва узнала его. Онъ очень измѣнился и... гораздо къ лучшему.

— Я очень радъ за него, сказалъ князь.

— Онъ былъ очень боленъ, прибавила Варя съ радостнымъ соболѣзвованіемъ.

— Чѣмъ это измѣнился къ лучшему? въ гнѣвливомъ недоумѣніи, и чуть не перепугавшись, спросила Лизавета Прокофьевна.—Откуда взяла? Ничего нѣть лучшаго. Чѣмъ именно тебѣ кажется лучшаго?

— Лучше „рыцаря бѣднаго“ ничего нѣть лучшаго! произвѣгласиль вдругъ Коля, стоявшій все время у стула Лизаветы Прокофьевны.

— Это я самъ тоже думаю, сказалъ князь Щ. и засмѣялся.

— Я совершенно того же мнѣнія, торжественно провозгласила Аделаида.

— Какого „рыцаря бѣднаго“? спрашивала генеральша, съ недоумѣніемъ и досадой оглядывая всѣхъ говорившихъ, но, увидѣвъ, что Аглай вспыхнула, съ сердцемъ прибавила: — Вздоръ какой-нибудь! Какой такой „рыцарь бѣдный“?

— Развѣ въ первый разъ мальчишкѣ этому, фавориту вашему, чужія слова коверкать! съ надменнымъ негодованіемъ отвѣтила Аглай.

Въ каждой гнѣвливой выходкѣ Аглай (а она гнѣвалась очень часто), почти каждый разъ, несмотря на всю видимую ея серьезность и неумолимость, проглядывало столько еще чего-то дѣтскаго, нетерпѣливо школьнаго и плохо припрятаннаго, что не было возможности иногда, глядя на нес, не засмѣяться, къ чрезвычайной, впрочемъ, досадѣ Аглай, не понимавшей чему смѣются и „какъ могутъ, какъ смѣютъ они смѣяться“. Засмѣялись и теперь сестры, князь Щ., и даже улыбнулся самъ князь Левъ Николаевичъ, тоже почему-то покраснѣвшій. Коля хохоталъ и торжествовалъ. Аглай разсердилась не на шутку и вдвое похорошѣла. Къ ней чрезвычайно шло ея смущеніе и тутъ же досада на самоѣ себя за это смущеніе.

— Мало онъ вашихъ-то словъ перековеркалъ, прибавила она.

— Я на собственномъ вашемъ восклицаніи основываюсь! прокричалъ Коля. — Мѣсяцъ назадъ вы *Донъ-Кихота* перебирали и воскликнули эти слова, что нѣтъ лучше „рыцаря бѣднаго“. Не знаю, про кого вы тогда говорили: про Донъ-Кихота или про Евгения Павлыча, или еще про одно лицо, но только про кого-то говорили, и разговоръшелъ длинный...

— Ты, я вижу, ужъ слишкомъ много позволяешь себѣ, мой милый, со своими догадками, съ досадой остановила его Лизавета Прокофьевна.

— Да развѣ я одинъ? не умолкалъ Коля. — Всѣ тогда говорили, да и теперь говорятъ; вотъ сейчасъ князь Щ. и Аделаида Ивановна, и всѣ объявили, что стоять за „рыцаря бѣднаго“, стало-быть, „рыцарь-то бѣдный“ существуетъ и непремѣнно есть, а, по-моему, если бы только не Аделаида Ивановна, такъ всѣ бы мы давно ужъ знали, кто такой „рыцарь бѣдный“.

— Я-то чѣмъ виновата, смѣялась Аделаида.

— Портретъ не хотѣли нарисовать — вотъ чѣмъ виноваты! Аглай Ивановна просила васъ тогда нарисовать портретъ „рыцаря бѣднаго“ и разсказала весь сюжетъ картины, который сама и сочинила, помните, сюжетъ-то? Вы не хотѣли...

— Да какъ же бы я нарисовала, кого? По сюжету выходитъ, что этотъ „рыцарь бѣдный“

Съ лица стальной рѣшѣтки
Ни предъ кѣмъ не подымалъ.

Какое же тутъ лицо могло выйти? Чѣмъ нарисовать: рѣшѣтку? Анонимъ?

— Ничего не понимаю, какая тамъ рѣшѣтка! раздралась генеральша, начинавшая очень хорошо понимать про себя, кто такой подразумѣвался подъ названиемъ (и, вѣроятно, давно уже условленнымъ) „рыцари бѣднаго“.

Но особенно взорвало ее, что князь Левъ Николаевичъ тоже смущился и, наконецъ, совсѣмъ сконфузился, какъ десятилѣтній мальчикъ.

— Да что, кончится или нѣть эта глупость? Растолкуютъ мнѣ или нѣть этого „рыцаря бѣднаго“? Секрѣтъ что-ли какой-нибудь такої ужасный, что и подступиться нельзя?

Но всѣ только продолжали смѣяться.

— Просто-за-просто, есть одно странное русское стихотвореніе, вступилъ наконецъ князь Щ., очевидно, желая поскорѣе замять и перемѣнить разговоръ, — про „рыцаря бѣднаго“, отрывокъ безъ начала и конца. Съ мѣсяца назадъ какъ-то разъ смѣялись всѣ вмѣстѣ послѣ обѣда и искали, по обыкновенію, сюжета для будущей картины Адѣлаиды Ивановны. Вы знаете, что общая семейная задача давно уже въ томъ, чтобы сыскать сюжетъ для картины Адѣлаиды Ивановны. Тутъ и нашали на „рыцаря бѣднаго“, кто первый, не помню...

— Аглай Ивановна! вскричалъ Коля.

— Можетъ-быть, согласенъ, только я не помню, продолжалъ князь Щ. — Одни надъ этимъ сюжетомъ смѣялись, другие провозглашали, что ничего не можетъ быть и выше, но чтобы изобразить „рыцаря бѣднаго“ во всjomъ случаѣ надо было лицо; стали перебирать лица всѣхъ знакомыхъ, ни одно не пригодилось, на этомъ дѣло и стало; вотъ и все; не понимаю, почему Николаю Ардаліоновичу вздумалось все это припомнить и вывести? Чѣмъ смѣшино было прежде и кстати, то совсѣмъ неинтересно теперь.

— Потому что новая глупость какая-нибудь подразумевается, извительная и обидная, отрѣзала Лизавета Прокофьевна.

— Никакой нѣть глупости, кромѣ глубочайшаго уваженія, совершенно неожиданно важнымъ и серьезнымъ голосомъ вдругъ произнесла Аглая, успѣвшая совершенно поправиться и подавить свое прежнее смущеніе.

Мало того, по иѣкоторымъ признакамъ можно было подумать, глядя на нее, что она сама теперь радуется, что шутка заходитъ все дальше и дальше, и весь этотъ переворотъ произошелъ въ ней именно въ то мгновеніе, когда слишкомъ явно замѣтно стало возраставшее все болѣе и болѣе и достигшее чрезвычайной степени смущеніе князя.

— То хоочутъ, какъ угорѣлые, а тутъ вдругъ глубочайшее уваженіе явилось! Бѣшеные! Почему уваженіе? Говори сейчасъ, почему у тебя, ни съ того, ни съ сего, такъ вдругъ глубочайшее уваженіе явилось?

— Потому глубочайшее уваженіе, продолжала такъ же серьезно и важно Аглая въ отвѣтъ почти на злобный вопросъ матери,—потому, что въ стихахъ этихъ прямо изображенъ человѣкъ, способный имѣть идеаль, во-вторыхъ, разъ поставивъ себѣ идеаль, повѣрить ему, а повѣривъ, слѣпо отдать ему всю свою жизнь. Это не всегда въ нашемъ вѣкѣ случается. Тамъ, въ стихахъ этихъ, не сказано, въ чемъ собственно состоялъ идеаль „рыцаря бѣднаго“, но видно, что это былъ какой-то свѣтлый образъ, „образъ чистой красоты“, и влюбленный рыцарь, вместо шарфа, даже четки себѣ повязалъ на шею. Правда, есть еще тамъ какой-то темный, недоговоренный девизъ, буквы А. Н. Б., которыя онъ начерталъ на щитѣ своемъ...

— А. Н. Д., поправилъ Коля.

— Я говорю А. Н. Б., и такъ хочу говорить, съ досадой перебила Аглая.—Какъ бы то ни было, а ясное дѣло, что этому бѣдному рыцарю уже все равно стало: кто бы ни была и что бы ни сдѣлала его дама. Довольно того, что онъ ее выбралъ и повѣрилъ ей „чистой красотѣ“, а затѣмъ уже преклонился предъ нею навѣки; въ томъ-то и заслуга, что если бъ она потомъ хоть воровкой была, то онъ все-таки долженъ былъ ей вѣрить и за ея чистую красоту копья ломать. Поэтому хотѣлось, кажется, совокупить въ одинъ чрезвычайный образъ все огромное понятіе средневѣковой рыцарской платонической любви

какого-нибудь чистаго и высокаго рыцаря; разумѣется, все это идеалъ. Въ „рыцарѣ же бѣдномъ“ это чувство дошло уже до послѣдней степени, до аскетизма; надо признаться, что способность къ такому чувству много обозна- чаетъ, и что такія чувства оставляютъ по себѣ черту глубокую и весьма, съ одной стороны, похвальную, не го- воря уже о Донъ-Кихотѣ. „Рыцарь бѣдныи“ тотъ же Донъ-Кихотъ, но только серьезный, а не комическій. Я сначала не понимала и смеялась, а теперь люблю „ры- царя бѣднаго“, а, главное, уважаю его подвиги.

Такъ кончила Аглай, и, глядя на нее, даже трудно было понять, серьезно она говоритъ или смеется.

— Ну, дуракъ какой-нибудь, и онъ, и его подвиги! рѣшила генеральша. — Да и ты, матушка, завралась, цѣлая лекція; даже не годится, по-моему, съ твоей стороны. Во всякомъ случаѣ, непозволительно. Какіе стихи? Прочти, вѣрно знаешь! Я непремѣнно хочу знать эти стихи. Всю жизнь терпѣть не могла стиховъ, точно предчувствовала. Ради Бога, князь, потерпи, намъ съ тобой, видно, вмѣстѣ терпѣть приходится, обратилась она къ князю Льву Николаевичу.

Она была очень раздосадована.

Князь Левъ Николаевичъ хотѣлъ было что-то сказать, но ничего не могъ выговорить отъ продолжавшагося смущенія. Одна только Аглай, такъ много позволившая себѣ въ своей „лекціи“, не сконфузилась никако, даже какъ будто рада была. Она тотчасъ же встала, все попрежнему серьезно и важно, съ такимъ видомъ, какъ будто заранѣе къ тому готовилась и только ждала приглашенія, вышла на средину террасы и стала напротивъ князя, продолжавшаго сидѣть въ своихъ креслахъ. Всѣ съ нѣкото-рымъ удивленiemъ смотрѣли на нее, и почти всѣ, князь Щ., сестры, мать, съ неопредѣленымъ чувствомъ смотрѣли на эту новую приготовлявшуюся шалость, во всякомъ случаѣ нѣсколько далеко зашедшую. Но видно было, что Аглай нравилась именно эта аффектація, съ которой она начинала церемонію чтенія стиховъ. Лизавета Прокофьевна чуть было не прогнала ее на мѣсто, но въ ту самую минуту, какъ только было Аглай начала декламировать извѣстную балладу, два новыхъ гостя, громко говоря, вступили съ улицы на террасу. Это были генераль Иванъ Федоровичъ Епанчинъ и вслѣдъ за нимъ одинъ молодой человѣкъ. Произошло маленькое волненіе.

VII.

Молодой человѣкъ, сопровождавшій генерала, былъ лѣтъ двадцати восьми, высокій, стройный, съ прекраснымъ и умнымъ лицомъ, съ блестящимъ, полнымъ остроумія и насмѣшки взглядомъ большихъ черныхъ глазъ. Аглай даже и не оглянулась на него и продолжала чтеніе стиховъ, съ аффектаціей продолжая смотрѣть на одного только князя и обращаясь только къ нему одному. Князю стало явно, что все это она дѣлаетъ съ какимъ-то особыеннымъ расчетомъ. Но по крайней мѣрѣ новые гости нѣсколько исправили его неловкое положеніе. Завидѣвъ ихъ, онъ привсталъ, любезно кивнулъ издали головой генералу, подаль знакъ, чтобы не прерывали чтенія, а самъ успѣлъ отретироваться за кресла, гдѣ, облокотясь лѣвою рукой на спинку, продолжалъ слушать балладу уже, такъ сказать, въ болѣе удобномъ и не въ такомъ „смѣшномъ“ положеніи, какъ сидя въ креслахъ. Со своей стороны, Лизавета Прокофьевна повелительнымъ жестомъ махнула два раза входившимъ, чтобы они остановились. Князь, между прочимъ, слишкомъ интересовался новымъ своимъ гостемъ, сопровождавшимъ генерала; онъ ясно угадывалъ въ немъ Евгения Павловича Радомскаго, о которомъ уже много слышалъ и не разъ думалъ. Его сбивало одно только штатское платье его; онъ слышалъ, что Евгений Павловичъ военный. Насмѣшила улыбка бродила на губахъ нового гости во все время чтенія стиховъ, какъ будто и онъ уже слышалъ кое-что про „рыцаря бѣднаго“.

„Можетъ-быть, самъ и выдумалъ“, подумалъ князь про себя.

Но совсѣмъ другое было съ Аглай. Всю первоначальную аффектацію и напыщенность, съ которой она выступила читать, она прикрыла такой серьезностью и такимъ проникновенiemъ въ духъ и смыслъ поэтическаго произведенія, съ такимъ смысломъ произносила каждое слово стиховъ, съ такою высшою простотой проговаривала ихъ, что въ концѣ чтенія не только увлекла всеобщее вниманіе, но передачей высокаго духа баллады какъ бы и оправдала отчасти ту усиленную аффектированную важность, съ которой она такъ торжественно вышла на средину террасы. Въ этой важности можно было видѣть теперь только безграничность и, пожалуй, даже наивность ея уваженія къ тому, что она взяла на себя передать. Глаза

ея блистали, и легкала, едва замѣтная судорога вдохновенія и восторга раза два прошла по ея прекрасному лицу. Она прочла:

Жилъ на свѣтѣ рыпарь бѣдный,
Молчаливый и простой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
~~Духомъ~~ смѣлый и прямой,
Опь имѣлъ одно видѣніе,
Непостижное уму,
И глубоко впечатлѣнъ
Въ сердце врѣзалось ему.
Съ той поры, спорѣвъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ,
Опь до гроба ни съ одною
Молвить слова не хотѣлъ.
Онъ себѣ па шею четки
Вмѣсто шарфа завязалъ,
И съ лица стальной рѣшѣтки
На предѣлъ кѣмъ не подымалъ.
Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ,
A. M. D. своею кровью
Начерталь онъ па щитѣ.
И въ пустыняхъ Палестинѣ,
Междѣ тѣмъ какъ по скаламъ
Мчались въ битву наладины,
Именуя громко дамъ,
Lumen coeli, sancta Rosa!
Восклицаю онъ дикъ и рьяпъ,
И какъ громъ его угроза
Поражала мусульманъ.
Возвратясь въ свой замокъ дальний,
Жаль опь строго заключенъ,
Все безмолвный, все печальный,
Какъ безумецъ умеръ опь.

Припоминая потомъ всю эту минуту, князь долго въ чрезвычайномъ смущеніи мучился однимъ неразрѣшимымъ для него вопросомъ: какъ можно было соединить такое истинное, прекрасное чувство съ такою явною и злобою насыщенной? Что была насыпка, въ томъ онъ не сомнѣвался; онъ ясно это понялъ и имѣлъ на то причины: во время чтенія Аглая позволила себѣ перемѣнить буквы A. M. D. въ буквы H. F. B. Что тутъ была не ошибка и не ослышка съ его стороны,—въ томъ онъ сомнѣвался не могъ (вноследствіи это было доказано). Во всякомъ случаѣ, выходка Аглаи,—конечно, шутка, хоть слишкомъ рѣзкая и легкомысленная,—была преднамѣренная. О „рыпарь бѣдномъ“ всѣ говорили (и „смѣялись“) еще мѣсяцъ назадъ. А между тѣмъ какъ ни припоминалъ потомъ

князь, выходило, что Аглай произнесла эти буквы не только безъ всякаго вида шутки, или какой-нибудь усмѣшки, или даже какого-нибудь напирания на эти буквы, чтобы рельефнѣе выдать ихъ затаенный смыслъ, но, на-противъ, съ такою неизмѣнною серьезностью, съ такою невинною и наивною простотой, что можно было подумать, что эти самыя буквы и были въ балладѣ, и что такъ было въ книгѣ напечатано. Что-то тѣжелое и не-пріятное какъ бы уязвило князя. Лизавета Прокофьевна, конечно, не попяла и не замѣтила ни подмѣны буквъ, ни намека. Генераль Иванъ Федоровичъ понялъ только, что декламировали стихи. Изъ остальныхъ слушателей очень многіе поняли и удивились и смѣлости выходки, и памѣренію, но смолчали и старались не показать виду. Но Евгений Павловичъ (князь даже о закладѣ готовъ быть побитъся) не только понялъ, но даже старался и видѣлъ показать, что понялъ: онъ слишкомъ насмѣшилово улыбался.

— Экая прелестъ какая! восклікнула генеральша въ истинномъ упоеніи, только-что кончилось чтеніе. — Чьи стихи?

— Пушкина, шаман, не стыдите настъ, это совсѣмъ! восклікнула Аделаїда.

— Да съ вами и не такой еще дурой сдѣлаешься! горько отозвалась Лизавета Прокофьевна. — Срамъ! Сейчасъ какъ придемъ, подайте мнѣ эти стихи Пушкина.

— Да у насъ, кажется, совсѣмъ нѣтъ Пушкина.

— Съ незапамятныхъ временъ, прибавила Александрѣ, — два какіе-то растрапанные тома валяются.

— Тотчасъ же послать купить въ городъ, Федора иль Алексія, съ первымъ поѣздомъ, — лучше Алексія. Аглай, поди сюда! Поцѣлуй меня, ты прекраснѣо прочла, но — если ты искренно прочла, прибавила она почти испоптомъ, — то я о тебѣ жалѣю; если ты въ насмѣшку ему прочла, то я твои чувства не одобряю, такъ что во всякомъ случаѣ лучше бы было и совсѣмъ не читать. Чонимаешь? Ступай, сударыня, я еще съ тобою поговорю, а мы тутъ засидѣлись.

Между тѣмъ князь здоровался съ генераломъ Иваномъ Федоровичемъ, а генераль представлялъ ему Евгения Павловича Радомскаго.

— На дорогѣ захватилъ, онъ только-что съ поѣздомъ; узналъ, что я сюда и всѣ наши тутъ...

— Узналь, что и вы тутъ, перебилъ Евгений Павло-

вичъ,—и такъ какъ давно ужъ и непремѣнно предположилъ себѣ искать не только вашего знакомства, но и вашей дружбы, то и не хотѣлъ терять времени. Вы нездоровы? Я сейчасъ только узналъ...

— Совсѣмъ здоровъ и очень радъ васъ узнать, много слышалъ и даже говорилъ о васъ съ княземъ Щ., отвѣтилъ Левъ Николаевичъ, подавая руку.

Взаимныя вѣжливости были произнесены, оба пожали другъ другу руку и пристально заглянули другъ другу въ глаза. Въ одинъ мигъ разговоръ сдѣлался общимъ. Князь замѣтилъ (а онъ замѣчалъ теперь все быстро и жадно и даже, можетъ, и то, чего совсѣмъ не было), что штатское платье Евгенія Павловича производило всеобщее и какое-то необыкновенно сильное удивленіе, до того, что даже всѣ остальные впечатлѣнія на время забылись и изгладились. Могло быть подумать, что въ этой перемѣнѣ костюма заключалось что-то особенно важное. Аделаїда и Александра съ недоумѣніемъ разспрашивали Евгенія Павловича. Князь Щ., его родственникъ, даже съ большимъ беспокойствомъ; генераль говорилъ почти съ волненіемъ. Одна Аглая любопытно, но совершенно спокойно поглядѣла съ минуту на Евгенія Павловича, какъ бы желая только сравнить, военное или штатское платье ему болѣе къ лицу, но чрезъ минуту отворотилась и уже не глядѣла на него болѣе. Лизавета Прокофьевна тоже ни о чемъ не захотѣла спрашивать, хотя, можетъ-быть, и она нѣсколько беспокоилась. Князю показалось, что Евгений Павловичъ какъ будто у неї не въ милости.

— Удивилъ, изумилъ! твердилъ Иванъ Федоровичъ въ отвѣтъ на всѣ вопросы.—Я вѣрить не хотѣлъ, когда еще давеча его въ Петербургѣ встрѣтилъ. И зачѣмъ такъ вдругъ, вотъ задача? Самъ первымъ дѣломъ кричить, что не надо стулья ломать.

Изъ поднявшихся разговоровъ оказалось, что Евгений Павловичъ возвѣщалъ объ этой отставкѣ уже давнымъ-давно; но каждый разъ говорилъ такъ не серьезно, что и повѣрить ему было нельзя. Да онъ и о серьезныхъ-то вещахъ говорилъ всегда съ такимъ шутливымъ видомъ, что никакъ его разобрать нельзя, особенно если самъ захочетъ, чтобы не разобрали.

— Я вѣдь на время, на нѣсколько мѣсяцевъ, самое большое годъ въ отставкѣ пробуду, смѣялся Радомскій.

— Да надобности пѣть никакой, сколько я, по крайней мѣрѣ, знаю ваши дѣла, все еще горячился генераль.

— А помѣстья обѣхать? Сами совѣтовали; а я и за границу къ тому же хочу...

Разговоръ, впрочемъ, скоро перемѣнился; но слишкомъ особенное и все еще продолжавшееся беспокойство все-таки выходило, по мнѣнію наблюдавшаго князя, изъ мѣрки, и что-то тутъ навѣрно было особенное.

— Значитъ, „бѣдный рыцарь“ опять на сценѣ? спросилъ было Евгений Павловичъ, подходя къ Аглаѣ.

Къ изумленію князя, та оглядела его въ недоумѣніи и вопросительно, точно хотѣла дать ему знать, что и рѣчи между ними о „рыцарь бѣдномъ“ быть не могло, и что она даже не понимаетъ вопроса.

— Да поздно, поздно теперь въ городъ посыпать за Пушкинымъ, поздно! спорилъ Коля съ Лизаветой Прокофьевной, выбиваясь изъ всѣхъ силъ.—Три тысячи разъ говорю вамъ: поздно.

— Да, дѣйствительно, посыпать теперь въ городъ поздно, подвернулся и тутъ Евгений Павловичъ, поскорѣе оставляя Аглаю.— Я думаю, что и лавки въ Петербургѣ заперты, девятый часъ, подтвердила онъ, вынимая часы.

— Столько ждали, нѣ хватились, можно до завтра перетерпѣть, ввернула Аделаида.

— Да и неприлично, прибавилъ Коля, — великосвѣтскимъ людямъ очень-то литературой интересоваться. Спросите у Евгения Павлыча. Гораздо приличнѣе желтымъ шарабаномъ съ красными колесами.

— Опять вы изъ книжки, Коля! замѣтила Аделаида.

— Да онъ иначе и не говоритъ, какъ изъ книжекъ, подхватилъ Евгений Павловичъ, — цѣлыми фразами изъ критическихъ обозрѣй выражается. Я давно имѣю удовольствіе знать разговоръ Николая Ардаліоновича, но на этотъ разъ онъ говорить пе изъ книжки. Николай Ардаліоновичъ явно намекаетъ на мой желтый шарабанъ съ красными колесами. Только я ужъ его промѣнялъ, вы опоздали.

Князь прислушивался къ тому, что говорилъ Радомскій. Ему показалось, что онъ держитъ себя прекрасно, скромно, весело, и особенно понравилось, что онъ съ такимъ совершенствомъ равенствомъ и по-дружески говоритъ съ задиравшимъ его Колей.

— Что это? обратилась Лизавета Прокофьевна къ Вѣрѣ,

дочери Лебедева, которая стояла предъ ней съ п'еско́ль-
кими книгами въ рукахъ, большого формата, превосходно
переплетенными и почти новыми.

— Пушкинъ, сказала Вѣра.—Нашъ Пушкинъ. Папаша
вельзъ миъ вамъ подвести.

— Какъ такъ? Какъ это можно? удивилась Лизавета
Прокофьевна.

— Не въ подарокъ, не въ подарокъ! Не посмѣлъ бы!
выскочилъ изъ-за плеча дочери Лебедевъ.—За свою цѣну-съ.
Это собственный, семейный, фамильный нашъ Пушкинъ,
изданіе Аниенкова, которое теперь и найти нельзя, — за
свою цѣну-съ. Подношу съ благоговѣніемъ, желая продать
и тѣмъ утолить благородное петерпѣніе благороднѣйшихъ
литературныхъ чувствъ вашею превосходительства.

— А, продаешь, тѣкъ и спасибо. Своего не потеряшь,
небось; только не кривляйся, пожалуйста, батюшка. Слы-
шала я о тебѣ, ты, говорять, преначитанный, когда-нибудь
потолкуемъ: самъ, что-ли, снесешь ко мнѣ?

— Съ благоговѣніемъ и... почтительностью! кривлялся
необыкновенно довольный Лебедевъ, выхвачивая книги у
дочери.

— Ну, мнѣ только не растеряй, снеси, хоть и безъ
почтительности, но только съ уговоромъ, прибавила она,
пристально его оглядывая, — до порога только и допущу,
а принять сегодня тебя не намѣрена. Дочь Вѣру присытай
хоть сейчасъ, мнѣ она очень нравится.

— Что же вы про тѣхъ-то не скажете? нетерпѣливо
обратилась Вѣра къ отцу.—Вѣдь они, коли такъ, сами
войдутъ: шумѣть начали. Левъ Николаевичъ, обратилась
она къ князю, который взялъ уже свою шляпу, — тамъ
къ вамъ давно уже какіе-то пришли, четыре человѣка,
ждутъ у насъ и бранятся, да папаша къ вамъ не до-
пускаетъ.

— Какіе гости? спросилъ князь.

— По дѣлу, говорять, только вѣдь они такие, что не пу-
стить ихъ теперь, такъ они и дорогой остановятъ. Лучше,
Левъ Николаевичъ, пустить, а потомъ ужъ и съ плечъ
ихъ долой. Ихъ тамъ Гаврила Ардаліоновичъ и Птицынъ
уговариваются, не слушаются.

— Сынъ Павлищева, сынъ Павлищева! Не стоять, не
стостоять! махалъ руками Лебедевъ.—Ихъ и слушать не
стоитъ-съ; и беспокоить вамъ себя, сіятельныйшай князь,
для нихъ неприлично. Вотъ-съ. Не стоять они того...

— Сынъ Павлищева! Боже мой! вскричалъ князь въ чрезвычайномъ смущеніи.—Я знаю... но вѣдь я... я поручилъ это дѣло Гаврилѣ Ардаліоновичу. Сейчасъ Гаврила Ардаліоновичъ мнѣ говорилъ...

Но Гаврила Ардаліоновичъ вышелъ уже изъ юомнатъ на террасу; за нимъ слѣдоваль Птицынъ. Въ ближайшой комнатѣ засыпался шумъ и громкій голосъ генерала Иволгина, какъ бы желавшаго перекричать нѣсколько голосовъ. Коля тотчасъ же побѣжалъ на шумъ.

— Это очень интересно! замѣтилъ вслухъ Евгеній Павловичъ.

„Стало-быть, знаеть дѣло!“ подумалъ князь.

— Какой сынъ Павлищева? И... какой можетъ быть сынъ Павлищева? съ недоумѣніемъ спрашивалъ генераль Иванъ Оедоровичъ, съ любопытствомъ оглядывая всѣ лица и съ удивленіемъ замѣчая, что эта новая исторія только ему одному неизвѣстна.

Въ самомъ дѣлѣ, возбужденіе и ожиданіе было всеобщее. Князь глубоко удивился, что такое совершенно личное дѣло его уже успѣло такъ сильно всѣхъ здѣсь заинтересовать.

— Это будетъ очень хорошо, если вы сейчасъ же и сами это дѣло окончите, сказала Аглая, съ какою-то особенною серьезностью подходя къ князю, — а намъ всѣмъ позволите быть вашими свидѣтелями. Васъ хотятъ замарать, князь, вамъ надо торжественно оправдать себя, и я заранѣе ужасно рада за васъ.

— Я тоже хочу, чтобы кончилась, наконецъ, эта гнусная претензія! вскричала генеральша.—Хорошенько ихъ, князь, не щади! Мнѣ уши этимъ дѣломъ прожужжали, и я много крови изъ-за тебя испортила. Да и поглядѣть любопытно. Позови ихъ, а мы сядемъ. Аглая хорошо придумала. Вы обѣ этомъ что-нибудь слышали, князь? обратилась она къ князю Щ.

— Конечно, слышаль; у васъ же. Но мнѣ особенно на этихъ молодыхъ людей поглядѣть хочется, отвѣтилъ князь Щ.

— Это самые и есть нигилисты, что-ли?

— Нѣть-съ, они не то чтобы нигилисты, шагнулъ впередъ Лебедевъ, который тоже чуть не трясясь отъ волненія,—это другіе-съ, особенные. Мой племянникъ говорилъ, что они дальше нигилистовъ ушли-съ. Вы напрасно думаете ихъ вашимъ свидѣтельствомъ сконфузить, ваше

превосходительство; они не сконфузятся-сь. Нигилисты все-таки иногда народъ свѣдущій, даже ученый, а эти дальше пошли-сь, потому что прежде всего дѣловые-сь. Это собственно нѣкоторое послѣдствіе нигилизма, но не прямымъ путемъ, а по наслышкѣ и косвенно, и не въ статейкѣ какой-нибудь журнальной заявляютъ себя, а ужъ прямо на дѣль-сь; не о безсмысленности, напримѣръ, какого-нибудь тамъ Пушкина *дѣло* идетъ, и не насчетъ, напримѣръ, необходимости распаденія на части Россіи: иѣть-сь, а теперь уже считается прямо за право, что если очень чего-нибудь захочется, то ужъ ни предъ какими преградами не останавливаться, хотя бы пришлось уоконить при этомъ восемь персонъ-сь. Но, князь, я все-таки вамъ не совѣтоваль бы...

Но князь уже шелъ отворять дверь гостямъ.

— Вы клевещете, Лебедевъ, проговорилъ онъ, улыбаясь,—васъ очень огорчилъ вашъ племянникъ. Не вѣрюте ему, Лизавета Прокофьевна. Увѣряю васъ, что Горскіе и Даниловы только слушай, а эти только... ошибаются... Только мнѣ бы не хотѣлось здѣсь, при всѣхъ. Извините, Лизавета Прокофьевна, они войдутъ, я ихъ вамъ покажу, а потомъ уведу. Пожалуйте, господа!

Его скорѣе беспокоила другая мучительная для него мысль. Ему мерещилось: ужъ не подведено-ли кѣмъ это дѣло теперь, именно къ этому часу и времени, заранѣе, именно къ этимъ свидѣтелямъ и, можетъ-быть, для ожидаемаго срама его, а не торжества? Но ему слишкомъ грустно было за свою „чудовищную и злобную мнительность“. Онъ умеръ бы, кажется, если бы кто-нибудь узналъ, что у него такая мысль на умѣ, и въ ту минуту, какъ вошли его новые гости, онъ искренно готовъ былъ считать себя, изъ всѣхъ, которые были кругомъ его, послѣднимъ изъ послѣднихъ въ нравственномъ отношеніи.

Вошло пять человѣкъ, четыре человѣка новыхъ гостей и пятый вслѣдъ за ними генералъ Иволгинъ, разгоряченный, въ волненіи и въ сильнѣйшемъ припадкѣ краснорѣчія. „Этотъ-то за меня непремѣнно!“ съ улыбкой подумалъ князь. Коли проскользнула вмѣсть со всѣми: онъ горячо говорилъ съ Ипполитомъ, бывшимъ въ числѣ посѣтителей; Ипполитъ слушалъ и усмѣхался.

Князь разсадилъ гостей. Всѣ они были такой молоденький, такой даже несовершеннолѣтній народъ, что можно было подивиться и слушаю, и всей произошедшей

отъ него церемоніи. Иванъ Федоровичъ Епанчинъ, напримѣръ, ничего не зналъ и не понимавшій въ этомъ „новомъ дѣлѣ“, даже вознегодовалъ, смотря на такую юность, и навѣрно какъ-нибудь протестовалъ бы, если бы не остановила его странная для него горлчность его супруги къ партикулярнымъ интересамъ князя. Онъ, впрочемъ, остался отчасти изъ любопытства, отчасти по добротѣ сердца, надѣясь даже помочь и, во всякомъ случаѣ, пригодиться авторитетомъ; но поклонъ ему издали вошедшаго генерала Йолгина привелъ его снова въ негодованіе; онъ нахмурился и рѣшился упречно молчать.

Въ числѣ четырехъ молоденькихъ посѣтителей одинъ, впрочемъ, былъ лѣтъ тридцати, отставной „поручикъ изъ рогожинской компаніи, боксеръ и самъ дававшій по пятнадцати пѣлковыхъ просителямъ“. Угадывалось, что онъ сопровождаетъ остальныхъ для куража, въ качествѣ искренняго друга, и, буде окажется надобность, для поддержки. Между остальными же первое мѣсто и первую роль занималъ тотъ, за которымъ числилось название „сына Павлищева“, хоть онъ и рекомендовался Антипомъ Бурдовскимъ. Это былъ молодой человѣкъ, бѣдно и неряшливо одѣтый, въ сюртукѣ, съ засаленными до зеркального лоску рукавами, съ жирною, застегнутую доверху жилеткой, съ исчезнувшими куда-то бѣльемъ, съ чернымъ шелковымъ, замасленнымъ до-нельзя и скатаннымъ въ жгутъ, шарфомъ, съ немытыми руками, съ чрезвычайно угреватымъ лицомъ, блокурый и, если можно такъ выражаться, съ невинно-нахальнымъ взглядомъ. Онъ былъ не низкаго роста, худощавый, лѣтъ двадцати двухъ. Ни малѣйшей ироніи, ни малѣйшей рефлексіи не выражалось въ лицѣ его; напротивъ, полное, тупое упоеніе собственнымъ правомъ, и въ то же время нѣчто доходившее до странной и безпрерывной потребности быть и чувствовать себя постоянно обиженнымъ. Говорилъ онъ съ волненіемъ, торопясь и запинаясь, какъ будто не совсѣмъ выговаривая слова, точно былъ косноязычный или даже иностранецъ, хотя, впрочемъ, былъ происхожденія совершенно русскаго.

Сопровождалъ его, во-первыхъ, извѣстный читательмъ племянникъ Лебедева, а во-вторыхъ, Ипполитъ. Ипполитъ былъ очень молодой человѣкъ, лѣтъ семнадцати, можетъ быть, восемнадцати, съ умнымъ, но постоянно раздраженнымъ выражениемъ лица, на которомъ болѣзнь положила

ужасные слѣды. Онъ былъ худъ какъ скелетъ, блѣдно-желтъ, глаза его сверкали, и два красных пятна горѣли на щекахъ. Онъ безпрерывно кашлялъ; каждое слово его, почти каждое дыханіе сопровождалось хрипомъ. Видна была чахотка въ весьма сильной степени. Казалось, что ему оставалось жить не болѣе двухъ-трехъ недѣль. Опѣрь очень усталъ и прежде всѣхъ опустился на стулъ. Остальные при входѣ нѣсколько зацеремонились и чуть не сконфузились, смотрѣли однакоже важно и видимо боялись какъ-нибудь уронить достоинство, что странно не гармонировало съ ихъ репутацией отрицателей всѣхъ бесполезныхъ свѣтскихъ мелочей, предразсудковъ и чутъ-ли не всего на свѣтѣ, кромѣ собственныхъ интересовъ.

— Антипъ Бурдовскій, торопясь и запинаясь, проговорилъ „сынъ Павлищева“.

— Владимира Докторенко, ясно, отчетливо и какъ бы даже хвались, что онъ Докторенко, отрекомендовался племянникъ Лебедева.

— Келлеръ! пробормоталъ отставной поручикъ.

— Ипполитъ Терентьевъ, неожиданно, визгливымъ голосомъ провизжалъ послѣдний. Всѣ, наконецъ, разсѣлись въ рядъ на стульяхъ напротивъ князя, всѣ отрекомендовались тотчасъ же, нахмурились и для бодрости переложили изъ одной руки въ другую свои фуражки, всѣ приготовились говорить, и всѣ, однакожъ, молчали, чего-то выжиная съ вызывающимъ видомъ, въ которомъ такъ и читалось: „иѣть, братъ, врешь, не надуешь!“. Чувствовалось, что стбить только кому-нибудь для начала произнести одно только первое слово, и тотчасъ же всѣ они заговорятъ вмѣстѣ, перегоняя и перебивая другъ друга.

VIII.

— Господа, я никого изъ васъ не ожидалъ, началъ князь,—самъ я до сего дня былъ боленъ, а дѣло ваше (обратился онъ къ Антипу Бурдовскому) я еще мѣсяцъ назадъ поручилъ Гаврилѣ Ардаліоновичу Иволгину, о чемъ тогда же вѣсть увѣдомилъ. Впрочемъ, я не удаляюсь отъ личнаго объясненія, только согласитесь, такой частъ... я предлагаю пойти со мной въ другую комнату, если не надолго... Здѣсь теперь мои друзья, и повѣрьте...

— Друзья... сколько угодно, но однакоже позвольте, перебилъ вдругъ весьма наставительнымъ тономъ, хотя все еще не возвышая очень голоса, племянникъ Лебе-

дева,—позвольте же и намъ заявить, что вы могли бы съ нами поступить поучтивѣе, а не заставлять насъ два часа проходить въ вашей лакейской...

— Ну, конечно... и я... и это по-княжески! И это... вы, стало-быть, генераль! И я вамъ не лакей! И я, я... забормоталъ вдругъ въ необыкновенномъ волненіи Антипъ Бурдовскій, съ дрожащими губами, съ разобиженнымъ дрожаньемъ въ голосѣ, съ брызгами, летѣвшими изо рта, точно весь лопнулъ или прорвался, но такъ вдругъ заторопился, что съ десяти словъ его ужъ и понять нельзя было.

— Это было по-княжески! прокричалъ визгливымъ, надтреснутымъ голосомъ Ипполитъ.

— Если-бъ это было со мной, проворчалъ боксеръ,—то-есть, если-бъ это прямо ко мнѣ относилось, какъ къ благородному человѣку, то я бы на мѣстѣ Бурдовскаго... я...

— Господа, я всего съ минуту узналъ, что вы здѣсь, ей-Богу, повторилъ опять князь.

— Мы не боимся, князь, вашихъ друзей, кто бы они ни были, потому что мы въ своемъ правѣ, заявить опять племянникъ Лебедева.

— Какое, однаждѣ, позвольте васъ спросить, имѣли вы право, провизжалъ опять Ипполитъ, но уже чрезвычайно разгорячаюсь,— выставлять дѣло Бурдовскаго на судъ вашихъ друзей? Да мы, можетъ, и не желаемъ суда вашихъ друзей; слишкомъ понятно, что можетъ значить судъ вашихъ друзей!..

— Но вѣдь если вы, наконецъ, господинъ Бурдовскій, не желаете здѣсь говорить, удалось, наконецъ, вклеть князю, чрезвычайно пораженному такимъ начalomъ,—то, говорю вамъ, пойдемте сейчасъ въ другую комнату, а о васъ всѣхъ, повторяю вамъ, сию минуту только услышалъ...

— Но, права не имѣете, права не имѣете, права не имѣете!.. Вашихъ друзей... Вотъ!... залепеталъ вдругъ снова Бурдовскій, дико и опасливо осматриваясь кругомъ, и тѣмъ болѣе горячась, чѣмъ больше не довѣрялъ и дѣчился.—Вы не имѣете права.

И, проговоривъ это, рѣзко остановился, точно оборвалъ, и, безмолвно выпучивъ близорукіе, чрезвычайно выпуклые, съ красными толстыми жилками глаза, вопросительно уставился на князя, наклонившись впередъ всѣмъ своимъ корпусомъ. На этотъ разъ князь до того удивился, что и

самъ замолчалъ и тоже смотрѣлъ на него выщучивъ глаза и ни слова не говоря.

— Левъ Николаевичъ! позвала вдругъ Лизавета Прокофьевна,—вотъ прочти это сейчасъ, сю же минуту, это прямо до твоего дѣла касается.

Она торопливо протянула ему одну еженедѣльную газету изъ юмористическихъ и указала пальцемъ статью. Лебедевъ, когда еще входили гости, подскочилъ сбоку къ Лизавете Прокофьевнѣ, за милостями которой ухаживалъ, и ни слова не говоря, вынулъ изъ бокового своего кармана эту газету, подставилъ ей прямо на глаза, указывая отчеркнутый столбецъ. То, что уже успѣла прощать Лизавета Прокофьевна, поразило и взволновало ее ужасно.

— Не лучше-ли, однако, не вслухъ, пролепеталъ князь, очень смущенный,—я бы прочелъ одинъ... послѣ...

— Такъ прочти же лучше ты, читай сейчасъ, вслухъ! Вслухъ! обратилась Лизавета Прокофьевна къ Колѣ, съ нетерпѣніемъ выхвативъ изъ рукъ князя газету, до которой тотъ едва еще успѣлъ дотронуться.—Всѣмъ вслухъ, чтобы каждому было слышно.

Лизавета Прокофьевна была дама горячая и увлекающаяся, такъ что вдругъ и разомъ, долго не думая, подымала иногда всѣ якоря и пускалась въ открытое море, не справляясь съ погодой. Иванъ Федоровичъ съ беспокойствомъ пошевелился. Но покамѣстъ всѣ первую минуту поневолѣ остановились и ждали въ недоумѣніи, Коля развернулъ газету и началъ вслухъ, съ показаннаго ему подскочившимъ Лебедевымъ мѣста:

„Пролетаріи и отпрыски, этіодѣ изъ дневныхъ и все-дневныхъ грабежей! Прогрессъ! Реформа! Справедливость!“

Странная дѣла случаются на нашей, такъ-называемой святой Руси, въ нашъ вѣкъ реформъ и компанейскихъ инициативъ, вѣкъ национальности и сотенъ миллионовъ, вывозимыхъ каждый годъ за границу, вѣкъ поощренія промышленности и паралича рабочихъ рукъ и т. д., и т. д., всего не перечтешь, господа, а потому прямо къ дѣлу. Случился странный апекдотъ съ однимъ изъ отпрысковъ миновавшаго помѣщицкаго нашего барства (*de profundis!*) изъ тѣхъ, впрочемъ, отпрысковъ, которыхъ еще дѣды проигрались окончательно на рулеткахъ, отцы принуждены были служить въ юнкерахъ и поручикахъ и по обыкновенію умирали подъ судомъ за какой-нибудь невинный

прочеть въ казенной суммѣ, а дѣти которыхъ, подобно герою нашего разсказа, или растутъ идіотами, или пона-даются даже въ уголовныхъ дѣлахъ, за что, впрочемъ, въ видахъ назиданія и исправленія, оправдываются присяж-ными; или, наконецъ, кончаютъ тѣмъ, что отпускаютъ одинъ изъ тѣхъ анекдотовъ, которые дивятъ публику и позорятъ и безъ того уже довольно зазорное время наше. Нашъ отпрыскъ, назадъ тому съ полгода, обутый въ шти-блеты по-иностранныму и дрожа въ ничѣмъ не подбитой шинелишкѣ, воротился зимой въ Россію изъ Швейцаріи, гдѣ лѣчился отъ идіотизма (*sic!*). Надо признаться, что ему везло-таки счастье, такъ что онъ, ужъ и не говоря обѣ интересной болѣзни своей, отъ которой лѣчился въ Швейцаріи (ну, можно-ли лѣчиться отъ идіотизма, пред-ставьте себѣ это??!), могъ бы доказать собою вѣрность русской пословицы: „извѣстному разряду людей—счастье!“ Разсудите сами: оставшись еще груднымъ ребенкомъ по смерти отца, говорять, поручика, умершаго подъ судомъ за внезапное исчезновеніе въ картишкахъ всей ротной суммы, а, можетъ-быть, и за пересыпанную съ излишкомъ дачу розогъ подчиненному (старое-то время помните, го-спода!), нашъ баронъ взять былъ изъ милости на воспита-ніе однимъ изъ очень богатыхъ русскихъ помѣщиковъ. Этотъ русскій помѣщикъ,—назовемъ его хоть П.—владѣ-тель въ прежнее золотое время четырехъ тысячъ крѣ-постныхъ душъ (крѣпостныя души! понимаете-ли вы, го-спода такое выраженіе? Я не понимаю). Надо справляться съ толковымъ словаремъ: „свѣжо преданіе, а вѣрится съ грудомъ“, былъ, повидамому, одинъ изъ тѣхъ русскихъ лежебоковъ и тунеядцевъ, что проводили свою праздную жизнь за границей, лѣтомъ на водахъ, а зимой въ париж-скомъ Шато-де-Флѣрѣ, гдѣ и оставили въ свои вѣкъ не-объятныя суммы. Можно было положительно сказать, что по крайней мѣрѣ одна треть оброка всего прежняго крѣ-постного состоянія получалась содержателемъ парижского Шато-де-Флѣра (то-то счастливый-то человѣкъ!). Какъ бы то ни было, а беспечный П. воспиталь сиротку-барронка по-княжески, нанималъ ему гувернеровъ и гувернантокъ (безъ сомнѣнія, хорошенъкіхъ), которыхъ кстати самъ при-возилъ изъ Парижа. Но послѣдній въ родѣ барскій от-прыскъ былъ идіотъ. Шато-де-флѣрскія гувернантки не по-могли, и до двадцати лѣтъ нашъ воспитанникъ не на-учился даже говорить ни на какомъ языке, не исключая

и русского. Последнее, впрочемъ, простительно. Наконецъ, въ русскую крѣпостниковую голову П. зашла фантазія, что идіота можно научить уму въ Швейцаріи,—фантазія, впрочемъ, логическая: тунеядецъ и пропріетеръ естественно могъ вообразить, что за деньги даже и умъ на рынкѣ можно купить, тѣмъ болѣе въ Швейцаріи. Прошло пять лѣтъ изученія въ Швейцаріи у известнаго какого-то профессора, и денегъ истрачены были тысячи: идіотъ, разумѣется, умнымъ не сдѣлялся, но на человѣка, говорятъ, все-таки сталъ походить, безъ сомнѣнія, съ грѣхомъ половамъ. Вдругъ П. умираетъ скоропостижно. Завѣщанія, разумѣется, никакого: дѣла, по обыкновенію, въ беспорядкѣ, наследниковъ жадныхъ куча, и которымъ уже нѣть ни малѣйшаго дѣла до послѣднихъ въ родѣ отпрысковъ, лѣчимыхъ изъ милости отъ родового идіотизма въ Швейцаріи. Отпрыскъ, хоть и идіотъ, а все-таки попробовалъ было чадить своего профессора и два года, говорятъ, успѣлъ пролѣтиться у него даромъ, скрывая отъ него смерть своего благодѣтеля. Но профессоръ былъ самъ шарлатанъ порядочный; испугавшись, наконецъ, безденекъ, а пуще всего аппетита своего двадцатипятилѣтнаго тунеядца, онъ обулъ его въ свои старыя штиблетишкі, пода-рилъ ему свою истрапанную шинель и отправилъ его изъ милости, въ третьемъ классѣ, nach Russland,—съ плечь долой изъ Швейцаріи. Казалось бы, счастье повернулось къ нашему герою задомъ. Не тутъ-то было-сь: фортуна, убивающая голодною смертью цѣлый губерній, проливаетъ всѣ свои дары разомъ аа аристократика, какъ Крыловская Туча, пронесшаяся надъ изсохшимъ полемъ и разлившая-ся надъ океаномъ. Почти въ самое то мгновеніе, какъ явился онъ изъ Швейцаріи въ Петербургъ, умираеть въ Москвѣ одинъ изъ родственниковъ его матери (бывшей, разумѣется, изъ купчихъ), старый бездѣтный бобыль, ку-цецъ, бородачъ и раскольникъ, и оставляетъ несколько миллионовъ наследства, безспорного, круглаго, чистаго, наличнаго и (вотъ бы намъ съ вами, читатель!) все это нашему отпрыску, все это нашему барону, лѣчившемуся отъ идіотизма въ Швейцаріи! Ну, тутъ уже музыка за-играла не та. Около нашего барона въ штиблетахъ, прі-ударившаго было за одною известною красавицей-содержанкой, собралась вдругъ цѣлая толпа друзей и пріяте-лей, нашлись даже родственники, а пуще всего цѣлый толпы благородныхъ дѣвъ, алчущихъ и жаждущихъ за-

кошнаго брака, и чего же лучше: аристократъ, миллионеръ, идіотъ—всѣ качества разомъ, такого мужа и съ фонаремъ не отыщешь, и на заказъ не сдѣлаешь!..

— Это... это ужъ я не понимаю!.. вскричалъ Иванъ Федоровичъ въ высочайшей степени негодованія.

— Перестаньте, Коля! вскричалъ князь умоляющимъ голосомъ.

Раздались восклицанія со всѣхъ сторонъ.

— Читать! Читать во чѣто бы то ни стало! отрѣзала Лизавета Прокофьевна, видимо съ чрезвычайнымъ усилиемъ себя сдерживая.—Князь! Если оставлять читать—мы поссоримся.

Нечего было дѣлать, Коля, разгоряченный, красный, въ волненіи, взволнованнымъ голосомъ сталъ продолжать чтеніе.

„Но между тѣмъ какъ скороспѣлый миллионеръ нашъ находился, такъ сказать, въ эмпиреяхъ, произошло совершенно постороннее обстоятельство. Въ одно прекрасное утро является къ нему одинъ посѣтитель, съ спокойнымъ и строгимъ лицомъ, съ вѣжливою, но достойною и справедливою рѣчью, одѣтый скромно и благородно, съ видимымъ прогрессивнымъ оттенкомъ въ мысли, и въ двухъ словахъ объясняетъ причину своего визита: онъ—известный адвокатъ; ему поручено одно дѣло однимъ молодымъ человѣкомъ; онъ является отъ его имени. Этотъ молодой человѣкъ есть ни болѣе, ни менѣе какъ сынъ покойнаго П., хотя носить другое имя. Сладострастный П., обольстивъ въ своей молодости одну честную, бѣдную дѣвушку изъ дворовыхъ, по европейски воспитанную (при чемъ, разумѣется, примышались баронскія права миновавшаго крѣпостного состоянія), и замѣтивъ неминуемое, но близайшее послѣдствіе своей связи, выдалъ ее поскорѣ замужъ за одного промышляющаго и даже служащаго человѣка съ благороднымъ характеромъ, уже давно любившаго эту дѣвушку. Сначала онъ помогалъ новобрачнымъ; но скоро ему въ принятіи отъ него помочи было отказано благороднымъ характеромъ ея мужа. Прошло пѣсколько времени, и П. мало-по-малу успѣлъ забыть и о дѣвушкѣ, и о прижитомъ съ нею сынѣ своемъ, а потомъ, какъ известно, и умеръ безъ распоряженій. Между тѣмъ его сынъ, родившійся уже въ законномъ бракѣ, но возросшій подъ другою фамиліей и совершенно усыновленный благороднымъ характеромъ мужа его матери, тѣмъ не менѣе въ

свое время умершаго, остался совершенно при однихъ своихъ средствахъ и съ болѣзненною, страдающею, безъ погь, матерью въ одной изъ отдаленныхъ губерній; самъ же въ столицѣ добывалъ деньги ежедневнымъ благороднымъ трудомъ отъ купеческихъ уроковъ и тѣмъ содержалъ себя сначала въ гимназіи, а потомъ слушателемъ полезныхъ ему лекцій, имѣя въ виду дальнѣйшую цѣль. Но много-ли получишь отъ русскаго купца за уроки по гривеннику, да еще съ болѣзненною безъ ногъ матерью, которая, наконецъ, и своею смертью въ отдаленной губерніи совсѣмъ почти не облегчила его? Теперь вопросъ: какъ по справедливости долженъ быть разсудить нашъ отпрыскъ? Вы, конечно, думаете, читатель, что онъ скажетъ себѣ такъ: «Я всю жизнь мою пользовался всѣми дарами П.; на воспитаніе мое, на гувернантокъ и на излѣченіе отъ идотизма пошли десятки тысячъ въ Швейцарію; и вотъ я теперь съ миллионами, а благородный характеръ сына П., ни въ чёмъ не виноватаго въ проступкахъ своего легкомысленнаго и позабывшаго его отца, погибаетъ на урокахъ. Все то, что пошло на меня, по справедливости, должно было пойти на него. Эти громадныя суммы, на меня истраченныя, въ сущности не мои. Это была только слѣпая ошибка фортуны; онъ слѣдовали сыну П. На него должны были быть употреблены, а не на меня — порожденіе фантастической прихоти легкомысленнаго и забывчиваго П. Если бъ я былъ вполнѣ благороденъ, деликатенъ, справедливъ, то я долженъ бы былъ отдать его сыну половину всего моего наслѣдства; но такъ какъ я прежде всего человѣкъ разсчетливый и слишкомъ хорошо понимаю, что это дѣло не юридическое, то я половину моихъ миллионовъ не дамъ. Но по крайней мѣрѣ ужъ слишкомъ низко и безстыдно (отпрыскъ забылъ, что и не разсчетливо) будетъ съ моей стороны, если я не возвращу теперь тѣхъ десятковъ тысячъ, которые пошли на мой идотизмъ отъ П., его сыну. Тутъ одна только совѣсть и справедливость! Ибо что бы со мной было, если бы П. не взялъ меня на воспитаніе, а вмѣсто меня заботился бы о своемъ сыне?»

„Но, нѣтъ, господа! Наши отпрыски разсуждаютъ не такъ. Какъ ни представлялъ ему адвокатъ молодого человѣка, взявшийся хлопотать за него единственно изъ дружбы и почти противъ его воли, почти насильно, какъ ни выставлялъ предъ нимъ обязанности чести, благород-

ства, справедливости и даже простого расчета, швейцарский воспитанникъ остался непреклоненъ, и что-жъ? Это все бы еще ничего, а вотъ что уже действительно непростительно и никакою интересною болѣзнью неизвинимо: этотъ едва вышедшій изъ штиблетъ своего профессора миллионеръ не могъ даже и того смекнуть, что не милости и не вспоможенія просить отъ него благородный характеръ моллого человѣка, убивающій себя на урокахъ, а своего права и своего должнаго, хотя бы и не юридического, и даже не просить, а за него только друзья ходатайствуютъ. Съ величественнымъ видомъ и упоеніемъ отъ полученной возможности безнаказанно давить людей своими миллионами, нашъ отпрыскъ вынимаетъ пятидесяти-рублевую бумажку и посыаетъ благородному молодому человѣку въ видѣ наглаго подаянія. Вы не вѣрите, господа? Вы возмущены, вы оскорблены, вы прорываетесь крикомъ негодованія: но онъ сдѣлалъ это однакоже! Разумѣется, деньги тотчасъ же были ему возвращены, такъ сказать, брошены обратно въ лицо. Чѣмъ же остается разрѣшить это дѣло! Дѣло не юридическое, остается одна только гласность! Мы передаемъ анекдотъ этотъ публикѣ, ручаясь за его достовѣрность. Говорятъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ юмористовъ нашихъ обмолвился при этомъ воспитительной эпиграммой, достойною занять мѣсто не только въ губернскихъ, но и въ столичныхъ очеркахъ нашихъ правовъ:

„Лева *) Шнейдера **) шинелью
Пятилѣтіе играль
И обычной капителью
Время наполнилъ.
Возвратясь въ штиблетахъ узкихъ,
Милліонъ наслѣдства взялъ,
Богу молится по-русски,
А студентовъ обокралъ“.

Когда Коля кончилъ, то передалъ поскорѣй газету князю, и, ни слова не говоря, бросился въ уголъ, плотно уткнулся въ него и закрылъ руками лицо. Ему было невыносимо стыдно, и его дѣтская, еще не успѣвшая привыкнуть къ грязи, впечатлительность была возмущена даже сверхъ мѣры. Ему казалось, что произошло что-то необычайное, все разомъ разрушившее, и что чуть-ли ужъ и самъ

*) Уменьшительное имя отпрыска.

**) Имя швейцарского профессора.

онъ тому не причиной, ужъ тѣмъ однимъ, что вслухъ прочель это.

Но и вѣдь, казалось, ощущали нѣчто въ этомъ же родѣ.

Дѣвицамъ было очень неловко и стыдно. Лизавета Прокофьевна сдерживала въ себѣ чрезвычайный гневъ и тоже, можетъ-быть, горько раскаивалась, что ввязалась въ дѣло; теперь она молчала. Съ княземъ происходило то же, что часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ съ слишкомъ застѣнчивыми людьми: онъ до того застыдился чужого поступка, до того ему стало стыдно за своихъ гостей, что въ первое мгновеніе онъ и поглядѣть на нихъ боялся. Птицынъ, Варя, Ганя, даже Лебедевъ,—всѣ имѣли какъ бы нѣсколько сконфуженный видъ. Страннѣе всего, что Ипполитъ и „сынъ Павлицева“ были тоже какъ бы чѣмъ-то изумлены: племянникъ Лебедева былъ тоже видимо недоволенъ. Одинъ боксеръ сидѣлъ совершенно спокойный, покручивая усы, съ видомъ важнымъ и вѣсколько опустивъ глаза, по не отъ смущенія, а напротивъ, казалось, какъ бы изъ благородной скромности и отъ слишкомъ очевиднаго торжества. По всему видно было, что статья ему чрезвычайно нравится.

— Это чортъ знаетъ что такое, проворчалъ вполноголоса Иванъ Федоровичъ,—точно пятьдесятъ лакеевъ вмѣсть собирались сочинять и сочивили.

— А па-азвольте спросить милостивый государь, какъ можете вы оскорблять подобными предположеніями? заявилъ и весь затрепеталъ Ипполитъ.

— Это, это, это для благороднаго человѣка... согласились сами, генераль, если благородный человѣкъ, то это ужъ оскорбительно! проворчалъ боксеръ, тоже вдругъ съ чего-то встрепенувшись, покручивая усы и подергивая плечами и корпусомъ.

— Во-первыхъ, я вамъ не „милостивый государь“, а во-вторыхъ, я вамъ никакого объясненія давать не намѣренъ, рѣзко отвѣтилъ ужасно разгорячившійся Иванъ Федоровичъ, всталъ съ мѣста, и, не говоря ни слова, отошелъ къ выходу съ террасы и сталъ на верхней ступенькѣ, спиной къ публикѣ,—въ величайшемъ негодованіи на Лизавету Прокофьевну, даже и теперь не думавшую трогаться съ своего мѣста.

— Господа, господа, позвольте же, наконецъ, господа, говорить, въ тоскѣ и въ волненіи воскликнулъ князь,—и сдѣлайте одолженіе, будемте говорить такъ, чтобы пони-

мать другъ друга. Я ничего, господа, насчетъ статьи, пускай; только вѣдь это, господа, все неправда, что въ статьѣ напечатано: я потому говорю, что вы сами это знаете; даже стыдно. Такъ что я рѣшительно удивляюсь, если это изъ васъ кто-нибудь написалъ.

— Я ничего до этой самой минуты не зналъ про эту статью, заявилъ Ипполитъ.—Я не одобряю эту статью.

— Я хотя и зналъ, что она написана, но... я тоже не соѣтовалъ бы печатать, потому что рано, прибавилъ племянникъ Лебедева.

— Я зналъ, но я имѣю право... я... забормоталъ „сынъ Павлищева“.

— Какъ! Вы сами все это сочинили? спросилъ князь, съ любопытствомъ смотря на Бурдовскаго.—Да быть же не можетъ!

— Можно однакоже и не признавать вашего права къ подобнымъ вопросамъ, вступилъ племянникъ Лебедева.

— Я вѣдь только удивился, что г-ну Бурдовскому удалось... но... я хочу сказать, что если вы уже предали это дѣло гласности, то почему же вы давеча такъ обидѣлись, когда я при друзьяхъ моихъ обѣ этомъ же дѣлѣ заговорилъ?

— Наконецъ-то! пробормотала въ негодованіи Лизавета Прокофьевна.

— И даже, князь, вы изволили позабыть, проскользнуль вдругъ между стульями не утерпѣвшій Лебедевъ, чутъ не въ лихорадкѣ,— изволили позабыть-сь, что одна только добрая воля ваша и безпримѣрная доброта вашего сердца была ихъ принять и прослушать, и что никакого они права не имѣютъ такъ требовать, тѣмъ болѣе, что вы дѣло это уже поручили Гаврилѣ Ардаліоновичу, да и то тоже по чрезвычайной добротѣ вашей такъ поступили, а что теперь, сіятельнейшій князь, оставаясь среди избранныхъ друзей вашихъ, вы не можете жертвовать такою компаніей для этихъ господъ-сь, и могли бы всѣхъ этихъ господъ, такъ сказать, сей же часъ проводить съ крыльца-сь, такъ что я, въ качествѣ хозяина дома, съ чрезвычайнымъ даже удовольствиемъ-сь...

— Совершенно справедливо! прогремѣлъ вдругъ изъ глубины комнаты генералъ Иволгинъ.

— Довольно, Лебедевъ, довольно, довольно... началъ было князь, но цѣлый взрывъ негодованія покрылъ его слова.

— Нѣть, извините, князь, извините, теперь ужъ этого не довольно! почти перекричать всѣхъ племянникъ Лебедева.—Теперь надо дѣло ясно и твердо постановить, потому что его видимо не понимаютъ. Тутъ юридические крючки замыкались, и на основаніи этихъ крючковъ намъ угрожаютъ вытолкнуть нась съ крыльца! Да неужели же, князь, вы почитаете нась до такой же степени дураками, что мы и сами не понимаемъ, до какой степени наше дѣло не юридическое, и что если разбирать юридически, то мы и одного цѣлковаго съ васъ не имѣемъ права потребовать по закону? Но мы именно понимаемъ, что если тутъ нѣть права юридического, то зато есть право человѣческое, натуральное; право здраваго смысла и голоса совѣсти, и пусть это право наше не записано ни въ какомъ гигионѣ человѣческому кодексѣ, но благородный и честный человѣкъ, то-есть все равно что здравомыслящій человѣкъ, обязанъ оставаться благороднымъ и честнымъ человѣкомъ даже и въ тѣхъ пунктахъ, которые не записаны въ кодексахъ. Потому-то мы и вошли сюда, не боясь, что нась сбросятъ съ крыльца (какъ вы угрожали сейчасъ) за то только, что мы *не просимъ*, а *требуемъ*, и за *неприличіе* визита въ такой поздній часъ (хотя мы пришли и не въ поздній часъ, а вы же нась въ лакейской прождать заставили), потому-то, говорю, и пришли ничего не боясь, что предположили въ васъ именно человѣка съ здравымъ смысломъ, то есть съ честью и совѣстью. Да, это правда, мы вошли не смиренno, не какъ прихлебатели и искатели ваши, а поднявъ голову, какъ свободные люди, и отнюдь не съ просьбой, а съ свободнымъ и гордымъ требованіемъ (слышите, не съ просьбой, а требованіемъ, зарубите себѣ это!). Мы съ достоинствомъ и прямо ставимъ предъ вами вопросъ: признаете-ли вы себя въ дѣлѣ Бурдовскаго правымъ или неправымъ? Признаете-ли вы себя облагодѣтельствованнымъ и даже, можетъ быть, спасеннымъ отъ смерти Павлищевымъ? Если признаете (что очевидно), то намѣрены-ли вы, или находите-ли вы справедливымъ по совѣсти, въ свою очередь получивъ миллионы, вознаградить нуждающагося сына Павлищева, хотя бы онъ и носилъ имя Бурдовскаго? Да или нѣть? Если да, то-есть, другими словами, если въ васъ есть то, что вы называете на языкѣ вашемъ честью и совѣстью, и что мы точнѣе обозначаемъ названіемъ здраваго смысла, то удовлетворите нась, и дѣло съ концомъ. Удо-

влетворите безъ просьбъ и безъ благодарностей съ нашей стороны, не ждите ихъ отъ нась, потому что вы дѣлаете не для нась, а для справедливости. Если же вы не захотите нась удовлетворить, то-есть отвѣтите иль, то мы сейчасъ уходимъ, и дѣло прекращается; вамъ же въ глаза говоримъ, при всѣхъ вашихъ свидѣтеляхъ, что вы человѣкъ съ умомъ грубымъ и съ развитиемъ низкимъ; что называться впредь человѣкомъ съ честью и совѣстью вы не смыте и не имѣете права, что это право вы слишкомъ дешево хотите купить. Я кончилъ. Я поставилъ вопросъ. Говорите же теперь нась съ крыльца, если смыте. Вы можете это сдѣлать, вы въ силѣ. Но вспомните, что мы все-таки требуемъ, а не просимъ. Требуемъ, а не просимъ.

Племянникъ Лебедева, очень разгорячившійся, остановился.

— Требуемъ, требуемъ, требуемъ, а не просимъ.. залепеталъ Бурдовскій и покраснѣлъ какъ ракъ.

Послѣ словъ племянника Лебедева послѣдовало нѣкоторое всеобщее движение и поднялся даже ропотъ, хотя во всемъ обществѣ всѣ видимо избѣгали вмѣшиваться въ дѣло, кроме развѣ одного только Лебедева, бывшаго точно въ лихорадкѣ. (Странное дѣло: Лебедевъ, очевидно стоявшій за князя, какъ будто ощущалъ теперь нѣкоторое удовольствіе фамильной гордости послѣ рѣчи своего племянника; по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторымъ особыеннымъ видомъ довольства оглядѣлъ всю публику).

— По моему мнѣнію, началъ князь довольно тихо, — по моему мнѣнію, вы, господинъ Докторенко, во всемъ томъ, что сказали сейчасъ, наполовину совершенно правы, даже я согласенъ, что на гораздо большую половину, и я бы совершенно былъ съ вами согласенъ, если бы вы не пропустили чего-то въ вашихъ словахъ. Чѣмъ именно вы тутъ пропустили, я не въ силахъ и не въ состояніи вамъ точно выразить, но для полной справедливости въ вашихъ словахъ, конечно, чего-то недостаетъ. Но обратимся лучше къ дѣлу, господа, скажите, для чего напечатали вы эту статью? Вѣдь тутъ что ни слово, то клевета; такъ что вы, господа, по-моему, сдѣлали пизость.

— Позвольте!..

— Милостивый государь!..

— Это... это... это... послышалось разомъ со стороны взволнованныхъ гостей.

— Насчетъ статьи, визгливо подхватилъ Ишполитъ, —

насчетъ этой статьи я уже вами сказаъ, что я и другое не одобряемъ ея! Написалъ ее вотъ онъ (онъ указаъ нарядомъ сидѣвшаго съ нимъ боксера), написалъ неприлично, согласенъ, написалъ безграмотно и слогомъ, которымъ пишутъ такие же какъ и онъ отставные. Онъ глупъ и сверхъ того иромышленникъ, я согласенъ, я это прямо ему и въ глаза каждый день говорю, но все-таки наполовину онъ былъ въ своемъ иправѣ: гласность есть законное право всякаго, а, стало-быть, и Бурдовскаго. За петѣности же свои пусть самъ отвѣтчаетъ. Что же касается до того, что я отъ лица всѣхъ протестовалъ давеча насчетъ присутствія вашихъ друзей, то считаю нужнымъ вамъ, милостивые государи, объяснить, что я протестовалъ единственно, чтобы заявить наше право, но что въ сущности мы даже желаемъ, чтобы были свидѣтели, и давеча, еще не входя сюда, мы всѣ четверо въ этомъ согласились. Кто бы ни были ваши свидѣтели, хотя бы и ваши друзья, но такъ какъ они не могутъ не согласиться съ правомъ Бурдовскаго (потому что оно, очевидно, математическое), то даже еще и лучше, что эти свидѣтели — ваши друзья; еще очевиднѣе представится истина.

— Это правда, мы таъ согласились, подтвердили племянникъ Лебедева.

— Такъ изъ-за чего же давеча съ первыхъ словъ такой крикъ и шумъ выпелъ, если вы такъ и хотѣли! удивился князь.

— А насчетъ статьи, князь, ввернуль боксеръ, ужасно желавшій вставить свое словцо и пріятно оживляясь (можно было подозрѣвать, что на него видимо и сильно дѣйствовало присутствіе дамъ),—насчетъ статьи, то, признаюсь, что дѣйствительно авторъ я, хотя болѣзnenный мой пріятель, которому я привыкъ прощать по его разслабленію, сейчасъ и раскритиковалъ ее. Но сочинялъ я и напечаталъ въ журналѣ искренняго друга въ видѣ корреспонденціи. Одни только стихи дѣйствительно не мои, и дѣйствительно принадлежать перу извѣстнаго юмориста. Бурдовскому я только прочелъ, и то не все, и тотчасъ отъ него получилъ согласіе напечатать, но согласитесь, что я могъ печатать и безъ согласія. Гласность есть право всеобщее, благородное и благодѣтельное. Надѣюсь, что вы сами, князь, до того прогрессивны, что не станете этого отрицать...

— Ничего не стану отрицать, но согласитесь, что въ вашей статьѣ...

— Рѣзко, хотите сказать? Но вѣдь тутъ, такъ сказать, польза обществу, согласитесь сами, и, наконецъ, возможно-ли пропустить вызывающій случай? Тѣмъ хуже виновныи, но польза обществу прежде всего. Что же касается до иѣкоторыхъ неточностей, такъ сказать, гиперболъ, то согласитесь и въ томъ, что прежде всего инициатива важна, прежде всего цѣль и намѣреніе; важенъ благодѣтельный примѣръ, а уже потомъ будемъ разбирать частные случаи, и, наконецъ, тутъ слогъ, тутъ, такъ сказать, юмористическая задача, и, наконецъ, — всѣ такъ иишуть, согласитесь сами! Ха-ха!

— Да совершенно ложная дорога! Увѣряю васъ, господа, вскричалъ князь,—вы напечатали статью въ томъ предположеніи, что я ни за что не соглашусь удовлетворить г. Бурдовскаго, а, стало-быть, чтобы меня за это напугать и чѣмъ-нибудь отмстить. Но почему вы знали: я, можетъ-быть, и рѣшилъ удовлетворить Бурдовскаго. Я вамъ прямо, при всѣхъ теперь заявляю, что я удовлетворю...

— Вотъ, наконецъ, умное и благородное слово умнаго и благороднѣйшаго человѣка! провозгласилъ боксеръ.

— Господи! вырвалось у Лизаветы Прокофьевны.

— Это невыносимо! пробормоталъ генералъ.

— Позвольте же, господа, позвольте, я изложу дѣло, умолялъ князь.— Недѣль пять назадъ ко мнѣ явился въ З. уполномоченный и ходатай вашъ, господинъ Бурдовскій, Чебаровъ. Вы его ужъ очень лестно описали, господинъ Келлеръ, въ вашей статьѣ, обратился князь, вдругъ засмѣявшись, къ боксеру, — но онъ мнѣ совсѣмъ не понравился. Я только понялъ съ первого разу, что въ этомъ Чебаровѣ все главное дѣло и заключается, что, можетъ-быть, онъ-то и подучилъ васъ, господинъ Бурдовскій, воспользовавшись вашею простотой, начать это все, если говорить откровенно.

— Это вы не имѣете права... я... не простой... это... залепеталъ въ волненіи Бурдовскій.

— Вы не имѣете никакого права дѣлать такія предположенія, назидательно вступилъ влемянникъ Лебедева.

— Это въ высшей степени обидно! завизжалъ Чипполитъ. — Предположеніе обидное, ложное и не идущее къ дѣлу.

— Виноватъ, господа, виновать, торопливо повинился князь,—пожалуйста, извините; это потому, что мнѣ подумалось, что не лучше-ли намъ быть совершенно откровенными другъ съ другомъ; но ваша воля, какъ хотите. Я Чебарову сказалъ, что такъ какъ я не въ Петербургѣ, то немедленно уполномочиваю пріятеля повести это дѣло, а васъ, господинъ Бурдовскій, о томъ извѣщу. Я прямо вамъ скажу, господа, что мнѣ показалось это дѣло самыи мошенническимъ, именно потому, что тутъ Чебаровъ... Охъ, не обижайтесь, господа! Ради Бога, не обижайтесь! испуганно вскричалъ князь, видя снова проявленіе обиднаго смиренія Бурдовскаго, волненіе и протестъ въ его друзьяхъ.—Это не можетъ до васъ относиться лично, если я говорю, что считалъ это дѣло мошенническимъ! Вѣдь я никого изъ васъ не зналъ тогда лично, и фамиліи вашихъ не зналъ; я судилъ по одному Чебарову; я говорю вообще, потому что... если бы вы знали только, какъ меня ужасно обманывали съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ наслѣдство!

— Князь, вы ужасно наивны, насыщливо замѣтилъ племянникъ Лебедева.

— При этомъ—князь и миллионеръ! При вашемъ, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ доброму и простоватому сердцѣ, вы все-таки не можете, конечно, избавиться отъ общаго закона, провозгласилъ Ипполитъ.

— Можетъ быть, очень можетъ быть, господа, торопился князь,—хоть я не понимаю, про какой вы общий законъ говорите; по я продолжаю, не обижайтесь только напрасно; клянусь, я не имѣю ни малѣйшаго желанія васъ обидѣть. И чѣмъ это въ самомъ дѣлѣ, господа: ни одного-то слова нельзѧ сказать искренно, тотчасъ же вы обижаетесь! Но, во-первыхъ, меня ужасно поразило, что существуетъ „сынъ Павлищева“, и существуетъ въ такомъ ужасномъ положеніи, какъ объяснилъ мнѣ Чебаровъ. Павлищевъ, мой благодѣтель и другъ моего отца. (Ахъ, зачѣмъ вы такую неправду написали, господинъ Келлеръ, въ вашей статьѣ про моего отца? Никакой расстраты ротной суммы и никакихъ обидъ подчиненнымъ не было,—въ этомъ я положительно убѣждена, и какъ у васъ рука поднялась такую клевету написать?). А то, что вы написали про Павлищева, то ужъ совершенно невыносимо: вы называете этого благороднѣйшаго человѣка сладострастнымъ и легкомысленнымъ такъ смѣло, такъ

положительно, какъ будто вы и въ самомъ дѣлѣ говорите правду, а между тѣмъ это былъ самый цѣломудренный человѣкъ, какіе были на свѣтѣ! Это былъ даже замѣчательный ученый; онъ былъ корреспондентомъ многихъ уважаемыхъ людей въ наукѣ и много денегъ въ помощь науки употребилъ. Что же касается до его сердца, до его добрыхъ дѣлъ, о, конечно, вы справедливо написали, что я тогда былъ почти идіотомъ и ничего не могъ понимать (хотя я по-русски все-таки говорилъ и могъ понимать), но вѣдь могу же я оцѣнить все что теперь припоминаю...

— Позвольте, визжалъ Ипполитъ,—не слишкомъ-ли это будетъ чувствительно? Мы не дѣти. Вы хотѣли идти прямо къ аѣлу, десятый часть, это вспомните.

— Извольте, извольте, господа, тотчасъ же согласился князь. — Послѣ первой недовѣрчивости, я рѣшилъ, что я могу ошибаться, и что Павлищевъ дѣйствительно могъ имѣть сына. Но меня поразило ужасно, что этотъ сынъ такъ легко, то-есть, я хочу сказать, такъ публично выдаетъ секретъ своего рожденія и, главное, позорить свою мать. Потому что Чебаровъ уже и тогда пугалъ меня гласностію...

— Какая глупость! закричалъ племянникъ Лебедева.

— Вы не имѣете права... не имѣете права! вскричалъ Бурдовскій.

— Сынъ не отвѣчаетъ за развратный поступокъ отца, а мать не виновата, съ жаромъ провизжалъ Ипполитъ.

— Тѣмъ скорѣе, казалось бы, надо было щадить... робко проговорилъ князь.

— Вы, князь, не только наивны, но, можетъ - быть, еще и подальше пошли, злобно усмѣхнулся племянникъ Лебедева.

— И какое право имѣли вы!.. завизжалъ самымъ неестественнымъ голосомъ Ипполитъ.

— Никакого, никакого! поспѣшно перебилъ князь.—Въ этомъ вы правы, признаюсь, но это было невольно, и я тотчасъ же сказалъ себѣ тогда же, что мои личныя чувства не должны имѣть вліянія на дѣло, потому что если я самъ себя признаю уже обязаннымъ удовлетворить требования господина Бурдовскаго, во имя чувствъ моихъ къ Павлищеву, то долженъ удовлетворить въ какомъ бы то ни было случаѣ, то-есть уважалъ бы или не уважалъ бы я господина Бурдовскаго. Я потому только, господа, на-

чаль объ этомъ, что мнѣ все-таки показалось неестественнымъ, что сынъ такъ публично открываетъ секретъ своей матери... Однимъ словомъ, я, главное, поэтому и убѣдился, что Чебаровъ долженъ быть каналья и самъ на-устиль господина Бурдовскаго, обманомъ, на такое мошенничество.

— Но вѣдь это ужъ невыносимо! раздалось со стороны его гостей, изъ которыхъ некоторые даже повскакали со стульевъ.

— Господа! Да я потому-то и рѣшилъ, что несчастный господинъ Бурдовскій долженъ быть человѣкъ простой, беззащитный, человѣкъ, легко подчиняющійся мошенникамъ, стало-быть, тѣмъ пуще я обязанъ былъ помочь ему, какъ „сыну Павлищева“,—во-первыхъ, противодѣйствиемъ господину Чебарову, во-вторыхъ, мою преданностью и дружбой, чтобы его руководить, а въ-третьихъ, назначилъ выдать ему десять тысячъ рублей, то-есть, все, чтѣ, по расчету моему, могъ истратить на меня Павлищевъ деньгами...

— Какъ! Только десять тысячъ! закричалъ Ипполитъ.

— Ну, князь, вы очень не сильны въ ариеметикѣ, или ужъ очень сильны, хоть и представляетесь простячкомъ! вскричалъ племянникъ Лебедева.

— Я на десять тысячъ не согласенъ, сказалъ Бурдовскій.

— Антипъ, согласись! скорымъ и явственнымъ шопотомъ подсказалъ боксеръ, перегнувшись сзади черезъ спинку стула Ипполита. — Согласись, а потомъ послѣ увидимъ!

— Па-аслушайте, господинъ Мышкинъ, визжалъ Ипполитъ,—поимите, что мы не дураки, не пошлые дураки, какъ думаютъ, вѣроятно, о насъ всѣ ваши гости и эти дамы, которыхъ съ такимъ негодованіемъ на насъ усмѣхаются, и особенно этотъ велико-свѣтскій господинъ (онъ указалъ на Евгения Павловича), котораго я, разумѣется, не имѣю чести знать, но о которомъ, кажется, кое-что слышалъ...

— Позвольте, позвольте, господа, вы опять меня не поняли! въ волненіи обращался къ нимъ князь.—Во-первыхъ, вы, господинъ Келлеръ, въ вашей статьѣ чрезвычайно не точно обозначили мое состояніе: никакихъ миллионовъ я не получалъ: у меня, можетъ-быть, только восьмая или десятая доля того, что вы у меня предполагаете; во-вторыхъ, никакихъ десятковъ тысячъ на меня въ Швейцаріи истрачено не было: Шнейдеръ получалъ по

шестисотъ рублей въ годъ, да и то всего только первые три года, а за хорошенькими гувернантками въ Парижъ Павлищевъ никогда не ъздилъ; это опять клевета. Помоему, на меня далеко еще менѣше десяти тысячъ всего истрачено, но я положилъ десять тысячъ, и, согласитесь сами, что, отдавая долгъ, я никакъ не могъ предлагать господину Бурдовскому болѣе, даже если бъ я его ужасно любилъ, и не могъ уже по одному чувству деликатности, именно потому, что я отдавалъ ему долгъ, а не посыпалъ ему подаяніе. Я не знаю, господа, какъ вы этого не понимаете! Но я все это хотѣлъ вознаградить потомъ мою дружбой, моимъ дѣятельнымъ участіемъ въ судьбѣ несчастнаго господина Бурдовского, очевидно обманутаго, потому что не могъ же онъ самъ, безъ обмана, согласиться на такую низость, какъ, напримѣръ, сегодняшняя огласка въ этой статьѣ господина Келлера про его мать... Да что вы, наконецъ, опять выходите изъ себя, господа! Вѣдь, наконецъ, мы совершенно не будемъ понимать другъ друга! Вѣдь вышло же на мое! Я теперь собственными глазами убѣдился, что моя догадка была справедлива, убѣждалъ разгоряченный князь, желая утишить волненіе и не замѣчая того, что только его увеличивалъ.

— Какъ? Въ чёмъ убѣдились? приступали къ нему чуть не съ остервенѣniемъ.

— Да помилуйте, во-первыхъ, я успѣлъ самъ отлично разглядѣть господина Бурдовского, я вѣдь вижу самъ теперь, каковъ онъ... Это человѣкъ невинный, но котораго всѣ обманываютъ! Человѣкъ беззащитный... и потому-то я и долженъ его щадить, а во-вторыхъ, Гаврила Ардаліоновичъ,—которому поручено было дѣло и отъ котораго я давно не получалъ извѣстій, такъ какъ былъ въ дорогѣ и три дня потомъ боленъ въ Петербургѣ,—вдругъ теперь, всего часъ назадъ, при первомъ нашемъ свиданіи, сообщаєтъ мнѣ, что намѣренія Чебарова всѣ онъ раскусилъ, имѣеть доказательства, и что Чебаровъ именно то, чѣмъ я его предположилъ. Я вѣдь знаю же, господа, что меня многіе считаютъ идіотомъ, и Чебаровъ, по репутаціи моей, что я деньги отдаю легко, думалъ очень легко меня обмануть, и именно разсчитывая на мои чувства къ Павлищеву. Но главное то,—да дослушайте же, господа, дослушайте!—главное то, что теперь вдругъ оказывается, что господинъ Бурдовский вовсе и не сынъ Павлищева! Сейчасъ Гаврила Ардаліоновичъ сообщилъ мнѣ это иувѣ-

ряеть, что досталъ доказательства положительныя. Ну, какъ вамъ это покажется, вѣдь повѣрить невозможно послѣ всего того, что уже натворили! И слушайте: положительные доказательства! Я еще не вѣрю, самъ не вѣрю, увѣряю васъ; я еще сомнѣваюсь, потому что Гаврила Ардановицъ не успѣлъ еще сообщить мнѣ всѣхъ подробностей, но что Чебаровъ каналья, то вѣдь этомъ уже иѣтъ теперь никакого сомнѣнія! Онъ и несчастнаго господина Бурдовскаго, и васъ всѣхъ, господа, которые благородно пришли поддержать вашего друга (такъ какъ онъ вѣдь поддержкѣ очевидно нуждается, вѣдь я понимаю же это!), онъ всѣхъ васъ надулъ и всѣхъ васъ запуталъ въ случаѣ мошенническій, потому что вѣдь это въ сущности плутовство, мошенничество!

— Какъ мошенничество!.. Какъ не „сынъ Павлищева“?.. Какъ это можно!.. раздавались восклицанія.

Вся компания Бурдовскаго была вѣдь невыразимомъ смятѣніи.

— Да, разумѣется, мошенничество! Вѣдь если господинъ Бурдовскій окажется теперь не „сынъ Павлищева“, то вѣдь вѣдь въ такомъ случаѣ требованіе господина Бурдовскаго выходить прямое мошенническое (то-есть, разумѣется, если бъ онъ зналъ истину!), но вѣдь вѣдь въ томъ-то и дѣло, что его обманули, потому-то я и настаиваю, чтобы его оправдать; потому-то я и говорю, что онъ достопочтенный сожалѣнія, по своей простотѣ, и не можетъ быть безъ поддержки; иначе вѣдь онъ тоже выйдетъ по этому дѣлу мошенникомъ. Да вѣдь я уже самъ убѣжденъ, что онъ ничего не понимаетъ! Я самъ тоже былъ въ такомъ положеніи до отѣзда въ Швейцарію, также лепеталъ безсвязныя слова,—хочешь выразиться и не можешь... Я это понимаю; я могу очень сочувствовать, потому что я самъ почти такой же, мнѣ позволительно говорить! И, наконецъ, я все-таки,—несмотря на то, что уже иѣтъ теперь „сына Павлищева“, и что все это оказывается мистификацией,— я все-таки не измѣняю своего рѣшенія и готовъ возвратить десять тысячъ, вѣдь память Павлищева. Я вѣдь хотѣлъ же до господина Бурдовскаго эти десять тысячъ на школу употребить, вѣдь память Павлищева, но вѣдь теперь это все равно будетъ, что на школу, что господину Бурдовскому, потому что господинъ Бурдовскій, если и не „сынъ Павлищева“, то вѣдь почти какъ „сынъ Павлищева“: потому что вѣдь его самого такъ злобно обманули;

онъ самъ искренно считалъ себя сыномъ Гавлищева! Выслушайте же, господа, Гаврилу Ардаліоновича, кончимъ это, не сердитесь, не волнуйтесь, садитесь! Гаврила Ардаліоновичъ сейчасъ намъ все это объяснить, и я, признаюсь, чрезвычайно желаю самъ узнать всѣ подробности. Онъ говорилъ, что ѿзилъ даже въ Псковъ къ вашей матушкѣ, господинъ Бурдовскій, которая вовсе не умирала, какъ васъ заставили въ статьѣ написать... Садитесь, господа, садитесь!

Князь сѣлъ и успѣлъ снять посадить повсакавшую съ мѣста компанію господина Бурдовскаго. Въ послѣднія десять или двадцать минутъ онъ говорилъ разгорячившись, громко, нетерпѣливо скороговоркой, увлекшись, стараясь всѣхъ переговорить, перекричать, и ужъ, конечно, пришлось ему потомъ горько раскаяться въ иныхъ вырвавшихся у него теперь словечкахъ и предположеніяхъ. Если бы не разгорячили и не вывели его почти изъ себя,—не позволилъ бы онъ себѣ такъ обнаженно и торопливо высказать вслухъ иныхъ догадки свои и излишнія откровенности. Но только что сѣлъ онъ на мѣсто, какъ одно жгучее раскаяніе до боли пронзило его сердце: кромѣ ужъ того, что онъ „обидѣлъ“ Бурдовскаго, такъ гласно предположивъ и въ немъ ту же болѣзнь, отъ которой самъ лѣчился въ Швейцаріи,—кромѣ того, предложеніе десяти тысячъ, вмѣсто школы, было сдѣлано, по его мнѣнію, грубо и неосторожно, какъ подаяніе, и именно тѣмъ, что при людяхъ вслухъ было высказано. „Надо было бы переждать и предложить завтра наединѣ,—тотчасъ же подумалъ князь,—а теперь, пожалуй, ужъ не поправишь! Да, я идіотъ, истинный идіотъ!“ рѣшилъ онъ про себя въ припадкѣ стыда и чрезвычайного огорченія.

Между тѣмъ, Гаврила Ардаліоновичъ, до сихъ поръ державшійся въ сторонѣ и молчавшій упорно, вышелъ по приглашенію князя впередъ, сталь подле него, и спокойно и ясно принялъ излагать отчетъ по порученному ему княземъ дѣлу. Всѣ разговоры умолкли мгновенно. Всѣ слушали съ чрезвычайнымъ любопытствомъ, особенно вся компанія Бурдовскаго.

IX.

— Вы не станете, конечно, отрицать, началъ Гаврила Ардаліоновичъ, прямо обращаясь къ слушавшему его изъ

всѣхъ силъ Бурдовскому, выкатившему на него отъ удивленія глаза и, очевидно, бывшему въ сильномъ смутеніи,—вы не станете, да и не захотите, конечно, отрицать серьезно, что вы родились ровно два года спустя послѣ законнаго брака уважаемой матушки вашей съ коллежскимъ секретаремъ господиномъ Бурдовскимъ, отпомъ вашимъ. Время рожденія вашего слишкомъ легко доказать фактически, такъ что слишкомъ обидное для васъ и для матушки вашей искаженіе этого факта въ статьѣ господина Келлера объясняется одною только игривостью собственной фантазіи господина Келлера, полагавшаго усилить этимъ очевидность вашего права и тѣмъ помочь интересамъ вашимъ. Господинъ Келлеръ говоритъ, что предварительно читалъ вамъ статью, хоть и не всю... безъ всякаго сомнѣнія, онъ не дочиталъ вамъ до этого мѣста...

— Не дочиталъ, дѣйствительно, прерваль боксеръ,—но всѣ факты сообщены были мнѣ компетентнымъ лицомъ, и я...

— Извините, господинъ Келлеръ, остановилъ его Гаврила Ардаліоновичъ,—позвольте мнѣ говорить. Уѣряю васъ, что до вашей статьи дойдетъ дѣло въ свою очередь, тогда вы и заявите ваше объясненіе, а теперь будемъ лучше продолжать по порядку. Совершенно случайно, при помощи сестры моей, Варвары Ардаліоновны Птицыной, я досталъ отъ короткой пріятельницы ея, Вѣры Алексѣевны Зубковой, помѣщицы и вдовы, одно письмо покойнаго Николая Андреевича Павлищева, писанное къ ней отъ него двадцать четыре года назадъ изъ-за границы. Сблизившись съ Вѣрой Алексѣевной, я, по ея указанію, обратился къ отставному полковнику Тимоѳею Федоровичу Вязовкину, дальнему родственнику и большому въ свое время пріятелю съ господиномъ Павлищевымъ. Отъ него мнѣ удалось достать еще два письма Николая Андреевича, тоже писанныя изъ-за границы. По этимъ тремъ письмамъ, по числамъ и по фактамъ, въ нихъ обозначеннымъ, доказывается математически, безо всякой возможности опроверженія и даже сомнѣнія, что Николай Андреевичъ выѣхалъ тогда за границу (гдѣ и пробылъ сряду три года) ровно за полтора года до вашего рожденія, господинъ Бурдовский. Ваша матушка, какъ известно вамъ, никогда изъ Россіи не выѣзжала. Въ настоящую минуту я не стану читать этихъ писемъ. Теперь уже поздно; я только заявляю, во всякомъ случаѣ, фактъ. Но если вамъ угодно,

господинъ Бурдовскій, назначить хоть завтра же утромъ у меня свиданіе и привести вашихъ свидѣтелей (въ какомъ угодно числѣ) и экспертовъ для сличенія почерка, то для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что вамъ нельзя будетъ не убѣдиться въ очевидной истинѣ сообщеннаго мною факта. Если же такъ, то, разумѣется, все это дѣло падаетъ и само собою прекращается.

Опять послѣдовало всеобщее движеніе и глубокое волненіе. Самъ Бурдовскій вдругъ всталъ со стула.

— Если такъ, то я былъ обманутъ, обманутъ, но не Чебаровыи, а давно-давно; не хочу экспертовъ, не хочу свиданія, я вѣрю, я отказываюсь... десять тысячъ не согласенъ... прощайте...

Онъ взялъ фуражку и отодвинулъ стулъ, чтобы уйти.

— Если можете, господинъ Бурдовскій, тихо и сладко остановилъ его Гаврила Ардаліоновичъ, — то останьтесь еще минутъ хоть на пять. По этому дѣлу обнаруживается еще иѣсколько чрезвычайно важныхъ фактовъ, особенно для васъ, во всякомъ случаѣ, весьма любопытныхъ. По мнѣнію моему, вамъ нельзя не познакомиться съ ними, и самимъ вамъ, можетъ-быть, пріятнѣе станетъ, если дѣло будетъ совершенно разъяснено...

Бурдовскій усѣлся молча, немного опустивъ голову, и какъ бы въ сильной задумчивости. Усѣлся вслѣдъ за нимъ и племянникъ Лебедева, тоже вставшій было его сопровождать; этотъ хоть и не потерялъ головы и смѣлости, но видимо былъ озадаченъ сильно. Ипполитъ былъ нахмуренъ, грустенъ и какъ бы очень удивленъ. Въ эту минуту, впрочемъ, онъ до того сильно закашлялся, что даже замаралъ свой платокъ кровью. Боксеръ былъ чуть не въ испугѣ:

— Эхъ, Антипъ! крикнулъ онъ съ горечью.—Вѣдь говорилъ я тебѣ тогда... третьяго дня, что ты, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ не сынъ Павлищева!

Раздался сдержанній смѣхъ, двое - троє разсмѣялись громче другихъ.

— Фактъ, сю минуту сообщенный вами, господинъ Келлеръ, подхватилъ Гаврила Ардаліоновичъ,—весьма драгоцененъ. Тѣмъ не менѣе, я имѣю полное право, по самымъ точнымъ даннымъ, утверждать, что господину Бурдовскому хотя, конечно, и была слишкомъ хорошо известна эпоха его рожденія, но совершенно не было известно обстоятельство этого пребыванія Павлищева за границей, гдѣ

господинъ Павлищевъ провелъ большую часть жизни, возвращаясь въ Россію всегда на малые сроки. Кромѣ того, и самый этотъ фактъ тогдашняго отѣзда весьма не замѣчатель самъ по себѣ, чтобы о немъ помнить, послѣ двадцати слишкомъ лѣтъ, даже знаяшимъ близко Павлищева, не говоря уже о господинѣ Бурдовскомъ, который тогда и не родился. Конечно, навести теперь справки оказалось не невозможнымъ; но я долженъ признаться, что справки, полученные мною, достались мнѣ совершенно случайно и очень могли не достаться; такъ что для господина Бурдовского и даже Чебарова эти справки были дѣйствительно почти невозможны, если бы даже имъ и вздумалось ихъ навести. Но вѣдь имъ могло и не вздуматься...

— Позвольте, господинъ Иволгинъ, раздражительно прервалъ его вдругъ Ипполитъ,—къ чему вся эта галиматья (извините меня)? Дѣло теперь объяснилось, главному факту мы соглашаемся вѣрить, зачѣмъ же тянуть далѣе тяжелую и обидную капитель? Вы, можетъ-быть, желаете похвальиться ловкостью вашихъ изысканій, выставить предъ нами и предъ княземъ какой вы хороший стѣдователь, сыщикъ? Или ужъ не намѣрены-ли предпринять извиненіе и оправданіе Бурдовскаго тѣмъ, что онъ ввязался въ дѣло по невѣдѣнію? Но это дерзко, милостивый государь! Въ оправданіяхъ вашихъ и въ извиненіяхъ Бурдовскій не нуждается, было бы вамъ извѣстно! Ему обидно, ему и безъ того теперь тяжело, онъ въ неловкомъ положеніи, вы должны были угадать, понять это...

— Довольно, господинъ Терентьевъ, довольно, удалось перебить Гаврилѣ Ардаліоновичу, — успокойтесь, не раздражайте себя, вы, кажется, очень нездоровы? Я вамъ сочувствую. Въ такомъ случаѣ, если хотите, я кончиль, то-есть принужденъ буду сообщить только вкратцѣ тѣ факты, которые, по моему убѣженію, не лишилъ бы узнать во всей полнотѣ, прибавилъ онъ, замѣтивъ нѣкоторое всеобщее движеніе, похожее на нетерпѣніе.—Я желаю только сообщить, съ доказательствами, для свѣдѣнія всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ, что ваша матушка, господинъ Бурдовскій, потому единственно пользовалась расположениемъ и заботливостью о ней Павлищева, что была родною сестрой той дворовой девушки, въ которую Николай Андреевичъ Павлищевъ былъ влюбленъ въ самой первой своей молодости, но до того, что непремѣнно бы женился

на ней, если-бы она не умерла скоропостижно. Я имѣю доказательства, что этотъ семейный фактъ, совершенно точный и вѣрный, весьма малоизвѣстенъ, даже совсѣмъ забытъ. Далѣе я бы могъ объяснить, какъ ваша матушка еще десятилѣтнимъ ребенкомъ была взята господиномъ Павлищевымъ на воспитаніе, вмѣсто родственницы, что ей отложено было значительное приданое, и что всѣ эти заботы породили чрезвычайно тревожные слухи между многочисленною родней Павлищева; думали даже, что онъ женится на своей воспитанницѣ, но кончилось тѣмъ, что она вышла по склонности (и это я точнѣйшимъ образомъ могъ бы доказать) за межевого чиновника, господина Бурдовскаго, на двадцатомъ году своего возраста. Тутъ у меня собрано нѣсколько точнѣйшихъ фактъ, для доказательства, какъ отецъ вашъ, господинъ Бурдовскій, совершенно не дѣловой человѣкъ, получивъ пятнадцать тысячъ въ приданое за вашею матушкой, бросилъ службу, вступилъ въ коммерческія предпріятія, былъ обманутъ, потерялъ капиталъ, не выдержалъ горя, сталъ пить, отчего заболѣлъ и, наконецъ, преждевременно умеръ, на восьмомъ году послѣ брака съ вашею матушкой. Затѣмъ, по собственному свидѣтельству матушки вашей, она осталась въ нищетѣ и совсѣмъ погибла бы безъ постоянной и великолушной помощи Павлищева, выдававшаго ей до шестисотъ рублей въ годъ вспоможенія. Затѣмъ есть безчисленныя свидѣтельства, что вѣсъ, ребенка, онъ полюбилъ чрезвычайно. По этимъ свидѣтельствамъ и опять-таки по подтвержденію матушки вашей выходитъ, что полюбилъ онъ вѣсъ потому преимущественно, что вы имѣли въ дѣтствѣ видъ косноязычнаго, видъ калѣки, видъ жалкаго, несчастнаго ребенка (а у Павлищева, какъ я вывелъ по точнымъ доказательствамъ, была всю жизнь какая-то особая нѣжная склонность ко всему угнетенному и природой обиженному, особенно въ дѣтяхъ, — фактъ, по моему убѣждѣнію, чрезвычайно важный для вашего дѣла). Наконецъ, я могу похвалиться точнѣйшими изысканіями о томъ главномъ фактѣ, какъ эта чрезвычайная привязанность къ вамъ Павлищева (стараніями котораго вы поступили въ гимназію и учились подъ особымъ надзоромъ) породила, наконецъ, мало-по-малу, между родственниками и домашними Павлищева мысль, что вы сынъ его и что вашъ отецъ былъ только обманутый мужъ. Но главное въ томъ, что мысль эта укрѣпилась до точнаго и всеоб-

щаго убѣжденія только въ послѣдніе годы жизни Павлищева, когда всѣ испугались за завѣщаніе, и когда первоначальные факты были забыты, а справки невозможны. Безъ сомнѣнія, мысль эта дошла и до васъ, господинъ Бурдовскій, и завладѣла вами вполнѣ. Ваша матушка, съ которой я имѣлъ честь познакомиться лично, хоть и знала про всѣ эти слухи, но даже и до сихъ поръ не знаетъ (я тоже скрылъ отъ нея), что и вы, ея сынъ, находились подъ обаяніемъ этого слуха. Многоуважаемую матушку вашу, господинъ Бурдовскій, я засталъ во Псковѣ въ болѣзняхъ и въ самой крайней бѣдности, въ которую впала она по смерти Павлищева. Она со слезами благодарности сообщила мнѣ, что только чрезъ васъ и чрезъ помощь вашу и живетъ на свѣтѣ; она много ожидаетъ отъ васъ въ будущемъ и горячо вѣритъ въ будущіе ваши успѣхи...

— Это, наконецъ, невыносимо! громко и нетерпѣливо заявилъ вдругъ племянникъ Лебедева. — Къ чему весь этотъ романъ?

— Омерзительно, неприлично! сильно пошевелился Ипполитъ.

Но Бурдовскій ничего не замѣтилъ и даже не шевельнулся.

— Къ чему? Зачѣмъ? лукаво удивился Гаврила Ардалиновичъ, ядовито готовясь изложить свое заключеніе.— Да во-первыхъ, господинъ Бурдовскій теперь, можетъ быть, вполнѣ убѣжденъ, что господинъ Павлищевъ любилъ его изъ великолѣпія, а не какъ сына. Ужъ одинъ этотъ фактъ необходимо было узнать господину Бурдовскому, подтвердившему и одобравшему господина Келлера да-веча, послѣ чтенія статьи. Говорю такъ потому, что считаю васъ за благороднаго человѣка, господинъ Бурдовскій. Во-вторыхъ, оказывается, что тутъ вовсе не было ни малѣйшаго воровства-мошенничества даже со стороны Чебарова; это важный пунктъ даже и для меня, потому что князь давеча, разгорячившись, упомянулъ, будто и я того же мнѣнія о воровствѣ-мошенничествѣ въ этомъ несчастномъ дѣлѣ. Тутъ, напротивъ, было полное убѣжденіе со всѣхъ сторонъ, и хоть Чебаровъ, можетъ-быть, и дѣйствительно большой мошенникъ, но въ этомъ дѣлѣ онъ выказывается не болѣе какъ крючокъ, подьячій, промышленникъ. Онъ надѣялся пожить большія деньги, какъ адвокатъ, и расчетъ его былъ не только тонкій и мастер-

ской, но върнѣйшій: онъ основывался на легкости, съ которою князь даетъ деньги, и на благодарно-почтительномъ чувствѣ его къ покойному Павлищеву; онъ основывался, наконецъ (что важнѣе всего), на извѣстныхъ рыцарскихъ взглядахъ князя насчетъ обязанности чести и совѣсти. Что же касается собственно господина Бурдовскаго, то можно даже сказать, что онъ, благодаря чѣкотымъ убѣжденіямъ своимъ, до того былъ настроенъ Чебаровыемъ и окружающею его компаніей, что начальство почти совсѣмъ и не изъ интересу, а почти какъ служеніе истинѣ, прогрессу и человѣчеству. Теперь, послѣ сообщенныхыхъ фактовъ, всѣмъ, стало-быть, и ясно, что господинъ Бурдовскій человѣкъ чистый, несмотря на всѣ видимости, и князь теперь скорѣе и охотнѣе давешняго можетъ предложить ему и свое дружеское содѣйствіе, и ту дѣятельную помощь, о которой онъ упоминалъ давеча, говоря о школахъ и о Павлищевѣ.

— Остановитесь, Гаврила Ардаліоновичъ, остановитесь! крикнулъ князь въ настоящемъ испугѣ, по было уже поздно.

— Я сказалъ, я уже три раза говорилъ, раздражительно крикнулъ Бурдовскій,—что не хочу денегъ. Я не приму... зачѣмъ... не хочу... вонъ!..

И онъ чуть не побѣжалъ съ террасы. Но племянникъ Лебедева схватилъ его за руку и что-то шепнулъ ему. Тотъ быстро воротился, и, вынувъ изъ кармана незапечатанный письменный конвертъ большого формата, бросилъ его на столикъ, стоявшій подлѣ князя.

— Вотъ деньги!.. Вы не смѣли... не смѣли!.. Деньги!..

— Двѣсти пятьдесятъ рублей, которые вы осмѣлились прислать ему въ видѣ подаянія чрезъ Чебарова, пояснилъ Докторенко.

— Вѣ статьѣ сказано пятьдесятъ! крикнулъ Коля.

— Я виноватъ! сказалъ князь, подходя къ Бурдовскому.—Я очень виноватъ передъ вами, Бурдовскій, но я не какъ подаяніе послалъ, повѣрьте. Я и теперь виноватъ... я давеча виноватъ. (Князь былъ очень разстроенъ, имѣлъ видъ усталый и слабый, и слова его были несвязны). Я сказалъ о мошенничествѣ... но это не про вѣсть, я ошибся. Я сказалъ, что вы... такой же, какъ я, болѣй. Но вы не такой же, какъ я, вы... даете уроки, вы мать содержите. Я сказалъ, что вы оставили вашу мать, но вы ее любите; она сама говорить... я не зналъ... Гаврила

Ардаліоновичъ мнѣ давеча не договорилъ... я виноватъ. Я осмѣлился вамъ предложить десять тысячъ, но я виноватъ, я долженъ быть сдѣлать это не такъ, а теперь... нельзя, потому что вы меня презираете...

— Да это сумасшедший домъ! вскричала Лизавета Прокофьевна.

— Конечно, домъ сумасшедшихъ! не вытерпѣла и рѣзко проговорила Аглай.

Но слова ея пропали въ общемъ шумѣ; всѣ уже громко говорили, всѣ разсуждали, кто спорилъ, кто смѣялся. Иванъ Федоровичъ Епанчинъ былъ въ послѣдней степени негодованія и, съ видомъ оскорблennаго достоинства, поджиналъ Лизавету Прокофьевну. Племянникъ Лебедева ввернулъ послѣднее словечко:

— Да, князь, вамъ надо отдать справедливость, вы-таки умѣете пользоваться вашею... ну, болѣзнью (чтобы выразиться приличнѣе); вы въ такой ловкой формѣ сумѣли предложить вашу дружбу и деньги, что теперь благородному человѣку принять ихъ ни въ какомъ случаѣ невозможно. Это или ужъ слишкомъ невинно, или ужъ слишкомъ ловко... Вамъ, вирочемъ, извѣстнѣе.

— Позвольте, господа, вскричалъ Гаврила Ардаліоновичъ, развернувшій между тѣмъ пакетъ съ деньгами, — тутъ вовсе не двѣсти пятьдесятъ рублей, а всего только сто. Я для того, князь, чтобы не вышло какого недоумѣнія.

— Оставьте, оставьте, замахалъ руками князь Гаврилъ Ардаліоновичу.

— Нѣть, не „оставьте!“ прицѣпился сейчасъ же племянникъ Лебедева.—Намъ оскорбительно ваше „оставьте“, князь. Мы не прячемся, мы заявляемъ открыто; да тутъ только сто рублей, а не двѣсти пятьдесятъ, но развѣ это не все равно...

— Н-нѣть, не все равно, съ видомъ наивнаго недоумѣнія успѣлъ ввернуть Гаврила Ардаліоновичъ.

— Не перебивайте меня; мы не такие дураки какъ вы думаете, господинъ адвокатъ, съ злобною досадой воскликнулъ племянникъ Лебедева. — Разумѣется, сто рублей не двѣсти пятьдесятъ рублей, и не все равно, но важенъ принципъ; тутъ инициатива важна, а что недостаетъ ста пятидесяти рублей, это только частность. Важно то, что Бурдовскій не принимаетъ вашего поданія, ваше сіятельство, что онъ бросаетъ его вамъ въ лицо, а въ этомъ

смыслъ все равно, что сто, что двѣстіи пятьдесятъ. Бурдовскій не принялъ десяти тысячъ: вы видѣли; не принесъ бы и ста рублей, если бы былъ безчестенъ! Эти сто пятьдесятъ рублей пошли въ расходъ Чебарову на его поѣздку къ князю. Смѣйтесь скорѣе надъ нашою неловкостью, надъ нашимъ неумѣньемъ вести дѣла; вы и безъ того настъ всѣми силами постарались сдѣлать смѣшными; но не смѣйте говорить, что мы безчестны. Эти сто пятьдесятъ рублей, милостивый государь, мы всѣ вмѣстѣ внесемъ князю: мы хоть по рублю будемъ возвращать и возвратимъ съ процентами. Бурдовскій бѣденъ, у Бурдовскаго нѣтъ миллионовъ, а Чебаровъ послѣ поѣздки представилъ счетъ. Мы надѣялись выиграть... Кто бы на его мѣстѣ поступилъ иначе.

— Какъ кто? воскликнулъ князь Щ.

— Я тутъ съ ума сойду! крикнула Лизавета Прокофьевна.

— Это напоминаетъ, засмѣялся Евгений Павловичъ, долго стоявшій и наблюдавшій, — недавнюю знаменитую защиту адвоката, который, выставляя какъ извиненіе бѣдность своего клиента, убившаго разомъ шесть человѣкъ, чтобы ограбить ихъ, вдругъ заключилъ въ этомъ родѣ: „естественно, говорить, что моему клиенту по бѣдности пришло въ голову совершить это убийство шести человѣкъ, да и кому же на его мѣстѣ не пришло бы это въ голову?“ Въ этомъ родѣ что-то, только очень забавное.

— Довольно! провозгласила вдругъ, чуть не дрожа отъ гнѣва, Лизавета Прокофьевна.— Нора прервать эту галиматью!..

Она была въ ужаснѣйшемъ возбужденіи, она грозно закинула голову и съ надменнымъ, горячимъ и нетерпѣливымъ вызовомъ обвела своимъ сверкающимъ взглядомъ всю компанію, врядъ-ли различая въ эту минуту друзей отъ враговъ. Это была та точка долго сдерживаемаго, но разразившагося, наконецъ, гнѣва, когда главнымъ побужденiemъ становится немедленный бой, немедленная потребность на кого-нибудь поскорѣе накинуться. Знавшіе Лизавету Прокофьевну тотчасъ почувствовали, что съ нею совершилось что-то особенное. Иванъ Федоровичъ говорилъ на другой день князю Щ., что „съ ней это бываетъ, но въ такой степени какъ вчера даже и съ нею рѣдко бываетъ, такъ года въ три по одному разу, но ужъ никакъ не чаще! Никакъ не чаще!“ прибавилъ онъ вразумительно.

— Довольно, Иванъ Федоровичъ! Оставьте меня! воскликнула Лизавета Прокофьевна,— чего вы мнѣ вашу руку теперь подставляете? Не умѣли давеча вывести; вы мужъ, вы глава семейства, вы должны были меня, дуру, за ухо вывести, если бы я васъ не послушалась и не вышла. Хоть для дочерей-то позаботились бы! А теперь безъ васъ дорогу пайдемъ, па пѣлый годъ стыда хватить... Подождите, я еще князя хочу отблагодарить!.. Спасибо, князь, за угощеніе! А я-то разсѣлась молодежь послушать... Это позоръ, низость! Это хаосъ, безобразіе, этого во снѣ не увидишь! Да неужто ихъ много такихъ?.. Молчи, Аглай! Молчи, Александра! Не вапіе дѣло!.. Не вертитесь подль меня, Евгений Павлычъ, надоѣли вы мнѣ!.. Такъ ты, миленъкій, у нихъ же и прощенія просишь, подхватила она, опять обращаясь къ князю,— „виновать, дескать, что осмѣлился вамъ капиталъ предложить“... а ты чего, фанфаронишкя, изволишь смыться! накинулась она вдругъ на племянника Лебедева,— „мы, дескать, отъ капитала отказываемся, мы требуемъ, а не просимъ!“ А точно того и не знаетъ, что этотъ идіотъ завтра же къ нимъ опять потащится свою дружбу и капиталы имъ предлагать! Вѣдь пойдешь? Пойдешь или нѣть?

— Пойду, тихимъ и смиреннымъ голосомъ проговорилъ князь.

— Слышали! Такъ вѣдь, па это-то ты и разсчитываешь, обернулась она опять къ Докторенку,— вѣдь ужъ деньги теперь у тебя все равно что въ карманѣ лежать, вотъ ты и фанфаронишь, чтобы намъ пыли задать... Нѣть, голубчикъ, другихъ дураковъ найди, а я васъ насквозь вижу... всю игру вашу вижу!

— Лизавета Прокофьевна! воскликнулъ князь.

— Пойдемте отсюда, Лизавета Прокофьевна, слишкомъ пора, да и князя съ собой уведемъ, какъ можно спокойнѣе и улыбаясь проговорилъ князь Щ.

Дѣвицы стояли въ сторонѣ, почти испуганныя, генераль былъ положительно испуганъ; всѣ вообще были въ удивленіи. Нѣкоторые, подальше стоявшіе, украдкой усмѣхались и перешептывались; лицо Лебедева изображало носъднюю степень восторга.

— Безобразіе и хаосъ вездѣ, сударыня, найдешь, проговорилъ, значительно, впрочемъ, озадаченный, племянникъ Лебедева.

— Да не такие! Не такие, батюшки, какъ теперь у

васъ, не такие! съ злорадствомъ, какъ бы въ истерикѣ, подхватила Лизавета Прокофьевна. — Да оставите-ли вы меня, закричала она на уговаривавшихъ ее. — Нѣть, коли вы ужъ даже сами, Евгений Павлычъ, заявили сейчасъ, что даже самъ защитникъ на судѣ объявлялъ, что ничего нѣть естественнѣе какъ по бѣдности шесть человѣкъ уко-кошить, такъ ужъ и впрямъ послѣднія времена пришли, этого я еще и не слыхивала. Теперь мнѣ все объяснилось! Да этотъ косноязычный, развѣ онъ не зарѣжетъ (она указала на Бурдовскаго, смотрѣвшаго на нее съ чрезвы-чайнымъ недоумѣніемъ)? Да побьюсь обѣзкладъ, что зарѣжетъ! Онъ денегъ твоихъ, десяти тысячъ, пожалуй, не возьметъ, пожалуй, и по совѣсти не возьметъ, а почюю придетъ и зарѣжетъ, да и вынетъ ихъ изъ шкатулки, по совѣсти вынетъ! Это у него не безчестно! Это „благород-наго отчаянія порывъ“, это „отрицаніе“, или тамъ чортъ знаетъ что... Тьфу! все навыворотъ, всѣ кверху ногами попали. Дѣвушка въ домѣ растетъ, вдругъ среди улицы прыгъ на дрожки: „маменька, я на-дняхъ за такого-то Карлыча или Иваныча замужъ вышла, прощайте!“ Такъ это и хорошо такъ по-вашему поступать? Уваженія до-стойно, естественно? Женскій вопросъ? Этотъ вотъ маль-чишка (она указала на Колю), и тотъ ужъ намедни спо-рилъ, что это-то и значитъ „женскій вопросъ“. Да пусть мать дура была, да ты все-таки будь съ ней человѣкъ!. Чего вы давеча задравши головы-то вошли? „Не смѣйте подступаться“: мы идемъ. „Намъ всѣ права подавай, а ты и занкнутъся предъ нами не смѣй. Намъ всѣ почте-нія отдавай, какихъ и не бываетъ-то даже, а тебя мы хуже чѣмъ послѣднаго лакея третировать будемъ!“ Истины ищутъ, на правѣ стоять, а сами какъ басурмане его въ статьѣ расклеветали. „Требуемъ, а не просимъ, и никакой благодарности отъ насъ не услышите, потому что вы для удовлетворенія своей собственной совѣсти дѣлаете!“ Экая мораль: да вѣдь коли отъ тебя никакой благодар-ности не будетъ, такъ вѣдь и князь можетъ сказать тебѣ въ отвѣтъ, что онъ къ Павлищеву не чувствуетъ никакой благодарности, потому что и Павлищевъ дѣлалъ добро для удовлетворенія собственной совѣсти. А вѣдь ты только на эту благодарность его къ Павлищеву и разсчитывалъ: вѣдь не у тебя же онъ взаймы деньги бралъ, не тебѣ онъ долженъ, на что же ты разсчитывалъ какъ не на благодарность? Какъ же самъ-то отъ нея отказываешься?

Сумасшедшіе! Дикимъ и безчеловѣчнымъ общество признаютъ, за то, что оно позорить обольщенную дѣвушку. Да вѣдь коли безчеловѣчнымъ общество признаешь, стало быть, признаешь, что этой дѣвушкѣ отъ этого общества больно. А коли больно, такъ какъ же ты самъ-то ее въ газетахъ передъ этимъ же обществомъ выводишь и требуешь, чтобы это ей было не больно? Сумасшедшіе! Тщеславные! Въ Бога не вѣрютъ, въ Христа не вѣрютъ! Да вѣдь васъ до того тщеславіе и гордость проѣли, что кончится тѣмъ, что вы другъ друга перейдите, это я вамъ предсказываю. И не сумбуръ это, и не хаосъ, и не безобразіе это? И послѣ этого этотъ срамникъ еще прощенія у нихъ же лѣзть просить! Да много-ли васъ такихъ? Чего усмѣхаетесь: что я себя осрамила съ вами? Да вѣдь ужъ осрамила, ужъ нечего больше дѣлать!.. А ты у меня не усмѣхайся, пачкунъ! (накинулась она вдругъ на Ипполита), самъ еле дышитъ, а другихъ разворачиваетъ. Ты у меня этого мальчишку развратилъ (она опять указала на Колю); онъ про тебя только и бредитъ, ты его атеизму учишь, ты въ Бога не вѣруешь, а тебя еще выскочить можно, милостивый государь, да тыfu съ вами!.. Такъ пойдешь, князь Левъ Николаевичъ, къ нимъ завтра, пойдешь? спросила она опять князя, почти задыхаясь.

— Пойду.

— Знать же тебя не хочу послѣ этого!—Она быстро повернулась уходить, но вдругъ опять воротилась. — И къ этому атеисту пойдешь? указала она на Ипполита. — Да чего ты на меня усмѣхаешься! какъ-то неестественно вскрикнула она и бросилась вдругъ къ Ипполиту, не вынося его Ѣдкой усмѣшки.

— Лизавета Прокофьевна! Лизавета Прокофьевна! Лизавета Прокофьевна! послышалось разомъ со всѣхъ сторонъ.

— Машан, это стыдно! громко вскричала Аглай.

— Не беспокойтесь, Аглай Ивановна, спокойно отвѣчалъ Ипполитъ, котораго подскочившая къ нему Лизавета Прокофьевна схватила и неизвѣстно зачѣмъ крѣпко держала за руку; она стояла передъ нимъ и какъ бы впилась въ него своимъ бѣшенымъ взглядомъ,—не беспокойтесь, ваша машан разглядѣть, что нельзѧ бросаться на умирающаго человѣка... я готовъ разъяснить, почему я смѣялся... очень буду радъ позволенію...

Тутъ онъ вдругъ ужасно закашлялся и цѣлую минуту не могъ унять кашель.

— Вѣдь ужъ умираеть, а все ораторствуетъ! воскликнула Лизавета Прокофьевна, выпустивъ его руку и чуть не съ ужасомъ смотря, какъ онъ вытиралъ кровь со своихъ губъ.—Да куда тебѣ говорить! Тебѣ просто идти ложиться надо...

— Такъ и будеть, тихо, хрипло и чуть не шепотомъ отвѣтилъ Ипполитъ.—Я, какъ ворочусь сегодня, тотчасъ и лягу... черезъ двѣ недѣли я, какъ мнѣ извѣстно, умру... Мнѣ на прошлой недѣлѣ самъ Б—нъ объявилъ... Такъ если позволите, я бы вамъ на прощаныи два слова сказалъ.

— Да ты съ ума сошелъ, что-ли? Вздоръ! Лѣчиться надо, какой теперь разговоръ? Ступай, ступай, ложись!.. испуганно крикнула Лизавета Прокофьевна.

— Лягу, такъ вѣдь и не встану до самой смерти, улыбнулся Ипполитъ.—Я и вчера хотѣлъ уже было такъ лечь, чтобы ужъ и не вставать, до смерти, да рѣшилъ отложить до послѣзавтра, пока еще ноги носять... чтобы вотъ съ ними сегодня сюда придти... Только усталъ ужъ очень...

— Да садись, садись, чего стоишь! Вотъ тебѣ стулья вскинулась Лизавета Прокофьевна и сама подставила ему стулъ.

— Благодарю васъ, тихо продолжалъ Ипполитъ—а вы садитесь напротивъ, вотъ и поговоримъ... мы непремѣнно поговоримъ, Лизавета Прокофьевна, теперь ужъ я на этомъ стою... улыбнулся онъ ей опять.—Подумайте, что сегодня я послѣдній разъ и на воздухѣ, и съ людьми, а чрезъ двѣ недѣли навѣрно въ землѣ. Значить, это въ родѣ прощенія будетъ и съ людьми, и съ природой. Я хоть и не очень чувствителенъ, а, представьте себѣ, очень радъ, что это все здѣсь въ Павловскѣ приключилось; все-таки хоть на дерево въ листьяхъ посмотришь.

— Да какой теперь разговоръ, все больше и больше пугалась Лизавета Прокофьевна,—ты весь въ лихорадкѣ. Давеча визжалъ да пищалъ, а теперь чуть духъ переводить, задохся!

— Сейчасъ отдохну. Зачѣмъ вы хотите отказать мнѣ въ послѣднемъ желанії?.. А знаете-ли, я давно уже мечталъ съ вами какъ-нибудь сойтись, Лизавета Прокофьевна; я о васъ много слышалъ... отъ Коли; онъ вѣдь почти одинъ меня и не оставляетъ... Вы оригиналная женщина, эксцентрическая женщина, я и самъ теперь видѣлъ... знаете-ли, что я васъ даже немножко любилъ.

— Господи, а я было, право, чуть его не ударила.

— Вась удержала Аглай Ивановна; вѣдь я не ошибаюсь? Это вѣдь ваша дочь Аглай Ивановна? Она такъ хороша, что я давеча съ первого взгляда угадалъ ее, хоть и никогда не видалъ. Дайте мнѣ хоть на красавицу-то въ послѣдній разъ въ жизни посмотретьъ, какою-то неловкою, кривою улыбкой улыбнулся Ипполитъ.—Вотъ и князь тутъ, и супругъ вашъ, и вся компания. Отчего вы мнѣ отказываете въ послѣднемъ желаніи?

— Стуль! крикнула Лизавета Прокофьевна, но схватила сама и сѣла напротивъ Ипполита.—Коля, приказала она,—отправишись съ нимъ немедленно, проводи его, а завтра я непремѣнно сама...

— Если вы позволите, то я попросилъ бы у князя чашку чаю... Я очень усталъ. Знаете что, Лизавета Прокофьевна, вы хотѣли, кажется, князя къ себѣ вести чай пить: останьтесь-ка здѣсь, проведемте время вмѣстѣ, а князь плавѣрно намъ всѣмъ чаю дастъ. Простите, что я такъ распоряжаюсь... Но вѣдь я знаю васъ, вы добрая, князь тоже... мы всѣ до комизма предобные люди...

Князь всполошился, Лебедевъ бросился со всѣхъ ногъ изъ комнаты, за нимъ побѣжала Вѣра.

— И правда, рѣзко рѣшила генеральша, — говори, только потише и не увлекайся. Разжалобиль ты меня... Князь! Ты не стоишь бы, чтобъ я у тебя чай пила, да ужъ такъ и быть остаюсь, хотя ни у кого не прошу прощенья! Ни у кого! Вздоръ! Впрочемъ, если я тебя разбранила, князь, то прости, — если, впрочемъ, хочешь. Я, впрочемъ, никого не задерживаю, обратилась она вдругъ съ видомъ необыкновенного гнѣва къ мужу и дочерямъ, какъ будто они-то и были въ чемъ-то ужасно предъ ней виноваты, — я и одна домой сумѣю дойти...

Но ей не дали договорить. Всѣ подошли и окружили ее съ готовностью. Князь тотчасъ же сталъ всѣхъ управлять остатися пить чай и извинился, что до сихъ поръ не догадался обѣ этомъ. Даже генеральша была такъ любезенъ, что пробормоталъ что-то успокаительное и любезно спросилъ Лизавету Прокофьевну: „не свѣжо-ли ей, однажоже, на террасѣ?“ Онъ даже чуть было не спросилъ Ипполита: „давно-ли онъ въ университѣтѣ?“, но не спросилъ. Евгений Павловичъ и князь Щ. стали вдругъ чрезвычайно любезными и веселыми, на лицахъ Аделаиды и Александры выражалось, сквозь продолжавшееся удивленіе, даже удовольствіе, однимъ словомъ, всѣ были видимо

рады, что миновалъ кризисъ съ Лизаветой Прокофьевной. Одна Аглая была нахмурена и молча сѣла поодаль. Осталось и все остальное общество; никто не хотѣлъ уходить, даже генералъ Иволгинъ, которому Лебедевъ, впрочемъ, что-то шепнулъ мимоходомъ, вѣроятно, не совсѣмъ пріятное, потому что генералъ тотчасъ же стушевался куда-то въ уголъ. Князь подходилъ съ приглашеніемъ и къ Бурдовскому съ компаніей, не обходя никого. Они пробормотали съ натянутымъ видомъ, что подождутъ Ипполита, и тотчасъ же удалились въ самый дальний уголъ террасы, гдѣ и усѣлись опять всѣ рядомъ. Вѣроятно, чай уже былъ давно приготовленъ у Лебедева для себя, потому что тотчасъ же и явился. Пробило одиннадцать часовъ.

X.

Ипполитъ помочилъ свои губы въ чашкѣ чаю, поданной ему Вѣрой Лебедевой, поставилъ чашку на столикъ и вдругъ, точно законфузился, почти въ смущеніи осмотрѣлся кругомъ.

— Посмотрите, Лизавета Прокофьевна, эти чашки, какъ-то странно заторопился онъ, — эти фарфоровыя чашки и, кажется, превосходнаго фарфора, стоять у Лебедева всегда въ шифоньеркѣ подъ стекломъ, запертыя; никогда не по даются... какъ водится, это приданое за женой его было... у нихъ такъ водится... и вотъ онъ ихъ намъ подалъ, въ честь васъ, разумѣется, до того обрадовался...

Онъ хотѣлъ было еще что-то прибавить, но не нашелся.

— Сконфузился-таки, я такъ и ждалъ! шепнулъ вдругъ Евгений Павловичъ на ухо князю. — Это вѣдь опасно, а? Вѣрнѣйшій признакъ, что теперь, со зла, такую какую-нибудь эксцентричность выкинетъ, что и Лизавета Прокофьевна, пожалуй, не усидитъ.

Князь вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Вы эксцентричности не боитесь? прибавилъ Евгений Павловичъ. — Вѣдь и я тоже, даже желаю: мнѣ собственно только чтобы наша милая Лизавета Прокофьевна была наказана и непремѣнно сегодня же, сейчасъ же, безъ того и уходить не хочу. У васъ, кажется, лихорадка.

— Постѣ, не мѣшайте. Да, я пездоровъ, разсѣянно и даже нетерпѣливо отвѣтилъ князь.

Онъ услышалъ свое имя, Ипполитъ говорилъ про него.

— Вы не вѣрите? истерически смеялся Ипполитъ. —

Такъ и должно быть, а князь съ первого разу повѣритъ и нисколько не удивится.

— Слышишь, князь? обернулась къ нему Лизавета Прокофьевна, — слышишь?

Кругомъ смѣялись. Лебедевъ суетливо выставлялся впередъ и вертѣлся передъ самою Лизаветой Прокофьевной.

— Онъ говорилъ, что этотъ вотъ кривляка, твой-то хозяинъ... тому господину статью поправлялъ, вотъ что давеча на твой счетъ прочитали.

Князь съ удивленiemъ посмотрѣлъ на Лебедева.

— Что-жъ ты молчишь? даже топнула ногой Лизавета Прокофьевна.

— Что же, пробормоталъ князь, продолжая разматривать Лебедева, — я ужъ вижу, что онъ поправлялъ.

— Правда? быстро обернулась Лизавета Прокофьевна къ Лебедеву.

— Истинная правда, ваше превосходительство! твердо и непоколебимо отвѣтилъ Лебедевъ, приложивъ руку къ сердцу.

— Точно хвалится! чуть не привскочила она на стулѣ.

— Низокъ, низокъ! забормоталъ Лебедевъ, начиная ударять себя въ грудь и все ниже и ниже наклоняя голову.

— Да что мнѣ въ томъ, что ты низокъ! Онъ думаетъ, что скажетъ: низокъ, такъ и вывернется. И не стыдно тебѣ, князь, съ такими людышками водиться, еще разъ тебѣ говорю? Никогда не прощу тебѣ!

— Меня простить князь! съ убѣждениемъ и умиленiemъ проговорилъ Лебедевъ.

— Единственно изъ благородства, громко и звонко заговорилъ вдругъ подскочившій Келлеръ, обращаясь прямо къ Лизавете Прокофьевнѣ.—Единственно изъ благородства, сударыня, и чтобы не выдать скомпрометированного пріятеля, я давече утаилъ о поправкахъ, несмотря на то, что онъ же насъ съ лѣстницы спустить предлагалъ, какъ сами изволили слышать. Для возстановлѣя истины признаюсь, что я дѣйствительно обратился къ нему, за шесть цѣлковыхъ, но отнюдь не для слога, а собственно для узнанія фактовъ, мнѣ большею частью неизвѣстныхъ, какъ бѣ компетентному лицу. Насчетъ штиблетовъ, насчетъ аппетита у швейцарскаго профессора, насчетъ пятидесяти рублей вместо двухсотъ пятидесяти, однимъ словомъ, вся эта группировка, все это принадлежитъ ему, за шесть цѣлковыхъ, но слогъ не поправляли.

— Я долженъ замѣтить, съ лихорадочнымъ Петербургомъ и какимъ-то ползучимъ голосомъ перебилъ его Лебедевъ, при распространявшемся все болѣе и болѣе смѣхѣ, — что я поправлялъ одну только первую половину статьи, но такъ какъ въ срединѣ мы не сошлись и за одну мысль поссорились, то я вторую половину ужъ и не поправлялъ-сь, такъ что все что тамъ безграмотно (а тамъ безграмотно!), такъ ужъ это мнѣ не приписывать-сь...

— Вотъ онъ о чёмъ хлоочеть! вскричала Лизавета Прокофьевна.

— Позвольте спросить, обратился Евгений Павловичъ къ Келлеру, — когда поправляли статью?

— Вчера утромъ, отрапортовалъ Келлеръ, — мы имѣли свиданіе съ обѣщаніемъ честнаго слова сохранить секретъ съ обѣихъ сторонъ.

— Это когда онъ ползалъ-то передъ тобой и увѣрялъ тебя въ преданности. Ну, людышки! Не надо мнѣ твоего Пушкина, и чтобы дочь твоя ко мнѣ не являлась!

Лизавета Прокофьевна хотѣла было встать, но вдругъ раздражительно обратилась къ смѣющемуся Ипполиту:

— Что-жъ ты, милый, на смѣхѣ, что-ли, вздумалъ меня здѣсь выставлять!

— Сохрани Господи, криво улыбнулся Ипполитъ, — но меня больше всего поражаетъ чрезвычайная эксцентричность ваша, Лизавета Прокофьевна; я, признаюсь, нарочно подвелъ про Лебедева, я зналъ какъ на васъ подѣйствуетъ, на васъ одну, потому что князь дѣйствительно проститъ и ужъ навѣрно простиль... даже, можетъ, извиненіе въ умѣ подыскаль, вѣдь такъ, князь, не правда-ли?

Онъ задыхался, странное волненіе его возрастало съ каждымъ словомъ.

— Ну!.. гнѣвно проговорила Лизавета Прокофьевна, удивляясь его тону. — Ну?

— Про васъ я уже много слышалъ, въ этомъ же родѣ... съ большою радостію... чрезвычайно научился васъ уважать, продолжалъ Ипполитъ.

Онъ говорилъ одно, но такъ, какъ будто бы этими самыми словами хотѣлъ сказать совсѣмъ другое. Говорилъ съ отѣнкомъ насмѣшки и въ то же время волновался несоразмѣрно, мнительнно оглядывался, видимо путался и терялся на каждомъ словѣ, такъ что все это, вмѣстѣ съ его чахоточнымъ видомъ и со страннымъ, сверкающимъ

и какъ будто изступленный взглядомъ, невольно продолжало привлекать къ нему внимание.

— Я бы удивился, совсѣмъ, впрочемъ, не зная свѣта (я сознаюсь въ этомъ), тому, что вы не только сами остались въ обществѣ давешней нашей компаніи, для васъ неприличной, но и оставили этихъ... дѣвицъ выслушивать дѣло скандальное, хотя онъ уже все прочли въ романахъ. Я, можетъ-быть, впрочемъ, не знаю... потому что сбиваюсь, но, во всякомъ случаѣ, кто кромѣ васъ могъ остататься... по просьбѣ мальчика (ну, да, мальчика, я опять сознаюсь) провести съ нимъ вечеръ и принять... во всемъ участіе и... съ тѣмъ... что на другой день стыдно... (я, впрочемъ, согласенъ, что не такъ выражаясь), я все это чрезвычайно хвалю и глубоко уважаю, хотя уже по лицу одному его превосходительства, вашего супруга, видно какъ все это для него не принято... Хи-хи! захихикаль онъ, совсѣмъ спутавшись, и вдругъ такъ закашлялся, что минуты двѣ не могъ продолжать.

— Даже задохся! холодно и рѣзко произнесла Лизавета Прокофьевна, со строгимъ любопытствомъ разматривая его.—Ну, милый мальчикъ, довольно съ тобою. Пора!

— Позвольте же и мнѣ, милостивый государь, со своей стороны вамъ замѣтить, раздражительно вдругъ заговорилъ Иванъ Федоровичъ, потерявший послѣднее терпѣніе,—что жена моя здѣсь у князя Льва Николаевича, нашего общаго друга и сосѣда, и что во всякомъ случаѣ не вамъ, молодой человѣкъ, судить о поступкахъ Лизаветы Прокофьевны, равно какъ выражаться вслухъ и въ глаза о томъ, что написано на моемъ лицѣ. Да-съ. И если жена моя здѣсь осталась, продолжалъ онъ, раздражаясь почти съ каждымъ словомъ все болѣе и болѣе,—то скорѣе, сударь, отъ удивленія и отъ попятнаго всѣмъ современаго любопытства посмотрѣть странныхъ молодыхъ людей. Я и самъ остался, какъ останавливаюсь иногда на улицѣ, когда вижу что-нибудь, на что можно взглянуть какъ... какъ... какъ...

— Какъ на рѣдкость, подсказалъ Евгений Павловичъ.

— Превосходно и вѣрно, обрадовался его превосходительство, немного запутавшійся въ сравненіи,—именно какъ на рѣдкость. Но во всякомъ случаѣ мнѣ всего удивительнѣе и даже огорчительнѣе, если только можно такъ выразиться грамматически, что вы, молодой человѣкъ, и того даже не умѣли понять, что Лизавета Прокофьевна

теперь осталась съ вами потому, что вы больны, — если вы только въ самомъ дѣлѣ умираете, — такъ сказать, изъ состраданія, изъ-за вашихъ жалкихъ словъ, сударь, и что никакая грязь ни въ какомъ случаѣ не можетъ пристать къ ея имени, качествамъ и значенію... Лизавета Прокофьевна! заключилъ раскраснѣвшійся генераль, — если хочешь идти, то простимся съ нашимъ добрымъ княземъ...

— Благодарю васъ за урокъ, генераль, серьезно и неожиданно прерваль Ипполитъ, задумчиво смотря на него.

— Пойдемте, тайлан, долго-ли еще будетъ!.. нетерпѣливо и гнѣвно произнесла Аглая, вставая со стула.

— Еще двѣ минуты, милый Иванъ Федоровичъ, если позволишь, съ достоинствомъ обернулась къ своему супругу Лизавета Прокофьевна.—Миѣ кажется, онъ весь въ лихорадкѣ и просто бредить; я въ этомъ убѣждена по его глазамъ; его такъ оставить нельзя. Левъ Николаевичъ! Могъ бы онъ у тебя почевать, чтобы его въ Петербургъ не тащить сегодня? Cher prince, вы не скучаете? съ чего-то обратилась она вдругъ къ князю Щ. — Поди сюда, Александра, поправь себѣ волосы, другъ мой.

Она поправила ей волосы, которые нечего было поправлять, и поцѣловала ее; затѣмъ только и звала.

— Я васъ считалъ способною къ развитию... опять заговорилъ Ипполитъ, выходя изъ своей задумчивости. — Да! вотъ что я хотѣлъ сказать, обрадовался онъ, какъ бы вдругъ вспомнивъ.—Вотъ Бурдовскій искренно хочетъ защитить свою мать, не правда-ли? А выходитъ, что онъ же ее срамить. Вотъ князь хочетъ помочь Бурдовскому, отъ чистаго сердца предлагаетъ ему свою нѣжную дружбу и капиталъ и, можетъ-быть, одинъ изъ всѣхъ насы не чувствуетъ къ нему отвращенія, и вотъ они-то и стоятъ другъ предъ другомъ какъ настоящіе враги... Ха-ха-ха! Вы ненавидите всѣ Бурдовскаго за то, что онъ, по-вашему, некрасиво и неизящно относится къ своей матери, вѣдь такъ? Такъ? Такъ? Вѣдь вы ужасно всѣ любите красотъ и изящество формъ, за нихъ только и стоите, не правда-ли? (Я давно подозрѣвалъ, что только за нихъ!). Ну, такъ знайте же, что ни одинъ изъ васъ, можетъ, не любилъ такъ свою мать, какъ Бурдовскій! Вы, князь, я знаю, послали потихоньку денегъ, съ Ганечкой, матери Бурдовскаго, и вотъ обѣ закладъ же побьюсь (хи-хи-хи! истерически хохоталъ онъ), обѣ закладъ побьюсь, что Бурдовскій же и обвинить васъ теперь въ неделикатности

формъ и въ неуваженіи къ его матери, ей-Богу такъ, ха-ха-ха!

Тутъ онъ опять задохся и закашлялся.

— Ну, все? Все теперь, все сказалъ? Ну, и иди теперь спать, у тебя лихорадка, нетерпѣливо перебила Лизавета Прокофьевна, не сводившая съ него своего беспокойного взгляда.—Ахъ, Господи! Да онъ и еще говорить!

— Вы, кажется, смеетесь? Чѣмъ вы все надо мной смеетесь? Я замѣтилъ, что вы все надо мною смеетесь! беспокойно и раздражительно обратился онъ вдругъ къ Евгению Павловичу.

Тотъ дѣйствительно смеялся.

— Я только хотѣлъ спросить васъ, господинъ... Ипполитъ... извините, я забылъ вашу фамилію.

— Господинъ Терентьевъ, сказалъ князь.

— Да, Терентьевъ, благодарю васъ, князь, давеча говорили, но у меня вылетѣло... Я хотѣлъ васъ спросить, господинъ Терентьевъ, правду-ли я слышалъ, что вы того мнѣнія, что стдитъ вамъ только четверть часа въ окошко съ народомъ поговорить, и онъ тотчасъ же съ вами во всемъ согласится и тотчасъ же за вами пойдетъ?

— Очень можетъ быть, что говорилъ... отвѣтилъ Ипполитъ, какъ бы что-то припоминая.—Непремѣнно говорилъ! прибавилъ онъ вдругъ, опять ожидалъ и твердо посмотрѣвъ на Евгения Павловича. — Что-жъ изъ этого?

— Ничего ровно; я только къ свѣдѣнію, чтобы дополнить.

Евгений Павловичъ замолчалъ, но Ипполитъ все еще смотрѣлъ на него въ нетерпѣливомъ ожиданіи.

— Ну, что-жъ, кончилъ что-ли? обратилась къ Евгению Павловичу Лизавета Прокофьевна. — Кончай скорѣй, батюшка, ему спать пора. Или не умѣешь?

Она была въ ужасной досадѣ.

— Я, пожалуй, и очень не прочь прибавить, улыбаясь продолжалъ Евгений Павловичъ, — что все, что я выслушалъ отъ вашихъ товарищѣй, господинъ Терентьевъ, и все чѣмъ вы изложили сейчасъ, и съ такимъ несомнѣннымъ талантомъ, сводится, по моему мнѣнію, къ теоріи восторжествованія права, прежде всего и мимо всего, и даже съ исключеніемъ всего прочаго, и даже, можетъ-быть, прежде изслѣдованія въ чёмъ и право-то состоитъ? Можетъ-быть, я ошибаюсь?

— Конечно, ошибаетесь, я даже васъ не понимаю... дальше?

Въ углу тоже раздался ропоть. Члемянникъ Лебедева что-то пробормоталъ вполголоса.

— Да почти ничего дальше, продолжалъ Евгений Павловичъ, — я только хотѣлъ замѣтить, что отъ этого дѣло можетъ прямо перескочить на право силы, то-есть на право единичнаго кулака и личнаго захотѣнія, какъ, впрочемъ, и очень часто кончалось на свѣтѣ. Остановился же Прудонъ на правѣ силы. Въ американскую войну многіе самые передовыя либералы объявили себя въ пользу пантаторовъ, въ томъ смыслѣ, что негры суть негры, ниже блага племени, а, стало-быть, право силы за бѣлыми...

— Ну?

— То-есть, стало-быть, вы не отрицаете права силы?

— Дальше?

— Вы-таки консеквентны; я хотѣлъ только замѣтить, что отъ права силы до права тигровъ и крокодиловъ и даже до Данилова и Горскаго недалеко.

— Не знаю, дальше?

Ипполитъ едва слушалъ Евгения Павловича, которому если и говорилъ *ну* и *дальше*, то, казалось, больше по старой усвоенной привычкѣ въ разговорахъ, а не отъ вниманія и любопытства.

— Да ничего дальше... все.

— Я, впрочемъ, на васъ не сержусь, совершенно неожиданно заключилъ вдругъ Ипполитъ, и, едва-ли вполнѣ сознавая, протянулъ руку, даже съ улыбкой.

Евгений Павловичъ удивился сначала, но съ самимъ серьезнымъ видомъ прикоснулся къ протянутой ему рукѣ, точно какъ бы принимая прощеніе.

— Не могу не прибавить, сказалъ онъ тѣмъ же двусмысленно почтительнымъ тономъ, — моей вамъ благодарности за вниманіе, съ которымъ вы меня допустили говорить, потому что, по моимъ многочисленнымъ наблюденіямъ, никогда нашъ либералъ не въ состояніи позволить имѣть кому-нибудь свое особое убѣжденіе и не отвѣтить тотчасъ же своему оппоненту ругательствомъ, или даже чѣмъ-нибудь хуже...

— Это вы совершенно вѣрно, замѣтилъ генералъ Иванъ Федоровичъ, и, заложивъ руки за спину, со скучнѣйшимъ видомъ отретировался къ выходу съ террасы, гдѣ съ досады и зѣвнуль.

— Ну, довольно съ тебя, батюшка, вдругъ объявила Евгению Павловичу Лизавета Прокофьевна. — Надоѣли вы мнѣ...

— Пора! озабоченно и чуть не съ испугомъ поднялся вдругъ Ипполитъ, въ замѣшательствѣ смотря кругомъ.— Я васъ задержалъ; я хотѣлъ вамъ все сказать... я думалъ, что всѣ... въ послѣдній разъ... это была фантазія...

Видно было, что онъ оживлялся порывами, изъ настоящаго почти бреда выходилъ вдругъ, на нѣсколько мгновеній, съ полнымъ сознаніемъ вдругъ припоминалъ и говорилъ, большею частью отрывками, давно уже, можетъ быть, надуманными и заученными, въ долгіе, скучные часы болѣзни, на кровати, въ уединеніи, въ безсонницу.

— Ну, прощайте! рѣзко проговорилъ онъ вдругъ.— Вы думаете, мнѣ легко сказать вамъ прощайтѣ? Ха-ха! досадливо усмѣхнулся онъ самъ на свой *неловкій* вопросъ и вдругъ, точно разозлясь, что ему все не удается сказать что хочется, громко и раздражительно проговорилъ:— Ваше превосходительство! Имѣю честь просить васъ ко мнѣ на погребеніе, если только удостоите такой чести и... всѣхъ, господа, вслѣдъ за генераломъ!..

Онъ опять засмѣялся; но это былъ уже смѣхъ безумнаго. Лизавета Прокофьевна испуганно двинулась къ нему и схватила его за руку. Онъ смотрѣлъ на нее пристально, съ тѣмъ же смѣхомъ, но который уже не продолжался, а какъ бы остановился и застылъ на его лицѣ.

— Знаете-ли, что я пріѣхалъ сюда для того, чтобы видѣть деревья? Вотъ эти... (онъ указалъ на деревья парка), это не смѣшино, а? Вѣдь тутъ ничего нѣть смѣшного? серьезно спросилъ онъ Лизавету Прокофьевну и вдругъ задумался; потомъ, чрезъ мгновеніе, поднялъ голову и любопытно сталъ искать глазами въ толпѣ. Онъ искалъ Евгения Павловича, который стоялъ очень недалеко, направо, на томъ же самомъ мѣстѣ, какъ и прежде,— но онъ уже забылъ и искалъ кругомъ.— А, вы не ушли! нашелъ онъ его, наконецъ,— вы давеча все смѣялись, что я въ окно хотѣлъ говорить четверть часа... А знаете, что мнѣ не восемнадцать лѣтъ: я столько пролежалъ на этой подушкѣ, и столько просмотрѣлъ въ это окно, и столько продумалъ... обо всѣхъ... что... У мертваго лѣтъ не бываетъ, вы знаете. Я еще па прошлой недѣлѣ это подумалъ, когда ночью проснулся... А знаете, чего вы боитесь больше всего? Вы искренности нашей боитесь больше всего, хоть и презираете насть! Я это тоже, тогда же, на подушкѣ подумалъ ночью... Вы думаете, что я надѣлъ вами смѣяться хотѣлъ давеча, Лизавета Прокофьевна?

Нѣтъ, я не смѣялся надъ вами, я только похвалить хотѣлъ... Коля говорилъ, что вѣсъ князь ребенкомъ называлъ... это хорошо... Да, чтѣ бишь я... еще что-то хотѣлъ... Онъ закрылъ лицо руками и задумался.— Вотъ что: когда вы давеча прощались, я вдругъ подумалъ: вотъ эти люди, и никогда уже ихъ больше не будетъ, и никогда! И деревья тоже, — одна кирничная стѣна будетъ, красная, Мейерова дома... напротивъ въ окно у меня... ну, и скажи имъ про все это... попробуй-ка, скажи; вотъ красавица... вѣдь ты мертвый, отрекомендуйся мертвѣцомъ, скажи, что „мертвому можно все говорить“... и что княгиня Марья Алексѣевна не забранить, ха-ха!.. Вы не смѣетесь? обвелъ онъ всѣхъ кругомъ недовѣрчиво.— А знаете, на подушкѣ мнѣ много мыслей приходило... знаете, я увѣрился, что природа очень насмѣшила... Вы давеча сказали, что я атеистъ, а знаете, что эта природа... Зачѣмъ вы опять смѣетесь? Вы ужасно жестокіе! съ грустнымъ негодованіемъ произнесъ онъ вдругъ, оглядывая всѣхъ.— Я не развращалъ Колю, закончилъ онъ совершенно другимъ тономъ, серьезнымъ и убѣжденнымъ, какъ бы вдругъ тоже вспомнивъ...

— Никто, никто надъ тобой здѣсь не смѣется, успокойся! почти мучилась Лизавета Прокофьевна.— Завтра докторъ новый пріѣдетъ; тотъ ошибся; да садись, на ногахъ не стоишь! Бредиши... Ахъ, что теперь съ нимъ дѣлать! хлопотала она, усаживая его въ кресла...

Слезинка блеснула на ея щекѣ.

Ипполитъ остановился почти пораженный, поднялъ руку, боязливо протянулъ ее и дотронулся до этой слезинки. Онъ улыбнулся какою-то дѣтской улыбкой.

— Я... вѣсъ... заговорилъ онъ радостно,—вы не знаете какъ я вѣсъ... мнѣ онъ въ такомъ восторгѣ всегда о вѣсъ говорилъ, вотъ онъ, Коля... я восторгъ его люблю. Я его не развращалъ! Я только его и оставляю... я всѣхъ хотѣлъ оставить, всѣхъ, — но ихъ не было никого, никого не было... Я хотѣлъ быть дѣятелемъ, я имѣлъ право... О, какъ я много хотѣлъ! Я ничего теперь не хочу, ничего не хочу хотѣть, я даль себѣ такое слово, чтобы уже ничего не хотѣть; пусть, пусть безъ меня ищутъ истины! Да, природа насмѣшила! Зачѣмъ она, подхватилъ онъ вдругъ съ жаромъ, — зачѣмъ она создаетъ самыя лучшія существа съ тѣмъ, чтобы потомъ насмѣяться надъ ними? Сдѣлала же она такъ, что единственное существо, кото-

рое признали на землѣ совершенствомъ... сдѣла же она такъ, что, показавъ его людямъ, ему же и предназначила сказать то, изъ-за чего пролилось столько крови, что если бъ пролилась она вся разомъ, то люди бы захлебнулись навѣрно! О, хорошо, что я умираю! Я бы тоже, пожалуй, сказалъ какую-нибудь ужасную ложь, природа бы такъ подвела!.. Я не развращалъ никого... Я хотѣлъ жить для счастья всѣхъ людей, для открытия и для возвѣщенія истины... Я смотрѣлъ въ окно на Мейерову стѣну и думалъ только четверть часа говорить, и всѣхъ, всѣхъ убѣдить, а разъ-то въ жизни сошелся... съ вами, если не съ людьми! и что же вотъ вышло? Ничего! Вышло, что вы меня презираете! Стало-быть, дуракъ, стало-быть, не нуженъ, стало-быть, пора! И никакого-то воспоминанія не сумѣлъ оставить! Ни звука, ни слѣда, ни одного дѣла, не распространилъ ни одного убѣжденія!.. Не смѣйтесь надъ глупцомъ! Забудьте! Забудьте все... забудьте пожалуйста, не будьте такъ жестоки! Знаете-ли вы, что если бы не подвернулась эта чахотка, я бы самъ убилъ себя...

Онъ, кажется, еще много хотѣлъ сказать, но не договорилъ, бросился въ кресла, закрылъ лицо руками и заплакалъ какъ маленькое дитя.

— Ну, теперь чтѣ съ пимъ прикажете дѣлать! воскликнула Лизавета Прокофьевна, подскочила къ нему, схватила его голову и крѣпко-на-крѣпко прижала къ своей груди. Онъ рыдалъ конвульсивно. — Ну-ну-ну! Ну, не плачь же, ну, довольно, ты добрый мальчикъ, тебя Богъ простить, по невѣжству твоему; ну, довольно, будь мужественнъ... Къ тому же и стыдно тебѣ будеть...

— У меня тамъ, говорилъ Ипполитъ, силясь приподнять свою голову, — у меня братъ и сестры, дѣти, маленькия, бѣдныя, невинныя... Она развратить ихъ! Вы — святая, вы... сами ребенокъ, — спасите ихъ! Вырвите ихъ отъ этой... она... стыдъ... О, помогите имъ, помоги, вамъ Богъ воздастъ за это сторицею, ради Бога, ради Христа!..

— Говорите же, наконецъ, Иванъ Федоровичъ, что теперь дѣлать! раздражительно крикнула Лизавета Прокофьевна. — Сдѣлайте одолженіе, прервите ваше величавое молчаніе! Если вы не рѣшите, то было бы вамъ извѣстно, что я здѣсь сама ночевать остаюсь; довольно вы меня подѣ вашимъ самовластьемъ тирианили!

Лизавета Прокофьевна спрашивала съ энтузіазмомъ и гнѣвомъ и ожидала немедленного отвѣта. Но въ подоб-

ныхъ случаяхъ большою частью присутствующіе, если ихъ даже и много, отвѣчаютъ молчаніемъ и пассивнымъ любопытствомъ, не желая ничего на себя принимать, и выражаютъ свои мысли уже долго спустя. Въ числѣ присутствующихъ здѣсь были и такие, которые готовы были просидѣть тутъ хоть до утра, не вымолвивъ ни слова, напримѣрь Варвара Ардаліоновна, сидѣвшая весь вечеръ поодаль, молчавшая и все время слушавшая съ необыкновеннымъ любопытствомъ, имѣвшая, можетъ-быть, на то и свои причины.

— Мое мнѣніе, другъ мой, высказался генералъ, — что тутъ нужна теперь, такъ сказать, скорѣе сидѣлка, чѣмъ наше волненіе, и, пожалуй, благонадежный, трезвый человѣкъ на ночь. Во всякомъ случаѣ, спросить князя и... немедленно дать покой. А завтра можно и опять принять участіе.

— Сейчасъ двѣнадцать часовъ, мыѣдемъ. Ёдетъ онъ съ нами или останется у васъ? раздражительно и сердито обратился Докторенко къ князю.

— Если хотите — останьтесь и вы при немъ, сказалъ князь, — мѣсто будетъ.

— Ваше превосходительство, неожиданно и восторженно подскочилъ къ генералу господинъ Келлеръ, — если требуется удовлетворительный человѣкъ на ночь, я готовъ жертвовать для друга... это такая душа! Я давно уже считаю его великимъ, ваше превосходительство! Я, конечно, моимъ образованіемъ манкировалъ, но если онъ критикуетъ, то вѣль это перлы, перлы сыплются, ваше превосходительство!..

Генералъ съ отчаяніемъ отвернулся.

— Я очень радъ, если онъ останется, конечно ему трудно ёхать, объявлялъ князь на раздражительные вопросы Лизаветы Прокофьевны.

— Да ты спишь что-ли? Если не хочешь, батюшка, такъ вѣль я его къ себѣ переведу! Господи, да онъ самъ чуть на ногахъ стоитъ! Да ты боленъ что-ли?

Давеча Лизавета Прокофьевна, не найдя князя на смертномъ одрѣ, дѣйствительно сильно преувеличила удовлетворительность состоянія его здоровья, судя по наружному виду, по недавняя болѣзнь, тяжелая воспоминанія ее сопровождавшія, усталость отъ хлопотливаго вечера, случай съ «сыномъ Навлищева», теперешній случай съ Ипполитомъ, — все это раздражило больную впечатлительность князя дѣйствительно почти до лихорадочнаго состоянія. Но кромѣ

того, въ глазахъ его теперь была еще и какая-то другая забота, даже боязнь; онъ опасливо глядѣлъ на Ипполита, какъ бы ожидалъ отъ него еще чего-то.

Вдругъ Ипполитъ поднялся, ужаспо блѣдный и съ видомъ страшнаго, доходившаго до отчаянія стыда на иска-женномъ своемъ лицѣ. Это выражалось преимущественно въ его взглядѣ, ненавистно и боязливо глянувшемъ на собраніе, и въ потерянной, искривленной и ползучей усмѣшкѣ на вздрагивавшихъ губахъ. Глаза онъ тотчасъ же опустилъ, и побрелъ, пошатываясь и все такъ же улыбаясь, къ Бурдовскому и Докторенку, которые стояли у выхода съ террасы; онъ уѣзжалъ съ ними.

— Ну, вотъ этого я и боялся! воскликнулъ князь. — Такъ и должно было быть!

Ипполитъ быстро обернулся къ нему съ самою бѣше-ною злобой, и каждая черточка на лицѣ его, казалось, трепетала и говорила.

— А, вы этого и боялись! „Такъ и должно было быть“, по-вашему? Такъ знайте же, что если я кого-нибудь здѣсь ненавижу, завопилъ онъ съ хрипомъ, съ брызгами изо рта (я васъ всѣхъ, всѣхъ ненавижу!), но васъ, васъ, іезуитская, паточная душонка, идіотъ, миллионеръ-благодѣтель, васъ болѣе всѣхъ и всего на свѣтѣ! Я васъ давно понялъ и ненавидѣлъ, когда еще слышалъ о васъ, я васъ ненавидѣлъ всею ненавистью души... Это вы теперь все подвели! Это вы меня довели до припадка! Вы умирающаго довели до стыда, вы, вы, вы виноваты въ подломъ моемъ малодушіи! Я убилъ бы васъ, если бъ остался жить! Не надо мнѣ вашихъ благодѣяній, ни отъ кого не приму, слышите, ни отъ кого, ничего! Я въ бреду былъ, и вы не смѣете торжествовать!.. Проклинаю всѣхъ васъ разъ навсегда!

Тутъ онъ совсѣмъ ужъ задохся.

— Слезъ своихъ застыдился! промолчалъ Лебедевъ Лизаветѣ Прокофьевнѣ, — „такъ и должно было быть!“ Ай да князь! Насквозь прочиталъ...

Но Лизавета Прокофьевна не удостоила взглянуть на него. Она стояла, гордо выпрямившись, закинувъ голову и съ презрительнымъ любопытствомъ разматривала „этихъ людишекъ“. Когда Ипполитъ кончилъ, генералъ вскинулся было плечами; она гнѣвно оглядела его съ ногъ до головы, какъ бы спрашивая отчета въ его движеніи, и тотчасъ оборотилась къ князю.

— Спасибо вамъ, князь, эксцентрическій другъ нашего дома, за пріятный вечеръ, который вы намъ всѣмъ доставили. Небось, ваше сердце радуется теперь, что удалось вамъ и настъ прицѣпить къ вашимъ дурачествамъ... Довольно, милый другъ дома, спасибо, что хоть себя-то дали, наконецъ, разглядѣть хорошенъко!..

Она съ негодованіемъ стала оправлять свою мантилью, выжидая, когда „тѣ“ отправятся. Къ „тѣмъ“ въ эту минуту подкатили извозчики дрожки, за которыми еще четверть часа назадъ Докторенко распорядился послать сына Лебедева, гимназиста. Генералъ тотчасъ же вслѣдъ за супругой ввернулся и свое словцо.

— Дѣйствительно, князь, я даже не ожидалъ... послѣ всего: послѣ всѣхъ дружественныхъ сношеній... и, наконецъ, Лизавета Прокофьевна...

— Ну, какъ, ну, какъ это можно! воскликнула Аделаида, быстро подошла къ князю и подала ему руку.

Князь съ потеряннымъ видомъ улыбнулся ей. Вдругъ горячій, скорый шопотъ какъ бы ожегъ его ухо.

— Если вы не бросите сейчасъ же этихъ мерзкихъ людей, то я всю жизнь, всю жизнь буду васъ одного ненавидѣть! прошептала Аглай.

Она была какъ бы въ изступленіи, но она отвернулась, прежде чѣмъ князь успѣлъ на нее взглянуть. Впрочемъ, ему уже нечего и некого было бросать: большого Ипполита тѣмъ временемъ успѣли кое-какъ усадить на извозчика, и дрожки отѣхали.

— Что-жъ, долго будетъ это продолжаться, Иванъ Федоровичъ? Какъ по-вашему? Долго я буду терпѣть отъ этихъ злобныхъ мальчишекъ?

— Да я, другъ мой... я, разумѣется, готовъ и... князь...

Иванъ Федоровичъ протянулъ однакоже князю руку, но не успѣлъ пожать и побѣжалъ за Лизаветой Прокофьевной, которая съ шумомъ и гнѣвомъ сходила съ террасы. Аделаида, женихъ ея и Александра искренно и ласково простились съ княземъ. Евгений Павловичъ былъ въ томъ же числѣ, и одинъ онъ былъ весель.

— Но-моему сбылось! Только жаль, что и вы, бѣдненький, тутъ пострадали, прошепталъ онъ съ самою милую усмѣшкой.

Аглай ушла, не простившись.

Но приключения этого вечера тѣмъ еще не кончились;

Лизавета Прокофьевна пришлось вынести еще одну весьма неожиданную встречу.

Она не успела еще сойти с лестницы на дорогу (огибающую кругомъ паркъ), какъ вдругъ блестящій экипажъ, коляска, запряженная двумя бѣлыми конями, промчалась мимо дачи князя. Въ коляскѣ сидѣли двѣ великолѣпныя барыни. Но, проѣхавъ не болѣе десяти шаговъ мимо, коляска вдругъ остановилась; одна изъ дамъ быстро обернулась, точно внезапно усмотрѣвъ какого-то необходимаго ей знакомаго.

— Евгений Павловичъ! Это ты? крикнула вдругъ звонкій, прекрасный голосъ, отъ которого вздрогнула князь и, можетъ-быть, еще кто-нибудь. — Ну, какъ я рада, что, наконецъ, разыскала! Я послала къ тебѣ въ городъ нарочнаго; двухъ! Щѣлкъ день тебя ищутъ!

Евгений Павловичъ стоялъ на ступенькахъ лестницы какъ пораженный громомъ. Лизавета Прокофьевна тоже стала на мѣстѣ, но не въ ужасѣ и оцепенѣніи, какъ Евгений Павловичъ: она смотрѣла на дерзкую такъ же гордо и съ такимъ же холоднымъ презрѣніемъ, какъ пять минутъ назадъ на „людишекъ“, и тотчасъ же перевела свой пристальный взглядъ на Евгения Павловича.

— Новость! продолжалъ звонкій голосъ. — За Купферовы векселя не бойся; Рогожинъ скучилъ за тридцать, я уговорила. Можешь быть спокойна хоть мѣсяца три еще. А съ Бискупомъ и со всемъ этою дрянью плавѣро сладимся, по знакомству! Ну, такъ вотъ, все, значитъ, благополучно. Будь веселъ. До завтра!

Коляска тронулась и быстро исчезла.

— Это помѣшанная! крикнула, наконецъ, Евгений Павловичъ, покраснѣвъ отъ негодованія и въ недоумѣніи оглядываясь кругомъ. — Я знать не знаю, что она говорила! Какие векселя! Кто она такая?

Лизавета Прокофьевна продолжала глядѣть на него еще секунды двѣ; наконецъ, быстро и круто направилась къ своей дачѣ, а за нею всѣ. Ровно чрезъ минуту на террасу къ князю явился обратно Евгений Павловичъ въ чрезвычайномъ волненіи.

— Князь, по правдѣ, вы не знаете что это значитъ?

— Ничего не знаю, отвѣтилъ князь, бывшій и самъ въ чрезвычайномъ и болѣзненномъ напряженіи.

— Нѣтъ?

— Нѣтъ.

— И я не знаю, засмѣялся вдругъ Евгений Павловичъ.—Ей-Богу, никакихъ сношеній по этимъ векселямъ не имѣль, ну, вѣрите честному слову!.. Да что съ вами, вы въ обморокъ падаете?

— О, нѣтъ, нѣтъ, увѣряю васъ, нѣтъ...

XI.

Только на третій день Епанчины вполнѣ умилостивились. Князь хоть и обвинилъ себя во многомъ, по обыкновенію, и искренно ожидалъ наказанія, но все-таки у него было сначала полное внутреннее убѣжденіе, что Лизавета Прокофьевна не могла на него разсердиться серьезно, а разсердилась больше на себя самое. Такимъ образомъ такой долгій срокъ вражды поставилъ его къ третьему дню въ самый мрачный тупикъ. Поставили и другія обстоятельства, но одно изъ нихъ преимущественно. Всѣ три дня оно разрасталось прогрессивно въ мнительности князя (а князь съ недавняго времени винилъ себя въ двухъ крайностяхъ: въ необычной „бесмысленной и назойливой“ своей довѣрчивости и въ то же время въ „мрачной, низкой“ мнительности). Однимъ словомъ, въ концѣ третьаго дня приключение съ эксцентрическою дамой, разговарившею изъ своей коляски съ Евгениемъ Павловичемъ, приняло въ умѣ его устрашающіе и загадочные размѣры. Сущность загадки, кроме другихъ сторонъ дѣла, состояла для князя въ скорбномъ вопросѣ: онъ-ли именно виноватъ и въ этой новой „чудовищности“, или только... Но онъ не договаривалъ кто еще. Что же касается до буквъ Н. Ф. Б., то, на его взглядъ, тутъ была одна только невинная шалость, самая даже дѣтская шалость, такъ что и задумываться объ этомъ сколько-нибудь было бы собственно и даже въ одномъ отношеніи почти безчестно.

Впрочемъ, въ первый же день послѣ безобразнаго „вечера“, въ беспорядкахъ котораго онъ былъ такою главною „причиной“, князь имѣль поутру удовольствіе принимать у себя князя ІІ. съ Аделаидой: „они зашли главное съ тѣмъ, чтобы узнать объ его здоровье“, зашли съ прогулки, вдвоеемъ. Аделаида замѣтила сей часъ въ паркѣ одно дерево, чудесное старое дерево, развѣсистое, съ длинными, искривленными сучьями, все въ молодой зелени, съ дупломъ и трещиной; она непремѣнно, непремѣнно положила срисовать его! Такъ что почти обѣ этомъ только говорила цѣлые полчаса своего визита. Князь ІІ. былъ

любезенъ и милъ по обыкновенію, спрашивалъ князя о прежнемъ, припоминаль обстоятельства ихъ первого знакомства, такъ что о вчерашнемъ почти ничего не было сказано. Наконецъ, Аделаида не выдержала, и, усмѣхнувшись, призналась, что они зашли *incognito*; но тѣмъ однакоже признанія и кончились, хотя изъ этого *incognito* уже можно было усмотретьъ, что родители, то-есть, главное, Лизавета Прокофьевна, находятся въ какомъ-то особенномъ нерасположеніи. Но ни о ней, ни объ Аглаѣ, ни даже объ Иванѣ Федоровичѣ Аделаида и князь Щ. не вымолвили въ свое посѣщеніе ни единаго слова. Уходя опять гулять, съ собою князя не пригласили. О томъ же чтобы звать къ себѣ и намека не было; на этотъ счетъ проскочило даже одно очень характерное словцо у Аделаиды: разсказывая объ одной своей акварельной работѣ, она вдругъ очень пожелала показать ее. „Какъ бы это сдѣлать поскорѣ? Постойте! Я вамъ или съ Колей сегодня пришлю, если зайдетъ, или завтра сама опять, какъ гулять съ княземъ пойдемъ, занесу“, заключила она, наконецъ, свое недоумѣніе, обрадовавшись, что такъ ловко и для всѣхъ удобно удалось ей разрѣшить эту задачу.

Наконецъ, уже почти простиившись, князь Щ. точно вдругъ вспомнилъ:

— Ахъ, да, спросилъ онъ,—не знаете-ли хоть вы, милый Левъ Николаевичъ, чѣмъ это была за особа, что кричала вчера Евгению Павлычу изъ коляски?

— Это была Настасья Филипповна, сказалъ князь,—развѣ вы еще не узнали, что это она? А съ нею не знаю кто былъ.

— Знаю, слышалъ! подхватилъ князь Щ.—Но чѣмъ означалъ этотъ крикъ? Это такая, признаюсь, для меня загадка... для меня и для другихъ.

Князь Щ. говорилъ съ чрезвычайнымъ и видимымъ изумленіемъ.

— Она говорила о какихъ-то векселяхъ Евгения Павловича, очень просто отвѣчалъ князь,—которые попались отъ какого-то ростовщика къ Рогожину, по ея просьбѣ, и что Рогожинъ подождетъ на Евгении Павлычѣ.

— Слышалъ, слышалъ, дорогой мой князь, да вѣдь этого быть не могло! Никакихъ векселей у Евгения Павлыча тутъ и быть не могло! При такомъ состояніи... Правда, ему случалось, по вѣтрости, прежде, и даже я его выручать... Но при такомъ состояніи давать векс-

селя ростовщику и о нихъ беспокоиться—невозможно. И не можетъ онъ быть на *ты* и въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ съ Настасіей Филипповной,—вотъ въ чёмъ главная задача. Онъ клянется, что ничего не понимаетъ, и я ему вполнѣ вѣрю. Но дѣло въ томъ, милый князь, что я хотѣлъ спросить васъ, не знаете-ли вы-то чего? То-есть не дошелъ-ли хоть до васъ какимъ-нибудь чудомъ слухъ?

— Нѣтъ, ничего не знаю, и увѣряю васъ, что я въ этомъ никаколько не участвовалъ.

— Ахъ, какой же вы, князь, стали! Я васъ просто не узнаю сегодня. Развѣ я могъ предположить васъ въ такомъ дѣлѣ участникомъ?.. Ну, да вы сегодня разстроены.

Онъ обнялъ и поцѣловалъ его.

— То-есть въ какомъ же „такомъ“ дѣлѣ участникомъ? Я не вижу никакого „такого“ дѣла.

— Безъ сомнѣнія, эта особы желала какъ-нибудь и въ чёмъ-нибудь помѣшать Евгению Павлычу, придавъ ему въ глазахъ свидѣтелей качества, которыхъ онъ не имѣть и не можетъ имѣть, отвѣтилъ князь Щ. довольно сухо.

Князь Левъ Николаевичъ смутился, но однакоже пристально и вопросительно продолжалъ смотрѣть на князя; но тотъ замолчалъ.

— А не просто векселя? Не буквально-ли такъ, какъ вчера? пробормоталъ, наконецъ, князь въ какомъ-то нетерпѣніи.

— Да говорю же вамъ, судите сами, что можетъ быть тутъ общаго между Евгениемъ Павлычемъ и... ею и вдѣбовою съ Рогожинымъ? Повторяю вамъ, состояніе огромное, что мы совершенно извѣстно; другое состояніе, котораго онъ ждетъ отъ дяди. Просто, Настасія Филипповна...

Князь Щ. вдругъ опять замолчалъ, очевидно потому, что ему не хотѣлось продолжать князю о Настасіи Филипповнѣ.

— Стало-быть, во всякомъ случаѣ, она ему знакома? спросилъ вдругъ князь Левъ Николаевичъ, помолчавъ съ минуту.

— Это-то, кажется, было; вѣтреникъ! Но, впрочемъ, если было, то ужъ очень давпо, еще прежде, то-есть года два-три. Вѣдь онъ еще съ Тощимъ былъ знакомъ. Теперь же быть ничего не могло въ этомъ родѣ, на *ты* они не могли быть никогда! Сами знаете, что и ея все здѣсь

не было, нигдѣ не было. Многіе еще и не знаютъ, что она опять появилась. Экипажъ я замѣтилъ днія три, не больше.

— Великолѣпный экипажъ! сказала Аделаида.

— Да, экипажъ великолѣпный.

Оба удалились, впрочемъ, въ самомъ дружескомъ, въ самомъ братскомъ, можно сказать, расположеніи къ князю Льву Николаевичу.

А для нашего героя это посѣщеніе заключало въ себѣ нечто даже капитальное. Положимъ, онъ и самъ много подозрѣвалъ, съ самой вчерашней ночи (а, можетъ, и раньше), но до самого ихъ визита онъ не рѣшался оправдать свои опасенія вполнѣ. Теперь же становилось ясно: князь Щ., конечно, толковалъ событіе ошибочно, но все же бродилъ кругомъ истины, все — таки понялъ же тутъ интригу. (Впрочемъ, онъ, можетъ — быть, и совершенно вѣрно про себя понимаетъ, — подумалъ князь, — а только не хочетъ высказаться и потому нарочно толкуетъ ошибочно). Яснѣе всего было то, что къ нему теперь заходили (и именно князь Щ.) въ надеждѣ какихъ-нибудь разъясненій; если такъ, то его прямо считаютъ участникомъ въ интригѣ. Кромѣ того, если это все такъ и въ самомъ дѣлѣ важно, то, стало-быть, у *ней* какая-то ужасная цѣль, какая же цѣль? Ужасъ! „Да и какъ *ее* остановишь? Остановить *ее* нѣтъ никакой возможности, когда она убѣждена въ своей цѣли!“ Это ужъ князь зналъ по опыту. „Сумасшедшая! Сумасшедшая!“

Но слишкомъ, слишкомъ много собралось въ это утро и другихъ неразрѣшимыхъ обстоятельствъ, и все къ одному времени, и все требовало разрѣшенія немедленно, такъ что князь былъ очень грустенъ. Его развлекла немного Вѣра Лебедева, которая пришла къ нему съ Любочкой, и, смѣясь, что-то долго рассказывала. За нею послѣдовала и сестра ея, раскрывавшая ротъ, за ними гимналистъ, сынъ Лебедева, который увѣрялъ, что „Звѣзда Полянъ“, въ Апокалипсисѣ, павшая на землю на источники водъ, есть, по толкованію его отца, сѣть желѣзныхъ дорогъ, раскинувшаяся по Европѣ. Князь не повѣрилъ, что Лебедевъ такъ толкуетъ, рѣшено было справиться у него самого при первомъ удобномъ случаѣ. Отъ Вѣры Лебедевой князь узналъ, что Келлеръ прикочевалъ къ нимъ еще со вчерашняго днія и, по всѣмъ признакамъ, долго отъ нихъ не отстанетъ, потому что нашелъ компанію и дру-

жески сошелся съ генераломъ Иволгинымъ; вирочемъ, онъ объявилъ, что остается у нихъ единственно, чтобы укомплектовать свое образованіе. Вообще дѣти Лебедева все болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ начинали князю правиться. Коли цѣлый день не было: онъ спозаранку отпрашивался въ Петербургъ (Лебедевъ тоже уѣхалъ чѣмъ свѣтъ по какимъ-то своимъ дѣлишкамъ). Но князь ждалъ съ нетерпѣніемъ посѣщенія Гаврилы Ардаліоновича, который непремѣнно долженъ былъ сегодня же зайти къ нему.

Онъ пожаловалъ въ седьмомъ часу пополудни, тотчасъ послѣ обѣда. Съ первого взгляда на него, князю подумалось, что по крайней мѣрѣ этотъ господинъ долженъ знать всю подноготную безошибочно,—да и какъ не знать, имѣя такихъ помощниковъ, какъ Варвара Ардаліоновна и супругъ ея? Но съ Ганей у князя были отношения все какія-то особенные. Князь, напримѣръ, довѣрилъ ему вести дѣло Бурдовскаго и особенно просилъ его обѣ этомъ; но, несмотря на эту довѣренность и на кое-что бывшее прежде, между обоими постоянно оставались некоторые пункты, о которыхъ какъ бы рѣшено было взаимно ничего не говорить. Князю казалось иногда, что Ганя, можетъ быть, и желалъ съ своей стороны самой полной и дружеской искренности; теперь, напримѣръ, чуть только онъ вошелъ, князю тотчасъ же показалось, что Ганя въ высшей степени убѣжденъ, что въ эту самую минуту настала пора разбить между ними ледъ на всѣхъ пунктахъ. (Гаврила Ардаліоновичъ однакоже торопился; его ждала у Лебедева сестра; оба они спѣшили по какому-то дѣлу).

Но если Ганя и въ самомъ дѣлѣ ждалъ цѣлаго ряда нетерпѣливыхъ вопросовъ, невольныхъ сообщеній, дружескихъ изліяній, то онъ, конечно, очень ошибся. Во всѣ двадцать минутъ его посѣщенія князь былъ даже очень задумчивъ, почти разсѣянъ. Ожидаемыхъ вопросовъ или, лучше сказать, одного главнаго вопроса, котораго ждалъ Ганя, быть не могло. Тогда и Ганя рѣшился говорить съ большою выдержкой. Онъ, не умолкая, разсказывалъ всѣ двадцать минутъ, смѣялся, вѣль самую легкую, милую и быструю болтовню, но до главнаго не коснулся.

Ганя рассказалъ, между прочимъ, что Настасья Филипповна всего только дnia четыре здѣсь въ Павловскѣ и уже обращаетъ на себя общее вниманіе. Живетъ она гдѣ-то въ какой-то Матросской улицѣ, въ небольшомъ,

неуклюжемъ домиѣ, у Дарьи Алексѣевны, а экипажъ ея чутъ не первый въ Павловскѣ. Вокругъ нея уже собралась цѣлая толпа старыхъ и молодыхъ искателей; коляски сопровождаютъ иногда верховые. Настасья Филипповна, какъ и прежде, очень разборчива, допускаетъ къ себѣ по выбору. А все-таки около нея цѣлая команда образовалась, есть кому стать за нее въ случаѣ нужды. Одинъ формальный женихъ, изъ дачниковъ, уже поссорился изъ-за нея со своею невѣстой; одинъ стариочекъ-генералъ почти проклялъ своего сына. Она часто береть съ собой кататься одну прелестную дѣвочку, только что шестнадцати лѣтъ, дальнюю родственницу Дарьи Алексѣевны; эта дѣвочка хорошо поетъ,—такъ что по вечерамъ ихъ домикъ обращаетъ на себя вниманіе. Настасья Филипповна, впрочемъ, держитъ себя чрезвычайно порядочно, одѣвается не пышно, но съ необыкновеннымъ вкусомъ, и всѣ дамы ея „вкусу, красотѣ и экипажу завидуютъ“.

— Вчерашній эксцентрическій случай, промолвился Ганя,—конечно, преднамѣренный и, конечно, не долженъ идти въ счетъ. Чтобы придраться къ ней въ чѣмъ-нибудь, надо подыскаться нарочно или оклеветать, что, впрочемъ, не замедлитъ, заключилъ Ганя, ожидавшій, что князь не премѣнило тутъ спросить: „почему онъ называется вчерашній случай случаемъ преднамѣреннымъ? И почему не замедлить?“

Но князь не спросилъ этого.

Насчетъ Евгения Павловича Ганя распространился опять-таки самъ, безъ особыхъ разспросовъ, что было очень странно, потому что онъ ввернулъ его въ разговоръ безо всякаго повода. По мнѣнію Гаврилы Ардаліоновича, Евгений Павловичъ не зналъ Настасьи Филипповны, онъ ее и теперь тоже чуть-чуть только знаетъ и именно потому, что для четыре назадъ былъ ей кѣмъ-то представленъ на прогулкѣ, и врядъ-ли былъ хоть разъ у нея въ домѣ, вмѣстѣ съ прочими. Насчетъ векселей тоже быть могло (это Ганя знаетъ даже навѣрно); у Евгения Павловича состояніе, конечно, большое, но „нѣкоторыя дѣла по имѣнію, дѣйствительно, находятся въ нѣкоторомъ безпорядкѣ“. На этой любопытной матеріи Ганя вдругъ оборвалъ. Насчетъ вчерашней выходки Настасьи Филипповны онъ не сказалъ ни единаго слова, кромѣ сказанного вскользь выше. Наконецъ, за Ганей зашла Варвара Ардаліоновна,

пробыла минутку, объявила (тоже непрошенная), что Евгений Павловичъ сегодня, а можетъ и завтра, пробудеть въ Петербургѣ, что и мужъ ея (Иванъ Петровичъ Птицынъ) тоже въ Петербургѣ, и чуть-ли тоже не по дѣламъ Евгения Павловича, что тамъ дѣйствительно что-то вышло. Уходя, она прибавила, что Лизавета Прокофьевна сегодня въ адскомъ расположениіи духа, но, что всего страннѣе, что Аглая пересорилась со всѣмъ семействомъ, не только съ отцомъ и матерью, но даже съ обѣими сестрами, и „что это совсѣмъ не хорошо“. Сообщивъ, какъ бы вскользь, это послѣднее (для князя чрезвычайно многозначительное) извѣстіе, братецъ и сестрица удалились. О дѣлѣ съ „сыномъ Павлищева“ Ганечка тоже не упомянула ни слова, можетъ-быть, отъ ложной скромности, можетъ-быть, „щадя чувства князя“, но князь все-таки еще разъ поблагодарилъ его за старательное окончаніе дѣла.

Князь очень былъ радъ, что его оставили, наконецъ, одного; онъ сошелъ съ террасы, перешелъ чрезъ дорогу и вошелъ въ паркъ; ему хотѣлось обдумать и разрѣшить одинъ шагъ. Но этотъ „шагъ“ былъ не изъ тѣхъ, которые обдумываются, а изъ тѣхъ, которые именно не обдумываются, а на которые просто рѣшаются: ему ужасно вдругъ захотѣлось оставить все это здѣсь, а самому уѣхать назадъ, откуда пріѣхалъ, куда-нибудь подальше, въ глушь, уѣхать сейчасъ же и даже ни съ кѣмъ не простишись. Онъ предчувствовалъ, что если только останется здѣсь хоть еще на нѣсколько дней, то непремѣнно втянется въ этотъ міръ безвозвратно, и этотъ же міръ и выпадетъ ему впредь на долю. Но онъ не разсуждалъ и десяти минутъ и тотчасъ рѣшилъ, что бѣжать „невозможно“, что это будетъ почти малодушіе, что предъ нимъ стоять такія задачи, что не разрѣшить или, по крайней мѣрѣ, не употребить всѣхъ силъ къ разрѣшенію ихъ онъ не имѣть теперь никакого даже и права. Въ такихъ мысляхъ воротился онъ домой и врядъ-ли и четверть часа гулялъ. Онъ былъ вполнѣ несчастенъ въ эту минуту.

Лебедева все еще не было дома, такъ что подъ вечеръ къ князю успѣлъ ворваться Келлеръ, не хмельной, но съ изліяніями и признаніями. Онъ прямо объявилъ, что пришелъ разсказать князю всю свою жизнь и что для того и остался въ Павловскѣ. Выгнать его не было ни малѣйшей возможности: не пошелъ бы ни за что. Келлеръ приготовился было говорить очень долго и очень нескладно,

но вдругъ почти съ первыхъ словъ перескочилъ къ заключеню и объявилъ, что онъ до того было потерялъ „всякий призракъ нравственности“ (единственно отъ безвѣрія во Всевышняго), что даже воровалъ.

— Можете себѣ это представить!

— Послушайте, Келлеръ, я бы на вашемъ мѣстѣ лучше не признавался въ этомъ безъ особой нужды, началъ было князь, — а впрочемъ, вѣдь вы, можетъ-быть, нарочно на себя наговариваете?

— Вамъ, единственно вамъ одному, и единствено для того, чтобы помочь своему развитію! Больше никому; умру и подъ саваномъ унесу мою тайну! Но, князь, если бы вы знали, если бы вы только знали, какъ трудно въ нашъ вѣкъ достать денегъ! Гдѣ же ихъ взять, позвольте васть спросить послѣ этого? Одинъ отвѣтъ: „неси золото и брильянты, подъ нихъ и дадимъ“, то-есть именно то, чего у меня нѣть. Можете вы себѣ это представить? Я, наконецъ, разсердился, постоялъ-постоялъ. „А подъ изумруды, говорю, дадите?“ — „И подъ изумруды, говорить, дамъ“. — „Ну, и отлично“, говорю, надѣлъ шляпу и вышелъ; чортъ съ вами, подлецы вы этакие! Ей-Богу!

— А у васъ развѣ были изумруды?

— Какіе у меня изумруды! О, князь, какъ вы еще свѣтло и невинно, даже, можно сказать, пастушески смотрите на жизнь!

Князю стало, наконецъ, не то чтобы жалко, а такъ, какъ бы совсѣмъ. У него даже мелькнула мысль: „Нельзя ли что-нибудь сдѣлать изъ этого человѣка чѣмъ-нибудь хорошимъ вліяніемъ?“ Собственное свое вліяніе онъ считалъ по нѣкоторымъ причинамъ весьма негоднымъ, — не изъ самоумаленія, а по нѣкоторому особому взгляду на вещи. Мало-по-малу, они разговорились, и до того, что и разойтись не хотѣлось. Келлеръ съ необыкновенною готовностью признавался въ такихъ дѣлахъ, что возможно-сти не было представить себѣ, какъ это можно про такія дѣла разсказывать. Приступая къ каждому разсказу, онъ увѣрялъ положительно, что кается и внутренно „полонъ слезъ“, а между тѣмъ разсказывалъ такъ, какъ будто гордился поступкомъ, и въ то же время до того иногда смѣшино, что онъ и князь хохотали, наконецъ, какъ сумасшедшіе.

— Главное то, что въ васть какая-то дѣтская довѣрчивость и необычайная правдивость, сказалъ, наконецъ,

князь.—Знаете-ли, что ужъ этимъ однимъ вы очень много выкупаете?

— Благороденъ, благороденъ, рыцарски благороденъ! подтвердилъ въ умиленіи Келлеръ.— Но, знаете, князь, все только въ мечтахъ и, такъ сказать, въ куражѣ, на дѣлѣ же никогда не выходить! А почему такъ? И понять не могу.

— Не отчаивайтесь. Теперь утвердительно можно сказать, что вы миѣ всю подноготную вашу представили; по крайней мѣрѣ, миѣ кажется, что къ тому, что вы рассказали, теперь больше вѣдь ужъ ничего прибавить нельзя, вѣдь такъ?

— Нельзя?! съ какимъ-то сожалѣніемъ воскликнулъ Келлеръ.—О, князь, до какой степени вы еще, такъ сказать, по-швейцарски понимаете человѣка.

— Неужели еще можно прибавить? съ робкимъ удивленіемъ выговорилъ князь. — Такъ чего же вы отъ меня ожидали, Келлеръ, скажите пожалуйста, и зачѣмъ прислали съ вашею исповѣдью?

— Отъ васъ? Чего ждали? Во-первыхъ, на одно ваше простодушіе посмотрѣть пріятно; съ вами посидѣть и поговорить пріятно; я, по крайней мѣрѣ, знаю, что предо мной добродѣтельнѣйшее лицо, а во-вторыхъ... во-вторыхъ...

Онъ замялся.

— Можетъ-быть, денегъ хотѣли занять? подсказалъ князь очень серьезно и просто, даже какъ бы нѣсколько робко.

Келлера такъ и дернуло; онъ быстро, съ прежнимъ удивленіемъ, взглянулъ князю прямо въ глаза и крѣпко стукнулъ кулакомъ объ столъ.

— Ну, вотъ этимъ-то вы и сбиваете человѣка съ по слѣдняго панталыку! Да помилуйте, князь: то ужъ такое простодушіе, такая невинность, никакъ и въ золотомъ вѣкѣ не слыхано, и вдругъ въ то же время насквозь человѣка пронзаете, какъ стрѣла, такою глубочайшею психологіей наблюденія. Но позвольте, князь, это требуетъ разъясненія, потому что я... я просто сбитъ! Разумѣется, въ концѣ концовъ, моя цѣль была занять денегъ, но вы меня о деньгахъ спросили такъ, какъ будто не находите въ этомъ ничего предосудительного, какъ будто такъ и быть должно.

— Да... отъ васъ такъ и быть должно.

— И не возмущены?

— Да... чѣмъ же?

— Послушайте, князь, я остался здѣсь со вчерашняго вечера, во-первыхъ, изъ особеннаго уваженія къ французскому архіепископу Бурдалу (у Лебедева до трехъ часовъ откупоривали), а во-вторыхъ, и главное (и вотъ всѣми крестами крещусь, что говорю правду истинную!), потому остался, что хотѣлъ, такъ сказать, сообщивъ вамъ мою полную, сердечную исповѣдь, тѣмъ самымъ способствовать собственному развитію; съ этою мыслю и заснулъ въ четвертомъ часу, обливаясь слезами. Вѣрите-ли вы теперь благороднѣйшему лицу: въ тотъ самый моментъ, какъ я засыпалъ, искренно полный внутреннихъ и, такъ сказать, вѣнчанихъ слезъ (потому что, наконецъ, я рыдалъ, я это помню!), пришла мнѣ одна адская мысль: „А что, не занять-ли у него въ концѣ концовъ, послѣ исповѣди-то, денегъ?“ Такимъ образомъ, я исповѣдь приготовилъ, такъ сказать, какъ бы какой-нибудь „фенезерфъ подъ слезами“, съ тѣмъ, чтобы этими же слезами дорогу смягчить, и чтобы вы, разластившись, мнѣ сто пятьдесятъ рубликовъ отсчитали. Не низко это по-вашему?

— Да вѣдь это-жъ навѣрно не правда, а просто одно съ другимъ сошлось. Две мысли вмѣстѣ сошлись, это очень часто случается. Со мной безпрерывно. Я, впрочемъ, думаю, что это не хорошо, и, знаете, Келлеръ, я въ этомъ всего больше укоряю себя. Вы мнѣ точно меня самого теперь рассказали. Мнѣ даже случалось иногда думать, продолжалъ князь очень серьезно, истинно и глубоко заинтересованный, — что и всѣ люди такъ, такъ что я началь было и одобрять себя, потому что съ этими двойными мыслями ужасно трудно бороться; я испыталъ. Богъ знаетъ какъ онѣ приходятъ и зарождаются. Но вотъ вы же называете это прямо низостью! Теперь и я опять начну этихъ мыслей бояться. Во всякомъ случаѣ, я вамъ не судья. Но все-таки, по-моему, нельзя назвать это прямо низостью, какъ вы думаете? Вы схитрили, чтобы черезъ слезы деньги выманить, но вѣдь сами же вы клянетесь, что исповѣдь ваша имѣла и другую цѣль, благородную, а не одну денежную; что же касается до денегъ, то вѣдь онѣ вамъ на кутежъ нужны, такъ-ли? А это ужъ послѣ такой исповѣди, разумѣется, малодушне. Но какъ тоже и отъ кутежа отстать въ одну минуту? Вѣдь это невозможно. Что же дѣлать? Лучше всего на собственную совѣсть вашу оставить, какъ вы думаете?

Князь съ чрезвычайнымъ любопытствомъ глядѣлъ на Келлера. Вопросъ о двойныхъ мысляхъ видимо и давно уже занималъ его.

— Ну, почему васъ послѣ этого называютъ идiotомъ, не понимаю! вскричалъ Келлеръ.

Князь слегка покраснѣлъ.

— Проповѣдникъ Бурдалу, такъ тотъ не пощадилъ бы человѣка, а вы пощадили человѣка и разсудили меня по-человѣчески! Въ наказаніе себѣ и чтобы показать, что я тронутъ, не хочу ста пятидесяти рублей, дайте мнѣ только двадцать пять рублей, и довольно! Вотъ все, чтобъ мнѣ надо, по крайней мѣрѣ, на двѣ недѣли. Раньше двухъ недѣль за деньгами не приду. Хотѣлъ Агашку побаловать, да не стоятъ она того. О, милый князь, благослови васъ Господь!

Вошелъ, наконецъ, Лебедевъ, только что воротившійся, и, замѣтивъ двадцатипятирублевую въ рукахъ Келлера, поморщился. Но Келлеръ, очутившійся при деньгахъ, уже спѣшилъ вонъ и немедленно стушевался. Лебедевъ тотчасъ же началъ на него наговаривать.

— Вы несправедливы, онъ дѣйствительно искренно раскаивался, замѣтилъ, наконецъ, князь.

— Да, вѣдь, что въ раскаяніи-то! Точь-вѣ-точъ какъ и я вчера: „низокъ, низокъ“, а вѣдь одни только слова-сь!

— Такъ у васъ только одни слова были? А я было думалъ...

— Ну, вотъ вамъ, одному только вамъ, объявляю истину, потому что вы проницаете человѣка: и слова, и дѣло, и ложь, и правда—все у меня вмѣстѣ и совершенно искренно. Правда и дѣло состоятъ у меня въ истинномъ раскаяніи, вѣрьте, не вѣрьте, вотъ поклянусь, а слова и ложь состоятъ въ адской (и всегда присущей) мысли, какъ бы и тутъ уловить человѣка, какъ бы и черезъ слезы раскаянія выиграть! Ей-Богу такъ! Другому не сказалъ бы—засмѣялся, или плонетъ; но вы, князь, вы разсудите по-человѣчески.

— Ну, вотъ, точь-вѣ-точъ и онъ говорилъ мнѣ сейчасъ, вскричалъ князь,—и оба вы точно хвалитесь! Вы даже меня удивляете, только съ искреннѣемъ вашего, а вы въ рѣшительное ремесло обратили. Ну, довольно, не морщитесь, Лебедевъ, и не прикладывайте руки къ сердцу. Не скажете-ли вы мнѣ чего-нибудь? Вы даромъ не зайдете...

Лебедевъ закрывался и закоробился.

— Я васъ пѣлый день поджидалъ, чтобы задать вамъ вопросъ; отвѣтьте хоть разъ въ жизни правду съ первого слова: участвовали вы сколько-нибудь въ этой вчерашней коляскѣ или нѣть?

Лебедевъ опять закрывался, началъ хихикать, потирая руки, даже, иаконецъ, расчихался, но все еще не рѣшался что-нибудь выговорить.

— Я вижу, что участвовали.

— Но косвенно, единственно только косвенно! Истинную правду говорю! Тѣмъ только и участвовалъ, что далъ своевременно знать извѣстной особѣ, что собралась у меня такая компания, и что присутствуютъ нѣкоторыя лица.

— Я знаю, что вы вашего сына туда посылали, онъ миѣ самъ давеча говорилъ, но что-жъ это за интрига такая! воскликнулъ князь въ нетерпѣніи.

— Не моя интрига, не моя, отмахивался Лебедевъ, — тутъ другіе, другіе, и скорѣе, такъ сказать, фантазія, тѣмъ интрига.

— Да въ чемъ же дѣло, разъясните, ради Христа? Неужели вы не понимаете, что это прямо до меня касается? Вѣдь тутъ чернать Евгенія Павловича.

— Князь! Сіятельный князь! закоробился опять Лебедевъ.— Вѣдь вы не позволяете говорить всю правду; я вѣдь уже вамъ начинай о правдѣ; не разъ; вы не позволили продолжать...

Князь помолчалъ и подумалъ.

— Ну, хорошо; говорите правду, тяжело проговорилъ онъ, видимо послѣ большой борьбы.

— Аглая Ивановна... тотчасъ же началъ Лебедевъ.

— Молчите, молчите! неистово закричалъ князь, весь покраснѣвъ отъ негодованія, а можетъ-быть и отъ стыда.— Быть этого не можетъ, все это вздоръ! Все это вы сами выдумали, или такие же сумасшедшие. И чтобы я никогда не слыхалъ отъ васъ этого болѣе!

Поздно вечеромъ, часу уже въ одиннадцатомъ, явился Коля съ цѣлымъ коробомъ извѣстій. Извѣстія его были двоякія: петербургскія и павловскія. Онъ наскоро рассказалъ главныя изъ петербургскихъ (преимущественно объ Ипполитѣ и о вчерашней исторіи), съ тѣмъ, чтобы опять перейти къ нимъ потомъ, и поскорѣе перешель къ павловскимъ. Три часа тому назадъ воротился онъ изъ Петербурга.

бурга и, не заходя къ князю, прямо отправился къ Епанчинамъ. „Тамъ ужасъ что такое!“ Разумѣется, на первомъ планѣ коляска, но навѣрно тутъ что-то такое и еще случилось, что-то такое имъ съ княземъ неизвѣстное. „Я, разумѣется, не шпионилъ и допрашивать никого не хотѣлъ; впрочемъ, приняли меня хорошо, такъ хорошо, что я даже не ожидалъ; но о вѣсть, князь, ни слова!“ Главнѣе и занимательнѣе всего то, что Аглая поссорилась давеча со своими за Ганю. Въ какихъ подробностяхъ состояло дѣло—неизвѣстно, но только за Ганю (вообразите себѣ это!), и даже ужасно ссорятся, стало-быть, что-то важное. Генераль пріѣхалъ поздно, пріѣхалъ нахмуренный, пріѣхалъ съ Евгениемъ Павловичемъ, котораго превосходно приняли, а самъ Евгений Павловичъ удивительно весель и милъ. Самое же капитальное извѣстіе въ томъ, что Лизавета Прокофьевна, безо всякаго шума, позвала къ себѣ Варвару Ардаліоновну, сидѣвшую у дѣвицъ, и разъ на всегда выгнала ее изъ дома, самымъ учтивѣйшимъ, впрочемъ, образомъ,—„отъ самой Вари слышалъ“. Но когда Варя вышла отъ Лизаветы Прокофьевны и простились съ дѣвицами, то тѣ и не знали, что ей отказано отъ дома разъ навсегда, и что она въ послѣдній разъ съ ними прощается.

— Но Варвара Ардаліоновна была у меня въ семь часовъ? спросилъ удивленный князь.

— А выгнали ее въ восьмомъ или въ восемь. Мнѣ очень жаль Варю, жаль Ганю... у нихъ, безъ сомнѣнія, вѣчные интриги, безъ этого имъ невозможно. И никогда-то я не могъ знать, что они замышляютъ, и не хочу узнавать. Но увѣряю вѣсть, милый, добрый мой князь, что въ Ганѣ есть сердце. Это человѣкъ во многихъ отношеніяхъ, конечно, погибшій, но во многихъ отношеніяхъ въ немъ есть такія черты, которыя стоятъ поискать, чтобы найти, и я никогда не прощу себѣ, что прежде не понималъ его... Не знаю, продолжать-ли мнѣ теперь, послѣ исторіи съ Варей. Правда, я поставилъ себя съ первого начала совершенно независимо и отдельно, но все-таки надо обдумать.

— Вы напрасно слишкомъ жалѣете брата, замѣтилъ ему князь.—Если ужъ до того дошло дѣло, стало-быть, Гаврила Ардаліоновичъ опасенъ въ глазахъ Лизаветы Прокофьевны, а, стало-быть, извѣстныя надежды его утверждаются.

— Какъ, какія надежды! въ изумлениі вскричалъ Коля.— Ужъ не думаете-ли вы, что Аглай... этого быть не можетъ! Князь промолчалъ.

— Вы ужасный скептикъ, князь, минуты черезъ двѣ прибавилъ Коля.— Я замѣчаю, что съ нѣкотораго времени вы становитесь чрезвычайный скептикъ; вы начинаете ничему не вѣрить и все предполагать... а правильно я употребилъ въ этомъ случаѣ слово „скептикъ“?

— Я думаю, что правильно, хотя, впрочемъ, навѣрно и самъ не знаю.

— Но я самъ отъ слова „скептикъ“ отказываюсь, а нашелъ новое объясненіе, закричалъ вдругъ Коля,— вы не скептикъ, а ревнивецъ! Вы адски ревнуете Ганю къ извѣстной гордой лѣвицѣ!

Сказавъ это, Коля вскочилъ и расхохотался такъ, какъ, можетъ-быть, никогда ему не удавалось смѣяться. Увидавъ, что князь весь покраснѣлъ, Коля еще пуще захотѣлъ; ему ужасно понравилась мысль, что князь ревнуетъ къ Аглай, но онъ умолкъ тотчасъ же, замѣтивъ, что тотъ искренно огорчился. Затѣмъ они очень серьезно и озабоченно проговорили еще часъ или полтора.

На другой день князь по одному неотлагательному дѣлу цѣлое утро пробылъ въ Петербургѣ. Возвращаясь въ Павловскъ уже въ пятомъ часу пополудни, онъ сошелся въ вокзалѣ желѣзной дороги съ Иваномъ Федоровичемъ. Тотъ быстро схватилъ его за руку, осмотрѣлся кругомъ, какъ бы въ испугѣ, и потащилъ князя съ собой въ вагонъ первого класса, чтобы ѿхать вмѣстѣ. Онъ сгоралъ желаніемъ переговорить о чемъ-то важномъ.

— Во-первыхъ, милый князь, на меня не сердись, и если было что съ моей стороны—позабудь. Я бы самъ еще вчера къ тебѣ зашелъ, но не зналъ, какъ на этотъ счетъ Лизавета Прокофьевна... Дома у меня... просто адъ, загадочный сфинксъ поселился, а я хожу, ничего не понимаю. А что до тебя, то, по-моему, ты меньше всѣхъ насъ виноватъ, хотя, конечно, черезъ тебя многое вышло. Видишь, князь, быть филантропомъ пріятно, но не очень. Самъ, можетъ, уже вкусишь плоды. Я, конечно, люблю доброту и уважаю Лизавету Прокофьевну, но...

Генераль долго еще продолжалъ въ этомъ родѣ, но слова его были удивительно безсвязны. Видно было, что онъ потрясенъ и смущенъ чрезвычайно чѣмъ-то до крайности ему непонятнымъ.

— Для меня идти сомнений, что ты тут ни при чемъ, высказался, наконецъ, онъ ясне,—но не посѣщай насть нѣкоторое время, прошу тебя дружески, вперед до перемѣны вѣтра. Что же касается до Евгения Павлыча, вскричалъ онъ съ необыкновеннымъ жаромъ,—то все это безсмысленная клевета, клевета изъ клеветы! Это наговоръ, тутъ интрига, желаніе все разрушить и насть поссорить. Видишь, князь, говорю тебѣ на ухо: между нами и Евгениемъ Павлычемъ не сказано еще ни одного слова, понимаешь? Мы не связаны ничѣмъ,—но это слово можетъ быть сказано, и даже, можетъ-быть, очень скоро! Такъ вотъ чтобы повредить! А зачѣмъ, почему—не понимаю! Женщина удивительная, женщина эксцентрическая, до того ея боюсь, что едва сплю. И какой экипажъ, бѣлые кони, вѣдь это шикъ, вѣдь это имѣнно то, что называется по-французски шикъ! Кто это ей? Ей-Богу согрѣшилъ, подумалъ третьяго дnia на Евгения Павловича. Но оказывается, что и быть не можетъ, а если быть не можетъ, то для чего она хочетъ тутъ разстроить? Вотъ, вотъ задача! Чтобы сохранить при себѣ Евгения Павлыча? Но, повторяю тебѣ, и вотъ тебѣ крестъ, что онъ съ ней не знакомъ, и что векселя эти — выдумка! И съ такою наглостью ему *ты* кричить чрезъ улицу! Чистѣйшій заговоръ! Ясное дѣло, что надо отвергнуть съ презрѣніемъ, а къ Евгению Павлычу удвоить уваженіе. Такъ я и Лизаветѣ Прокофьевнѣ высказалъ. Теперь скажу тебѣ самую интимную мысль: я упорно убѣжденъ, что она это изъ личнаго мщенія ко мнѣ, помнишь, за прежнее, хотя я никогда и ни въ чемъ передъ нею виноватъ не былъ. Краснѣю отъ одного воспоминанія. Теперь, вотъ, она опять появилась, я думалъ, исчезла совсѣмъ. Гдѣ же этотъ Рогожинъ сидитъ, скажите пожалуйста? Я думалъ, она давно уже госпожа Рогожина.

Однимъ словомъ, человѣкъ былъ сильно сбитъ съ толку. Весь почти часъ пути онъ говорилъ одинъ, задавалъ вопросы, самъ разрѣшалъ ихъ, пожималъ руку князя, и по крайней мѣрѣ въ томъ одномъ убѣдилъ князя, что его онъ и не думаетъ подозрѣвать въ чемъ-нибудь. Это было для князя важно. Кончилъ онъ разсказомъ о родномъ дядѣ Евгения Павлыча, начальникеъ какой-то капцеляріи въ Петербургѣ—„на видномъ мѣстѣ, семидесяти лѣтъ, виверъ, гастрономъ и вообще повадливый стариашка... Ха-ха! Я знаю, что онъ слышалъ про Настасью Филип-

повну и даже добивался. Заезжалъ къ нему давеча; не принимаетъ, нездоровъ, но богатъ, богатъ, имѣть значеніе и... дай ему Богъ много лѣтъ здравствовать, но опять-таки Евгению Павлычу все достанется... Да, да... а я все-таки боюсь! Не понимаю чего, а боюсь... Въ воздухѣ какъ будто что-то носится, какъ будто летучая мышь, бѣда летаетъ, и боюсь, боюсь!..“

И, наконецъ, только на третій день, какъ мы уже написали выше, послѣдовало формальное примиреніе Епанчиныхъ съ княземъ Львомъ Николаевичемъ.

XII.

Было семь часовъ пополудни; князь собирался идти въ паркъ. Вдругъ Лизавета Прокофьевна одна вошла къ нему на террасу.

— *Во-первыхъ*, и не смѣй думать, начала она, — что я пришла къ тебѣ прощенія просить. Вздоръ! Ты *кругомъ виноватъ*.

Князь молчалъ.

— Виноватъ или нѣть?

— Столько же, сколько и вы. Впрочемъ, ни я, ни вы, мы оба ни въ чемъ не виноваты умышленно. Я третьяго дня себя виноватымъ считалъ, а теперь разсудиль, что это не такъ.

— Такъ вотъ ты какъ! Ну, хорошо; слушай же и садись, потому что я стоять не намѣрена.

Оба сѣли.

— *Во-вторыхъ*, ни слова о злобныхъ мальчишкахъ! Я просижу и проговорю съ тобой десять минутъ; я пришла къ тебѣ справку сдѣлать (а ты думалъ и Богъ знать что?), и если ты хоть однімъ словомъ заикнешься про дерзкихъ мальчишекъ, я встаю и ухожу, и уже совсѣмъ съ тобой разрываю.

— Хорошо, отвѣтилъ князь.

— Позволь тебя спросить: изволилъ ты прислать, мѣсяца два или два съ половиною тому, около Святой, къ Аглай письмо?

— Пи-писалъ.

— Съ какою же цѣлью? Чѣмъ было въ письмѣ? Покажи письмо!

Глаза Лизаветы Прокофьевны горѣли, опа чуть не дрожала отъ нетерпѣнія.

— У меня нѣть письма, удивился и оробѣлъ князь.

ужасно,—если есть и цѣло еще, то у Аглай Ивановны.

— Не финти! О чемъ писаль?

— Я не финчу, и ничего не боюсь. Я не вижу никакой причины, почему мнѣ не писать...

— Молчи! Потомъ будешь говорить. Что было въ письмѣ? Почему покраснѣлъ?

Князь подумалъ.

— Я не знаю вашихъ мыслей, Лизавета Прокофьевна. Вижу только, что письмо это вамъ очень не нравится. Согласитесь, что я могъ бы отказаться отвѣтить на такой вопросъ; но чтобы показать вамъ, что я не боюсь за письмо, и не сожалѣю, что написалъ, и отнюдь не краснѣю за него (князь покраснѣлъ еще чуть пе вдвое болѣе), я вамъ прочту это письмо, потому что, кажется, помню его наизусть.

Сказавъ это, князь прочелъ это письмо почти слово въ слово, какъ оно было.

— Экая галиматая! Чѣдѣ же этотъ вздоръ можетъ означать по-твоему? рѣзко спросила Лизавета Прокофьевна, выслушавъ письмо съ необыкновеннымъ вниманиемъ.

— Самъ не знаю вполнѣ; знаю, что чувство мое было искреннее. Тамъ у меня бывали минуты полной жизни и чрезвычайныхъ надеждъ.

— Какихъ надеждъ?

— Трудно объяснить, только не тѣхъ, про какія вы теперь, можетъ-быть, думаете. Надеждъ... ну, однимъ словомъ, надеждъ будущаго и радости о томъ, что, можетъ-быть, я тамъ не чужой, не иностранецъ. Мнѣ очень вдругъ на родинѣ понравилось. Въ одно солнечное утро я взялъ перо и написалъ къ ней письмо; почему къ пей— не знаю. Иногда вѣдь хочется друга подлѣ; и мнѣ видно друга захотѣлось... помолчавъ, прибавилъ князь.

— Влюбленъ ты, что-ли?

— И-иѣтъ. Я... я какъ сестрѣ писалъ; я и подписался братомъ.

— Гм! нарочно; понимаю.

— Мнѣ очень тяжело отвѣтить вамъ на эти вопросы, Лизавета Прокофьевна.

— Знаю, что тяжело, да мнѣ-то дѣла нѣтъ никакого до того, что тебѣ тяжело. Слушай, отвѣтай мнѣ правду, какъ предъ Богомъ: лжешь ты мнѣ или не лжешь?

— Не лгу.

— Вѣрно говоришь, что не влюбленъ?

- Кажется, совершенно върио.
— Ишь ты, „кажется“! Мальчишка передаваль?
— Я просилъ Николая Ардаліоновича...
— Мальчишка! Мальчишка! съ азартомъ перебила Лизавета Прокофьевна.—Я знать не знаю, какой такой Николай Ардаліоновичъ! Мальчишка!
— Николай Ардаліоновичъ...
— Мальчишка, говорю тебѣ!
— Нѣтъ, не мальчишка, а Николай Ардаліоновичъ, твердо, хотя и довольно тихо, отвѣтилъ, наконецъ, князь.
— Ну, хорошо, голубчикъ, хорошо! Это тебѣ я причту. Минутку она пересила свое волненіе и отдыхала.
— А чѣмъ такое „Рыцарь бѣдный“?
— Совсѣмъ не знаю; это безъ меня; шутка какая-нибудь.
— Пріятно вдругъ узнать! Только неужели-жъ она могла заинтересоваться тобой? Сама же тебя „уродикомъ“ и „идиотомъ“ называла.
— Вы бы могли мнѣ это и не пересказывать, укоризненно, но чуть не шопотомъ замѣтилъ князь.
— Не сердись. Дѣвка самовластная, сумасшедшая, избалованная,—полюбить, такъ непремѣнно бранить вслухъ будетъ и въ глаза издѣваться; я точно такая же была. Только, пожалуйста, не торжествуй, голубчикъ, не твоя; вѣрить тому не хочу, и никогда не будетъ! Говорю для того, чтобы ты теперь же и мѣры принялъ. Слушай, поклянись, что ты не женатъ на *этой*.
— Лизавета Прокофьевна, чѣмъ вы, помилуйте! чуть не привскочиль князь отъ изумленія.
— Да вѣдь чуть было не женился?
— Чуть было не женился, прошепталъ князь, и попникъ головой.
— Что-жъ, въ *нее* что-ли влюбленъ, коли такъ? Теперь для *нея* приѣхалъ? Для *этой*?
— Я приѣхалъ не для того, чтобы жениться, отвѣтилъ князь.
— Есть у тебя что-нибудь святое на свѣтѣ?
— Есть.
— Поклянись, что не для того, чтобы жениться на *той*.
— Клянусь чѣмъ хотите!
— Вѣрю; поцѣлуй меня. Наконецъ-то я вздохнула свободно; но знай: не любить тебя Аглай, мѣры прими, и не бывать ей за тобой пока я на свѣтѣ живу! Слышалъ?

— Слышалъ.

Князь до того краснѣль, что не могъ прямо глядѣть на Лизавету Прокофьевну.

— Заруби же. Я тебя какъ Провидѣніе ждала (не стоишь ты того!), я подушку мою слезами по ночамъ обливала,—не по тебѣ, голубчикъ, не беспокойся, у меня свое, другое горе, вѣчное и всегда одно и то же. Но вотъ зачѣмъ я съ такимъ нетерпѣніемъ ждала тебя: я все еще вѣрю, что Самъ Богъ тебя мнѣ какъ друга и какъ родного брата прислалъ. Нѣтъ при мнѣ никого, кроме старухи Бѣлоконской, да и та улетѣла, да вдобавокъ глупа какъ баранъ стала отъ старости. Теперь отвѣчай просто да или нѣтъ: знаешь ты зачѣмъ она третьяго дня изъ коляски кричала?

— Честное слово, что я тутъ не участвовалъ и ничего не знаю!

— Довольно, вѣрю. Теперь и у меня другія мысли объ этомъ, но еще вчера, утромъ, во всемъ винила Евгения Павлыча. Цѣлые сутки третьяго дня и вчера утромъ. Теперь, конечно, не могу не согласиться съ пими: до очевидности, что надъ нимъ тутъ, какъ надъ дуракомъ, насмѣялись, почему-то, зачѣмъ-то, для чего-то (ужъ однѣ это подозрительно! да и неблаговидно!), — но не бывать Аглаѣ за нимъ, говорю тебѣ это! Пусть онъ хороший человѣкъ, а такъ оно будетъ. Я и прежде колебалась, а теперь ужъ навѣрно рѣшила: „Положите сперва меня въ гробъ и закопайте въ землю, тогда выдавайте дочь“, вотъ что я Ивану Федоровичу сегодня отчеканила. Видишь, что я тебѣ довѣряю, видишь?

— Вижу и понимаю.

Лизавета Прокофьевна пронзительно всматривалась въ князя: можетъ-быть, ей очень хотѣлось узнать, какое впечатлѣніе производить на него извѣстіе о Евгении Павлычѣ.

— О Гаврилѣ Иволгинѣ ничего не знаешь?

— То-есть... много знаю.

— Зналь или нѣтъ, что онъ въ сношеніяхъ съ Аглаей?

— Совсѣмъ не зналъ, удивился и даже вздрогнулъ князь. — Какъ, вы говорите, Гаврила Ардаліоновичъ въ сношеніяхъ съ Аглаей Ивановной? Быть не можетъ!

— Недавно очень. Тутъ сестра всю зиму ему дорогу протачивала, какъ крыса работала.

— Я не вѣрю, твердо повторилъ князь послѣ нѣкотораго размышилія и волненія. — Если бъ это было, я бы спалъ павѣрено.

— Небось, онъ бы самъ пришелъ, да на груди твоей признался въ слезахъ! Эхъ ты простофиля, простофиля! Всѣ-то тебя обманываютъ какъ... какъ... И не стыдно тебѣ ему довѣряться? Неужели ты не видишь, что онъ тебя кругомъ облапошилъ?

— Я хорошо зпюю, что онъ меня иногда обманываетъ, неохотно произнесъ князь вполголоса,—и онъ знаетъ, что я это знаю... прибавилъ онъ и не договорилъ.

— Знать и довѣряться! Этого недоставало! Впрочемъ, отъ тебя такъ и быть должно. И я-то чмю удивляюсь. Господи! Да былъ-ли когда другой человѣкъ! Тьфу! А знаешь, что этотъ Ганька, или эта Варька ее въ сношении съ Настасьей Филипповной поставили?

— Кого?! воскликнулъ князь.

— Аглаю.

— Не вѣрю! Быть того не можетъ! Съ какою же цѣлью? Опъ вскочилъ со стула.

— И я не вѣрю, хоть есть улики. Дѣвка своевольная, дѣвка фантastическая, дѣвка сумасшедшая! Дѣвка злая, злая, злая! Тысячи лѣтъ буду утверждать, что злая! Всѣ онъ теперь у меня такія, даже эта мокрая курица, Александра, но эта ужъ изъ рукъ вонъ выскочила. Но тоже не вѣрю! Можетъ-быть, потому, что не хочу вѣрить, прибавила она какъ будто про себя.— Почему ты не приходилъ? вдругъ обернулась она опять къ князю.— Всѣ три дня почему не приходилъ? нетерпѣливо крикнула ему она другой разъ.

Князь началъ было рассказывать свои причины, но она оinya перебила.

— Всѣ-то тебя какъ дурака считаютъ и обманываютъ! Ты вчера въ городъ ѿздилъ; обѣ закладъ побьюсь, на колѣниахъ стоялъ, десять тысячъ просилъ принять этого подлеца!

— Совсѣмъ пѣть, и не думалъ. Даже и не видалъ его и, кромѣ того, онъ не подлецъ. Я отъ него письмо получилъ.

— Покажи письмо!

Князь досталъ изъ портфеля записку и подалъ Лизаветѣ Прокофьевнѣ. Въ запискѣ было:

„Милостивый государь, я, конечно, не имѣю пи малѣйшаго права, въ глазахъ людей, имѣть самолюбіе. По людскому мнѣнію, я слишкомъ ничтоженъ для этого. Но это въ глазахъ людей, а не въ вашихъ. Я слишкомъ убѣдился, что вы, милостивый государь, можете-быть, лучшіе дру-

гихъ. Я не согласенъ съ Докторенкомъ и расхожусь съ нимъ въ этомъ убѣжденіи. Я отъ васъ никогда не возьму ни копейки, но вы помогли моей матери, и за это я обязанъ быть вамъ благодаренъ, хотя и чрезъ слабость. Во всякомъ случаѣ, я смотрю на васъ иначе и почель пужнымъ васъ извѣстить. А затѣмъ полагаю, что между нами не можетъ быть болѣе никакихъ сношеній. Антипъ Бурдовскій".

"Р. С. Недостающая до двухсотъ рублей сумма будеть вамъ въ теченіе времени вѣрою выплачена".

— Экая безтолочь! заключила Лизавета Прокофьевна, бросая назадъ записку. — Не стоило и читать. Чего ты ухмыляешься?

— Согласитесь, что и вамъ пріятно было прочесть.

— Какъ! Эту проѣденную тщеславіемъ галиматью! Да развѣ ты не видишь, что они все съ ума снятили отъ гордости и тщеславія?

— Да, но все-таки онъ повинился, порвалъ съ Докторенкомъ, и чѣмъ онъ даже тщеславіе, тѣмъ дороже это стоило его тщеславію. О, какой же вы маленький ребёнокъ, Лизавета Прокофьевна!

— Чѣмъ ты отъ меня пощечину, что-ли, получить, на-конецъ, намѣренъ?

— Нѣтъ, совсѣмъ не намѣренъ. А потому, что вы рады запискѣ, а скрываете это. Чего вы стыдитесь чувствъ вашихъ? Вѣдь это у васъ во всемъ.

— Шагу теперь не смѣй ступить ко мнѣ, вскочила Лизавета Прокофьевна, поблѣдѣвъ отъ гнѣва, — чтобы и духу твоего у меня теперь съ этой поры не было никогда!

— А чрезъ три дня сами придете и позовете къ себѣ... Ну, какъ вамъ не стыдно? Это ваши лучшія чувства, чего вы стыдитесь ихъ? Вѣдь только сами себя мучаете.

— Умру — не позову никогда! Имя твое позабуду! Позабыла!!

Она бросилась вонъ отъ князя.

— Мнѣ и безъ васъ уже запрещено ходить къ вамъ! крикнуль князь ей вслѣдъ.

— Чѣмъ? Кто тебѣ запретилъ?

Она мигомъ обернулась, точно ее укололи иголкой. Князь заколебался было отвѣстить; онъ почувствовалъ, что печально, но сильно проговорился.

— Кто запрещалъ тебѣ? неистово крикнула Лизавета Прокофьевна.

— Аглая Ивановна запрещаетъ...

— Когда? Да го-во-ри же!!!

— Давеча утромъ прислала, чтобъ я никогда не смѣль къ вамъ ходить.

Лизавета Прокофьевна стояла какъ остоянѣлая, но она соображала.

— Чѣдь прислала? Кого прислала? Чрезъ мальчишку? На словахъ? воскликнула она вдругъ опять.

— Я записку получилъ, сказалъ князь.

— Гдѣ? Давай! Сейчасъ!

Князь подумалъ съ минуту, однакоже вынулъ изъ жилетиаго кармана небрежный клочокъ бумаги, на которомъ было написано:

„Князь Левъ Николаевичъ! Если послѣ всего, что было, вы намѣрены удивить меня посѣщенiemъ нашей дачи, то меня, будьте увѣрены, не найдете въ числѣ обрадованныхъ. Аглая Епанчина“.

Лизавета Прокофьевна обдумывала съ минуту; потомъ вдругъ бросилась къ князю, схватила его за руку и потащила за собой.

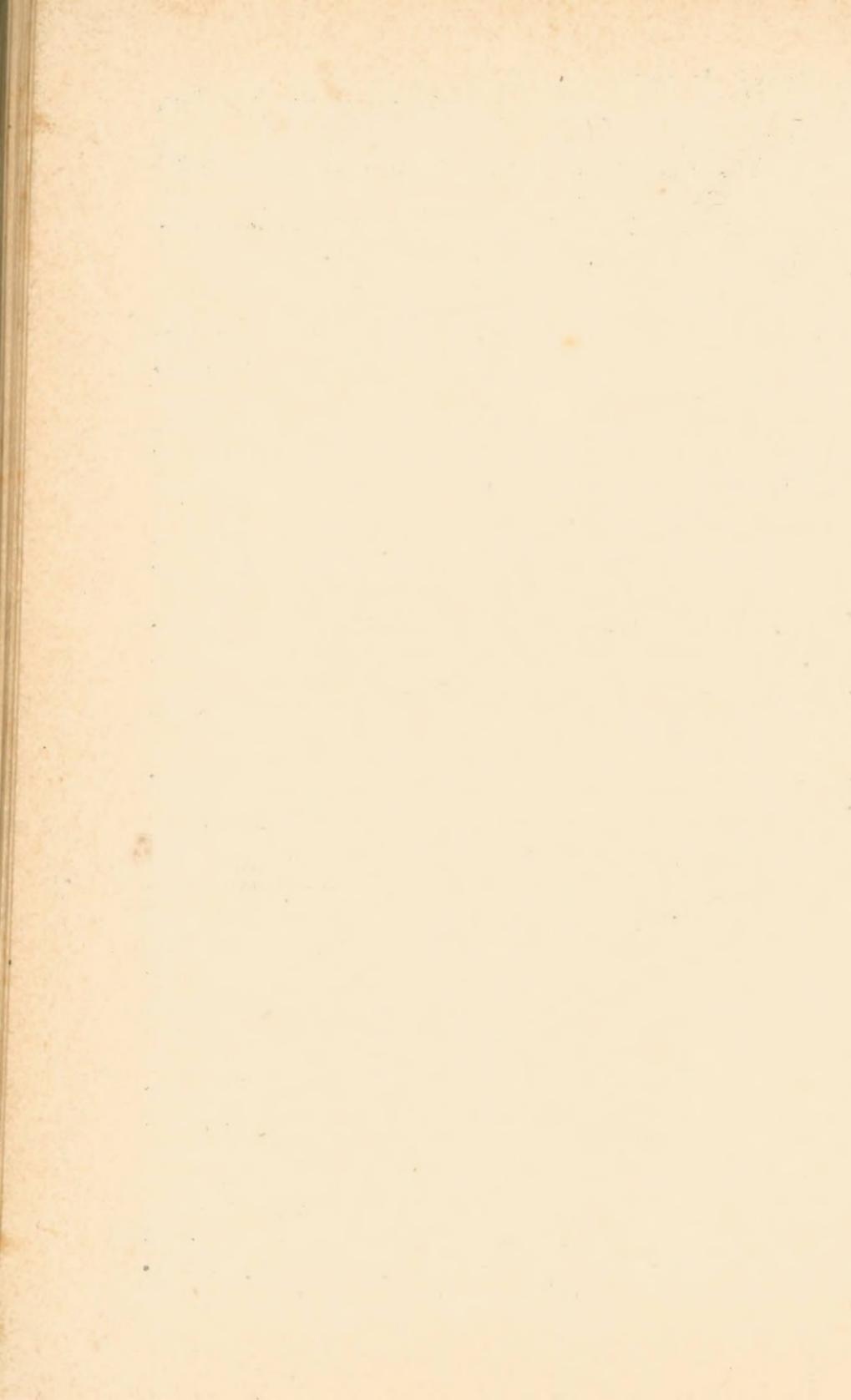
— Сейчасъ! Иди! Нарочно сейчасъ, сю минуту! вскричала она въ припадкѣ необычайного волненія и нетерпѣнія.

— Но вѣдь вы меня подвергаете...

— Чему? Невинный простофилия! Точно даже и не мужчина! Ну, теперь я сама все увижу, своими глазами...

— Да шляпу-то, по крайней мѣрѣ, захватить дайте...

— Вотъ твоя мерзкая шляпенка, идемъ! Фасону даже не могъ со вкусомъ выбрать!.. Это она... это она послѣ давешняго... это съ горячки, бормотала Лизавета Прокофьевна, таща за собою князя и ни на минуту не выпуская его руки.—Давеча я за тебя заступилась, сказала вслухъ, что дуракъ, потому что не идешь... иначе не написала бы такую безтолковую записку! Неприличную записку. Неприличную благородной, воспитанной, умной, умной дѣвушкѣ!.. Гм! продолжала она, — или... или, можетъ-быть... можетъ-быть, самой досадно стало, что ты не идешь, только не разсчитала, что такъ къ идиоту писать нельзя, потому что буквально приметъ, какъ и вышло. Ты чего подслушиваешь? крикнула она, спохватившись, что проговорилась.—Ей шута надо такого, какъ ты, давно не видала, вотъ она зачѣмъ тебя просить! И я рада, рада, что она теперь тебя на зубокъ подыметъ, рада! Того-то ты и стоишь. А она умѣеть, о, какъ она умѣеть!..

90 -

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

109279

Biblioteka WSP Kielce

0152384